

Институт русского языка имени В.В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В.В. Виноградова**

II

МОСКВА

2014

Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 2
— М., 2014. — 480 с.

ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А.А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М.Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В.А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Чермак Вацлав, доктор филологии (Прага, Чехия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

А.Д. Шмелев, д. филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Редактор выпуска И.В. Нечаева, к. филол. наук (Москва, Россия).
Е.В. Бешенкова, к. филол. наук (Москва, Россия);
Р.И. Розина, д. филол. наук (Москва, Россия);
А.Э. Цумарев, к. филол. наук (Москва, Россия);
Е.Я. Шмелева, к. филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 2 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

ISSN 2311-150X

© Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2014
© Авторы, 2014

Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

II

MOSCOW

2014

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 2

— M., 2014. — 480 p.

ISSN 2311-150X

The Journal is founded in 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D. (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nesset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Alexei D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Managing Editor Iia V. Nechaeva, Ph.D. (Moscow, Russia);
Elena V. Beshenkova, Ph.D. (Moscow, Russia);
Raisa I. Rozina, D.Sc. (Moscow, Russia);
Alexei E. Tzumarev, Ph.D. (Moscow, Russia);
Elena Ya. Shmeleva, Ph.D. (Moscow, Russia).

Half-yearly journal

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute, 2014

© by Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Я.К. Грот: лингвист, лексикограф, просветитель

<i>Н.Г. Брагина</i> (Москва).	
Диалог между двумя лексикографами: Я.К. Гротом и В.И. Далем	14
<i>И.Г. Воробьева</i> (Тверь).	
Академик Я.К. Грот и тверской краевед А.К. Жизневский.....	28
<i>Т.М. Григорьева</i> (Красноярск).	
Известнейший «генерал от правописания».....	38
<i>В.В. Каверина</i> (Москва).	
Я.К. Грот и современное правописание.....	47
<i>Н.И. Кряжева</i> (<i>Кузьмина</i>) (Клермон-Ферран).	
«Метода академика Я.К. Грота» в учебных пособиях по иностранным языкам конца XIX века	56
<i>С.В. Науменко</i> (Канск).	
Орфографические разыскания Я.К. Грота в оценке С.П. Обнорского	78
<i>И.В. Нечаева</i> (Москва).	
«Чужеземные слова» в орфографической концепции Я.К. Грота	88
<i>Н.В. Николенкова</i> (Москва).	
Написание географических названий в истории русского литературного языка: практика письма и предложения Я.К. Грота	97
<i>М.Н. Приемышева</i> (Санкт-Петербург).	
Словари трудностей XIX в. и рукописный «Словарь затруднений русского языка» Я.К. Грота (1870-е гг.)	107
<i>Е. Протасова</i> (Хельсинки).	
Я.К. Грот и русский язык в Финляндии.....	116
† <i>А.В. Суперанская</i> (Москва).	
Яков Карлович Грот и современность	125
<i>Н.А. Федянина</i> (Москва).	
Читая Грота (Заметки акцентолога)	134
<i>Л.Л. Шестакова</i> (Москва).	
Словарь языка Державина в гротовском проекте собрания сочинений поэта	144

Культура русской речи

<i>Я.Э. Ахапкина</i> (Москва).	
Речевые сбои в письменном тексте первокурсника	154
<i>Е.П. Буторина</i> (Москва).	
Современные деловые коммуникации, традиции культуры речи и международный опыт	169
<i>С.М. Евграфова</i> (Москва).	
Неуместное употребление слова в естественной письменной речи и механизмы сочетаемости	178
<i>Т.С. Жукова</i> (Москва).	
Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы	192
<i>Е.С. Кара-Мурза</i> (Москва).	
Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики	204
<i>Т.А. Милёхина</i> (Саратов).	
Языковая игра в корпоративном общении	212
<i>Р.И. Розина</i> (Москва).	
Активные процессы в современной русской речи	221
<i>О.Б. Сиротинина, О.В. Мякишева</i> (Саратов).	
Диффузность значений и роль кодифицирующей лексикографии в культуре речи населения	235
<i>Л.О. Чернейко</i> (Москва).	
Культура речи в свете этики ответственности	245

Норма и узус в графике и орфографии

<i>С.Г. Болотов</i> (Москва).	
Закон Иткина	262
<i>Н.Т. Валеева</i> (Москва).	
Употребления прописных и строчных букв: академическая норма, корпоративная норма, узус	274
<i>О.Е. Иванова</i> (Москва).	
Орфографическая стабильность и «усиленный обычай сливать два слова в одно»	282
<i>Э. Конефал</i> (Сопот).	
Польское имя в русском тексте: из наблюдений над способом передачи собственных имен в современных российских СМИ	294

И.Н. Кошман (Луганск).

Всего лишь имя? (об орфографии украинских фамилий
в русских публицистических текстах Украины).....304

Норма и узус в лексике и грамматике

Н.В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург).

О судьбе одного слова-«страдальца» и его миграции
из узуса в норму314

Т.П. Вязовик (Санкт-Петербург).

Лексический статус неоднословных местоимений
и их представленность в словарях323

Д.О. Добровольский, И.Б. Левонтина (Москва).

Тимиологический компонент в семантике
русских дискурсивных слов.....334

Е.В. Маринова (Нижний Новгород).

Здоровые и нездоровые в современном дискурсе.....344

Е.Н. Никитина (Москва).

Стилистика грамматики в поэтическом тексте
(на примере стихотворений Б.Ш. Окуджавы)352

С.В. Рябушкина (Ульяновск).

К истории одного морфологического варианта:
пятидесятью / пятьюдесятью359

О.И. Северская (Москва).

Деловой человек, делец, деляга: образ бизнесмена
в русском языке XX–XXI вв.369

И.Б. Серебряная (Казань).

Семантика поэтизмов в оценках русской критики
1-й половины XIX века.....386

О.А. Шарыкина (Москва).

Как футболисты *плетут кружева*: особенности
употребления идиомы в спортивном дискурсе.....396

Е.Я. Шмелева (Москва).

Слово *нерукопожатный* как символ нашего времени401

Проблемы лексикографии

И.А. Бабаев (Баку).

Орфологический принцип в лексикографии414

<i>Н.В. Бубнова</i> (Смоленск).	
Особенности описания ономастической лексики в учебном лингвокраеведческом словаре	422
<i>Н.В. Козловская</i> (Санкт-Петербург).	
К описанию языка русской религиозной философии	431
<i>Г.Е. Крейдлин</i> (Москва).	
Соматические объекты и их типы: проблемы лингво-семиотического описания	445
<i>И.Е. Кузнецова</i> (Санкт-Петербург).	
Отражение вариативности языковых единиц в «Номенклаторе» И. Копиевского	463
<i>И.К. Сазонова</i> (Москва).	
«Системная» и «атомарная» лексикография	470

CONTENTS

Ya. K. Grot: Linguist, Lexicographer, Enlightener

<i>N.G. Bragina (Moscow).</i>	
A Dialogue between Two Lexicographers:	
Ya.K. Grot and V.I. Dal'	14
<i>I.G. Vorobyova (Tver).</i>	
The Academician Ya.K. Grot and the Tver Historian	
A.K. Zhiznevskiy	28
<i>T.M. Grigorieva (Krasnoyarsk).</i>	
The Most Popular «General from the Orthography»	38
<i>V.V. Kaverina (Moscow).</i>	
Ya. Grot and Modern Russian Orthography	47
<i>N.I. Kriazheva (Kuzmina) (Clermont-Ferrand).</i>	
Ya.K. Grot's Method in Foreign Language Textbooks	
at the End of the 19th Century	56
<i>S.V. Naumenko (Kansk).</i>	
Ya. K. Grot's Orthographical Findings	
in S.P. Obnorskii's Evaluation	78
<i>I.V. Nechaeva (Moscow).</i>	
“Outlandish Words” in Ya. Grot's Orthographic Conception	88
<i>N.V. Nikolenkova (Moscow).</i>	
The Spelling of Toponyms in the History of the Russian	
Standard Language: The Written Practice and Yakov Grot's	
Suggestions	97
<i>M.N. Priemysheva (St. Petersburg).</i>	
Dictionaries of Difficulties of the XIX Century	
Russian Language and the Handwritten «Dictionary of the	
Difficulties of the Russian Language» By Ya. Grot (1870s)	107
<i>E. Protassova (Helsinki).</i>	
Ya. K. Grot and the Russian Language in Finland	116
<i>† A.V. Superanskaia (Moscow).</i>	
Yakov Karlovich Grot and the Present	125
<i>N.A. Fedyanina (Moscow).</i>	
Reading Grot	134
<i>L.L. Shestakova (Moscow).</i>	
Derzhavin's Language Dictionary in Grot's Project	
of the Poet's Collected Works	144

Russian Speech Culture

<i>Y.E. Akhapkina (Moscow).</i>	
Speech Errors in Written Tests of the First Year Students	154
<i>E.P. Butorina (Moscow).</i>	
Modern Business Communication, Speech Cultural Traditions and International Practice	169
<i>S.M. Evgrafova (Moscow).</i>	
Improper Uses of Words in Unpolished Written Speech and Combinatory Language Mechanism	178
<i>T.S. Zhukova (Moscow).</i>	
Forms of Address in Regulated Spheres of Communication: The Formation of a New Standard.....	192
<i>E.S. Kara-Murza (Moscow).</i>	
Linguistic Expertise as a Language Policy Tool.....	204
<i>T.A. Milekhina (Saratov).</i>	
The Language Game in Corporate Communication	212
<i>R.I. Rozina (Moscow).</i>	
Active Processes in Modern Russian Speech	221
<i>O.B. Sirotinina, O.V. Miaksheva (Saratov).</i>	
Diffusion of Meanings and the Role of Codifying Lexicography in Popular Speech Culture	235
<i>L.O. Cherneyko (Moscow).</i>	
Standard of Speech in the Light of the Responsibility Ethics	245

Linguistic Standards and Usage in Graphics and Orthography

<i>S.G. Bolotov (Moscow).</i>	
Itkin's Law	262
<i>N.T. Valeeva (Moscow).</i>	
The Use of Uppercase and Lowercase Letters: Academic Norm, Corporate Norm, Usage	274
<i>O.E. Ivanova (Moscow).</i>	
Spelling Stability and «the Custom to Join Two Words in One»	282
<i>Ė. Konefal (Sopot).</i>	
A Polish Name in a Russian Text: From Observations of Transfer of Proper Names in Modern Russian Mass Media	294

<i>I. Koshman (Lugansk).</i>	
Is It Just a Name? (Ukrainian Surnames Spelling in Russian Newspaper Texts Published in Ukraine).....	304

Linguistic Standards and Usage in Lexicon and Grammar

<i>N.V. Bogdanova-Beglarian (St. Petersburg).</i>	
The Fate of a Word Martyr and Its Migration from Language Usage to Norm	314
<i>T.P. Viazovik (St. Petersburg).</i>	
Status of Composite Pronouns and Their Representation in the Dictionary	323
<i>D.O. Dobrovolsky, I.B. Levontina (Moscow).</i>	
Timiological Meaning Component of Russian Discursive Words.....	334
<i>E.V. Marinova (Nizhni Novgorod).</i>	
Zdorovye and Nezdorovye in Modern Discourse	344
<i>E.N. Nikitina (Moscow).</i>	
Stylistics of Grammar in Poetic Texts (Analyzing Poetry by B. Okudzhava)	352
<i>S.V. Ryabushkina (Ulyanovsk).</i>	
About the History of the Morphological Variant: <i>Pyatidesyat 'yu</i> vs. <i>Pyat 'yudesyat 'yu</i>	359
<i>O.I. Severskaya (Moscow).</i>	
Businessman's Image in the Russian Language of the XXth–XXIst Centuries: Delovoi Chelovek, Delec, Delyaga	369
<i>I.B. Serebrianaia (Kazan).</i>	
Semantics Poetic Style in the Estimates of Russian Criticism 1st Half of the XIX Century	386
<i>O.A. Sharykina (Moscow).</i>	
How Football Players <i>Pletut Kruzheva</i> : The Functioning of the Idiom <i>Plesti Kruzheva</i> in Sport Discourse	396
<i>E.Ia. Shmeleva (Moscow).</i>	
The Word Nerukopozhatnyi as a Symbol of Our Time	401

Problems of Lexicography

<i>I. Babaev (Baku).</i>	
The Orthological Principle in Lexicography	414

<i>N.V. Bubnova (Smolensk).</i>	
Peculiarities of Onomastic Vocabulary Description in an Educational Lingvokraevedchesky Dictionary	422
<i>N.V. Kozlovskaja (St. Petersburg).</i>	
Towards the Description of Language of Russian Religious Philosophy	431
<i>G.E. Kreydlin (Moscow).</i>	
Somatic Objects and Their Types: Problems of Linguistic and Semiotic Description.....	445
<i>I.E. Kuznetsova (St. Petersburg).</i>	
Reflection of Language Units Variability in «Nomenklator» by I. Kopievsky	463
<i>I.K. Sazonova (Moscow).</i>	
“Systemic” and “Atomic” Lexicography.....	470

Я. К. Грот:
лингвист, лексикограф, просветитель.

Ya. K. Grot:
Linguist, Lexicographer, Enlightener

Н.Г. Брагина

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
natasha_bragina@mail.ru*

ДИАЛОГ МЕЖДУ ДВУМЯ ЛЕКСИКОГРАФИМИ: Я.К. ГРОТОМ И В.И. ДАЛЕМ*

Статья посвящена профессиональному общению двух выдающихся личностей: Я. К. Грота и В. И. Даля. Грот был первым рецензентом «Толкового словаря живого великорусского языка», составленного В. И. Далем. Рецензия Я. К. Грота послужила началом их интенсивной профессиональной переписки. Рецензия Грота на словарь Даля — это образец научной этики: она соединяет в себе серьезную критику с непредвзятым и в высшей степени почтительным отношением к большому и очень важному для русского языка и русистики труду. Общение Я. К. Грота и В. И. Даля рассматривается в статье как прототип диалога, который ведет лексикограф-кодификатор с лексикографом-любителем.

Ключевые слова: лексикография, словарь, любительская лингвистика, диалог лексикографов.

На улице Грота и улице Даля
Мы что-то с тобой безнадежно искали.
Отчаявшись, вышли к уснувшей реке,
Буксирный гудок прозвучал вдалеке. <...>

Но кто-то, кого мы едва ли встречали
На улице Грота и улице Даля
Отыщет подлунные наши следы —
Они оборвутся у самой воды.

(М. Кукулевич, 1983)

Разница в одиннадцать лет позволяет считать Я. К. Грота (1812–1893) младшим современником В. И. Даля (1801–1872). Их зна-

* Работа подготовлена при поддержке «Программы стратегического развития РГГУ».

комство состоялось в 30-е гг. в петербургском купеческом доме у Я. А. Шредера, но более тесное общение началось позже, во второй половине жизни обоих. К этому времени В. И. Даль исполнил свою основную цель — «пустил корабль на воду», издал «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866 гг.), а у Я. К. Грота, сравнительно недавно ставшего академиком*, впереди были публикации основных лингвистических работ: «Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка» (1873); «Русское правописание» (1885); первый том «Словаря русского языка, составленного Вторым отд. Имп. Академии наук», вышедший под редакцией Я. К. Грота (1891).

Профессиональное и человеческое общение двух масштабных личностей XIX века, в судьбах которых есть некоторые интересные пересечения и совпадения, вероятно, можно было бы оценивать как факт биографический, не имеющий прямого отношения к лингвистике, если бы важным поводом к нему не стал именно Далев словарь.

Я. К. Грот по заданию Академии Российской написал рецензию на словарь (1869), в которой дал очень подробный и обстоятельный разбор его достоинств и сделал много важных критических замечаний. Он также высказал свои соображения относительно лингвистических и лексикографических аспектов описания языка. Впоследствии эти идеи были развиты им в других сочинениях.

Рецензия завершалась такими словами: «Можно с уверенностью сказать, что никакой другой труд не был бы приветствован самим Ломоносовым с такою задушевной радостью, как именно словарь, поставивший себе задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содействовать чистоте его» [Грот 1899: 45]. За словарь Академия Российская присудила В. И. Далю в 1869 г. Ломоносовскую премию.

Эта рецензия и последующая переписка Грота с Далем**, в которой обсуждались лингвистические вопросы, выводит их отношения из биографических рамок в поле лингвистики. В Гроде Даль обрел коллегу, собеседника, критика, чьи замечания помогали ему, к тому времени уже глубоко больному человеку, готовить второе издание словаря: «Плохо можется; силы падают, голова отступается от духа,

* Я. К. Грот был избран в 1858 году академиком Российской императорской академии наук.

** Позже Я. К. Грот написал биографию В. И. Даля, а также воспоминания о нем.

вещественные снаряды коснеют; вот почему я и молчал. Но на последнюю подачку молчать не могу, так ей обрадовался» [Грот 1873: 9], — пишет он приславшему поправки к словарю Гроту.

Анализ словаря Даля, в котором богатство русского языка было представлено во всей его возможной и невозможной (если иметь в виду придуманные самим В. И. Далем слова*) полноте, как кажется, повлиял и отчасти сформировал лексикографическое *credo* самого Грота. В 1891 был опубликован первый том уже упомянутого выше «Словаря русского языка, составленного Вторым отд. Имп. Академии наук», который стал образцом академической лексикографии, четко выверенного, системного подхода к языку. Это по заслугам было оценено как современниками, так и следующим поколением лингвистов и лексикографов: «Грот придавал особенное значение четкости и точности семантических определений слова. И в этом отношении составленная им часть академического словаря (А–Д включительно) является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск на И до слова *идеализировать*ся, обработанный проф. Л. В. Щербой)» [Виноградов 1977: 231].

Таким образом, в контексте переписки и деятельности обоих авторов прослеживается еще одна линия, которую и в прямом, и в переносном смысле слова можно охарактеризовать как *диалог двух лексикографов*. Это — диалог выразителей разных подходов к описанию языка: наивного (любительского), с абсолютизацией идеи народности в языке, и научного, с ориентацией на нормы литературного языка. В «Толковом словаре живого великорусского языка» прослеживаются черты, имеющие прямое отношение к наивной (любительской) лексикографии. «Словарь русского языка, составленный Вторым отд. Имп. Академии наук» выстроен по канонам научной лексикографии того времени. Неоспоримым при этом остается ключевая роль обоих авторов в развитии русистики вообще и лексикографии в частности. В. И. Даль, создавший уникальную картотеку русского языка и не имевший профессионального образования, — ученик, обреченный на вечное ученичество. При составлении словаря он был творчески свободен, не скован рамками именно профессионального подхода к описанию языка. В результате на свет появляется новое и неповторимое произведение: словарь

* Т. И. Вендина со ссылкой на относительно новые филологические разыскания указывает 14000 его собственных новообразований [Вендина 2001: 17].

русского языка с вкрапленными элементами художественного творчества*. Я. К. Грот — филолог, с выраженным стремлением к систематизации, классификации, точности и ясности научного описания. В число его научных интересов входили также проблемы, связанные с кодификацией языка. Его отношение к языку во многом определялось этим.

Образы участников диалога: В.И Даль и Я. К. Грот

О Дале написано много, исследование его творчества получило отдельное название: далеведение. Биография Грота также хорошо известна: изданы воспоминания о нем, летопись его жизни. Некоторые черты Даля и Грота, которые имеют непосредственное отношение к содержательной стороне их диалога, можно определить следующим образом.

В. И. Даль

Собиратель слов; владелец уникальной картотеки, насчитывавшей более 200 000 слов. Словарные материалы он мыслил своим основным богатством, поэтому в случае пожара наказывал дочерям в первую очередь спасать рукопись словаря и картотеку. Когда Далю предложили передать Академии запасы свои по 15 коп. за каждое слово, пропущенное в словаре Академии и по 7,5 коп. за дополнение и поправку, он отправил 1000 прибавочных слов и 1000 дополнений. Его спросили, много ли еще в запасе. Он ответил, что десятки тысяч. Сделка сорвалась, поскольку на такое количество новых слов и дополнений у Академии не было денег.

Лингвист-любитель, лексикограф-любитель. Словарь стал делом всей жизни, что не мешало Далю критично относиться к своему детищу: «Никакой полноты и соразмерности частей нет, но сохранить запасы эти иначе, как напечатав их, нельзя было. Если бы я не решился, очертя голову, то все собранные мною сокровища погибли бы ни за грош. Это же не словарь, а *запасы для словаря*; скиньте мне 30 лет с костей, дайте 10 лет досугу, и велите

* В.Г. Гак сделал точный и тонкий анализ типологических черт словаря Даля. Он отмечает: «Притягательная сила словаря Даля заключается не только в замечательных примерах, но во всем его материале, в его структуре, в его манере беседовать с читателем. <...> Может быть, многие привлекательные черты словаря Даля связаны с тем, что он делался одним человеком вне каких-либо внешних установок по тем канонам, какие он сам себе поставил» [Гак 2001: 3].

добрым людям пристать с добрым советом — мы бы все переделали, и тогда бы вышел словарь!» [Грот 1873: 9].

Философ языка. «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя: словесная речь человека это видимая, осязаемая связь, союзное звено между душою и телом, духом и плотью» [Даль 1880: XV]. Народный язык он рассматривал как единственный источник обогащения русского языка [Грот 1899: 6]. М. Эпштейн называет В. Даля позитивистом и романтиком: он фиксирует слова как позитивист, дополняет новыми словами, соответствующими «духу языка», как романтик [Эпштейн 2000].

Писатель. Писательство, однако, по утверждению самого Даля, было способом явить публике самовитое русское слово: «...он писал народным языком повести и рассказы, заимствованные у народа. <...> “Не сами по себе”, говорит он, “были ему важны”, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — и сказка послужила им предлогом» [Грот 1899: 7].

Я. К. Грот

Лингвист, лексикограф. Грот владел несколькими языками: французским, немецким, английским, шведским, датским, финским. Он учил греческий и санскрит.

Работа «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше» (1873) и на его основе написанное руководство «Русское правописание» (1885) стало одним из самых известных трудов Грота. Оно выдержало десять прижизненных изданий и двенадцать посмертных.

В 1885 году правописание по Гроту специальным циркуляром было введено как обязательное для средних и низших учебных заведений. Его называли по-разному: «гровским письмом», или «письмом по Гроту», «гровографией», «гровописью». По-разному к нему и относились: «Правописание, раз оно не может быть вполне фонетическим, — нечто совершенно условное, и потому попытка Грота положить конец орфографическому безначалию нашему, несомненно, имеет огромное значение» [Венгеров 1893]. Poleмических статей с резкой критикой и неприятием некоторых введенных им написаний, например: “мачеха”, “бечева”, “вядчина”,

“лекарь”, “спесь”, “слепого” и др. — также было немало*. Правписание «по Гроту» с небольшими изменениями сохранялось до орфографической реформы 1918 года.

Помимо вышедшего под редакцией Я.К. Грота «Словаря русского языка, составленного Вторым отд. Имп. Академии наук» Грот также редактировал шведско-русский лексикон, был автором ряда статей по теории и практике лексикографии.

Переводчик; писатель; биограф; публикатор. Я.К. Грот переводил на русский язык с английского, итальянского, шведского. Он перевел «Мазепу» Дж. Байрона, «Сагу о Фритиофе» Э. Тегнера. Он также был автором историко-литературных работ: «Воспитание Екатерины»; «Дети правительницы Анны Леопольдовны в Горсенсе»; «Екатерина II и Густав III»; «Пушкин: его лицейские друзья и наставники», «Карамзин в истории русского литературного языка», «О жизни и творчестве Хемницера» и др. Он готовил к публикации академические издания Г.Р. Державина, И.И. Хемницера, издал бумаги Екатерины II.

Грот публиковал также свои сочинения: «Переезды по Финляндии от Ладожск. оз. до р. Торнео. Путевые заметки»; «Стихи и проза для детей».

Педагог: Я.К. Грот служил профессором русской словесности в Императорском Александровском лицее, преподавал русскую словесность, немецкий язык, историю и географию великим князьям Николаю и Александру** Александровичам.

Позиции Я.К. Грота и В.И. Даля относительно русского языка и происходящих в нем изменений отчасти продолжают языковую полемику начала XIX в. Грот пишет об определенной близости Даля к славянофилам и к Шишкову, в частности. При этом сам Грот близок в своих взглядах Карамзину***, о котором он написал одну из лучших, по мнению В.В. Виноградова, работу.

* Подробно об этом см. [Григорьева 2009; Дегтярев 2009].

** Будущему Александру III.

*** Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский отмечают, что основные признаки карамзинского подхода к литературному языку охарактеризованы «еще в классической работе Я.К. Грота о Карамзине, а именно «ограничение <роли> славянизмов», «введение иностранных слов для новых понятий», «сообщение прежним словам нового значения» и «составление новых слов»...» [Лотман, Успенский 1984: 594].

Аспекты разбора словаря Даля, предпринятого Гротом: лексический состав; стилистическая дифференциация лексики; грамматика; орфография; этимология.

Грот рассматривает происходящие в языке процессы как данность, он анализирует динамику языкового развития, основываясь на языковой системе и реальном положении дел.

Такая точка зрения контрастирует с позицией Даля, который в словарном описании часто следует своему вкусу и своим пристрастиям. Например, Грот соглашается с Далем в его отрицательной оценке заимствований на *-ировать**, но оговаривается, что отбросить *-ир* не всегда удается.

Грот также пишет о космополитическом языке, который похож на заменяющие золотую и серебряную монету бумажные деньги. Он показывает, что для системы русского языка закономерно появление обозначающих отвлеченные понятия заимствований, которые в свою очередь у Даля вызывают неприятие.

Со скепсисом Грот относится к предлагаемым Далем заменам заимствований, таким как: *завес, закрой, озор, овид* — вместо *горизонта*; *отбой, голк, наголосок* — вместо *резонанса*; *насыл, насылка* — вместо *адреса* и др. Он пишет, что вновь придуманные автором слова должны быть отмечены особенными знаками.

Отдавая должное богатству описываемого материала — в словарь включена лексика естествоведения, медицины, ремесел и промыслов, — Грот упрекает Даля за отсутствие четких оснований, по которым производился отбор лексики: «надобно, чтобы всякий, обращаясь к словарю, заранее знал, что он может найти в нем и чего искать не должен» [Грот 1899: 23].

Таким образом, точка зрения лексикографа-кодификатора по ряду пунктов противопоставлена пристрастности лексикографа-любителя.

Составляя словарь, Даль ориентировался на адресата. Языковой материал он оценивал с позиции носителя языка. Соответственно определенные характеристики попадали в разряд тривиального и для носителя языка очевидного знания. Их Даль либо вообще не описывал, либо описывал нерегулярно, например, стилистические пометы: «Словарь составляется для русских; почему я почти

* Например, вместо *бальзамировать* и *группировать* Даль предлагал использовать: *бальсамить, бальсамовать, групповать, группить*.

не делаю отметок о том, насколько слово в ходу, не опошлело ли оно, в каком слое общества живет и проч.» [Даль (б) 1880: XXXVI]. Грот, напротив, указывал на важность стилистической дифференциации лексики: «...глагол *плясать* мы не можем во всех случаях употреблять вместо иноязычного синонима его *танцевать*, и если бы обычная фраза “дама, с которою я танцевал”, приняла в разговоре форму “женщина, с которой я плясал”, то едва ли кто из слушателей мог бы удержаться от невольной улыбки» [Грот 1899: 16]. Он также говорит о пользе некоторых заимствований, которые пополняют стилистически нейтральную область литературного языка.

К периферии в словаре Даля также смещается грамматическое описание: «вся грамматика глаголов наших прищеплена к языку насильственно, и потому не стоит выеденного яйца» [Даль (б) 1880: XXXVII]. Помимо критического разбора собственно способов представления грамматики Грот также отмечает отсутствие в словаре многих грамматических терминов: *приставка, суффикс, флексия* и др.

К орфографии у Грота также было немало претензий, в частности к написанию сдвоенных букв (*с, н, о*). Он отмечает, что Даль принял за общее правило не сдваивать буквы, например не писать рядом двух *с*: *клас, каса, маса, шосе; Росия, русский, бесвязно, бестыдно, раставлять*. Он не сдваивал буквы и в причастиях страдательных, а также в некоторых прилагательных, исключая случаи, «где этого неуступчиво требует произношение»: *определѣнный, деланный, своевременный, но: данный, бездыханный, деревянный, совершенный, сокращенный*. Грот замечает, что границу здесь провести невозможно, равно как и последовательно придерживаться выбранного написания. Даль пишет: *вообще, вображение, оружатъ, соответствовать*, — но, не решаясь следовать этому во всех случаях, он в то же время сдваивает буквы в словах: *сообщать, соотечественник, соображение* [Грот 1899: 34]. Не соглашаясь принципиально с подобными нововведениями, Грот резюмирует: «Вообще в словаре всего менее удобно вводить новую орфографию» [Грот 1899: 35].

Семантизацию обиходных предметов и понятий Даль считает делом почти неисполнимым и при том бесполезным [Даль (б) 1880: XXXVIII]. В словарной статье описываются более важные, с его точки зрения, связи: синонимические, антонимические, меронимические, гиперо-гипонимические отношения. Это позволяет Дально

по-новому выстроить информационное поле словаря: «его разработка охватывает все типы логических отношений между понятиями» [Гак 2001: 8].

Грот хвалит гнездовой способ распределения лексики в словаре, однако отмечает также ошибки, которые связаны: а) с неверным распределением гнезд: *дикий* и *дичь*, *горн* и *горшок* — разные гнезда, а должно быть одно; б) с неверным размещением слов в гнездах; в) со словами, попавшими не в свои гнезда. Словопроизводство, или корнесловие, он считает самой слабой стороной словаря. Даль защищается: *прощелыга* от *целок* «да, прощелоченый, тонкий плут. Почему же нет?» [Грот 1873: 9–10]. Он также пишет, что в ряде случаев вопросительным знаком выражается одно предположение — например, *выть* от *вытягивать*; *зга* от *згинуть*; *окунь* от *окунять*; *сиг* от *сигать* [Там же].

Даль пытался расширить русский лексикон за счет искусственного образования новых слов. Поскольку корни слов — это центр словообразования, то, вероятно, обратной стороной его словотворчества стала наивная этимологизация: выявление общих корней у слов, которые их не имеют.

Словарь Даля в целом можно считать глобальным проектом наивной (любительской) лексикографии, что, кстати говоря, подтверждает и сам автор: «это не есть труд ученый и строго выдержанный; это только сбор запасов из живого языка, не из книг и без ученых ссылок; это труд не зодчего, даже не каменщика, а подносчика его; но труд целой жизни, который сбережет будущему на сем же пути труженику десятки лет. Передний заднему мост» [Даль (б) 1880: XL].

Даль выводит языковую интуицию, здравый смысл и собственные предпочтения на первый план. Он не только описывает язык, но и выражает к единицам языка свое отношение. Ему свойственно обостренное чувство языка и особое его восприятие и понимание. Он стремится дать свои, отличные от академических, толкования; он выстраивает гнезда на основе интуиции; он создает новые слова, которых нет, но которые теоретически возможны; наконец, он приводит наивные этимологии.

Фактически он руководствуется постулатами наивной (любительской) лингвистики, используя методы, которые приводят лексикографа-любителя к желаемой цели — определению смысла слов.

Это особенно ярко проявляется, поскольку В.И. Даль логоцентричен и смысл жизни черпает из смысла слов. В некотором роде его труд — это произведение не только лексикографическое, но и общепhilософское.

Я. К. Грот одним из первых увидел достоинства и недостатки такого подхода к описанию языка, и, сделав обстоятельный разбор, показал двойственность словаря. В этом смысле его рецензию можно назвать классической. Она также является образцом научной этики, соединяя в себе серьезную критику с непредвзятым и в высшей степени почтительным отношением к большому и очень важному для русского языка и русистики труду.

Характерно, что Далев словарь, являясь до сих пор едва ли не самым популярным лексикографическим произведением, по-прежнему вызывает у лингвистов двойственное отношение. Словарь настолько хорош, насколько в каждом человеке существует лингвист-любитель, и настолько плох, насколько в каждом носителе языка побеждает лингвист-кодификатор.

Литература

Венгеров С. А. Грот Яков Карлович // Брокгауз и Ефрон: Энциклопедический словарь в 86 томах. Т. 9 А (18). Изд-во АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1893.

Вендина Т. И. В. И. Даль: Взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. № 3. 2001. С. 13–21.

Виноградов В. В. «Толковые словари русского языка // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 206–242.

Гак В. Г. Словарь В. И. Даля в свете типологии словарей // Вопросы языкознания. № 3. 2001. С. 3–12.

Григорьева Т. М. «Русское правописание» Я. К. Грота в зеркале мнений «за» и «против» // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография / отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. С. 181–195.

Грот К. Я. Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Хронологический обзор его жизни и деятельности. Составил К. Я. Грот. (К 100-летней годовщине рождения академика 15 дек. 1912 г.). СПб.: Типография Министерства Путей

Сообщения Товарищества И. Н. Кушнеров и К), Фонтанка, 117. 1912. 51 с.

Грот Я. К. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Труды Я. К. Грота Т. 2: Филологические разыскания (1852–1892). / изд. под ред. проф. К. Я. Грота в 5 т. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения Товарищества И. Н. Кушнеров и К°, 1899. С. 1–45.

Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале (С извлечением из его писем) // Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале и П. П. Пекарском. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1873. С. 1–18.

Даль В. И. (а) Напутное слово. (Читано в Обществе Любителей Руской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) // Толковый словарь живаго Великорускаго языка Владимира Даля. Второе издание. Исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. С. XIII–XXIX.

Даль В. И. (б) О русском словаре. (Читано в Обществе Любителей Российской словесности, в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 г.) // Толковый словарь живаго Великорускаго языка Владимира Даля. Второе издание. Исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. С. XXX–XL.

Дегтярев В. И. А. В. Миртов против Я. К. Грота // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография / отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. С. 195–207.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Письма русского путешественника Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. (Литературные памятники). Л.: Наука, 1984. С. 526–606.

Эпштейн М. Слово как произведение: О жанре однослова // Новый Мир. 2000. № 9. С. 204–215.

N. G. Bragina

*State Pushkin Institute of the Russian Language,
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
natasha_bragina@mail.ru*

A DIALOGUE BETWEEN TWO LEXICOGRAPHERS: Ya. K. GROT AND V.I. DAL'

The article is concerned with the professional communication between the two eminent persons of the 19th century: Ya. K. Grot and V.I. Dal'. Ya. K. Grot was the first expert of the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" ("Tolkovyĭ slovar' Zhivogo velikorusskogo jazyka"), compiled by V.I. Dal'. The review written by Ya. K. Grot helped to develop professional contacts between the two lexicographers. This review seems to be a perfect example of the ethical attitude to the Dictionary and to its author. The review combined serious critical comments and the impartial, objective, and reverent approach to the work which was very important for the Russian language and Russian studies. A dialogue between two lexicographers is depicted in the article as the dialogue between a non-professional lexicographer, i. e. V.I. Dal' and a professional one, i. e. Ya. K. Grot.

Key words: lexicography; dictionary; non-professional linguistics; a dialogue between lexicographers.

References

Dal' V.I. [About a dictionary of the Russian Language. (Presented in the Association of the admirers of Russian Philology in Moscow, on the 25th of February and on the 6th of March, 1860)]. *Tolkovyĭ slovar' zhivago Velikorusskogo jazyka Vladimira Dalia. Vtoroe izdanie. Ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language, compiled by V.I. Dal']. Vol. 1. Saint Petersburg, Moscow. 1880b. P. XXX–XL. (In Russ.)

Dal' V.I. [Preface. (Presented in the Association of the admirers of Russian Philology in Moscow, on the 21st of April, 1862)]. *Tolkovyĭ slovar' zhivago Velikorusskogo jazyka Vladimira Dalia. Vtoroe izdanie. Is-*

pravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora [Explanatory dictionary of the living Great Russian Language, compiled by V.I. Dal']. Vol. 1. Saint Petersburg, Moscow. 1880a. P. XIII–XXIX. (In Russ.)

Degtiarev V.I. [A. V. Mirtov against Ya. K. Grot]. *Kirillitsa — latinitsa — grazhdanitsa: Kollektivnaia monografiia* [Cyrillic alphabet — Roman alphabet — Civil alphabet: A Collective Monograph]. Novgorod the Great: Novgorod St. Univ., 2009, pp. 195–207. (In Russ.)

Epshtein M. [A Word as a Creation. About a One-Word Genre]. *Novyi mir*, 2000, No. 9, pp. 204–215. (In Russ.)

Gak V.G. [V.I. Dal's Dictionary in the Light of Dictionaries Typology]. *Voprosy jazykoznanija*, 2001, No. 3, pp. 3–12. (In Russ.)

Grigor'eva T.M. [Ya. K. Grot's "Russian Orthography" in the mirror of voices for and against]. *Kirillitsa — latinitsa — grazhdanitsa: Kollektivnaia monografiia* [Cyrillic alphabet — Roman alphabet — Civil alphabet: A collective monograph]. Novgorod the Great: Novgorod St. Univ. Publ., 2009, pp. 181–195. (In Russ.)

Grot Ya. K. [Explanatory dictionary of the living great Russian Language, compiled by V.I. Dal']. *Ya. K. Grot. Filologicheskie razyskaniia* [Philological studies]. Saint Petersburg, 1899, pp. 1–45. (In Russ.)

Grot Ya. K. [Memoirs about V.I. Dal' (With the Extraction from his Letters)]. *Grot Ya. K. Vospominaniia o V.I. Dale i P.P. Pekarskom* [Grot Ya. K. Memoirs about V.I. Dal' and P.P. Pekarskii]. Saint Petersburg, 1873, pp. 1–18. (In Russ.)

Grot Ya. K. *Materialy dlia zhizneopisaniia akademika Yakova Karlovicha Grota (1812–1893). Khronologicheskii obzor ego zhizni i deiatel'nosti. Sostavil K. Ya. Grot. (K 100-letnei godovshchine rozhdeniia akademika 15 dek. 1912 g.)* [Materials for the life story of the Academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893). A chronological description of his life and work. Compiled by K. Ya. Grot (To the 100th anniversary of the Academician in 1912, December 15)]. Saint Petersburg, 1912. 51 p.

Lotman Ju. M., Uspenskii B. A. [Nicolay Karamzin's "Russian traveller's letters" and their role in the development of Russian culture]. *N. M. Karamzin. Pis'ma russkogo puteshestvennika* [N. M. Karamzin. Russian traveller's letters]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 526–606. (In Russ.)

Vendina T. I. [V.I. Dal': A Look from the Present]. *Voprosy jazykoznanija*, 2001, No. 3, pp. 13–21. (In Russ.)

Vengerov S. A. [Grot Yakov Karlovich]. *Brokgauz i Efron: Entsik-*

lopedicheskii slovar' v 86 tomakh [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. In 86 vol. Vol. 9 A (18). Publishing House «F.A. Brockhaus — I.A. Efron», 1893. (In Russ.)

Vinogradov V.V. [Explanatory Dictionaries of the Russian Language]. *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 206–242. (In Russ.)

И. Г. Воробьева
Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)
Dubrovnik@mail.ru

**АКАДЕМИК Я. К. ГРОТ
И ТВЕРСКОЙ КРАЕВЕД А. К. ЖИЗНЕВСКИЙ**

В статье на основе архивных материалов рассмотрены взаимоотношения представителя российской академической науки Я. К. Грота с провинциальным чиновником и краеведом А. К. Жизневским (1812–1893). Представлена краткая биография Жизневского, происходившего из польской католической семьи, имевшего университетское образование и служившего на разных чиновничьих должностях, используя административный ресурс для развития провинциальной культуры. В статье дана оценка его деятельности по организации Тверского музея и Тверской ученой архивной комиссии, основанной в 1884 г. Проанализирована работа тверских интеллектуалов по сбору и публикации славянских рукописей. В их числе рукопись Юрия Крижанича, ныне хранящаяся в Твери и недавно изданная факсимильно. В статье показаны формы взаимодействия Жизневского со столичными учеными: Я. К. Гротом, И. А. Шляпкиным, И. Е. Забелиным, названы книги Грота с автографами, находящиеся в Научной библиотеке Тверского госуниверситета, процитированы многочисленные письма членов семейства Гротов, в том числе известного слависта Константина Яковлевича Грота, сына академика, из тверских архивов. Переписка Жизневского с Гротами свидетельствует о напряженной и содержательной научной и культурной жизни в России во второй половине XIX столетия.

Ключевые слова и сочетания: историко-филологические исследования в Твери, научные связи, славянские рукописи, Я. К. Грот, А. К. Жизневский, И. А. Шляпкин.

Яков Карлович Грот (1812–1893) за годы своей успешной академической карьеры был знаком со многими российскими интеллектуалами, о чем свидетельствуют его публикаторская деятельность

и обширный личный архив. Письма самого академика хранятся в разных архивохранилищах, как указано во втором томе биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» [Русские писатели 1992: 49].

В Тверской губернии, расположенной меж двух столиц, его корреспондентом был А. К. Жизневский, их дружба продолжалось более 30 лет. В архиве Жизневского сохранилась переписка с семейством Гротов*. В этом деле, насчитывающем 147 листов, представлены письма и телеграммы, написанные с 1862 по 1896 г. О переписке А. К. Жизневского с сыном академика известным славистом имеет-ся отдельная публикация [Воробьева, Штыков 2008]. Письма самого А. К. Жизневского находятся в личных фондах Гротов, в частности в ПФА РАН**.

Биография государственного чиновника А. К. Жизневского мало известна читателям, и я остановлюсь на ней подробнее для более ясного понимания межличностных отношений, повлиявших в определенной степени на развитие провинциальной культуры.

Послужной список свидетельствует, что Август Казимирович Жизневский (1819–1896) — поляк, римско-католического вероисповедания, родился в г. Полоцке Витебской губернии [Воробьева, Шаплов 2007]. Обучался в Витебской губернской гимназии, в августе 1837 г. был принят студентом в Московский университет «по экзамену».

Рубеж 1830–1840-х гг. был временем расцвета Московского университета. Достаточно сказать, что в те же годы студентом был будущий знаменитый историк С. М. Соловьёв. Поступив на 2-е отделение философского факультета, где учили в основном естественным наукам, Жизневский получил необходимое для государственной службы образование. Но при этом он, прославившийся позднее деятельностью в области истории, археологии и культуры, практически не приобрел здесь достаточных гуманитарных знаний. Ими он был обязан исключительно самообразованию и регулярным контактам с известными российскими гуманитариями.

Окончив Московский университет, он с 1841 г. и до конца дней пребывал на государственной службе. Его служебная карьера началась в Москве. Позднее в воспоминаниях Жизневский писал, что

* См.: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Ед. хр. 579.

** См.: ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 160. 50 л.

именно в Москве судьба свела его с Иваном Сергеевичем Аксаковым, от которого он и перенял «любовь к изучению народной жизни и народных сцен»*.

В Тверскую губернию Жизневский впервые был назначен в 1851 г., а с 1869 г. жил в Твери постоянно, находясь на службе в должности управляющего Казенной палатой и дослужившись до чина тайного советника.

Тверь Жизневскому сразу же понравилась, уезжать из нее, даже на повышение, он не хотел. Здесь у него появились друзья и привязанности, теплые отношения сложились с писателем, тверским вице-губернатором И.И. Лажечниковым. К столетию писателя, в 1895 г., Жизневский издал небольшой брошюрой свои воспоминания о нем и 18 писем И.И. Лажечникова**, представляющие важный материал для биографии писателя.

Огромное значение для жизни и деятельности Жизневского имело назначение его в 1872 г. помощником председателя Статистического комитета. Благодаря этому назначению Жизневский, по сути, возглавил всю тверскую губернскую статистику, представлявшую собой исследовательский центр губернии.

Именно здесь он прикоснулся к той научно-культурной деятельности, которой в итоге посвятил больше двадцати лет своей жизни. Отметим, что в XIX в. ученые в России и за рубежом понимали статистику как науку, изучающую очень широкий спектр общественных проблем. Такое толкование позволяло относить к разряду статистических исследования по географии, истории, археологии, этнографии России. Для очень многих ученых и неспециалистов статистика была, прежде всего, методом исследования, возможным в любой гуманитарной дисциплине.

Статистические комитеты в силу своего государственно-общественного статуса положили начало формированию системы провинциальных научных и культурно-просветительских обществ. Так, Тверской комитет инициировал создание в 1866 г. Тверского музея, а позднее, в 1884 г., — Тверской ученой архивной комиссии, взявшей на себя функцию организации исторических и краеведческих

* Научный архив Тверского государственного объединенного музея (НА ТвГОМ). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 104.

** Текст с комментариями переиздан. См.: Лажечников и Тверской край: Статьи и материалы / ред. А.Ю. Сорочан. Тверь, 2005. С. 195—231.

исследований и выведшей на высокий уровень археографическую деятельность по сохранению архивных материалов [Середа 2004]. Управляющим музея и председателем ТУАК избрали Жизневского. Именно в рамках этих организаций он проявил свои выдающиеся организаторские и пропагандистские способности, показал высокий уровень научной деятельности.

Жизневский пришел в Тверской музей в 1872 г., спустя шесть лет после его создания. По сути, это был не музей, а промышленная выставка. А собственно музей, исторический и археологический, новый управляющий начал создавать практически с нуля. В воспоминаниях, сохранившихся в архиве музея, он писал что «возымел намерение приступить к изучению губернии в историческом отношении и заняться разысканием и собиранием памятников Тверской старины, чтобы сохранить их от уничтожения»*. Тем самым он полностью изменил вектор деятельности музея, преобразил его. «Тверской музей, — писал он, — основан с целью служить наглядным пособием при изучении Тверской губернии в настоящем ее положении. Но для основательного изучения настоящего положения края необходимо знать его минувшую жизнь; с минувшею же жизнью ознакомиться можно лишь исследованием памятников старины» [Жизневский 1888: 4]. Утверждая это, Жизневский привнес в деятельность музея исследовательский аспект.

По воспоминаниям его преемника В. И. Колосова, Жизневскому тогда «было уже 52 года; по-видимому, уже поздно было начинать учиться, а особой подготовки к занятиям археологией он не имел, как и большинство образованных людей; но Август Казимирович всегда отличался чисто юношеской горячностью к делу и, не смущаясь, начал это крупное дело» [Колосов 1896: 4]. Страсть Жизневского к поиску редких предметов для музейного собрания удивляла многих. Профессор Петербургского университета и коллекционер И. А. Шляпкин вспоминал: «Это был служитель древностей, какого трудно найти в наше время. Например, показывая древнюю чашечку, он говорил: «Видели вы такую чашечку? Видели, какое на ней эмалевое изображение? Восемь лет я ухаживал за этой чашечкой — она составляла собственность такого-то» [Шляпкин 1913: 27].

* НА ТвГОМ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2.

Энергичность помогла Жизневскому приступить к работе, но чтобы её продолжить, тем более успешно, нужны были знания. Заведующий музеем, не имея особого представления об археологии как науке, мог рассчитывать в своей деятельности только на личные и научные контакты с людьми, которые могли ему что-либо подсказать, чему-либо научить или напрямую в чем-либо помочь. Так, в музейном деле он советовался с И. Е. Забелиным [Воробьева, Хухарев 2010], в работе с письменными документами — с профессорами И. А. Шляпкиным и Н. А. Поповым [Воробьева 2009]. Важным для Жизневского стало и общение с академиком Я. К. Гротом.

С ним Жизневский впервые встретился в Казани летом 1862 г., куда тот приезжал для собирания сведений, касающихся биографии Г. Р. Державина. «Я снабдил Я. К. тарантасом для поездки в с. Кармачи и Сокуры, где родился Державин», — вспоминал Жизневский. Позднее он предложил академику для прочтения рукопись. «Я. К. понравилась моя путевая записка: “20 дней моих вакаций”. Он отвез ее в редакцию “Русского Вестника”, но там признано невозможным напечатать ее, т. к. в ней заключались сцены только что упраздненного», — записал он в своих заметках.

В письмах Я. К. Грота к Жизневскому 1870-х гг. регулярно обсуждались вопросы этимологии и лексикографии русского языка, в Тверь отправлялись новые книги академика*.

Жизневский, в свою очередь, высылал копии рукописей и надписей на камнях, сообщал диалектные слова, которые Грот называл «словарный гостинец». Приложенные к письму слова академик предполагал передавать В. И. Далю, готовившему 2-е издание своего словаря. С ним Жизневский познакомился весной 1870 г. О «филологических занятиях» Жизневского Я. К. Грот сделал сообщение на заседании Академии наук (август — сентябрь 1869 г.). В одном из писем высказывалась надежда, что «Вы и при дальнейших своих занятиях не оставите продолжать лингвистические наблюдения и будете делиться ими с людьми профессии. Если бы было у нас побольше людей, подобных Вам по деятельной любознательности и любви к филологии, как быстры могли быть успехи науки!» По-

* В Отделе редких книг Научной библиотеки ТвГУ имеются три книги Я. К. Грота с дарственными надписями А. К. Жизневскому. На издании «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам» сделана памятная надпись: «Августу Казимировичу Жизневскому в знак старинного глубокого уважения от автора. 25 октября 1880 г.».

сле смерти академика Жизневский писал его сыну в октябре 1893 г.: «Память о покойном Якове Карловиче будет присуща мне, не потускнеет, чему может служить ручательством вошедшая у меня в привычку страсть подмечать слова, не вошедшие в “Толковый словарь живого великорусского языка” (В. И. Даля) и собирать для него. У меня и теперь находятся такие слова...».

Ценил интерес Жизневского к народному языку, Я. К. Грот писал 27 июня 1870 г. из Рязанской губернии в Тверь: «Один из материалов, так радушно доставленных мне Вами для издания русской народной словесности, позволил я себе передать издателю песен, учителю Витебской гимназии Павлу Васильевичу Шейну, который достоин всякой поддержки, потому что он один из самых усердных и добровоспитанных собирателей. Два года тому назад он приезжал ко мне сюда в деревню, и я видел, как хорошо он вёл своё дело. Часть его сборника уже напечатана в Московских чтениях. Нынешним летом он собирается в Москву и, вероятно, затем в Тверь, а в этом случае непременно явится к Вам». Далее Я. К. Грот просит оказать ему содействие и «уделить что-нибудь из Ваших коллекций».

Можно предположить, что Я. К. Грот, как автор многих учебников по русскому языку, настороженно относился к живой речи. Так, в письме от 16 декабря 1884 г. он писал: «Я слышу часто: из Твери: это неверно; подобное ударение правильно только в предложном падеже, как в нарицательных именах: в крови́, в тенí; но нельзя говорить: из крови́, от тенí вместо из крóви, от тéни. Припоминаете у Пушкина: шли от Пёрми до Тавриды». Сам он писал: «Мне с самого приезда из Твёри...»

С началом деятельности ТУАК (1884) Жизневский регулярно высылал академику ее издания, в частности свою публикацию о Ф. Н. Глинке и книгу стихов поэта с автографом. Пригодились академику и труды члена ТУАК В. И. Колосова. 2 октября 1888 г. он писал Жизневскому: «С большим интересом прочел в Русской старине статью о Пушкине в Тверской губернии. Воспользуюсь ею для своей “Хронологической канвы для библиографии Пушкина”». Жизневский собрал в 1871 г. значительную сумму денег на памятник Пушкину, за что Комитет выразил ему благодарность.

Летом 1884 г. Я. К. Грот был гостем Жизневского, посетил Тверской музей и высоко оценил старания друга в сбережении древностей: «Это прекрасное дело, за которое Вам будет обязано потом-

ство, и примеру Вашему должны бы следовать во всех местностях России, но жаль, что таких просвещённых деятелей, как Вы, у нас мало».

Я. К. Грот принял активное участие в публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» доклада об уникальной находке в Твери сочинения Юрия Крижанича о славянском языке, прочитанного тверским учителем В. И. Колосовым, чем содействовал введению рукописи в науку. Об истории издания рукописи нам уже приходилось писать подробно [Воробьева 2008].

С семьей Гротов его связывали служебные обязанности, научные интересы и человеческая симпатия. Поздравления с семейными торжествами, праздниками, искреннее внимание к житейским радостям и проблемам, увлеченное обсуждение научных занятий показывают взаиморасположение корреспондентов. Так, Я. К. Грот обращался к А. К. Жизневскому: «Примите, высокоуважаемый друг (ибо как иначе называть человека, столь искренно и постоянно к нам расположенного), нашу извечную благодарность за Ваши ласки, за Ваше всегдашнее внимание к нашим трудам».

От общения Жизневского с семьей Гротов остался реальный результат — коллекция книг, сохраненная тверскими библиотекарями и востребованная современными историками и филологами Тверского госуниверситета, а также письма, рассказывающие о напряженной и содержательной научной и культурной жизни в России во второй половине XIX столетия.

Литература

Воробьева И. Г. Юрий Крижанич и его трактат «Объяснение сводное о письме славянском» // Тверская рукопись Юрия Крижанича/сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь, 2008. С. 7–23.

Воробьева И. Г. Профессор С.-Петербургского университета И. А. Шляпкин и Тверская ученая архивная комиссия // *Prospice sed resere*: Проблемы славяноведения и медиевистики: Сб. науч. ст. в честь 85-летия проф. В. А. Якубского. СПб., 2009. С. 236–251.

Воробьева И. Г., Шаплов А. Е. Фонд А. К. Жизневского (1819–1896) как источник тверского краеведения // Вестник архивиста. 2007. № 3 (99). С. 247–252.

Воробьева И. Г., Штыков Н. В. Славист К. Я. Грот и исследователь Тверского края А. К. Жизневский (по данным переписки) // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 149–164.

Воробьева И. Г., Хухарев В. В., Потапова Е. В. Письма И. Е. Забелина А. К. Жизневскому: к истории взаимоотношений Российского исторического и Тверского музеев // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры/отв. ред. В. Л. Егоров. М., 2010. С. 58–70.

Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.

Колосов В. И. Памяти А. К. Жизневского. Тверь, 1896.

Серeda В. Н. Деятельность Тверской ученой архивной комиссии по созданию губернского исторического архива // К 120-летию Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 2004. С. 20–30.

Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 49.

Шляпкин И. А. Русская палеография по лекциям, читанным в Императорском С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1913.

I. G. Vorobyova
State University of Tver
(Russia, Tver)
Dubrovnik@mail.ru

THE ACADEMICIAN Ya. K. GROT AND THE TVER HISTORIAN A. K. ZHIZNEVSKIY

Using archive data the author describes relations between the representative of Russian academic science Ya. K. Grot and the provincial official, a specialist in local history A. K. Zhiznevskiy (1812–1893). The article contains the short biography of Zhiznevskiy, who was born into a Polish catholic family, graduated from the university and occupied various official positions, using his administrative resources in the interests of provincial culture. The author evaluates his activities in the organization of the Tver Museum and the Tver Scientific Archive Commission, founded in 1884. The activity of Tver intellectuals in the process of

Slavic manuscripts collecting and publishing is analyzed. Among these manuscripts there is the work by Yuriy Krizhanich, which is kept in Tver Archive and has recently been published as a facsimile. The article describes various forms of interrelations between Zhiznevskiy and such metropolitan scholars as Ya. K. Grot, I. A. Shlyapkin, I. E. Zabelin; the list of Grot's books in the collection of the Scientific Library of the Tver State University is given; many letters of Grot's family members stored in Tver archives are quoted, the letters of his son, the famous slavist K. Ya. Grot, among them. The correspondence between Zhiznevskiy and Grot is the evidence of the intensive and rich scientific and cultural life in Russia of the second half of the XIX century.

Key words and combinations: Historical and philological investigations in Tver, scholarly relations, Slavic manuscripts, Ya. K. Grot, A. K. Zhiznevskiy, I. A. Shlyapkin.

References

Kolosov V. I. *Pamyati A. K. Zhiznevskogo* [In memory of A. K. Zhiznevskiy]. Tver, 1896.

Russkie pisately. 1800–1917 [Russian writers. 1800–1917]. Moscow, 1992, Vol. 2, G–K, p. 49.

Sereda V. N. [The activity of the Tver scientific archive commission for the provincial historical archive organization]. *K 120-letiyu Tverskoy uchionoy arkhivnoy komissii* [To the 120-th anniversary of the Tver scientific archive commission]. Tver, 2004, pp. 20–30.

Shlyapkin I. A. *Russkaya paleografiya po lektsiyam, chitannim v Imperatorskom Sankt-Peterburgskom Archeologicheskom Institute* [Russian paleography, on the basis of lectures delivered in the Imperial Saint Petersburg Archaeological Institute]. Saint Petersburg, 1913.

Vorobyova I. G. [The professor of the Saint Petersburg University I. A. Shlyapkin and the Tver scientific archive commission]. *Prospice sed respece: Problemy clayvanovedeniya i medievistiki: Sb. nauch. st. v chest' 85-letiya V. A. Yakubskogo* [Prospice sed respece: The Slavic and mediaval problems: In honour to V. A. Yakubskiy's 85-th anniversary]. Saint Petersburg, 2009, pp. 236–251. (In Russ.)

Vorobyova I. G. [Yuriy Krizhanich and his tractate “Ob'yasnenie svodnoe o pisme slavyanskom”]. *Tverskaya rukopis' Yuriya Krizhanicha*

[*Tver manuscript of Yuriy Krizhanich*] I. G. Vorobyova, V. M. Vorobyov (Eds.). Tver. 2008, pp. 7–23. (In Russ.)

Vorobyova I. G., Khukharev V. V., Potapova E. V. [I. E. Zabelin's letters to A. K. Zhiznevskiy: upon the history of the interrelations between the Russian Historical Museum and the Tver Muzeum]. *Rossiyskiy istoricheskiy muzey — entsiklopediya otechestvennoy istorii i kul'tury* [The Russian Historical Museum — the encyclopaedia of the motherland history and culture] V. L. Egorov (Ed.). Moscow, 2010, pp. 58–70. (In Russ.)

Vorobyova I. G., Shaplov A. E. [The fund of A. K. Zhiznevskiy (1819–1896) as a source of Tver local history]. *Vestnik arkhivista*, 2007, No. 3 (99), pp. 247–252. (In Russ.)

Vorobyova I. G., Shtykov N. V. [The slavist K. Ya. Grot and the explorer of Tver region A. K. Zhiznevskiy (according to their correspondence)]. *Slavyanskiy al'manakh*. 2008 [Slavic almanac. 2008]. Moscow, 2009, pp. 149–164. (In Russ.)

Zhiznevskiy A. K. *Opisanie Tverskogo muzeya. Arkheologicheskiy otdel* [The Tver Muzeum description. The archaeological section]. Moscow, 1888.

Т. М. Григорьева
Сибирский федеральный университет
(Россия, Красноярск)
annysten@yandex.ru

ИЗВЕСТНЕЙШИЙ «ГЕНЕРАЛ ОТ ПРАВОПИСАНИЯ»

В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны орфографического руководства акад. Грота, отмеченные в дискуссиях на рубеже XIX–XX веков, и отражение этих дискуссий в художественной литературе его времени; отмечается значимость руководства в последующей орфографической деятельности; утверждается мысль о его важности для ограничения орфографической свободы предшествующего периода; оно расценивается как руководство, придавшее русской орфографии статус официальности; как труд, способствующий развитию научной мысли и послуживший решительным аргументом за реформу, которая устранила многие несообразности русского письма.

Свод 1956 и Орфографический справочник 2006 года рассматриваются как продолжение деятельности академика; отмечается такой пробел в сознании носителей русского языка, как отождествление понятий язык и орфография, орфография и грамматика и утверждается мысль о необходимости лингвистического просвещения общества.

Ключевые слова: орфографическая деятельность XX века как продолжение трудов Грота; Свод 1956, Орфографический справочник 2006, лингвистическое просвещение.

В юбилейной статье к 100-летию со дня смерти Пушкина С. Я. Маршак привел цитату из речи Я. К. Грота, которая произнесена им в собрании Общества любителей российской словесности в год открытия памятника на Тверском бульваре. Он назвал академика, одного из деятельных членов комитета по сооружению памятника поэту, — «известнейший генерал от грамматики» [Маршак 1937].

Такая оценка деятельности Грота, безусловно, справедлива, если не считать, что грамматика — это раздел языкознания, занимаю-

щийся изучением только грамматического строя языка, но исходить из ее первоначального значения: она тождественна науке о языковых формах вообще, включает со времен античных грамматик и их последователей изучение явлений звуковой формы. По определению М. Смотрицкого, «есть известное художество, благо и глаголати и писати обучающее».

В массовом сознании времен Грота правописание было представлено именно как компонент грамматики, и это нашло отражение в рассказе А. Чехова «В Париж», созданном в разгар дискуссий по поводу орфографических предложений Грота — 1886 г. Мнение учителя Лампадкина стало выражением мнения многих преподавателей-словесников того времени:

«— Рекомендована новая грамматика Грота, — бормотал Лампадкин, всхлипывая своими полными грязью калошами. — Грот доказывает ту теорию, что имена прилагательные в родительном падеже единственного числа мужеского рода имеют не аго, а ого... Вот тут и понимай! Вчера Перхоткина без обеда за ого в слове золотого оставил, а завтра, значит, должен буду перед ним глазами лупать... Стыд! Срам! <...> Грот доказывает еще ту теорию, — бормотал педагог, — что ворота не среднего рода, а мужеского. Гм... Значит, писать нужно не красные ворота, а красные... Ну, это пусть он обливается. Скорей в отставку подам, чем изменю насчет ворот свои убеждения. И педагог раскрыл уже рот и величественно поднял вверх молоток, чтобы начать громить ученых академиков...»

Можно с уверенностью утверждать, что, оценивая деятельность Грота, С. Маршак имел в виду не его собственно грамматические труды (их немного), а заслуги в области русского правописания. В частности — его главный труд: «Русское правописание, руководство, составленное по поручению Второго отделения Академии наук» (СПб, 1885). Это дает основание скорректировать оценку Маршака и именовать великого орфографа «известнейший генерал от правописания».

Орфографическое руководство Я. Грота вызвало целый поток полемических публикаций. Недовольство, возникшее и в педагогических, и в ученых кругах сразу же по выходе книги, продолжалось долгое время.

Давая отрицательную оценку руководству Грота, авторы многих публикаций отмечали:

- вместо коренных средств, оно «представляет полумеры, всегда и везде не достигающие цели и лишь сбивающие с толку» [Степович 1886: 30];

- автор орфографического руководства, «освеща[ет] во многих случаях общепринятое правописание слов фонетикой и этимологией происхождения, часто ... освещает обычаи, не обосновывая его никакими законами ни фонетическими, ни этимологическими» [Кремлев 1898: 42];

- правописание по Гроту «страдает крупными и очевидными недостатками [Воеводский 1898: 21] и представляет набор орфографических противоречий [Фита... 1885].

Акад. А. И. Соболевский в числе первых заявил о своем категорическом несогласии как с приведенными в руководстве этимологическими аргументами в написании отдельных слов, поскольку они «не имеют никакого значения при решении вопроса о написании» (Соболевский 1885: 156–161), так и с тем сравнительным методом языка, к которому прибегает автор: он «кажется странен и непонятен» [Соболевский 1886: 368]; «без всякой надобности и оснований увеличивает путаницу в нашем правописании» [Соболевский 1886: 157] и под.

Однако, несмотря на очевидные недостатки руководства, как итог истории, как некая картина правописания своего времени оно оценивалось и как «весьма полезный справочный труд» [Степович 1885: 367]; как труд, который заключает в себе «несомненные достоинства, по ясности и убедительности не имеющий себе подобного, хотя не свободно от многих заблуждений» [Шидловский 1889: 62].

А. И. Смирнов, редактор журнала «Русский филологический вестник» отмечал, что задача Грота «удовлетворить сознаваемую всеми потребность привести русское правописание к желательному единообразию» вполне достигнута: если сравнить «разногласия в правописании прошлого», которые встречались 25 лет назад, то станет совершенно очевидно: то, что прежде встречалось часто без филологических оснований, теперь встречается редко «в малоавторитетных учебниках или же в малораспространенных изданиях». Он представил труд Я. Грота как единственно авторитетный в области правописания [Смирнов 1885: 170–209].

При всей противоречивости оценок к концу XIX сформировалось, как указывает Евг. Аничков, главный редактор серии «Русские классики» для фирмы «Деятель», три типа орфографий:

догготовская орфография, воплощением которой стала суворинская газета «Новое время», государственные типографии и большие казенные учреждения;

орфография по Гроту, которая, во-первых, узаконила далекие от подлинной этимологии написания и, во-вторых, не отличалась абсолютным единообразием;

«интеллигентская» орфография — манера письма, больше всего распространенная в студенческой среде и ставшая знаком особого этикета и щегольства: без буквы Ъ на конце слов [Аничков 1923: 79].

В самом начале XX столетия антигготовская эпопея достигла небывалых масштабов. Она была задана публичной лекцией Р.Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания» (1899 г.), положив начало организованному движению за реформу против «ходячей орфографии». Р.Ф. Брандт, как и его многие предшественники, показал на примерах ненаучность и непоследовательность существующего правописания «по Гроту».

Против «грогографии» снова было высказано множество суждений:

«... голос разума оказался бессильным перед привычкой, и Грот закрепил своим научным авторитетом явные нелепости» [Брандт 1901: 27];

«Русское правописание» Грота, «изобилуя правилами и написаниями чисто субъективного характера, не только не уменьшило спорного числа написаний, но даже увеличило его» [Богородицкий 1909: 143] и др.

Но, наряду с этим, и в этот период были положительные оценки.

Открывая торжественное заседание, посвященное 100-летней годовщине акад. Я. Грота, акад. А. Шахматов отметил, что «многолетними его трудами достигнуто упорядочение нашего русского правописания» [Памяти... 1913: 3]. В других выступлениях на этом же заседании отмечено, что Я. Грот выступил в помощь педагогическому отделу и внес «в хаос разноречивых суждений и мнений по правописанию известный порядок»; что он «обнаружил полное внимание к практическим потребностям школы и жизни; своим орфографическим руководством он «выполнил долг, который сам признавал за собой: долг научного деятеля, сознающего обязанность приходить обществу на помощь» [Там же: 70].

Особенную страницу в кампании против «грогографии» занимают труды педагога-словесника, преподавателя 1-й Петроградской гимназии и Смольного института А.В. Миртова. Его публикация «Русско-немецкое правописание» академика Якова Карловича Грота (Пг., 1915) стала в значительной степени сенсационной своими грубыми отзывами об орфографическом руководстве и заключала в себе «крик о спасении» от правописания «по Гроту», которое автор называет русско-немецким.

Реформа орфографии 1917 г., которая прошла сложный и длительный путь воплощения, превратила «Русское правописание» акад. Грота из злобы дня в историю. Небольшая публикация П.Н. Сакулина была в числе последних, где уделялось внимание правописанию Грота. Убеждая сомневающихся в необходимости реформы, которая все больше и больше становилась фактом жизни, несмотря на катаклизмы, обращаясь к сохраняющим верность старому письму, автор сообщал, что руководство Грота лишь по недоразумению считалось академическим, что «нет никаких оснований ждать нового *академического* правописания» и что правописание, окончательно принятое Подготовительной комиссией на совещании 11 мая 1917 г., является единственно авторитетным» [Сакулин 1918: 22].

«Русскому правописанию» Я.К. Грота в русской истории нет однозначной оценки: оно возникло между орфографическим хаосом и относительным, но порядком; между орфографической свободой и потребностью представить орфографию как некий стандарт и систему. С одной стороны, оно, вопреки развивающейся орфографической тенденции к упрощению, закрепило «орфографический обычай». Но, с другой стороны, при всех отрицательных оценках нельзя не отметить, что оно значительно сокращало рамки орфографической свободы предшествующего периода и придавало орфографии статус официальности; оно способствовало внедрению относительного единообразия. Оно, наконец, способствовало развитию научной мысли, пробудило орфографические силы и стало решительным аргументом за реформу, которая устранила, выражаясь словами Р.Ф. Брандта, орфографическое наследие, представляющее «простые ошибки или же произвольные изменения прежних недостаточно сведущих, но зато крайне смелых грамматистов» [Брандт 1904] (см. также об этом: Брандт 1901).

Благодаря орфографическому руководству Грота (через реформу) русское правописание освободилось от графического балласта и не соответствующих живому состоянию языка написаний. Имя Грота было практически забыто, но орфографическая деятельность не закончилась. В XX в. она стала развитием того импульса, который задан трудами Грота с его стремлением к упорядоченности и единообразию: это и решения Орфографической комиссии 30-х гг., и проект реформы 1964 г. как результат деятельности Орфографической комиссии 1962 г., и деятельность Орфографической комиссии 1973 г. под председательством акад. В.И. Борковского, и деятельность орфографической комиссии 90-х гг. с ее проектом нового свода правил орфографии и пунктуации.

Полный академический справочник 2006 г., одобренный Орфографической комиссией РАН, и свод «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. — это продолжение орфографической деятельности, у истоков которой — известнейший «генерал от правописания» акад. Я.К. Грот. Причем на каждом этапе орфографического пути общество обнаруживает, как и во времена Грота, желание «громить академиков», и необоснованную критику всех нововведений, и отождествление таких понятий, как язык и орфография, орфография и грамматика. Все это по-прежнему ставит перед лингвистами разных рангов серьезную задачу лингвистического просвещения носителей русского языка.

Литература

Аничков В. Е. Правописание и классики // Русская школа за рубежом. Кн. 5–6. Прага, 1923. С. 78–87.

Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку: Пособие при изучении науки о языке. Казань, 1909. 23 с.

Брандт Р. Ф. О лженаучности нашего правописания: Публичная лекция // Филол. записки. 1901. Вып. 1–2. С. 1–58.

Брандт Р. Ф. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. 1904. № 124.

Воеводский Л. Ф. Опыт упрощения русского правописания. Одесса, 1898. 22 с.

Кремлев П. Мытарства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку // Русская школа. 1898. № 12. С. 36–68.

Маршак С. Три юбилея // Правда. 1937. 9 февр.

Памяти акад. Я.К. Грота. Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Имп. Академией наук 10 дек. 1912 г. СПб., 1913. 88 с.

Сакулин П. Н. Необходимая справка // Новая школа. 1918. № 1. С. 21–23.

Смирнов А. И. Орфографические указатели и правила русского правописания. (Библиографические заметки) // Рус. филол. вестник. 1885. Т. XIV. С. 170–209.

Соболевский А. И. [Рец.] Орфографические заметки. Русское правописание. Руководство, составленное, по поручению второго отделения Имп. Академии наук акад. Я. К. Гротом. СПб., 1885 // Рус. филол. вестник. 1885. Т. XIV. С. 156–161.

Соболевский А. И. Еще несколько орфографических разъяснений // Рус. филол. вестник. 1886. Т. XV. С. 362–368.

Степович А. Русское правописание (Заметка по поводу книги академика Я.К. Грота) // Женское образование. 1885. № 5. С. 359–367.

Степович А. Чем должно быть наше правописание, наукой или искусством? (Еще по поводу книги академика Грота «Русское правописание») // Женское образование. 1886. № 1. С. 26–33.

Фита или Ферт? Еще открытое письмо к академику Я.К. Гроту (По поводу 2-го изд. «Русского правописания») // Семья и школа. 1885. Кн. 2. Т. 1–2. С. 430–455.

Шидловский А. По поводу некоторых нововведений в русском правописании в руководстве к правописанию акад. Я.К. Грота // Рус. филол. вестник. 1889. Т. XXII. Пед. отд. С. 60–69.

T. M. Grigorieva
Siberian Federal University
(Russia, Krasnoyarsk)
annysten@yandex.ru

THE MOST POPULAR «GENERAL FROM THE ORTHOGRAPHY»

The paper is concerned with positive and negative features of Academician Grot's Spelling manual noted in the debates on the border of the XIX–XX cent., and reflection of these debates in fiction of its time; significance of the manual is noted in the following spelling activity; the thought of its importance for restriction of spelling liberty of preceding period is stated. It is accepted as guidance which gave official status to Russian orthography, as the work promoting development of scientific thought. It served a decisive argument for the reform which eliminated many incongruities of Russian spelling.

Code 1956 and the Spelling reference book of 2006 are considered as continuation of the Academician's activity. Such gap in social consciousness of native speakers as identification of language and spelling, spelling and grammar notions is stressed. Necessity of linguistic enlightenment among Russian native speakers is affirmed.

Key words: Acad. Grot, spelling standardization activity of the XXth century, Code 1956, the Spelling reference book of 2006, linguistic enlightenment among Russian native speakers.

References

Anichkov V. E. *Russkaya shkola za rubezhom*. Kn. 5–6 [Orthography and classical scholars. Vol. 5–6]. Praga, 1923, pp. 78–87.

Bogoroditskij V. A. *Ocherki po jazykovedeniju i russkomu jazyku: Posobie pri izuchenii nauki o jazyke* [Essays on linguistics and the Russian language: A textbook on the science of language]. Kazan, 1909. 23 p.

Brandt R. F. [A pseudo-scientific nature of our orthography: A public lecture]. *Filologicheskie zapiski*, 1901, No. 1–2, pp. 1–58. (In Russ.)

Brandt R. F. [On spelling reform (the letter to the editorial board)]. *Rus'*, 1904, No. 124. (In Russ.)

Fita or Fert. [An open letter to acad. Ya. K. Grot (On the occasion of the 2nd edition of “Russian orthography”)]. *Semya i shkola*, 1885, Issue 2, Vol. 1–2, pp. 430–455. (In Russ.)

Kremlev P. [A youngster’s ordeal at the written exam in the Russian language]. *Russkaya shkola*, 1898, No. 12, pp. 36–68. (In Russ.)

Marshak S. [Three anniversaries]. *Pravda*, 1937, 9 febr. (In Russ.)

Sakulin P. N. [The necessary reference]. *Novaya shkola*, 1918, No. 1, pp. 21–23 (In Russ.)

Shidlovskij A. [On some innovations in Russian orthography in acad. Ya. K. Grot’s orthographic manual]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1889, Vol. XXII, pp. 60–69. (In Russ.)

Smirnov A. I. [Spelling indexes and rules of Russian orthography. (Bibliographic notes)]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1885, Vol. XIV, pp. 170–209. (In Russ.)

Sobolevskij A. I. [Rev.] [Notes on spelling. Russian orthography. A manual compiled on instruction of the second Department of the Academy of Sciences by acad. Ya. K. Grot. Saint Petersburg, 1885]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1885, Vol. XIV, pp. 156–161. (In Russ.)

Sobolevskij A. I. [Some additional spelling explanations]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1886, Vol. XV, pp. 362–368. (In Russ.)

Stepovich A. [Russian orthography (notes about the book by acad. Ya. K. Grot)]. *Zhenskoye obrazovaniye*, 1885, No. 5, pp. 359–367. (In Russ.)

Stepovich A. [What is our orthography: science or art? (Once again about the book by acad. Ya. K. Grot «Russian orthography»)]. *Zhenskoye obrazovaniye*, 1886, No. 1, pp. 26–33. (In Russ.)

Torzhestvennoe chestvovanie 100-letnej godovshhiny ego rozhdenija Imp. Akademiej nauk 10 dek. 1912 g. [In memories of acad. Ya. K. Grot. A solemn celebration of the 100th anniversary of his birth by the Academy of Sciences on the 10th of December 1912]. Saint Petersburg, 1913. 88 p.

Voevodskij L. F. *Opyt uproshhenija russkogo pravopisanija* [The experience of Russian orthography simplification]. Odessa, 1898. 22 p.

В. В. Каверина
*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kaverina1@yandex.ru*

Я. К. ГРОТ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОПИСАНИЕ

В статье говорится о спорных вопросах русского правописания, решенных в работе «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ *Я. К. Гротомъ*» 1885 года. Среди кодифицированных Гротом правил было употребление буквы *ѣ*; распределение *е* и *о* после шипящих и <ц>; орфография приставок на <з>; правописание слов с префиксом перед *-и-*; употребление прописных букв; слитные, дефисные и раздельные написания. Будучи уполномочен не просто проанализировать, но кодифицировать письмо, академик подошел к этому вопросу осторожно, многое решив в пользу традиции. Правописание «по Гроту» было рекомендовано Министерством народного просвещения, но подверглось серьезной критике. Ориентированная на существующую объективную норму и традицию, работа не оправдала ожиданий сторонников радикального изменения орфографии. Вместе с тем книга выдержала 22 издания до 1917 года. Установленные Гротом правила остались актуальными по сей день, за исключением норм употребления буквы *ѣ*, выведенной из алфавита в результате реформы 1917–1918 годов.

Ключевые слова: история русского письма; кодификация русской орфографии; русская орфография XIX века.

Ко второй половине XIX века русская орфография подошла в неупорядоченном состоянии. Многие спорные вопросы остались нерешенными, среди них употребление буквы «ять»; *е/о* после шипящих и *ц*; правописание приставок на <з>; правописание слов с префиксом перед *-и-*; употребление прописных букв; слитные, дефисные и раздельные написания. В решении данных вопросов не было единства даже в трудах нормализаторов.

Большую роль в установлении современных орфографических норм сыграл Я.К. Грот. В исследовании 1876 г. «Спорные вопросы русского правописания отъ Петра Великаго доннынѣ. Филологическое разысканіе *Я. Грота*» ученый не только представил очерк истории русского правописания, но и сделал критический обзор его современного состояния. Данный труд лег в основу свода правил под названием «Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ *Я. К. Гротомъ*» 1885 г. Будучи уполномочен не просто проанализировать, но кодифицировать письмо, академик подошел к этому вопросу более осторожно, чем предполагал в «Спорных вопросах...», многое решив в пользу традиции и принятого употребления.

Правописание «по Гроту» было рекомендовано Министерством народного просвещения, но подверглось серьезной критике. Ориентированная на существующую объективную норму и традицию, работа не оправдала ожиданий сторонников радикального изменения орфографии. Вместе с тем книга выдержала 22 издания до 1917 г. [Григорьева 2004: 326], когда была проведена готовившаяся в течение почти полувека реформа. Как известно, она коснулась в основном графики — устранила «лишние» буквы и *Ъ* в конце слов — и решила частные орфографические вопросы — упорядочила правописание приставок на *з* и некоторых окончаний. Однако полного свода правил тогда предложено не было, поэтому гротовское руководство еще долгое время оставалось актуальным.

Обсуждение вопросов орфографии продолжалось и после реформы, однако ни один из проектов свода правил принят не был. Издательства и типографии выпускали справочники для «внутреннего» пользования, руководствуясь каждый своими соображениями. Так, в 1933 г. вышло два орфографических справочника: в Москве — «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, в Ленинграде — «Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова. По словам С. П. Обнорского, «в одном издании язык признаётся, как он есть, а в другом — каким он должен быть» [Обнорский 1934: 462]. Очевидно, что большинство спорных вопросов было решено в них в полном несогласии. Образованная в следующем, 1934-м, году Орфографическая комиссия под председательством наркома просвещения А. С. Бубнова проводила работу одновременно в двух учреждениях: в Мо-

ске при Учёном комитете Наркомпроса, в Ленинграде — при АН СССР. В результате появилось еще несколько проектов, которые так и остались нереализованными.

Возобновившаяся после войны орфографическая дискуссия привела к созданию в 1956 г. свода «Правил русской орфографии и пунктуации» — первого полного справочника нового правописания. Это была не реформа, а, как говорится в предисловии к своду, лишь попытка упорядочения письма, что должно было содействовать устранению разнобоя. Правила 1956 г. стали первым полным общепринятым сводом новой русской орфографии: они были утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Изданный в 2006 г. Полный академический справочник правил русской орфографии и пунктуации под ред. В.В. Лопатина, имея в основе свод 1956 г., отразил современное состояние русского письма.

Есть основания полагать, что заслуга упорядочения нашей орфографии во многом принадлежит Я.К. Гроту, который решил его «спорные вопросы» в труде «Русское правописание», не потерявшем своей актуальности донныне. Это положение может быть проиллюстрировано некоторыми примерами.

Так, Грот кодифицировал в современном виде правописание *Ы* после приставок на согласную, устранив разнобой, отличавший даже рекомендации авторитетных грамматических сочинений. Большинство ученых середины XIX столетия, среди которых А.Х. Востоков, И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев [Востоков 1835: 352; Грамматика 1849: 249; Буслаев 1959: 42], предлагали на стыке приставки и корня писать сочетание *ьи*. Им противоречили сторонники старинной орфографии, в первую очередь А.С. Шишков. Компромиссную позицию занимал Н.И. Греч, который рекомендовал писать *ы* в словах с корнями *-иск-* и *-игр-*, в остальных же случаях — сочетание *ьи* [Греч 1834: 478].

Подобно рекомендациям грамматистов, нестабильностью правописания отличались и словарные статьи изданий Академического словаря середины века 1847 г. и 1867–1868 гг. Так, по-разному оформлены здесь упомянутые Гречем слова с корнем *-игр-*: ВЗЫГРАТЬ через *ы*, а ОТЪИГРАТЬ, и СЪИГРАТЬ — через *ьи*.

Грот кодифицировал данную орфограмму в ее современном виде. Он обосновал свою позицию тем, что *ы* представляет собой

сокращенное сочетание *Ъ+и*, и таким образом устранил все противоречия. Из правила употребления *ы* после приставок ученый сделал единственное исключение — *взимать*, сохранившееся и в действующих ныне правилах [Грот 1885: 51].

Другая орфограмма, которую упорядочил Грот, — правописание *о/е* после шипящих и *ц*. Еще в «Спорных вопросах...» он сетовал на то, что данное правило в существующих грамматических сочинениях Греча, Востокова, Буслаева, Павского сформулировано крайне неполно [Грот 1876: 259–261]. После длительного периода разнобоя Грот в «Русском правописании» узаконил написание *о* во многих аффиксах после шипящих, а также кодифицировал уже сложившуюся орфографическую практику — писать после *ц* под ударением *о*, без ударения *е* [Грот 1885: 39–41].

Написание *о* после шипящих установлено Гротом «в окончаниях» (*дружокъ, сверчокъ, вершокъ, свѣжо, хорошо, горячо, плечо, душой, свечой, большой, чужой*) и в «открытых слогах» (*шопотъ, шорохъ, обжора, чопорный, трущоба*; исключение *еще*) [Грот 1885: 39].

Употребление *е* кодифицировано в следующих случаях. Во-первых, в личных глагольных формах: *течетъ, берешь*, где, по словам академика, «Е принадлежит... этимологическому составу окончанія». Кроме того, Грот узаконил *Е* в причастиях (*рѣшень, наречень*), к которым отнес форму глагола *шелъ*. Букву *е*, по Гроту, следовало писать также «в замкнутых коренных слогах» (*жесткій, шелкъ, счетъ, щетка, четки*) и в предложном падеже местоимения что — *в чемъ*. В работе особо отмечено различие в написании существительного *поджогъ* через *о* и глагольной формы *поджегъ* через *е* [Грот 1885: 39–40].

Впервые в истории русского письма Грот регламентировал написание *о* после *ц* под ударением: *лицо, кольцомъ, купцовъ*. В безударной позиции пишется *е*: *зеркальце, перцемъ, иностранцевъ, улицею, лицевать* [Грот 1885: 41].

Важную роль сыграл Грот и в установлении современного правила правописания приставок на <з>. Дело в том, что в практике письма и печати первой половины XIX века отмечалась довольно сильная тенденция к фонематическому отображению данных приставок, отразившаяся и в грамматических сочинениях середины столетия. Так, Востоков и Давыдов выделяли положение перед *с*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, в котором приставки на <з> «удерживают» конечную *з*

[Востоков 1835: 369; Давыдов 1849: 254–255]. Е. А. Бударин, наоборот, перечислил буквы, перед которыми *з* менялась на *с*: *п, т, к, х* [Бударин 1849: 31]. В соответствии с данным правилом кодифицировали образования с префиксами на <з> издания Академического словаря середины XIX века 1847 и 1867–68 гг., где находим, например, следующие написания слов с приставкой <воз->: ВОЗСИЯТИ, ВОЗСЛАВИТИСЯ, ВОЗСТАТЬ, ВОЗЦАРСТВОВАТИ, ВОЗЧУДИТИСЯ, ВОЗШУМѢТЬ, но: ВОСКОРМИТЬ, ВОСКРЕШАТЬ, ВОСПАРИТЬ, ВОСПИСАТЬ, ВОСТРУБИТЬ, ВОСХВАЛИТЬ.

Однако на письме и в печати во второй половине столетия эти правила не соблюдались. Стихийный фонематизм начала века сошел на нет, и установилась близкая к традиции норма, предполагавшая употреблять *с* перед всеми буквами глухих согласных, кроме одноименной. Такие написания и были утверждены Гротом [Грот 1885: 43–44]. Данное правило, лишь немного подкорректированное реформой 1917–18 гг., вопреки фонематическому принципу русской орфографии, дошло до наших дней. Надо сказать, в «Спорных вопросах...» Грот признавался: «лучше было бы установить, чтобы все предлоги без изъятия всегда писались по этимологии», то есть единообразно, однако сомневался в возможности «изменить давно укоренившийся обычай» [Грот 1876: 260].

Гроту принадлежит заслуга упорядочения употребления прописных букв. Известно изречение Александра Петровича Сумарокова о том, что «мы великостію литеръ и Нѣмцовъ перещеголяли». Это касалось века XVIII, однако в XIX столетии ситуация мало изменилась. Перечислим правила употребления прописных букв из Академической грамматики Давыдова 1849 года, которые впоследствии отменил Грот:

§ 569. Наименованія и титула Державныхъ и Высочайшихъ особъ, чины, титула, званія и величанія... *Графъ... Генераль, Профессоръ... Губернскій Секретарь...*

§ 571. Названія народовъ, людей, исповѣдающихъ какую-либо Вѣру, равно как и прилагательныя, происходящія отъ этихъ названій... *Россиянинъ, Христианинъ, Русскій, Христіанскій.*

§ 573. Собственныя названія наукъ и искусствъ... *Богословіе, Философія, Математика, Словесность, Поэзія, Живопись.*

§ 575. Названія мѣсяцевъ, недѣльныхъ дней... *Іюнь, Вторникъ...* [Давыдов 1849: 264–266].

Вместе с тем Грот самым подробным образом изложил актуальные и в наше время правила, разграничивающие случаи, в которых прописная необходима и когда она недопустима. Так, в отличие от имен божественных и богородичных, со строчной начинаются «названія... существъ, признаваемыхъ Церковію: *ангелъ, херувимъ, серафимъ*», а также «языческія названія: *нимфа... муза... русалка...*» [Грот 1885: 83]. Впервые у Грота сформулировано правило различения случаев типа «*Лѣтній садъ*» и «*Царское Село*», где «*Лѣтній садъ*» — это сад, и поэтому второе слово в названии пишется со строчной, а «*Царское Село*» — это не село, а город, и второе слово пишется с прописной буквы [Грот 1885: 84]. По Гроту, праздники, имеющие церковное значение, начинаются с большой (*Пасха*), а «имена мѣсяцев и дней недѣли, а также народныя названія праздниковъ...» (*святки, масленица*) — с малой буквы [Грот 1885: 84–85].

Притяжательные прилагательные от личных имен с суффиксами *-ов-, -ин-* пишутся с прописной буквы всегда (*Гомерова эпопея, Екатерининъ вѣкъ*), а прилагательные на *-скій* и *-кій* только в случае, когда с них начинается имя собственное (*Тульская губернія, Россійская академія*). Во всех других случаях такие прилагательные начинаются строчной (*ломоносовскій слогъ, шведская нація, тульскій самоваръ*) [Грот 1885: 85].

Гротом были также основательно разработаны правила слитного, раздельного и дефисного написания, во многом унаследованные современной русской орфографией.

Трудно не согласиться с утверждением академика В.В. Виноградова о том, что Грот положил начало «официальной орфографии в России», внес единообразие в правописание, а также «некоторые поправки в сторону согласования и сближения письма с произношением», открыл возможность «сознательного регулирования в развитии орфографии» [Виноградов 1946: 74–75]. Вместе с тем, на наш взгляд, не менее важно, что большинство неупорядоченных участков орфографической системы были приведены к современному их состоянию именно Яковом Карловичем Гротом.

Литература

Будрин Е. А. Третья часть Грамматики русскаго языка. Тетрадь VI. Орфографія. М., 1849. 48 с.

Виноградов В. В. Русская наука о русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 22–147.

Востоков А. В. — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1835. 383 с.

Греч Н. — Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834. 526 с.

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004. 456 с.

Грот Я. К. — Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе *Я. Грота* // Филологическіе разысканія. Т. 2. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1876. 162 с.

Грот Я. К. — Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ академикомъ *Я. К. Гротомъ*. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. 120 с.

Давыдов И. И. — Грамматика русскаго языка. Изданіе Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи Наукъ, 1849.

Обнорский С. П. Русское правописание и языкъ в практикѣ издательствъ // Изв. АН СССР. Сер. 7. 1934. № 6. С. 455–483.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: в 4 т. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847.

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второе изданіе: в 4 т. СПб.: Изданіе Н. Л. Тиблена, 1867–1868.

Сумароков А. П. Полное собраніе всехъ сочиненій в стихахъ и прозе. В 10 ч. Ч. 10. М., 1787.

Технико-орфографический свод правил. Словарь-справочник / под ред. *Н. Филиппова*. Ленинград, 1933.

Шапиро А. Б., Уаров М. И. Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник. М., 1933.

V. V. Kaverina

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

kaverina1@yandex.ru

Ya. GROT AND MODERN RUSSIAN ORTHOGRAPHY

The article focuses on the controversial issues of Russian spelling clarified in “Russian orthography. Guidelines commissioned by the Imperial Academy of Sciences and provided by Academician Ya. K. Grot”, 1885. Among the rules standardized by Ya. K. Grot there was the use of the *ѣ* letter, the distribution of the letters *е* и *о* after hushing sounds and <ц>; the spelling of prefixes ending in <з>; the spelling of prefixal words before *-у-*; the use of capital letters; solid, hyphenated, and separate spelling. Being authorized not only to analyze, but also to standardize spelling, Ya. K. Grot approached it with discretion and thus settled most questionable points in favor of traditional use. Spelling in accordance with Grot was recommended by the Ministry of Public Education, but was severely criticized. Based on the existing standards and tradition, his work could not meet the expectations of those who proposed drastic changes of orthography. However, the book appeared in 22 editions up to 1917. Modern orthography is still determined by the rules codified by Ya. K. Grot but for those regulating the use of the *ѣ* letter abolished by the 1917–1918 spelling reform.

Key words: history of Russian orthography, standardization of Russian orthography, Russian orthography of XIX century.

References

Budrin E. A. *Tretia chast grammatiki russkogo jazyka. Tetrad' VI* [Russian Grammar: Part III, Section VI. Orthography]. Moscow, 1849. 48 p.

Davydov I.I. *Grammatika russkago jazyka. Izdanie Imperatorskoi Akademii nauk* [Russian grammar]. Saint Petersburg, 1849.

Filipov N. (Ed.). *Tekhniko-orfograficheskii svod pravil* [The manual of technical and spelling rules]. Leningrad, 1933.

Grech N. *Prakticheskaja russkaja grammatika izdannaja Nikolaem Grechem* [A Practical Russian Grammar published by Aleksandr Grech]. Saint Petersburg, 1834. 526 p.

Grigorieva T.M. *Tri veka russkoi orfografii* [Three centuries of Russian orthography (XVIII–XX cc.)]. Moscow, 2004. 456 p.

Grot Ya. [Controversial issues of Russian orthography from Peter the Great to the present]. *Filologicheskie raziskania* [Philological studies]. Vol. 2. Saint Petersburg, 1876. 162 p. (In Russ.)

Grot Ya.K. *Russkoe pravopisanie, sostavlennoe po porucheniu Vtorogo otdelenia Imperatorskoi Akademii nauk akademikom Ya. K. Grotom* [Russian orthography. The guide compiled on behalf of the second branch of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1885. 120 p.

Lopatin V.V. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravocchnik* [Rules of Russian orthography and punctuation]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 480 p.

Obnorskij S.P. [The Russian spelling and language as used by publishing houses]. *Izv. AN SSSR, Ser. 7*, 1934, No. 6, pp. 455–483. (In Russ.)

Shapiro A.B., Uarov M.I. *Orfografia, punktuatsia i tekhnika korrekturny* [Orthography, punctuation and technique of proof-reading]. Moscow, 1933.

Slovar tserkovno-slavianskogo i russkogo jazyka [Dictionary of the Church Slavonic and Russian language]. Saint Petersburg, 1847.

Slovar tserkovno-slavianskogo i russkogo jazyka [Dictionary of the Church Slavonic and Russian language]. Saint Petersburg, 1867–68.

Sumarokov A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze* [Complete collected works in verse and prose]. Part 10. Moscow, 1787.

Vinogradov V. V. [Russian studies of the Russian language]. *Uch. zap. o russkom jazyke* [Transactions about Russian]. Iss. 106. Vol. 3. Book. 1. Moscow, 1946, pp. 22–147. (In Russ.)

Vostokov A. *Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniu jego zhe sokraschennoi Grammatiki polneje izlozhennaja* [A Concise Russian Grammar by Aleksandr Vostokov]. Saint Petersburg, 1835. 383 p.

Н. И. Кряжева (Кузьмина)
Университет им. Блеза Паскаля
(Франция, Клермон-Ферран)
Nadejda.KRIAJEVA@univ-bpclermont.fr
nadiakriajeva@hotmail.fr

«МЕТОДА АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА» В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ КОНЦА XIX ВЕКА

Статья посвящена идеям Я.К. Грота в области преподавания иностранных языков и их воплощению в учебных пособиях конца XIX века в России и во Франции.

Вначале мы рассмотрим значение предложений Грота в формировании подхода к преподаванию языков, родного, древних и новейших, в его российском варианте, в котором акцент делался на включении элементов сравнения между языками в историческом и структурном планах, и особенно на сознательном владении грамматикой родного языка, как основы для освоения иностранных.

Затем мы обратимся к отражению, которое данный вариант подхода получил в учебных пособиях по русскому языку как иностранному во Франции конца 19 века.

На выбор названия статьи нас натолкнул небольшой учебник французской грамматики с довольно, как нам показалось, необычным названием: *«Опыт сравнительной грамматики русского и французского языка по методу академика Я. К. Грота»*^{*}, принадлежащий перу Екатерины Ивановны Раевской.^{**}

^{*} Раевская Е.И. Опыт сравнительной грамматики русского и французского языка по методу академика Я.К. Грота. М.: издательство Елизаветы Гербек, 1890 г. 213 с.

^{**} Екатерина Ивановна Раевская (урожд. Бибикова) (1817–1899) была широко образованным человеком, одарена литературным и художественным талантом. Состояла в браке с помещиком И.А. Раевским (1815–1869), мать девяти детей. Провела большую часть своей жизни в Рязанской губернии, где занималась литературной деятельностью, публиковалась в различных журналах. А.И. Полежаев посвятил ей несколько стихотворений. Оставила воспоминания о встречах и беседах с Л.Н. Толстым, который неоднократно бывал в имении своего друга И.И. Раевского (сына Екатерины Ивановны). В предисловиях к своему учебнику Раевская пишет, что посвятила преподаванию «родного языка и некоторых иностранных» своим и чужим детям более полувека. В воспоминаниях встречаются упоминания об уроках родного языка, французского и английского, которые она давала, выполняя тем самым роль домашней учительницы для своих детей.

Дело в том, что в литературе, посвященной истории преподавания отечественного языка в России, кажутся привычными упоминания о большом значении «методы Грота», идей и предложений, высказанных ученым для улучшения преподавания русского языка в учебных заведениях, известны и основные положения его концепции в этом вопросе.

В то же время взгляды Грота на изучение и преподавание иностранных языков не получали специального освещения, тем не менее они представляются интересными и актуальными для нашего времени, когда вновь поднимаются вопросы о содержании среднего образования, месте в нем гуманитарных дисциплин, в частности языков, в том числе и классических, древних.*

Ключевые слова: учебные пособия по иностранным языкам, история преподавания, XIX век, Россия и Франция, лингводидактическая концепция Я. К. Грота.

Обращение к научному и педагогическому наследию Грота показывает, что взгляды ученого на преподавание родного и иностранных языков формировались и развивались в течение всей его филологической и педагогической карьеры под влиянием контекста лингвистических и педагогических исследований второй половины 19 века, сложившегося в России и в других странах Европы. Я. К. Грот высказывает свои идеи в указанной области начиная с сороковых годов в публикациях, основная часть которых представлена в двух первых томах его трудов: *Из скандинавского и финского мира* (1839–1881), *Филологические разыскания* (1852–1892), и в последнем, 5-м: *Деятельность литературная, педагогическая и общественная* (1837–1889).**

Заметим, что Я. К. Грот и сам пробовал свои силы на поприще учебной литературы по русскому языку как иностранному в годы своей работы в Александровском университете, стремясь улучшить там его преподавание. Так, в апреле 1848 г. в Гельсингфорсе вышел его «Теоретико-практический курс русского языка для начинающих» на шведском языке. Вторым русско-шведским учебным посо-

* См., например: [Любжин 2003, 2000], [Максимова 2005], [Попова 1999], [Стрельцов 2010].

** См. соответственно [Грот 1898], [Грот 1899], [Грот 1903].

бием в его исполнении стал сборник статей по русской литературе с приложением учебного словаря к ним [Grot 1848a, 1848b].

Плетнев Петр Александрович (1792–1862), преподаватель Санкт-Петербургского университета и известный литературный критик, состоявший в тесной дружбе с Гротом, отзывался так об этих работах в одном из писем к нему: «Мне очень нравится твоя простая и обдуманная метода учить иностранцев началам русского языка» [Грот 1896: 231].

Действительно, в период знакомства со скандинавским и финским миром, его культурой, системой и содержанием преподавания, Грот много размышляет о языках, проблемах их адекватного описания и преподавания.

В дневниковых записях 1847 года о своем знакомстве с Упсальским университетом, он отмечал, например, что краткие ознакомительные курсы, компендии, используемые там в обучении, «... лишены жизни и интересу, не запечатлеваются ни в памяти ни в уме... Заставлять детей учиться по одним сокращенным, сухим курсам — большая ошибка» [Грот 1898: 476].

Грот размышлял о введении в учебные русские грамматики результаты исторических исследований языков. Так, соглашаясь в целом с критикой своих финляндских коллег (1844)*, он подчеркивал положительные изменения, происходившие в этой области: «... это

* «...Двое известных финляндских филологов... сообщают нам несколько дельных мыслей о разработке русского языка. Мы считаем своей обязанностью представить их замечания в русском переводе. Вот что сказано в письме из Каяны: «...но мне чрезвычайно досадно, что все русские грамматики, какие я видел, нисколько не объясняют этимологического развития языка, а только сказывают, что например, настоящее в глаголе *держать* — *держу*, в глаголе же *мазать* — *мажу*, умалчивая, почему одно образуется так, а другое иначе. [...] ...у русского более, нежели у других европейских языков есть самостоятельное основание и внутренняя гармония, то ты извинишь мою досаду, тем более что немецкий, даже исландский (которые, как языки, стоят гораздо ниже русского), стараниями братьев Гримм, Бекера, Раска и других, уже значительно объяснены в отношении к происхождению их и этимологическому построению... [...] Нечего сказать, тяжела ваша речь для наших финских языков! Но если практика трудна, то теория еще труднее, потому что русская грамматика еще в пленках. Чтобы она могла сделаться чем-то живым и получить определенные законы, необходимо основать ее на славянском языке и при обрабатывании ее иметь в виду другие наречия того же корня. Особенно недостаточны: статья о глаголах, отделанная совершенно механически, и статья об ударениях. К объяснению этих предметов славянский язык должен представлять богатые пособия...» Грот Я.К. «Листки из скандинавского мира. IV.1844» [Грот 1898: 283–285].

чувствуют и у нас все образованные люди. Изданные недавно “*Филологические наблюдения*” протоиерея Павского доставили весьма важное к тому пособие, доказав, как между нашими учеными со- знается потребность улучшения русской грамматики. Финляндские корреспонденты наши, как по всему видно, еще не слышали о по- явлении этого замечательного труда» [Грот 1898: 283].

Мысли о содержании лингвистического образования ученый развивает в статье «*Об элементарном преподавании родного языка*» (1855) и рецензии на учебник латинского языка Е. Белявского (1876), а также в полемических статьях, напечатанных в 1871 г., в разгар общественных дискуссий о классическом и реальном компонентах в среднем образовании и о самой реформе гимназий*. В них Яков Карлович излагает свои взгляды на место и значение древних и новейших языков в интеллектуальном развитии учащихся.

Защищая позиции классического образования, важность его общеобразовательного значения для *европейцев* (к которым он причисляет и русских), Грот не отрицает общественной потребности и в реальном образовании. Уточняет, что лишь там, «... где классицизм, как в Англии, подавляет развитие других знаний, он должен быть ограничен, а там где, напротив, он очень слаб, его следует укрепить». Что касается новейших языков, то, по мнению Грота, рекомендуемое оппонентами их «глубокое» изучение вместо древних невозможно в принципе без знакомства с последними. Я.К. Грот считал, что проблемы преподавания языков в российских гимназиях связаны скорее с «недостаточностью учебных пособий» и плохой организацией обучения. «Мысль ввести, вместо древних языков, новые не так счастлива, как может это с первого взгляда казаться» — заключал он [Грот 1903: 191–192].

В этой связи интересно мнение Грота о роли родного языка при изучении древних: «Как ни полезно раннее и сознательное его изучение в связи с церковно-славянским, однакож и с этим дополнением, ... он никогда не может заменить древних языков; его препода-

* Грот Я.К. «Об элементарном преподавании родного языка» (1855) [Грот 1899: 390–400]. Он же. «Этимология древнего церковно-славянского и русского языка, сближенная с этимологией языков греческого и латинского» Е. Белявского, преподавателя 5-й Московской гимназии» М., 1875. Рецензия (1876) [Грот 1899: 36–371]. Он же. О классическом образовании. В чем сущность вопроса //Голос. 1871. №102 [Грот 1903:186–188]. Он же. По поводу вопроса о предметах общего образования // Спб. Ведомости, 1871 г., № 117. [Грот 1903: 188–194].

давание должно предшествовать и сопутствовать изучению греческого и латинского, но не исключать их...». Свою позицию по этому вопросу он резюмирует следующим образом:

«...основные пункты моего взгляда на дело:

1) Классическая система имеет глубокое значение для умственного развития молодого человека, и потому незаменима в образовании не только ученых и педагогов, но и вообще людей, предназначенных себя к высшим духовным задачам общественной деятельности.

2) Важность классического образования не устраняет необходимости дать широкий простор реальному образованию, которое доступнее для большинства и нужно как для всех отраслей технических, так и для разных родов практической деятельности.

3) При том низком уровне, на каком у нас до сих пор находилось педагогическое дело... введение классицизма во всей его абсолютной строгости невозможно и должно происходить постепенно.

4) Требование, чтобы поступающие в университеты знали оба древние языка, не может вполне достигать своей цели, пока будут существовать, как полнейшее тому противоречие, привилегированные учебные заведения, откуда воспитанники, после поверхностного 6-ти или 7-летнего курса и в сравнительно незрелом возрасте, допускаются к важнейшим отраслям».

В заключение своей защиты древних языков и классического образования в российских гимназиях в целом он подчеркивает: «Если классицизм ведет к какой-нибудь аристократии, то разве только к аристократии ума, трудолюбия и знания, — а в ней единственно твердый оплот против преобладания аристократии всякого рода внешних благ и невежества» [Грот 1903: 193–194].

В вопросе о содержании преподавания языков, в частности родного, Я. К. Грот являлся во многом единомышленником Федора Ивановича Буслаева (1818–1897). Он считал, что труды этого ученого не только дали «прочное основание сравнительному методу в русской грамматике», но и «...составили эпоху в истории преподавания отечественного языка..., ибо преподавание церковно-славянского стало идти параллельно с русской этимологией, и благодаря “Исторической грамматике”, начали появляться учебники, развивающие то же содержание в меньших размерах и в более доступной для учеников форме», — писал он в 1876 г. в упомянутой выше рецензии на учебник Е. Белявского [Грот 1899: 363].

Солидарен он с Буслаевым и в том, что начальное преподавание родного языка должно заключаться в формировании сознательного владения грамматикой, предполагая три взаимосвязанных этапа: наблюдение фактов языка, их осмысление с помощью преподавателя, закрепление в практических упражнениях творческого характера.* Именно осмысленное отношение к грамматике родного языка, основанное на анализе языковой практики, необходимо для успешного освоения как древних, так и новых языков, ибо оно позволяет придать обучению системный характер и может служить общим задачам как классического, так и реального образования. Полагая, что подходы к преподаванию родного и иностранного языка должны различаться, Буслаев также ратовал за их тесную связь.**

Грот считал, что изучение языков древних и новых должно непременно опираться на уже приобретенные грамматические познания в родном языке.

Иными словами, в гимназиях он предлагал организовать преподавание родного, древних и новейших языков таким образом, чтобы они являлись неразрывно связанными частями единого ансамбля. Для этого необходим путь их сознательного освоения через сопоставление грамматических явлений, через обращение к историческим объяснениям и при условии, что сознательное владение грамматикой будет закладываться на материале родного языка учащихся.

* Ср. у Буслаева:

«1) Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения. **Этим и следующими правилами отделяем мы методу преподавания отечественного языка от методы преподавания иностранных, ибо отношение дитяти к тому и другому совершенно различно** (выделено нами — Н.К.).

2) Формы речи, коими ученик уже умеет пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа.

3) С разбором соединений синтезис, совокупление отдельного в практических упражнениях. Вначале подражание, потом знание; теперь опять упражнение, соединений внешнее с внутренним, форму с содержанием» [Буслаев 1867: 58].

** «...Для собственного интереса преподавание новых языков должно заступать за усиленное преподавание древних, только в гимназиях и в школах нереальных, может быть истинное образование европейское. ...В средствах гимназии – сильное сближение истории языков новых с латинским, греческим и славянским. Отсюда необходимость возведения русской грамматики до сравнительной и исторической. Здесь посредничество языка отечественного между древними и новыми, здесь твердое основание отличию национального от общечеловеческого» [Буслаев 1867: 60].

«Ничто так не объясняет предметов учения, как открываемая между ними связь; этим только способом то, что само по себе казалось бы случайным и непонятным, приобретает смысл и законность; то, что иначе усвоилось бы только памятью, освещается соображением и входит в сознание» [Грот 1899: 363].

В целом методические взгляды Грота в данной области органично вписывались в процессы адаптирования традиционных методов к новым условиям преподавания иностранных языков в европейском пространстве. К концу 19 века грамматико-переводные методы видоизменялись за счет сравнительно-исторического компонента, вносимого в разных пропорциях в учебный материал, а также за счет перехода к работе над связными текстами и через оптимизацию практических упражнений. Происходило приспособление этих традиционных методов к требованиям различной направленности обучения, обусловленной диверсификацией учебных заведений и ростом их количества.

В этой связи отметим, что в период с 1870 до 1880 г. шло особенно активное завоевание живыми иностранными языками полноценного места в школьных системах Западной Европы, которого они не имели ранее, находясь среди второстепенных предметов утилитарного назначения в гимназическом, по преимуществу, классическом, образовании. С одной стороны, укрепление роли живых языков в среднем образовании привело к «взрывному» развитию учебных пособий, появлению многочисленных так называемых «теоретико-практических» курсов, их быстрой специализации. С другой — и к появлению нового — «прямого», или практического, подхода, сторонники которого стремились вытеснить из преподавания грамматико-переводный метод как несовместимый с преподаванием новейших языков, считая его применимым главным образом в изучении языков «мертвых» [Puren 1988: 42–57].

Российские лингвисты-педагоги, и в частности Ф.И. Буславев и Я.К. Грот, следившие за западноевропейскими новшествами в данной области и активно участвующие в отечественных дискуссиях по вопросу о содержании гимназического образования, являлись тем не менее убежденными сторонниками теоретико-практического подхода к изучению языков в гимназиях, не отрицая при этом возможностей частичного использования и других методов, в частности «прямого». Дело в том, что новейшие языки в россий-

ских гимназиях занимали важное место изначально и вопрос о них ставился несколько иначе, чем в западноевропейских школах, где речь шла об укреплении их позиций по отношению к древним. В России вопрос касался прежде всего оптимизации соотношения между преподаваемыми языками. Защита требовалась скорее классическим языкам, чем новейшим. Признавая важность изучения и тех и других, ученые особенно настаивали на формировании сознательного отношения к языкам как средству оформления и развития мыслительного содержания уже при элементарном, практическом преподавании родного языка, ведущем к сознательному усвоению его грамматического строя, а значит и к созданию прочной основы для усвоения других, одинаково полезных, как древних, так и новейших. Впрочем, именно поиск общей оптимизирующей основы и важность, придаваемая сознательно-сопоставительному подходу в гимназическом преподавании всех языков — родного, древних и новейших — и отличает российский вариант грамматико-переводных методов от тех, что существовали в других странах в тот же период, в последней трети 19 века.

Под влиянием такой обновленной интерпретации целей и содержания изучения языков в отечественных гимназиях, закрепленной реформой 1871 года, в России создавались заново или перерабатывались уже существующие учебные пособия по иностранным языкам.

Так, в своей рецензии 1876 г. на новый учебник латинского языка Белявского Грот отмечал в числе его положительных сторон сравнения, которые автор систематически проводил как с родным языком учащихся, так и с церковнославянским, в форме, доступной для учащихся, и не перегружая при этом учебный материал ненужными деталями.

Он подчеркивал: «В книге этого рода мы, конечно, не можем непременно требовать результатов самостоятельных исследований или новых филологических открытий. Хорошо уже, если автор, ознакомившись с важными учеными трудами по своему предмету, извлекает из них все то, что с пользой может быть употреблено для практической цели» [Грот 1899: 364].

Упомянутый нами в начале статьи учебник французского языка Е. А. Раевской построен также в согласии с изложенными принци-

пами, почерпнутыми ею главным образом из работ Грота, и является таким образом демонстрацией сознательно-сопоставительного варианта грамматико-переводного метода в применении к двум языкам — русскому и французскому.

Так, Раевская пишет во *Введении* к учебнику: «...я заметила, что начинающих более всего пугает перспектива изучения слишком большого количества различных грамматик. Тогда я начала с того, что объясняла им, что все эти, по их понятию, разнородные науки имеют в сущности одни и те же основные начала, общие законы, которые вовсе не так странны, как они им кажутся, и что усвоивши их, они будут иметь понятия о правилах общих всем древним и новейшим языкам и что, со временем, им придется только изучать некоторые особенности того языка, которым они захотят заняться» [Раевская 1890: предисловие].

С первого взгляда ее *«Опыт сравнительного изучения...»* построен вполне обычно для 19 в.: весь грамматический материал, данный на двух языках, расположен на странице в двух столбцах: слева на французском, а справа на русском. Оригинальность состоит в том, что текст их тождественен только в случаях, когда правила обоих языков совпадают. Там, где явление и правило касаются одного языка, в столбце другого языка находится пробел.

С помощью данного приема автор выделяет наиболее важные различия двух языков: в русском языке — отсутствие артиклей и разнообразия глагольных времен в изъявительном наклонении, сослагательного наклонения, а во французском языке — именного склонения, глагольного вида и т. д.

Очень интересна первая глава, посвященная произносительной и орфографической сторонам языка, где Раевская объясняет различия буквы и звука, опираясь на Грота, используя его терминологию. Так, она пишет: «На внешнем основании выводятся еще две части грамматики: произношение и правописание. Но с этой, внешней стороны языки не могут иметь общих форм,.. эти две части — дело частных грамматик и не входят в отдел сравнительного руководства. Беру из них только самые основные правила, более или менее общие сравниваемым языкам и необходимые для первоначального их изучения» [Раевская 1890: введение].

Далее она приводит почти дословно гротовское определение буквы и звука: «Буква есть видимое изображение (слышимого) зву-

ка. Звук и буква тождественны в смысле, что они простейшие части одного и того же слова, звук — сказанного, буква — писанного».

Представляя звуковой строй русского языка, она выделяет *гласные* и *согласные*, один *полугласный*, *двугласные (дифтонги)*, последние разделяются на *нисходящие* и *восходящие*, или *облеченные*, и здесь же указываются принятые для них *начертания*.

Так, об орфографии восходящих дифтонгов она пишет: «... начинаясь на *й*, в русском языке они скрываются в начертаниях: *я, е, ё, ю*, употребляемые вместо *йа, йэ, йо, йу*, и их удобнее называть *облеченными гласными*» [Раевская 1890: 8–15].

Основные орфографические правила излагаются также по Гроту, будучи извлеченными из соответствующих разделов его «Русского правописания», и занимают целый ряд страниц в учебнике: правописание имен существительных с «ять» (с. 39–41), прилагательных (с. 50–51), местоимений (с. 68), глаголов (с. 120–122). Выделены особые замечания о спряжении русских глаголов (с. 134–137), о правописании предлогов (приставок) *воз-, из-, низ-, раз-* (с. 165) и союзов (с. 168).

Важно отметить, что составительница предназначает свой труд обучающим, а «не для того, чтобы прямо давать в руки малолетним ученикам», полагая что он «...будет полезным руководством для молодых матерей и для заменяющих их домашних учительниц». Из него, как подчеркивает составительница, они смогут «почерпнуть то, что сочтут нужным толковать детям, .. как для ознакомления их с общими правилами, также как и с особенностями обоих языков» [Раевская 1890: 3].

В этой связи заметим, что чаще всего именно домашние учителя преподавали начала русского и новых языков дворянским детям до их поступления в гимназии и кадетские корпуса, т.е. до десятилетнего возраста. На вступительном экзамене в эти учебные заведения от кандидатов требовалось знание элементарных грамматических правил родного языка, а также навыки чтения и письма по-французски.

По сути, содержание всех разделов учебника о русском языке представляет его элементарный курс, а разделов о французском языке — элементарный курс французского.

В этом смысле учебник вполне соответствует своему назначению справочного пособия для начинающего учителя, объяснения

основных грамматических явлений двух языков в нем даны действительно в простой и доступной форме.

Сознательно-сопоставительный грамматический подход к изучению языков, защищаемый Я. К. Гротом и получивший в конечном счете официальную поддержку Министерства образования в реформе 1871 года, нашел воплощение в ряде учебных пособий по новым языкам, выходявшим, как правило, под названием *прогрессивных, концентрических, или градуальных*.^{*} Знакомство с каждым новым грамматическим явлением в таких учебниках начинается индуктивным путем, с простейших примеров употребления, через сопоставление с родным языком, пополняясь затем в каждом *концентре* новыми деталями и комментариями. Уже на элементарном уровне вводится работа над лексикой и грамматикой в связных текстах. Сопоставление с явлениями родного языка также присутствует с первых уроков.

Кроме того, в таких учебниках начинает присутствовать явно выраженная специализация по целям преподавания языков в различных типах учебных заведений. Например, последнее хорошо видно из предисловия к учебнику французского языка В. С. Игнатовича^{**}:

«Так как мы назначаем свой учебник для заведений реальных и классических, то желая вполне удовлетворить требованиям учебных планов Министерства Народного просвещения, мы ввели объяснение французских этимологических форм посредством латинских, на основании исторической грамматики. Но так как указания и объяснения этого рода помещены в примечаниях и напечатаны мелким шрифтом, то они ни в чем не могут затруднять учеников, не изучающих латинского языка, и легко могут быть обойдены: сравнения же с русским языком будут одинаково полезны для всех. В издании нашем во всех его частях, мы приняли деление на параграфы, которые представляют, каждый, маленькую главу, заключающую в себе ряд однородных сведений» [Игнатович 1899: XVIII–XIX].

Учебник Игнатовича и другие пособия, отражающие сознательно-сравнительный подход в иноязычном образовании, впрочем,

^{*} См., например: [Марго 1896; 1905], [Фену 1871], [Fleury 1892], [Игнатович 1882; 1899].

^{**} Игнатович Витольд Станиславович (1834–1902) – преподаватель французского языка 1-ой Санкт-Петербургской гимназии (работал также в семинариях, кадетских корпусах), автор ряда популярных учебных пособий по французскому языку.

многократно переиздавались, успешно выдерживая натиск «прямых» методов, получавших все большее распространение (главным образом в учебных заведениях без классических языков) к концу 19 в. — началу 20 в.

Благодаря этому, в российских методиках преподавания иностранных языков в дальнейшем и вплоть до настоящего времени не оказались преданными забвению положения о необходимости сознательного владения грамматикой родного языка как основы для успешного изучения иностранных и о важности сравнения языков между собой (исторического в том числе) для лучшего понимания их специфики.

Данный подход получил своеобразное преломление и в учебной литературе по русскому языку как иностранному во Франции, переживавшей в то время период переосмысления значения новых языков в среднем образовании.

В этой связи напомним, что интерес к русскому языку в этой стране, возникший к концу 18 — началу 19 века, знаменовался появлением его первых грамматик на французском языке: Жана-Батиста Модрю (1802), Гастона Амоньера (1817) и др. Эти учебные пособия адресовались всем желающим познакомиться с русским языком самостоятельно. Проникновение же русского языка в учебные заведения начнется во Франции значительно позже, почти в конце 19 века, с открытием славянских кафедр в Коллеж-де-Франс, в Высшей школе восточных языков и с введением уроков русского языка в нескольких лицеях, ознаменовав таким образом период «русофильства» — сближения Франции с Россией после поражения во франко-прусской войне 1870 — и с заключением франко-русского альянса 1892 г.

Тем не менее место и статус русского языка в среднем и высшем образовании долгое время оставались весьма неопределенными.

Относясь к новейшим языкам, изучение которых во французской средней школе данного периода, как правило, еще сводилось к утилитарным целям, игнорирующим их общеобразовательный и культурный потенциал, русский язык не мог иметь большой привлекательности в отличие от немецкого и английского, так как его изучение не вело к диплому бакалавра, а значит, и к определенному профессиональному выходу.

В то же время сама репутация русского языка как трудного для изучения обусловила его первоначальное включение в программы

высшей школы и лучших классических лицеев Парижа, определив тем самым его место как предмета общеобразовательного значения в подготовке элиты гуманитариев.

Несмотря на шаткость положения русского языка в учебных заведениях, возникла необходимость в создании учебных пособий для его организованного изучения в школьных и университетских условиях.

Одной из таких основ оказался существовавший с 1821 г. учебник русской грамматики франкоязычного швейцарца Карла-Филиппа Рейфа, написанный им в России*, третьему изданию которого (1860) автор постарался придать практическую направленность, снабдив каждый его раздел упражнениями на подстановку нужных форм с переводом.

Именно это издание грамматики выберет основоположник французского славяноведения Луи Леже (1843–1923) для использования в преподавании в Институте восточных языков, и его выбор представляется нам неслучайным.

Грамматика Рейфа считалась лучшей из немногих существовавших в то время пособий по русскому языку для франкофонов. Луи Леже, впрочем, и сам в молодости начинал изучение русского языка по грамматике Рейфа, хотя и считал ее во многом недостаточной.

Оказавшись перед необходимостью организованного обучения русскому языку студенческой аудитории, Луи Леже решает переработать грамматику Рейфа, сохранив имя автора. Он выпускает ее в 1878 году четвертым изданием и пятым в 1886 [Reiff, Léger 1878; 1886]. Обновленная грамматика Рейфа будет переиздаваться вплоть до 1917 года, пользуясь известной популярностью в университетском и школьном преподавании русского языка.

Любопытно отметить, что проведенное сравнение грамматики в переработке Леже с ее оригиналом показало, что изменениям подверглась лишь небольшая часть ее разделов. Во многих случаях следует говорить о дополнении и уточнении параграфов, написанных рукой Рейфа.

Мы считаем, что столь бережное отношение Леже к тексту связано прежде всего с общностью взглядов обоих ученых на многие

* К.-Ф. Рейф (1792–1872), грамматист, лексикограф, переводчик, проживший в России более 30 лет, тесно сотрудничавший с Н.И. Гречем, С.И. Шишковым, популяризатор русского языка в Европе.

явления русской грамматики, обусловленных знанием и влиянием работ российских языковедов и педагогов.

Достаточно известно, например, что, отличаясь солидным знанием сочинений европейских лингвистов, Рейф в то же время с большим уважением относился к трудам российских ученых, разделяя с ними многие взгляды на принципы описания грамматического и лексического строя русского языка, следил за их эволюцией, оставаясь в контакте с российскими научными кругами и после отъезда из России в 1838 году.

Так, третье издание своей грамматики (1860) Рейф пересмотрел с опорой не только на Н. И. Греча, с которым он особенно тесно сотрудничал, но и на работы И. И. Давыдова, А. Х. Востокова, а также Г. П. Павского. Книгу последнего «Наблюдения над составом русского языка» (1841–1842), как мы отмечали ранее, высоко ценил Я. К. Грот («замечательный труд»).

Что касается Луи Леже, то в предисловии к своей переработке грамматики Рейфа он упоминает Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. Х. Востокова, И. А. Бодуэна де Куртене, а также Ф. Миклошича и А. Шлейхера как своих наиболее авторитетных учителей в славянской филологии. В тексте грамматики встречаются ссылки на В. И. Даля, с которым Леже разделял взгляды на функционирование русского глагола, а также на Я. К. Грота, которого он придерживался в вопросах орфографии.

Заметим, что его знакомство со многими российскими лингвистами и педагогами происходит во время двухлетнего пребывания в России (1872–1874). В воспоминаниях об этом периоде Леже повествует, в частности, о своих тесных дружеских отношениях с Ф. И. Буслаевым, И. И. Срезневским, а также о встречах со многими другими представителями науки и культуры; естественно, что французский славист был в курсе и российских дискуссий о содержании гимназического преподавания, о месте в нем языков древних и современных [Léger 1905].

Принципы, которыми Леже руководствовался при обновлении рейфовой грамматики, обнаруживают влияние педагогических идей вышеупомянутых ученых, бывших преимущественно защитниками равновесия в преподавании новых и классических языков, опирающемся на сознательное владение грамматикой родного языка.

Так, Леже снабжает эту элементарную грамматику, адресованную начинающим, достаточно многочисленными историческими комментариями. Они присутствуют в ней, как правило, в краткой форме. Таковы, например, объяснения причин аномалий склонения существительных на *-мя* (*время, семья, имя*), на *-енок*, или существования полных и кратких форм прилагательных, либо природы *минимой* нерегулярности многих глаголов (*брать, звать, мять, жать*) и т. п., сводимые к нескольким строкам в тексте грамматики.

Более пространные исторические замечания, как и отклонения от регулярных парадигм спряжения и склонения в грамматике, набраны мелким шрифтом, предназначаясь для освоения на продвинутом этапе.

В грамматике регулярно проводятся сравнения с латинскими, немецкими и английскими формами. Однако в качестве основной опоры выступают сравнения с явлениями грамматики французского, родного языка учащихся.

Каждому разделу грамматики соответствуют упражнения на выбор нужных форм: Леже сохраняет без изменений все упражнения учебника Рейфа.

Именно в нем впервые упоминается имя Я. К. Грота в связи с освещением вопросов русского правописания. Так, сначала в разделе об алфавите Леже отмечает, что «русская орфография представляет много странностей и аномалий, которые напоминают таковые в английском языке» и что «это происходит от того, что русский язык основывался на орфографии старославянского языка, имевшего другое произношение, другое ударение» [Reiff, Léger 1886: 19].

Затем в разделе, посвященном правописанию, он уточняет: «Мы можем дать здесь лишь очень краткое и общее изложение основных правил русской орфографии, подвергавшейся в последние годы многочисленным изменениям, поэтому в отношении деталей советуем обращаться к учебнику, составленному по поручению Петербургской Академии ее членом, Яковом Гротом: Русское правописание, Санкт-Петербург, 1885» [Reiff, Léger 1886: 222].

Учебник русской грамматики Рейфа в доработке Леже отражает по сути концепцию учебника по иностранному языку, закрепившуюся в России в рамках сознательно-сопоставительного грамматико-переводного метода. Значение, которое Леже придавал сознательному овладению грамматикой иностранного языка с опорой на со-

знательное же владение родною, проявлялось кстати в его весьма категоричных заявлениях о нежелательности допуска к обучению русской грамматике преподавателей, не имеющих обширной лингвистической подготовки и недостаточно хорошо владеющих французским языком. Носителям русского языка, недостаточно владеющим французской грамматикой теоретически, он рекомендовал поручать обучение произношению и технике чтения, не доверяя им грамматики*. Так в несколько утрированном виде проявлялась его защита принципов сознательно-сопоставительного метода в преподавании русского языка во Франции данного периода.

В дальнейшем этот метод получит продолжение и развитие в учебнике Виктора Жаклара [Jaclard 1897], а также в известном учебном пособии по русскому языку Поля Буайе и Н. Сперанского, сохранявшего, кстати, орфографию «по Гроту» до своего последнего, шестого, издания 1947 года [Boyer, Spéranski 1905; 1947]**. Традиции сознательно-сопоставительного подхода при обучении русской грамматике продолжают сохраняться в университетском образовании во Франции и до наших дней.

Литература

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. 2-е изд. М., 1867.

Грот К. Я. (ред.) Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896.

* «Il fallait écarter de l'enseignement les simples maître de langue, les Russes même naturalisés, qui n'ont point point satisfait aux exigences de notre éducation classique» [Léger 1899: 133].

** Поль Буайе объяснял это желанием сохранить возможность для обучающихся русскому языку знакомиться с произведениями великих русских писателей 19 века, в частности Л. Н. Толстого, в оригинальных изданиях прошедшей эпохи, а также облегчить им понимание словообразования и «лишь кажущихся нерегулярностей в склонении существительных и прилагательных» [Boyer, Spéranski 1947: XII]. Поль Буайе опирался на труды Грота по орфографии и при разработке своего труда об ударении русских глаголов (De l'accentuation du verbe russe, Paris, 1895), а Борис Унбегаун оценивал *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне* как самое авторитетное сочинение о принципах и истории русской орфографии [Unbegaun 1951: 331].

Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. Деятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение (1837–1889) / под ред. К. Я. Грота. Т. 5. СПб., 1903.

Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы (1839–1881) / под ред. К. Я. Грота Т. 1. СПб., 1898.

Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка (1852–1892) / под ред. К. Я. Грота. Т. 2. СПб., 1899.

Игнатович В. С. Концентрический учебник французского языка сравнительно с русским и латинским, состоящий из трех частей. Курс элементарный (Третья глава на связном тексте). Ч. 1. Издание 17. СПб., 1899.

Игнатович В. С. Теоретико-практический учебник французского языка, сравнительно с русским и латинским, с приложением хрестоматии и словаря. Рекомендован Учебным комитетом при св. Синоде в качестве учебного руководства для духовных семинарий. СПб.: Тренке и Фюсно. 1882.

Любжин А. И. Очерки истории российского образования в императорскую эпоху. М., 2000.

Любжин А. И. Так живет весь цивилизованный мир... Русская школа и Запад. Очерк взаимоотношений // Лицейское и гимназическое образование. 2003. № 10. С. 9.

Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX веков. М., 2005.

Марго Д. Теоретико-практическая грамматика французского языка для старших классов. СПб., 1896, 7-е изд.

Марго Д. Элементарный прогрессивный курс французского языка для младших и средних классов, СПб., 1905, 36 изд.

Попова Е. Г. Культурологические функции изучения иностранных языков в отечественной гимназии (вторая половина XIX — начало XX веков). М., 1999.

Раевская Е. И. Опыт сравнительной грамматики русского и французского языка по методу академика Я. К. Грота. М.: Издательство Елизаветы Гербек, 1890. 215 с.

Стрельцов А. А. Парадоксы русского просвещения // История и современность. 2010. № 1. С. 61–77.

Фену А. (Fenou H.) Французская грамматика в сравнении ее с русской. Пособие для учащихся и учителей, не успевшим изучить русского языка теоретически. СПб.: Изд-во И. А. Исакова, 1871.

Boyer P. et Spéranski N. Manuel pour l'étude de la langue russe. P., 1905.

Fleury J. La grammaire en action à l'usage des Russes par Jean Fleury. 9e édition. SPb., 1892.

Grot 1848 а — Grot J. Theoretisk och praktiskt Läröbok i ryska språket. Första kursen för begynnare. Helsingfors, 1848 (2-е изд. 1849, 3-е изд. 1869).

Grot 1848 б — Grot J. Rysk Läsebok, innehållandes märrearbeten på prosa och vers af J. Grot. Helsingfors, 1848; Grot J. Lexicon till Rysk Läsebok. Helsingfors, 1848 (на русском языке: Литературные опыты Якова Грота. Книжка 1. Чтение для юношества. Гельсингфорс: Simelius, 1848).

Jaclard V. Méthode nouvelle comparative et graduée pour l'étude de la langue russe. Paris: Garnier, 1897.

Léger L. L'enseignement du russe // Revue internationale de l'enseignement. T. 35, février 1898. P. 97–105 // Léger (Louis). Russes et Slaves. Études politiques et littéraires. 3e série. Paris: Hachette, 1899.

Léger L. Souvenirs d'un slavophile (1863–1897). P.: Hachette, 1905.

Puren Ch. Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues. Paris: Nathan-CLE International, 1988. P. 42–57.

Reiff Ch. Ph. Grammaire russe avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l'accentuation de tous les mots russes par Ch.Ph.Reiff. Revue, corrigée et augmentée par Louis Léger. 4^eéd. P., 1878; 5e éd. P., 1886.

Unbegaun B. O. Grammaire russe. Lyon, 1951.

N.I. Kriazheva (Kuzmina)
University of Blaise Pascal
(France, Clermont-Ferrand)
Nadejda.KRIAJEVA@univ-bpclermont.fr
nadiakriazheva@hotmail.fr

**Ya. K. GROT'S
METHOD IN FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOKS
AT THE END OF THE 19th CENTURY**

The paper analyses academician Ya. K. Grot's main ideas concerning teaching foreign languages and their implementation in Russian and French textbooks at the end of the 19th century.

Basic principles of his concept dealing with improving mother tongue teaching at schools are well-known in history. At the same time, the scholar's views on foreign languages in education didn't receive special attention, although they are still interesting nowadays, when questions of content of the secondary education and a place of the humanities in it, in particular, languages — classical and ancient ones — have been risen up.

First, the article examines peculiarities of Russian approach to the teaching of mother languages, both ancient and modern, which evolved as a result of scientific and pedagogical discussions, in which Ya. K. Grot took an active part. An important place in linguistic education was given to the comparison of history and structure of languages to be learnt, especially to the conscious possession of native language grammar as the basis for the development of foreign ones. Grot's original concept of teaching native language, ancient as well as modern, as a single complex with all its parts firmly linked together, influenced the development of a range of well-liked textbooks on foreign languages for secondary schools in Russia.

The second part of the present paper is devoted to the influence of Ya. K. Grot's method on school manuals of Russian as foreign language at the initial period of teaching Russian in France at the end of the 19th century. The author studies several textbooks written by Ch.-F. Reiff and L. Léger (1878), V. Jaclard (1897), P. Boyer and N. Speranski (1905) and others, which were widely in use at schools and universities that time.

Key words: textbooks and manuals of foreign languages, history of teaching, XIXth century, Russia and France, linguistic and didactical concept of Ya. K. Grot.

References

Boyer P. et Spéranski N. Manuel pour l'étude de la langue russe [A textbook for studying Russian language]. Paris, 1905.

Buslaev F.I. *O prepodavanii otechestvennogo iazyka* [On teaching mother tongue]. Moscow, 1867.

Fenu A. *Frantsuzskaia grammatika v sravnenii ee s rrusskoi. Posobie dlia uchashchikhsia i uchitelei, ne uspevshim izuchit' russkogo iazyka teoreticheski* [French grammar in comparison with the Russian one. A textbook for learners and teachers who didn't have time for studying Russian language in a theoretical way]. Saint Petersburg: Y.A. Esakov Publ., 1871.

Fleury J. La grammaire en action à l'usage des Russes par Jean Fleury [Grammar in action for Russians by Jean Fleury]. 9e éd. Saint Petersburg, 1892.

Grot J. Rysk Läsebok, innehållandes märrearbeten på prosa och versaf J. Grot. Helsingfors, 1848; Grot J. Lexicon till Rysk Läsebok. Helsingfors, 1848; [Grot J. Russian Reader for foreigners. Helsingfors, 1848; Grot J. Lexicon through Russian Reader. Helsingfors, 1848] *Literaturnye opyty Yakova Grota. Knizhka 1. Chtenie dlia iunoshestva* [Yakov Grot's Literary performances. Book 1. Reading for Youth]. Gelsingfors: Simelius, 1848.

Grot J. Theoretisk och praktiktisk Lärobok i ryska språket. Första kursen för begynnare [Theoretical and practical textbook on Russian language. The first course for beginners]. Helsingfors, 1848a (2nd ed. — 1849, 3rd ed. — 1869).

Grot Ya.K. *Perepiska Ya.K. Grota s P.A. Pletnevym. Izdana pod redaktsiei K.Ya. Grota.* [Correspondence between Ya.K. Grot and P.A. Pletnev/under K.Ya. Grot's supervision]. Vol. 3. Saint Petersburg, 1896.

Grot Ya.K. *Trudy Ya.K. Grota. Deiatel'nost' literaturnaia, pedagogicheskaia i obshchestvennaia. Stat'i, putevye vpechatleniia, zametki, stikhi i detskoe chtenie (1837–1889)* [Ya.K. Grot's works. Literary, pedagogical and social activities. Articles, traveller's impressions, notes, poetry and children's reading (1837–1889)]. Saint Petersburg, Vol. 5, 1903.

Grot Ya.K. *Trudy Ya.K. Grota. Filologicheskie razyskaniia (1852–1892)* [Ya.K. Grot's works. Philological studies (1852–1892)]. Saint Petersburg, Vol. 2, 1899.

Grot Ya. K. *Trudy Ya. K. Grota. Iz skandinavskogo i finskogo mira. Ocherki i perevody (1839–1881)* [Ya. K. Grot's works. From Scandinavian and Finnish world. Papers and translations (1839–1881)]. Saint Petersburg, Vol. 1, 1898.

Ignatovich V. S. *Kontsentricheskiy uchebnik frantsuzskogo iazyka sravnitel'no s russkim i latinskim, sostoiashchii iz trekh chastei. sostoia-shchii iz trekh chastei. Kurs elementarnyi. Tret'ia glava na sviaznom tekste* [Concentric textbook of the French language compared to Russian and Latin in three parts. Elementary course. The third chapter based on texts]. Part 1. 17th ed. Saint Petersburg, 1899.

Ignatovich V. S. *Teoretiko-prakticheskii uchebnik frantsuzskogo iazyka sravnitel'no s russkim i latinskim, s prilozheniem khrestomatii i slo-varia. Rekomendovan Uchebnym komitetom pri sv. Sinode v kachestve uchebnogo rukovodstva dlia dukhovnykh seminarii* [Theoretical and practical textbook of the French language compared to Russian and Latin, with a reader and a dictionary in the appendix. Recommended by Educational Committee within St Synod as a practical guide for theological seminaries]. Saint Petersburg: Threnke and Fusno, 1882.

Jaclard V. *Méthode nouvelle comparative et graduée pour l'étude de la langue russe* [Theoretical and practical textbook on Russian language. The first course for beginners]. Paris: Garnier, 1897.

Léger L. *L'enseignement du russe* [Teaching Russian]. *Revue internationale de l'enseignement* [International review of teaching]. T. 35, février 1898, pp. 97–105

Léger L. *Russes et Slaves* [Russians and Slavs]. *Études politiques et littéraires* [Political and literature studies]. 3e série. Paris: Hachette, 1899.

Léger L. *Souvenirs d'un slavophile (1863–1897)* [Slavophil's remem-berings]. Paris: Hachette, 1905.

Liubzhin A. I. [The whole civilised world lives like this... Russian school and the West. An outline of relationships]. *Litseiskoe i gimnazicheskoe obrazovanie* [A lyceum and grammar school education]. 2003, No. 10. (In Russ.)

Liubzhin A. I. *Ocherki istorii rossiiskogo obrazovaniia v imperatorskuiu epokhu* [An outline of Russian education history under the Empire]. Moscow, 2000.

Maksimova S. N. *Prepodavanie drevnikh iazykov v russkoĭ klassicheskoi gimnazii XIX — nachala XX vekov* [Teaching of ancient languages]

es in the XIXth — XXth century Russian grammar school]. Moscow, 2005.

Margo D. *Elementarnyi progressivnyi kurs frantsuzskogo iazyka dlia mladshikh i srednikh klassov* [Elementary progressive French for primary and secondary school]. The 36th edition. Saint Petersburg, 1905.

Margo D. *Teoretiko-prakticheskaiia grammatika frantsuzskogo iazyka dlia starshikh klassov* [Theoretical and practical French grammar for high school students]. The 7th edition. Saint Petersburg, 1896.

Popova E. G. *Kulturologicheskie funktsii izucheniiia inostrannykh iazykov v otechestvennoi gimnazii* [Cultural functions of foreign languages teaching at a national grammar school (mid-XIXth — early XXth centuries)]. Moscow, 1999.

Puren Ch. *Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues* [History of teaching languages methods]. Paris: Nathan-CLE International, 1988, pp. 42–57.

Raevskaia E. I. *Opyt sravnitel'noi grammatiki russkogo i frantsuzskogo iazyka po metode akademika Ya. K. Grot* [An attempt at a comparative Russian-French grammar after Academician Ya. K. Grot's method]. Moscow: Elisabeth Gerbeck's Publ., 1890. 215 p.

Reiff Ch. Ph. *Grammaire russe avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l'accentuation de tous les mots russes par Ch. Ph. Reiff*. [Russian Grammar with synoptical tablets of declinations and conjugations, topics or gradual exercises, keys for exercises and stressing of all Russian words by Ch. Ph. Reiff. Reviewed, corrected and added by Louis Leger. 4th ed. Paris]. Louis Léger (Ed.). 4e éd. Paris: Maisonneuve Frères, 1878; 5e éd. Paris, 1886.

Streltsov A. A. [Paradoxes of Russian Instruction]. *Istoriia i sovremennost'*, 2010, No. 1, pp. 61–77. (In Russ.)

Unbegaun B. O. *Grammaire russe* [Russian Grammar]. Lyon: Editions IAC, 1951

С. В. Науменко
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева (филиал)
(Россия, Канск)
rgbsvnaum@mail.ru

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ Я. К. ГРОТА В ОЦЕНКЕ С. П. ОБНОРСКОГО

В статье рассматривается деятельность Я. К. Грота и его «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» и «Русское правописание», оказавшиеся новаторским для орфографической практики конца XIX века. Нормативные установки автора анализируются в контексте современных норм правописания и орфографических трудов С. П. Обнорского, активно занимавшегося проблемами унификации письма в XX века и сыгравшего важную роль в создании действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года.

Приводятся не только прямые высказывания С. П. Обнорского о Я. К. Гроте и оценка его вклада в нормализацию русской орфографии рубежа XIX — XX вв., но и определяется единство их подходов в решении важнейших теоретических вопросов, остро дискутировавшихся в то время: понимание невозможности преобразования отечественной орфографии на фонетической основе, утверждение главенства морфологического начала, взгляд на орфографию как неотъемлемый объект общей культуры и внутренне целостную систему, видение ее будущего не в реформировании, а только частичном урегулировании.

Устанавливается общность рекомендаций Я. К. Грота и созданных под руководством С. П. Обнорского академических проектов правил 1939 г. (первая и вторая редакции) и 1940 г. относительно правописания *о/е после шипящих* в части правописания корневых морфем (*жесткий, шелк, счет, но чопорный, шов, шорох*), личных окончаний глаголов и суффиксов страдательных причастий (*печет, лжет, прельщен, пристыжен, нареченный*). Следующие проекты правил сохранили регламентацию этой группы без изменений.

Ключевые слова: орфографическая ситуация рубежа XIX–XX вв., нормализаторская деятельность Я.К. Грота, оценка его трудов С.П. Обнорским.

Я. К. Грот вошел в историю отечественной орфографии как автор двух глубоких и масштабных работ, оказавшихся во многом новаторскими для своего времени. Его «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873 г.) стали первым полным и системным описанием исторического развития отечественной орфографии с XVIII в. до 80-х годов XIX века. Эта работа сумела вывести «русское правописание из недр грамматики» и поставила «вопросы орфографии на уровень научных проблем» [Григорьева 2004: 56]. «Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук» (1885 г.), стало первым в истории обучения языку обязательным для школы орфографическим руководством.

Нормативные установки Я.К. Грота вызвали у современников длительную и острую полемику, получив крайне противоречивые отзывы. Осознание же роли Я.К. Грота в истории правописания, а с ним и взвешенная оценка его работ придут только в 40-е годы XX века, в частности, в публикациях С.П. Обнорского, продолжившего уже в двадцатом веке работу Я.К. Грота по регламентации нашего правописания в качестве председателя академической орфографической комиссии 1939 года.

Труды Я. К. Грота, по мнению С. П. Обнорского, составили «эпоху в истории русского правописания» и имели «громадное значение», поскольку его деятельность «впервые регулировала письмо, боролась с его разнобразием, обращала внимание на правописание как на неотъемлемый объект общей культуры», а сам он был «прекрасно осведомлен о разных орфографических системах» [Обнорский 1954: 17].

«С давних, догротовских еще времен в нашем правописании было немало частных неясных, этих “спорных”, вопросов письма, спорных вопросов с написанием однотипных групп слов и т. п. Грот в своей деятельности пытался ввести известный порядок в эту смесь подчас трудно поддающихся правописной нормализации больных случаев нашего правописания», — писал С.П. Обнорский [Обнор-

ский 1939: 5]. Незрелость и дискуссионность орфографической теории конца XIX века вынуждали его «ощупью направляться в своих работах по вопросам орфографии», но он все-таки смог представить «посильное упорядочение нуждавшейся в нем нашей правописной системы... Конечно, не все, что предлагал Грот, оказалось принятым в практику правописания... но в основном дело Грота получило признание своего времени» [Обнорский 1934: 455]. Так, в «Русском правописании» (11-е изд., 1894) привычным для нас образом регламентируется орфография более 20 групп спорных написаний той эпохи, в частности: 1) написание *ы* после приставок на твердую согласную (*сыскать, подымать, предыдущий*); 2) правописание части корней с чередующимися гласными (*расти, растение, отрасль, поросль, недоросль, Ростислав, загорать, поклоняться*); 3) приставок *роз-* и *рос-* в отдельных словах (*розыгрыш, розвальни, розыск, роспись*, но *разыскание* и *расписка*); 4) прилаг. мужского рода в род. падеже (*простого, сухого, нагого*); 5) сущ. с суффиксом *-ишк-* и конечным *-а* (*мальчишка, плутишка, воришка*); 6) имен собственных мужского рода с *-а* типа *Гаврила, Данила*; 7) частицы *-ка* (*дай-ка*); 8) предлогов *в течение, в продолжение*, 9) гласных *о/е* после *ц* у сущ. и прилаг. (*купцов, лицо, кольцом, перцем, зеркальце*); 10) частично *и* после *ц* (*цитадель, цикорий, цилиндр, медицина, капуцин, цыган*, но Я.К. Грот ошибся с *цыбик, цынга, цырюльник, цыфирь*); 11) женских отчеств типа *Ильинична, Кузьминична, Лукинична*; 12) группы *извозчик, приказчик, перебежчик, разносчик*; 13) сущ. мн. ч. ж. р. в род. падеже (*обеден, таможен, сотен, басен* с искл. *кухонь, барышень*); 14) прилагательных с одиночной и удвоенной *н* (*тканый, ученый, раненый и наученный, израненный, сотканный*); 15) существительных с одиночной и удвоенной *н* (*воспитанный, промышленность, священник и труженик, вареник, ученик*); 16) различных прилаг. с суффиксами *-енн-, -ан-, -ян-* (*обыкновенный, откровенный, соломенный, клюквенный, кожаный, серебряный* при искл. *деревянный, оловянный, стеклянный*); 17) частично *э* в корне заимствований (*проект, реестр* и т. д. с одним искл. *нэр*); 18) групп *батальон, почтальон, компаньон*; 19) исключил удвоение согласных в словах *привилегия, дилетант, драма, литература, проблема, карикатура*; 20) правописание отдельных групп наречий (*втайне, навеки, взаимы, вкривь, наперекор, досыта, сгоряча, напропалую, по-братски, по-моему* и т. д.). Как видим, в действующем орфогра-

фическом Своде нередко чувствуется «логика прежних правил — по Гроту» [Дегтярев 2009: 206].

У С.П. Обнорского мы находим не только прямые высказывания о Я.К. Гроте, но и видим одинаковый подход к решению важнейших для орфографической нормализации теоретических вопросов. Во-первых, взгляды Я.К. Грота и С.П. Обнорского совпали в понимании бесперспективности преобразования письма на фонетической основе. Я.К. Грот рассуждал: «Некоторым казалось, что русское правописание могло бы совершенно отбросить производственный элемент и сделаться чисто звуковым; но эта мысль не может устоять пред мало-мальски серьезной критикой... для множества слов явилось бы по несколько начертаний, и орфография лишилась бы руководящего начала» [Грот 1873: 4]. Сама «сущность русской азбуки ... не позволяет думать о коренном преобразовании нашего письма в фонетическом смысле» [Грот 1899: 638].

А между тем вопрос о ведущем принципе орфографии будет оставаться спорным даже в 30-е годы XX в.: «до сих пор при разговорах о реформе правописания раздаются голоса в пользу правописания фонетического» [Дурново 1930: 111–112]. Наконец, С.П. Обнорский, возглавивший орфографическую комиссию 1939 г., выразит к тому времени точку зрения уже большинства специалистов и Академии наук: «В работе по унифицированию нашего письма следует всегда считаться с основным принципом, на котором построена вся наша орфографическая система. Этот принцип есть морфологический, но не фонетический... А между тем нередко поползновения и отдельные предложения — сблизить наше письмо с произношением, и, как обычно в таких случаях говорится, “упростить” наше письмо» [Обнорский 1939: 9].

Во-вторых, позиции Я.К. Грота и С.П. Обнорского оказались схожи и в оценке системы русского письма. Так, Я.К. Грот считал систему русского правописания логичной и внутренне целостной, поэтому речь должна идти не о реформировании, а только о «частных изменениях, польза которых может быть всеми понята и почувствована» [Грот 1899: 802]. Совершенно противоположные оценки русской орфографии звучали у критиков Я.К. Грота, например Р.Ф. Брандта, автора работы «О лженаучности нашего правописания» (1901 г.), и К.Г. Житомирского в «Молохе XX века (Правописание)» (1915 г.).

О правомерности взгляда именно Я.К. Грота спустя несколько десятилетий скажет С.П. Обнорский: «Прав был поэтому наш лучший историк русского правописания, акад. Грот, который (еще в старое время в 70-х гг.) в характеристике нашей орфографии писал: "... наше правописание далеко не представляет тех многочисленных и запутанных затруднений, которые тяготеют над письмом большей части других европейских народов"» [Обнорский 1939: 7].

В-третьих, будущее орфографии оба видели не в реформировании, а только в «частных изменениях, польза которых может быть всеми понята и почувствована» [Грот 1899: 802]. По мнению С.П. Обнорского, практическая задача кодификаторов «...не есть реформирование существующей системы письма, а лишь ее унифицирование, корректирование ее в пунктах неустойчивости... не следует думать, что общая наша система письма вопиет к реформе, что здесь у нас крайне неблагополучно» [Обнорский 1939: 7].

Наконец, определенное единство находим в нормативных уставах Я.К. Грота и проектов правил 1939 (1 и 2 ред.) и 1940 гг., созданных орфографической комиссией под руководством С.П. Обнорского. Попробуем проанализировать судьбу рекомендаций Я.К. Грота относительно правописания *о/е после шипящих* в контексте данных орфографических проектов. Эта группа слов, по мнению Я.К. Грота, «составляет одно из главных затруднений в нашей орфографии и подает повод к наибольшему в ней разноречию» [Грот 1894: 42].

Во-первых, в «Русском правописании» Я.К. Грота была намечена тенденция грамматической характеристики групп написаний («в окончаниях», «в Тв. п. ед. ч. существительных», «окончания личных форм глагола» и т. п.), ставшая отчетливой и последовательной именно с 1-й редакции «Сводов орфографических и пунктуационных правил» 1939 г.

Во-вторых, в проектах правил 1939 (1 и 2 ред.) и 1940 гг. полностью совпадает с регламентациями Я.К. Грота орфография корневых морфем: *шорох, чопорный, трущоба, жесткий, шелк, счет, четки, щетка, жены*. Предыдущие «Проект реформы правописания» (1930), 1-ая и 2-ая редакции «Свода орфографических правил» (1936), «Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил» (1937) рекомендовали *пчолка, чорный, шолк,*

жорнов, лжот, жоны, шол, шопот, ещо, облицовка, но пчела, чернеть, щека, желтеть, жена, шептать.

Личные окончания глаголов станут, тоже вслед за Я.К. Гротом, последовательно писаться через *е* только начиная с 1-й редакции «Сводов орфографических и пунктуационных правил» 1939 г. До этого же времени рекомендации проектов были непоследовательными.

Трудным окажется процесс выбора орфографической нормы и для страдательных причастий, которые в «Русском правописании» рекомендовалось писать через *е*: *наречен, пристыжен, прельщен*. В «Проекте реформы правописания» 1930 г. и 1-й редакции «Свода орфографических правил» 1936 г. эта группа слов вообще не была представлена. В «Своде орфографических правил» 1936 г. 2-й редакции она пишется через *е*, а в «Объяснительной записке к сводам орфографических и пунктуационных правил» 1937 г. — уже через *о*. Наконец, в 1-й редакции «Сводов орфографических и пунктуационных правил» 1939 г. правописание страдательных причастий окончательно утвердилось через *е*.

Безусловно, не всегда рекомендации Я.К. Грота оказывались верными и последовательными: *щолкать, чорт, шопот, ежёвый* (хотя *ножовый, дешевый, т.к. дешевле*), *мешечек* (приводится и единственный для этого правила вариант *мешочек*), *чоботы* (хотя *чеботарь*). С.П. Обнорский поэтому справедливо отмечал, что в дальнейшем «обозначились многие возражения по существу объяснений Грота» [Обнорский 1954: 17].

Основная заслуга работ Я.К. Грота была в том, что он попытался внести определенный порядок в «смесь подчас трудно поддающихся правописной нормализации больных случаев нашего правописания», в результате чего «обозначилась волна известного упорядочения нашей орфографии» [Обнорский 1939: 5]. Ему удалось совершенно верно (пусть и интуитивно) определить не только основные линии решения в будущем важнейших теоретических вопросов орфографии, но и унификации многих спорных групп написаний.

Литература

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII — XX). М., 2004.

Грот Я.К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротом (11-е изд.). СПб, 1894.

Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. Филологические разыскания Я. Грота. СПб, 1873.

Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 2. СПб, 1899.

Дегтярев В.И. Драматические страницы в истории русской орфографии. А.В. Миртов против Я.К. Грота // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография. Новгород, 2009. С. 195–208.

Обнорский С.П. Задачи орфографической комиссии // Русский язык в школе. 1954. № 5. С. 17–19.

Обнорский С.П. Основные принципы орфографической нормализации // Русский язык в школе. 1939. № 5–6. С. 5–13.

Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательства // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1934. С. 455–483.

Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил М., 1937.

Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. 2-ая ред. М., 1939.

Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. М., 1940.

Проект реформы правописания/под ред К. Бахрина, Г. Костенко, И. Устинова. М.-Л., 1930.

Свод орфографических правил. 2-ая ред. М., 1936.

Свод орфографических правил. М., 1936.

Свод орфографических и пунктуационных правил. М., 1939.

S. V. Naumenko

Branch of Krasnoyarsk Teachers' Training University

named after V.P. Astafyev

(Russia, Kansk)

rgbsvnaum@mail.ru

Ya. K. GROT'S ORTHOGRAPHICAL FINDINGS IN S. P. OBNORSKII'S EVALUATION

The article considers Ya. K. Grot's work and his "Debatable issues of Russian orthography from Peter the Great hitherto" and "Russian orthography", which turned out to be innovative for the orthographical practice of the end of the 19th century. The author's normative directives are analyzed both in the context of contemporary orthographic standards and S. P. Obnorskii's orthographical treatises. S. P. Obnorskii worked at the problems of unification of spelling in the 20th century and played an important role in creation of functioning "Rules of Russian orthography and punctuation" in 1956.

Not only S. P. Obnorskii's statements concerning Ya. K. Grot and his contribution into the standardization of the Russian orthography of the turn of the 19th century are given, but also the unity of their approaches to the solution of the most important theoretical issues being hotly discussed at that time is revealed, in particular the understanding of the impossibility of the Russian orthography revising of on the phonetic basis, the confirmation of the morphological source supremacy, the vision of orthography as an inseparable part of the general culture and inner integrated system, its future being not a reform but a partial settlement.

The author reveals what Ya. K. Grot's recommendations and academic projects of rules of 1939 and 1940 (1st and 2nd editions) developed under S. P. Obnorskii's guidance had in common with respect to the spelling of o/e after plosives.

Key words: the orthographical situation of the turn of the 19th-20th centuries, Grot's standardizing activity, evaluation of his works by S. P. Obnorskii.

References

Degtyarev V.I. [Dramatic pages in the history of Russian orthography. A. V. Mirtov versus Ya. K. Grot]. *Kirilitsa — latinitsa — grazhdanitsa: Kollektivnaya monografiya* [The Cyrillic alphabet — the Latin alphabet — the Civic alphabet: team study]. Novgorod, 2009, pp. 195–208. (In Russ.)

Grigorieva T.M. *Tri veka russkoi orfografii (XVIII — XX)* [Three centuries of Russian orthography (18–20 centuries)]. Moscow, 2004.

Grot Ya.K. *Filologicheskie razyskaniia. T. 2* [Philological studies. Vol. 2]. Saint Petersburg, 1899.

Grot Ya.K. *Russkoe pravopisanie: Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniiu Vtorogo otdeleniia Imperatorskoi Akademii nauk akademikom Ya. K. Grotom* [Russian: spelling A guide composed on the instruction of the Second department of the Imperial Academy of sciences by the academician Grot Ya. K. (11 ed.)]. Saint Petersburg, 1894.

Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniia ot Petra Velikogo donyne. Filologicheskie razyskaniia Ya. Grota* [Debatable issues of Russian orthography from Peter the Great hitherto. Philological studies by Grot Ya. K.]. Saint Petersburg, 1873.

Obnorskii S.P. [Basic principles of orthographic standardization]. *Russkii iazyk v shkole* [Russian at schools]. 1954, No. 5–6, pp. 5–13. (In Russ.)

Obnorskii S.P. [Russian orthography and language in publishing houses practical activity]. *Izvestiia AN SSSR. Otd. obshchestvennykh nauk* [Periodicals of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences]. 1934, pp. 455–483. (In Russ.)

Obnorskii S.P. [Missions of the orthographic commission]. *Russkii iazyk v shkole*, 1954, No. 5, pp. 17–19. (In Russ.)

Ob''iasnitel'naia zapiska k svodam orfograficheskikh i punktuatsionnykh pravil [Explanatory note to the orthographic and punctuation formulary]. Moscow, 1937. (In Russ.)

Pravila edinoi orfografii i punktuatsii. S prilozheniem kratkogo slovaria. 2 red. [Rules of unified orthography and punctuation. With an appendix of abridged dictionary. 2nd ed.]. Moscow, 1939. (In Russ.)

Pravila edinoi orfografii i punktuatsii. S prilozheniem kratkogo slovaria [Rules of unified orthography and punctuation. With an appendix of abridged dictionary]. Moscow, 1940. (In Russ.)

Proekt reformy pravopisaniia/pod red. K. Bakhrina, G. Kostenko, I. Ustinova [Project of orthographic reform/ed. by K. Bakhrin, G. Kostenko, I. Ustinov]. Moscow, Leningrad, 1930. (In Russ.)

Svod orfograficheskikh pravil [Orthographical formulary]. Moscow, 1936. (In Russ.)

Svod orfograficheskikh pravil. 2 red. [Orthographical formulary. 2nd ed.]. Moscow, 1936. (In Russ.)

Svody orfograficheskikh i punktuatsionnykh pravil [Orthographical and punctuation formulary]. Moscow, 1939. (In Russ.)

И. В. Нечаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

inechaeva@mail.ru

«ЧУЖЕЗЕМНЫЕ СЛОВА» В ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Я. К. ГРОТА

В статье исследуются гротовские подходы к передаче на письме иноязычных заимствований — одной из наиболее сложных проблем русской орфографии. «Единообразие письма», к которому стремился ученый, понималось им не как поверхностная унификация, а как результат «исследования законов языка». На примерах конкретных орфографических проблем показано, что взгляды Грота на многие годы послужили основой изучения и нормализации правописания в этой области.

Ключевые слова: Я. К. Грот, орфография, иноязычное заимствование, звук и буква, основания написаний, унификация.

1. Работа по упорядочению письма, которой Я. К. Грот посвятил свои труды, выражалась, как мы знаем, в стремлении «привести русское правописание к желательному единообразию». В этом состояла потребность времени: правописание находилось в «анархическом состоянии», что вызывало многие нарекания и затрудняло обучение письму. Идея стандартизации написаний легла на благодатную почву; вся последующая история русской орфографии шла под знаком ее упорядочения и упрощения. Несмотря на последовавшую затем критику взглядов Я. К. Грота некоторыми его современниками и ближайшими потомками, труды ученого на многие годы стали эталоном в составлении руководств по правописанию — правда, в основном путем механической доработки, внесения некоторых уточнений и снабжения новым материалом (см. об этом [Григорьева 2004: 55–65]).

При этом, однако, зачастую упускалась из виду существенная вещь: придание единообразия правописанию не должно сводиться к формальной регламентации орфограмм. Заслуга Грота-орфогра-

фиста состоит прежде всего в рассмотрении основ правописания как научной проблемы; его цель — не окончательное разрешение всех противоречий «от Петра Великого доныне», а «исследование законов языка» и выработка принципов, которым должно следовать письменное отображение устной речи: «... наука должна стремиться к уяснению оснований, по которым слова пишутся так или иначе, направлять и исправлять обычай, бороться с его произволом и вводить в письмо закон и единство, соглашая, насколько это возможно, противоречащие друг другу начала» [Грот 1876: 177].

2. Представления Я. К. Грота о болевых точках современного ему письма отражаются в построении его орфографических руководств. Подходя к изучению состояния русского правописания во всей его сложности, он рассматривает иноязычные слова отдельно от исконных как слова особой природы, посвящая им специальный раздел в своих трудах. (Впоследствии кодификаторы отказались от такого подхода, тем самым растворив специфические для заимствований проблемы в море общих правописных проблем: не с этим ли отчасти связано многолетнее отсутствие прогресса в вопросах письменного освоения иноязычий в русском языке?..)

При описании вопросов освоения «чужеземных слов» Грот одновременно с орфографическими исследует также проблемы их транскрипционной передачи: напр., употребление английской *w* как *у* или *в* в русском языке (*Уильям* — *Вильям*, *Уэльсский* — *Валлийский*), выбор между *г* и *х* в таких германских именах, как *Гейне* (*Heine*), *Хусс* (*Huss*), выбор между твердым и мягким *л* на месте среднего европейского *l* (*канцелярия* — *салат*, *флюс* — *клуб*, *канал* — *дуэль*), соединение гласной *i* с другими гласными (*азиатский*, *итальянский*, *батальон*, *миллион*, *диэта*, *пьеса*) и др. [см. Грот 1876: 341–349; 1888: 81–87]. Надо сказать, что эти проблемы в той или иной степени актуальны до сих пор. Впоследствии информация о начальном — транскрипционном — этапе письменного освоения иноязычного слова была «изгнана» из орфографических правил — на том основании, что практическая транскрипция и орфография суть две различные дисциплины, а также, вероятно, в целях упрощения правил для широкого читателя. Вопрос о том, на пользу ли идет орфографической кодификации подобное «понижение планки» — отдельный и далеко не праздный [см. также Нечаева 2013: 249–250]. Однако ясно, что создание первоначальных графических

записей заимствования путем его транслитерации или транскрипции (или и того и другого одновременно) и получение окончательной орфограммы (часто с помощью выбора из нескольких равнозначных возможностей) — два этапа единого процесса письменной адаптации иноязычного слова [см. Нечаева 2011: 8–16], что требует их совместного рассмотрения.

3. Я. К. Грот солидарен с теми учеными (российскими и зарубежными), которые считают заимствование процессом естественным и неизбежным. По его мнению, «безусловная вражда к заимствованным словам не имеет разумного основания» [Грот 1888: 75]; иноязычные по происхождению слова составляют «законное приобретение» всех языков. Разногласия, «противоречащие начала» в их письменном употреблении происходят от неодинакового понимания условий передачи их в русском языке. И начинаются они с вопроса, должны ли иноязычные слова сохранять их подлинную форму при освоении на русской почве или же они могут потерять свой «чуждый отпечаток» (как, например, *пономарь* от греч. *paramonarios*, *футляр* от нем. *Futteral*, *коленкор* от перс. *kalamkar*, *ярмарка* от нем. *Jahrmarkt*)? «Звуковые переделки» обычно свойственны давно освоенным, «обрусевшим» словам; они дают любопытный материал для фонетики языка. Что касается заимствований относительно недавнего времени, то здесь следует придерживаться иного принципа, который действует и поныне — «старание о сохранении в чужеземных словах их подлинной формы с возможною точностью» [Грот 1876: 325]. Однако эта точность имеет свои ограничения.

Основной принцип передачи заимствований — «писать по звучанию». Своеобразие нашей азбуки (по отношению к европейским языкам), не оставляет нам, по Гроту, иного выбора. Не имея возможности сохранять при заимствовании письменную форму слов, мы «принуждены изображать их по произношению, держась сколько можно ближе иностранного выговора» [Грот 1876: 331]. Разумеется, звуки иностранных языков не всегда имеют точный эквивалент в русском языке. Поэтому на протяжении истории русской орфографии время от времени возникали попытки ввести в русский алфавит дополнительные буквы или надстрочные знаки для обозначения иноязычных звуков [см. Обзор...: 402–406]. Я. К. Грот не был сторонником такого подхода, поскольку, попадая на русскую почву, иноязычные слова претерпевают адаптацию на разных уровнях язы-

ка (и прежде всего — фонетическом), и потому не могут диктовать свои законы русской орфографии: каждому языку принадлежит право «приравнивать чужое слово к своим звукам и привычкам» [Грот 1876: 323].

4. По Гроту, письмо любого языка в идеале должно строиться на соблюдении принципа *один звук — одна буква*. Однако ученый замечает, что русская азбука (как и алфавиты большинства других языков) не допускает строго фонетического письма. В отдельных же случаях — там, где это возможно, — работа по корректировке буквенного состава языка может привести к желаемым результатам. Применительно к иноязычиям это связано, в частности, с вопросом об употреблении гласной «э».

Как считает Я. К. Грот, введение данной буквы в русский алфавит, произошедшее в 18 веке, «отвечает весьма положительному и неоспоримому условию полноты всякой азбуки, — что каждый особый звук должен быть изображаем и особым знаком, что одному и тому же начертанию не следует давать двойного звукового значения. Из этого правила само собой вытекает, что буква Е, выражающая звук йэ, не должна служить и для выражения простого е» [Грот 1876: 313–314]. Потому, по Гроту, «э» в русском алфавите — «знак, отвечающий действительной потребности». Несмотря на это, данная буква долгое время была «предметом незаслуженной вражды»: многие писатели ее не употребляли, начиная с М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова и кончая Г. Р. Державиным, И. А. Крыловым и др.

Проблема буквы «э» преимущественно относится к заимствованиям (в собственно русских словах соответствующий звук встречается лишь у немногих слов: *эх, тот* и нек. др.). Изображая звук чистого, нейотованного *ε*, данная буква имела первоначальное назначение — писаться в начале слова и после гласных (*эпоха, поэт*), однако очень скоро ее употребление распространилось и на постконсонантную позицию — «для изображения иностранного открытого звука (франц. *è*, нем. *ä*, англ. *ai, au*) и для означения, что предыдущая согласная должна произноситься без отончения» (т. е. смягчения) [Грот 1876: 315]. По мнению Я. К. Грота, такое употребление буквы «э» не достигает своей цели по нескольким причинам. Во-первых, «э» не может служить исключительно для обозначения широкого иноязычного звука, так как в русском языке выра-

жает артикуляционно разные звуки: и широкий, и сжатый (ср. *эта* и *эти*). Во-вторых, в русской фонетике перед гласным переднего ряда /э/ согласные нормально смягчаются; даже если допустить, что в заимствованном слове согласный останется несмягченным («неотонченным»), то, по Гроту, невозможно будет определить, когда именно это произойдет, и таким образом употребление буквы «э» будет предоставлено «произволу пишущего» [Там же: 316]. Надо сказать, что современная языковая ситуация подтверждает правоту академика Грота. Действительно, выбор между членами пары *э/е* в соответствующей позиции у новых заимствований в наше время на практике носит абсолютно произвольный характер (в таких, напр., словах, как *тре/эш*, *хе/эллоуин*, *уике/энд* и др.). И однако, при всём при том буква «э» в постконсонантной позиции получила «права гражданства» не без помощи самого Грота, который считал, что такое употребление следует допускать только в двух случаях: а) в собственных именах (*Бэр*, *Тэн*, *Богарнэ*) и б) в нарицательных «для избежания двусмыслия» (т. е. омонимии); тем самым было положено начало всем известному списку исключений, начинающемуся со слов *мэр*, *пэр** и *сэр*. Прецедент был создан, и данный список впоследствии, как мы знаем, стал пополняться — и не всегда с соблюдением гротовского критерия о «двусмыслии» (ср. *рэкет*, *сэндвич*, *фэнтези*, *фэнишуй*, *лэптоп*, *минивэн* и др.). Всё это привело к тому, что проблема буквы «э» остается актуальной и по сей день [см. об этом Нечаева 2012: 77–80].

В иной позиции — поствокальной — в отношении графической оппозиции *э/е* также есть проблемные случаи. Я.К. Грот выделяет слово *проект*, предлагая избегать писать здесь «э», поскольку в этимоне гласный следует за *i*, т. е. является йотованным. Позднее в «Правилах...» 1956 года данное слово получило статус исключения (по сравнению с основной нормой, по которой после гласных, кроме «и», пишется «э») и было дополнено рядом слов *проекция*, *траектория*, *реестр*, *геенна*, *феерия* [Правила... 1956: 10]. Обратим внимание на критерий, используемый Гротом — йотованность гласного в этимоне. Наблюдения за современным состоянием письма показывают нам, что и в настоящее время это не лишено оснований: так, пресловутое слово *риелтор* [англ. *realtor*], фиксируемое словарем

* Для отличия от косвенных падежей слова *перо* [Грот 1888:78].

именно в таком написании (по правилу* после *и* пиши *е*), на практике в данной форме не закрепляется и пишется с «э» — именно из-за отсутствия йотованного произношения; напротив, неологизм *флаер* [англ. *flyer*], вопреки современному правилу (после *а* пиши *э*), распространен именно в такой (с буквой *е*) орфограмме.

5. Еще одна область, выделяемая Я. К. Гротом при описании заимствований, представляющая «особенную важность» — удвоенные согласные. И здесь много вопросов, по сей день не теряющих свою актуальность. В принципе, по Гроту, «удвоение не противно народной фонетике» (ср. в собственно русских словах: *беззаконный*, *подданный* и др.). Поскольку заимствования должны по возможности сохранять форму, близкую к подлинной, и их начертание не должно противоречить произношению, то нет оснований отбрасывать двойные буквы во всех без исключения словах, как это иногда предлагается (на основании тех случаев, где удвоение согласных исторически утратилось: *грамота*, *арест*, *офицер*, *команда*), но употребление их следует несколько ограничить (там, где оно не вызывается правильным произношением). Ученый отмечает, что удвоение звука особенно явственно слышится в конце ударяемого слога: *колонна*, *трупна*, *телеграмма*... (как было уточнено впоследствии, здесь важно не только заударное, но и интервокальное положение согласного). Тем самым была установлена сильная позиция для консонантного удвоения**, отправной точкой к чему послужили наблюдения академика Я. К. Грота.

Когда в иноязычном слове встречаются два удвоения (напр., *комиссия* < лат. *commissio*), то, по наблюдениям Грота, «одно из них непременно скрадывается в выговоре» [Грот 1876: 339], и на письме его следует опустить. А вот для различения потенциальных омонимов (*балл* и *бал*, *металл* и *метал*) удвоение полезно сохранять. Надо сказать, что последующая история развития правописания мало чем дополнила гротовские взгляды в этой области. Здесь за прошедшее столетие почти ничего не изменилось.

6. Современные лингвисты, в поле зрения которых находится правописание заимствований, выделяют еще одну крупную проблему в этой области — слитно-дефисные написания. В орфографиче-

* См. [Правила... 2009: 19].

** К слабым позициям относятся: предупредная (*аккаунт*, *оф(ф)шор*), заударная перед согласной (*харассмент*) и конец слова (*стресс*, *топлес(с)*).

ском же наследии Я. К. Грота этому вопросу не уделяется много внимания. Его общий подход выражается в следующем: «Слитно писать два слова следует тогда, когда соединение их утверждено давностью или общепринятым обычаем. В противном случае лучше писать их раздельно» [Грот 1888: 91]. Далее следуют примеры на служебные слова и наречия. Существительным иноязычного происхождения посвящены два небольших абзаца, в которых описываются слова, обозначающие чины и звания (*камеръюнкер*, *фельдмаршал*, *унтер-офицер*, *генерал-губернатор* и др.). Разумеется, для современного состояния орфографии заимствований этого недостаточно. В данной области изменения, внесенные временем, действительно заметны, и прежде всего они касаются лексического состава иноязычий. Сменился доминирующий источник заимствования, появились новые слова, весьма разнообразные по своему происхождению и словообразовательной структуре, которые не могли быть описаны в руководстве Грота. Последовавшие в 20-м веке попытки кодификации правописания сложных слов (слова исконные и иноязычные по происхождению рассматривались в основном вместе) не привели к созданию четких правил и обычно сводятся к описанию статускво по отношению к отдельным лексемам и лексическим группам.

7. Итак, орфографические взгляды Я. К. Грота в целом на многие годы задали вектор изучения и нормализации русского правописания. К сожалению, акцент был сделан именно на нормализацию, без должного внимания осталось исследовательское начало гротовской орфографии; стремление поставить письмо на подлинно научную основу не получило необходимого продолжения, и орфография превратилась в жесткую, авторитарную систему, не лишенную догматизма. Что касается Грота, то при всем стремлении к унификации ученый не отрицает наличие случаев, когда возможен «неодинакий взгляд на предмет»: в языке существует «множество таких причин разнообразия, которые вполне устранить едва ли возможно», поэтому «надобно уметь отличать важные разногласия от неважных» [Грот 1876: 177, 178]. К иноязычным словам это относится в особенной степени — в силу множественности подходов, неоднозначности звуковых соответствий и различий в понимании способов их передачи в русском языке. По Гроту, «как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловным», и поэтому, стремясь к единообразию, следует остерегаться педантизма.

Литература

- Григорьева Т. М. Три века русской орфографии. М., 2004. 456 с.
- Грот Я. К. Русское правописание. 7-е изд. СПб., 1888. 120 с.
- Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876. 461 с.
- Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., 2011. 168 с.
- Нечаева И. В. О «желательном единообразии» в правописании заимствований // От буквы к словарю. Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота. СПб., 2013. С. 245–250.
- Нечаева И. В. О *шон(н)инге*, *мини(-)вэне* и тайнах орфографической кодификации // «Русский язык в научном освещении», 2012, № 1 (23). С. 72–89.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII — XX вв.). М., 1965. 500 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. 176 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2009. 432 с.

I. V. Nechaeva

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
inechaeva@mail.ru*

“OUTLANDISH WORDS”

IN Ya. GROT’S ORTHOGRAPHIC CONCEPTION

This paper investigates Grot’s approaches to the transfer of loan-words (foreign borrowings) in writing, one of the most complicated problems of Russian orthography. By the “uniformity of writing”, which the scholar aspired to, he meant not a superficial unification but the result of “investigating language laws”. Examples of specific orthographic problems are used to show that Grot’s views served as the basis

for studying and standardizing spelling in this area for many years to come.

Key words: Ya. K. Grot, orthography, foreign borrowing, sound and letter, grounds of spelling, unification.

References

Grigor'eva T. M. *Tri veka russkoi orfografii* [Three Centuries of Russian Orthography]. Moscow, 2004. 456 p.

Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie* [Russian Spelling]. 7th ed. Saint Petersburg, 1888. 120 p.

Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniia ot Petra Velikogo donyne* [Moot points of Russian orthography from the time of Peter the Great up to this day]. Saint Petersburg, 1876. 461 p.

Lopatin V. V. (Ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravocnik* [Rules of Russian Orthography and Punctuation. Complete Academic Reference Book]. Moscow, 2009. 432 p.

Nechaeva I. V. [On shop (p)ing, mini (-)van, and the enigmas of orthographic codification]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, No. 1 (23), pp. 72–89. (In Russ.)

Nechaeva I. V. [On the “desirable uniformity” in the spelling of loanwords]. *Ot bukv k slovariu. Sbornik nauchnykh statei k 200-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Ya. K. Grota* [From a Letter to a Dictionary. Collected Papers on the Bicentenary of Academician Ya. K. Grot's Birth]. Saint Petersburg, 2013, pp. 245–250. (In Russ.)

Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoiazychnykh zaimstvovani* [Relevant problems of loanwords spelling]. Moscow, 2011. 168 p.

Obzor predlozhenii po usovershenstvovaniu russkoi orfografii (XVI–II — XX vv.) [Review of Suggestions on Improvement of Russian Orthography (XVIII–XX c.)]. Moscow, 1965. 500 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian Orthography and Punctuation]. Moscow, 1956. 176 p.

Н. В. Николенкова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
natanik2004@mail.ru*

НАПИСАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ПРАКТИКА ПИСЬМА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ Я. К. ГРОТА

Формулируя свои орфографические правила, академик Я. К. Грот тщательно анализирует письменность предшествующего времени, причем как XVIII–XIX вв., так и более раннюю. Понимая, что основы современной его времени орфографии складываются еще в церковнославянский период, Грот считает необходимым не только формулировать правило, но и объяснять его возникновение. Поэтому мы привлекаем тексты разного времени — от середины XVII до начала XIX века, чтобы проиллюстрировать характер рассуждений Грота. Многие высказанные академиком Гротом мысли о правилах употребления прописной буквы в именах собственных — географических названиях — оказываются актуальными и по сей день.

Ключевые слова: правила орфографии, прописная буква, правила использования.

В истории русской письменности есть периоды, когда практика письма и кодификация не соотнесены. Так, орфографические рекомендации первых церковнославянских грамматик не были абсолютным авторитетом для всех книжников в XVII в. [Ремнева 2003: 190]. С работ академика Я. К. Грота начался этап, когда анализ реальной ситуации дает кодификатору возможность предложить правила, действительно основанные на предшествующей практике письма.

Мы сосредоточим внимание на написании географических названий. Формирование языка науки (и в первую очередь географии) начинается во второй половине XVII в. — времени публикации в Московской Руси первой грамматики. То есть язык географии застает конец старшего периода бытования литературного языка, период формирования языка нового времени и окончательно устанавли-

ливается в XIX–XX вв. При этом переводчики должны, во-первых, решить вопрос о написании прописных букв и, во-вторых, выработать принципы передачи топонимов — транскрипция или транслитерация.

Первые грамматики церковнославянского языка начинают включать правило употребления «вящших письмен», что соответствует современному им этапу развития письменности — переход от слитного письма к раздельному требует графического выделения слов. В Грамматике 1648 года в соответствии с первым изданием Грамматики Смотрицкого 1619 г. рекомендуется «вящшими письмены» выделять начала стихов, имен собственных (*Бѣъ, Іс, Адамъ*), достоинств (*Царь, Патріархъ*), художеств (*Грамматика, Логіка*) и частей художеств (*Има, Мѣстоименіе*) [Грамматика 1648: 65]. Отметим, что в имена собственные Смотрицкий и справщики Грамматики 1648 года включают только антропонимы, другие типы имен собственных книжники XVII века не выделяют.

Однако практика письма требует решать вопрос о специальном маркировании географических терминов. Первые географические сочинения на русском языке появились в конце XVI — начале XVII вв. Это были переводные космографии, содержание которых могло быть как весьма далеким от современных географических описаний, так и иметь сходство с ними. К примеру, переведены были *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura* Герарда Меркатора [Глускина 1954]. Позднее появляется перевод *Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum*, изданного в Амстердаме отцом и сыном Блау. Он осуществлялся Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исаей Чудовским, большая часть осталась в единственном экземпляре, но нам удалось доказать, что введение — *Ввождение в Космографию* — было широко распространено как научное сочинение во второй половине XVII и начале XVIII века [Николенкова 2010, 2012].

К картам в обоих случаях прилагается описание стран и земель; многие географические названия были незнакомы русским переводчикам, почему они и должны были выработать общий для себя принцип их передачи. К пониманию этого, правда, книжники приходят не сразу. Несколько писцов рукописи Воскр. 159 (перевод Атласа Меркатора) не сделали никаких попыток специально выде-

лить топонимы — в рукописи не употребляются прописные буквы: *А гречане называют аравиу либией подочери эпафия некоего или фили(с).. в писаніи св(я)томъ аравія хамеіна имянуется... (л. 15 об)*.*

Первым по-настоящему научным сочинением века оказался перевод Атласа Блау. В этом тексте постепенно начинают складываться основы научной терминологии, в том числе и в отношении написания топонимов. Перевод, по всей видимости, делался как подстрочник к отличному латинскому изданию, где топонимы могут быть выделены не только прописными буквами, но и курсивом и даже готическим шрифтом. Переводчики Атласа, несомненно, знакомы с Грамматикой 1648, знают правило «взящихъ писъменъ» в именах собственных, поэтому едва ли не впервые в русской письменности причисляют к ним топонимы и стремятся к выделению их прописными буквами: *Въ вѣтсѣмъ крузѣ паче Асіи, Афріки, многи ми имени изыществуе(т) Еуропа... Въславися Асія трети наипаче грады, Вавилономъ, Ниневою, и Ер(с)лмомъ. Афріка единѣмъ Кархидономъ. Америку же днесъ освѣщаютъ градове Меѣикъ, и Кускъ (л. 21 рукописи Син. 19).*

Однако следование, с одной стороны, латинскому оригиналу, с другой — попытка применить орфографическое правило Грамматики 1648 — приводят к явному увеличению числа лексем (и не только терминов), пишущихся с прописной буквы. Так, на том же 21 листе рукописи можно отметить *Танаи, на горахъ Ріхеискихъ, Океана Сарматскаго, Понтомъ Евѣнскимъ, Каспійскимъ моремъ, море Каспійское, Океана Полунощнаго, Ови рѣки, Острова и Херсониси; острова и т. д.* В некоторых случаях прописная безусловно возникает под влиянием латинского оригинала, но в ряде случаев употребление буквы — индивидуальный выбор писца и свидетельствует о несформированности как терминологии, так и принципов передачи на письме географических понятий (например, *Insula* в оригинале регулярно с прописной, переводчики же колеблются и используют *о / Остров*).

Публикации начала XVIII в. не дают никаких изменений в употреблении прописной буквы в топонимах. К примеру, «Географія, или краткое земнаго круга описаніе» 1710 года следует, скорее, старой рукописной традиции без ориентации на грамматические пра-

* Цитаты даны по рукописи в упрощенной орфографии.

вила. В результате различий в написании имен собственных и нарицательных нет: *Ибо егда во амстердамъ есть полдень, тогда въ бандамъ во індіи семь часовъ по полудни... Въ тоже время въ градъ лимъ въ америкъ есть 6 часовъ по полудни, понеже той градъ 90 градусовъ, по долготъ отъ амстердама отстоитъ (с. 8)*.*

Постепенно увеличивающееся число переводов географических сочинений, а также появление собственно русских описаний создают устойчивую традицию выделения географического названия прописной буквой. Однако наряду с этим прописная буква начинает писаться в прилагательных от этих названий и в этнонимах. К примеру, «Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку...» Ф. А. Полунина 1773 года издания содержит такую типичную словарную статью: *АЗОВЪ старинной славной городъ въ Воронежской губерніи подлѣ главнаго протока рѣки Дона... построенъ былъ Греками ...Имя АЗОВЪ по видимому получилъ сей городъ отъ Половецкаго Князя Азула... потому что Половцы сей городъ и страну ... имѣли въ своемъ владѣніи, однако Россіанами часто побѣждены бывали <...> Отъ Половцовъ дошелъ сей городъ до Генуэзцовъ ... называли его Тана (с. 32)**.*

Та же картина наблюдается в сочинении Е. Ф. Зябловского «Новейшая география Российской империи» 1807 года. Автор и издатели, употребляя имена собственные с прописной буквы, расширительно воспринимают правило: *Гребенскіе или Терекскіе Козаки обитаютъ по Тереку... Оренбургскіе Козаки или Уральскіе, коихъ селенія простираются по Уралу, начиная отъ Верхоуральской до Гурьева. ...Малороссійскіе Козаки, составляютъ знатную часть жителей Кіевской, Черниговской, Полтавской и Слобоской — Украинской (с. 4)***.*

Труд Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне» [Грот 2010] во многом оказывается обобщением русской орфографии с самого начала её формирования. Грот пишет: «Русское правописаніе въ обширномъ смыслѣ начинается съ первыхъ памятниковъ письменности, возникшихъ в Россіи; особенности церковно-славянскаго письма, развившіяся

* Цитата по изданию, размещенному на dlib.rsl.ru.

** Цитата по изданию, размещенному на dlib.rsl.ru.

*** Цитата по изданию, размещенному на dlib.rsl.ru.

на этой почвѣ, уже составляють отличительныя черты русскаго правописанія» [Грот 2010: 172]. Идея преемственности подчеркивается в труде ученого постоянно. Так, говоря о грамматике М. В. Ломоносова, он отмечает знакомство автора с трудами Аристотеля, Доната, Смотрицкого и определенную ориентацию на них. Далее, излагая орфографические идеи второй половины XVIII и начала XIX века, Грот постоянно говорит о связи их с ломоносовскими (или об отсутствии этих связей). Формулируя ряд положений относительно правил употребления и изменения букв в современном ему письме, Грот вспоминает о традиции начиная с Остромирова евангелия; говоря о принципах алфавита, рассказывает о них как о заложенных Кириллом.

В теоретической части указанной работы Грот часто отмечает свое отношение к употреблению в текстах разного времени прописных букв. Скажем, цитирует мнение Сумарокова о неуместности излишнего числа прописных букв в текстах: «Въ старину... кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры ниже во имени Божіемъ... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщиками...» [Грот 2010: 177]. Далее Грот отмечает обилие прописных букв у Карамзина, который начинает ими и иностранные имена, и многие свои в особых значениях (*Авторъ, Литература... Въра* (даже *Магометова*), *Судьба, Держава* [Грот 2010: 188]). Того же принципа придерживается А. Х. Востоков [Грот 2010: 190], а вот Каченовский видоизменяет его — собственные прилагательные имена начинаются у него со строчной, а имена народов — с прописной буквы [Грот 2010: 192]. Все это связано с неточным пониманием сути термина «собственное имя».

Задача формулировки четкого правила выявляется Гротом исходя из необходимости упорядочить разрозненную практику письма. Раздел «Употребленіе большихъ, или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ» [Грот 2010: 305–308] начинается с констатации факта, что злоупотребление большими буквами есть след влияния старых правил. Далее Грот отмечает, что для больших букв «установить совершенно точныя правила невозможно... слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу,

что при бѣгломъ чтеніи или пересмотрѣ прочитанного даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго. Кромѣ того онѣ помогаютъ узнавать такія собственныя имена, которыя, по своей малоизвѣстности, могутъ возбудить недоумѣніе» [Грот 2010: 306]. Сформулировано краеугольное положение правила: оно должно иметь основанием не список групп слов, где желательно употребить прописную (как это было в первых грамматиках), а логичное объяснение необходимости выбора ее для верной номинации.

В пункте 7 правила, где Грот говорит о правописании собственных географических имен, он вводит четкое разделение написания с прописной или строчной таких терминов, как *море, озеро, мост, речка*: «а) если существительное означает видъ, къ которому принадлежить предметъ, то с большой буквы пишется только прилагательное: *Бѣлое море, Ладожское озеро...*; б) если существительное не означает вида, подъ который подходит именуемый предметъ, то и оно пишется съ большой буквы: городъ *Царское Село...*» [Грот 2010: 307]. Такой формулировкой, включающей понятие родо-видовых отношений, Грот в определенном смысле снял вопрос о «лишней» прописной букве — избыточном её употреблении в нарицательных существительных.

Сегодня введенное Гротом правило трансформируется, скажем, предлагается такая формулировка: «С прописной буквы в составных двух- и трехкомпонентных топонимах и микротопонимах пишется второй компонент — «ложный» географический термин, не отражающий современной специфики географического объекта и употребляющийся условно-символически: *мыс Край Леса, село Сухой Отрог...*» [Барандеев 2010: 187]. Но суть остается неизменной — ограничить употребление прописных букв определенными позициями, не увеличивая число прописных, но и не создавая проблему для читающего.

Не до конца решенной к концу XIX в. оказывается проблема передачи заимствованных топонимов. Грот пишет: «Мы должны особенно заботиться о томъ, чтобы въ заимствованныхъ именахъ по возможности передавать ихъ подлинную форму. Мы напр. пишемъ *Кронштадтъ*, чтобы отличить въ этомъ имени слово *Stadt* отъ *Staat*, передаваемого по-русски начертаніемъ *штатъ*; мы сѣтуемъ, что у насъ недостаетъ буквы для изображенія западно-европейскаго *h*» [Грот 2010: 137]. Ученый вспоминает попытки ввести дополни-

тельную букву для обозначения «второго г» в русском языке: приводит идеи Тредиаковского [Грот 2010: 173] и отмечает, что необходимость в дополнительной букве как раз помогала бы при чтении слов типа «*Гамбург... Голландия...* <которые> должны начинаться собственно не *гаммоу*, а развѣ *глаголемъ*, въ замѣнь *h*» [Грот 2010: 135]. При написании топонимов особую букву «г» с греческим придыханием использовал в своей практике письма «бывший профессор Гельсингфорскаго университета С.И. Барановскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ» [Грот 2010: 199].

В XVII в. передача кириллицей имен собственных включала гораздо больше проблемных моментов, которые со временем разрешились. К примеру, латинская «с» в разных позициях и в сочетаниях с разными буквами писалась по-разному. В переводе Атласа Блау «ch» передано как «х» (*Torsch* = Torsch), в сочетании «sc» вторая буква передана как «к» (*Scotiю* = Scotiam), а в сочетании «ск» первая передается как «ц» (*Orckedaель* = Orckedael). Множество подобных примеров свидетельствуют о сложном пути вхождения иноязычных топонимов в русские тексты. Очевидно, что принцип транслитерации не подходил, ибо в целом ряде случаев записать названия было можно, а произнести нельзя. Но по мере увеличения числа географических карт и атласов для каждого названия находилось наиболее удачное решение.

Разбирая эти проблемные места, сохранившиеся в реальной практике второй половины XIX в., Я.К. Грот анализирует разные предложения и дает рекомендации, многие из которых, как нам кажется, остаются актуальными и сегодня. Так, говоря о необходимости осторожно относиться к истории своего языка, Грот пишет: «Въ числѣ именъ географическихъ надобно также отличать издавна усвоенныя языку отъ вновь заимствуемыхъ. Первые представляютъ болѣе или менѣе значительныя передѣлки формы, напр. ...*Европа, Швеція, Рим.* <...> Такія передѣланныя имена не могутъ и не должны быть измѣняемы въ настоящее время» [Грот 2010: 288]. Правда, Гротом отмечается попытка изменять написания в угоду иноязычному: вместо *Валлис* писать *Уэльс*, к примеру. Осуждая идею инноваций в этих написаниях, Грот тем не менее признает, что «окончательное рѣшеніе по большей части принадлежитъ обычаю: въ однихъ случаяхъ давнее злоупотребленіе беретъ перевѣсъ надъ новою поправкою, въ другихъ удачная новизна одолѣваетъ ошибку стари-

ны... нелѣпо и смѣшно было бы говорить “Стекольна” вм. *Сток-гольмъ*... говорить “Дрождяны” вм. *Дрезденъ* никто не отважится» [Грот 2010: 290].

Эта мысль Грота чрезвычайно важна и сегодня. Казалось бы, устоявшаяся к концу XX века топонимика после распада СССР подверглась резким изменениям, направленным на отражение иноязычного варианта. *Алматы, Таллинн, Кызылорда* и подобные написания стремятся заменить старые, уже вошедшие в язык. Следуя логике Грота, носители языка должны просто подождать, когда язык определиться с выбором варианта. Однако при современном распространении карт эта проблема становится гораздо более серьезной, чем в XIX веке. Кстати, в начале XXI опять актуализируется проблема передачи начального *h* в западноевропейских топонимах. Скажем, анализируя новые топонимические словари, А. В. Барандеев отмечает в ряде из них следование «старой» норме (*Гейдельберг*), а не приверженность новой (*Хайдельберг*) [Барандеев 2010: 203]*.

Можно сказать, что труд Я. К. Грота оказывается важным этапом в разработке орфографических норм русского литературного языка. Он, с одной стороны, обобщил наработки всего предшествующего периода развития русской письменности в рамках грамматических руководств, с другой — дал возможность упорядочить правописание в разных областях, в том числе в отношении географической терминологии.

Литература

Барандеев А. В. История географических названий: Русская топонимия в терминах. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.

Глускина С. М. «Космография» 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник АН

* Отметим, что необходимость принятия единообразного написания сегодня важна с юридической точки зрения. К примеру, дочь автора статьи выезжала со школой на обучение как раз в город Heidelberg. В документах — разрешение на выезд детей — родители получили на руки по-разному оформленное название места, куда ехали подростки.

СССР. Т. III. История географических знаний и географических открытий. М.-Л.: Наука, 1954. С. 79–99.

Грамматика 1648 г. / предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007. 624 с.

Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 402 с.

Николенкова Н.В. Дополнения к историческому словарю русского языка XVII века по материалам перевода Атласа Влаеу // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Рязань, 2012. С. 276–285.

Николенкова Н.В. Церковнославянский перевод Атласа Влаеу: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 86–98.

Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.

N. V. Nikolenkova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
natanik2004@mail.ru

**THE SPELLING OF TOPONYMS IN THE HISTORY
OF THE RUSSIAN STANDARD LANGUAGE:
THE WRITTEN PRACTICE
AND YAKOV GROT'S SUGGESTIONS**

While formulating his orthographic principles academician Ya. K. Grot subjects to thorough analysis the writing tradition of the previous time (not only the XYIIIth–XIXth centuries but even earlier). Yaving in mind that basic principles of the orthography of his time should be traced back to Church Slavonic period, Grot believes it necessary not only to formulate the rule but to explain its origin. That is why texts of various periods ranging from the middle of the XYIIth to the beginning of the XIXth centuries are adduced to illustrate Grot's statements. Many ideas concerning the rules of capital letter usage in proper names — geographical names — introduced by academician Grot are still relevant.

Key words: orthographic rules, capital letter, rules of usage.

References

Barandeev A. V. *Istoriia geograficheskikh nazvanii: Russkaia toponimiia v terminakh* [History of Geographical Names: Russian toponymy in terms]. Moscow: Librokom Publ., 2010. 320 p.

Gluskina S. M. [«Cosmography» of 1637 as the Russian remake of «Atlas» by Merkator]. *Geograficheskii sbornik AN SSSR. T. III. Istoriia geograficheskikh znaniy i geograficheskikh otkrytii* [Geographic collected papers of the Academy of Science of the USSR. Vol. III. The history of geographical knowledge and geographical discoveries]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1954, pp. 79–99. (In Russ.)

Grammatika 1648 [Grammar 1648]. Scientific comment., E. A. Kuzminova. Moscow: MAKSPubl., 2007. 624 p.

Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniia ot Petra Velikogo donynе* [Disputable questions of Russian orthography from Peter the Great up to now]. Moscow: Librokom Publ., 2010. 402 p.

Nikolenkova N. V. [Church Slavonic translation of the Atlas Blaeu: unresolved issues]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya, 2010, No. 6, pp. 86–98. (In Russ.)

Nikolenkova N. V. [Supplements to the Historical Dictionary of the XVIIth century Russian based on a translation of the Atlas Blaeu]. *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe iazykoznanie: K 200-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Sreznevskogo* [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: the 200th anniversary of I. I. Sreznevsky's birth]. Riazan': Riazan' St. Univ. Publ., 2012, pp. 276–285. (In Russ.)

Remneva M. L. *Puti razvitiia russkogo literaturnogo iazyka XI–XVII vv.* [Ways of the standard Russian language development in the Xth–XVIIth centuries]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2003. 336 p.

М. Н. Приемышева
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
mn.priemysheva@yandex.ru

**СЛОВАРИ ТРУДНОСТЕЙ XIX в. И РУКОПИСНЫЙ
«СЛОВАРЬ ЗАТРУДНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА»
Я. К. ГРОТА (1870-е гг.)**

В статье рассматривается рукописный словарь трудностей русского языка, над которым Я. К. Грот работал в 1870-е гг.

Данный рукописный словарь продолжает традицию создания словарей трудностей, которая возникла в России с 40-х гг. XIX в. (А. Н. Греч, В. Долопчев).

Словарь до настоящего времени не был предметом научного интереса.

Он представляет собой общую тетрадь объемом 63 л. В ней по алфавиту проблемного слова записаны очерки, языковые сюжеты, объединенные по принципу вариантности, неясности этимологии, проблематичности написания той или иной языковой единицы, различные языковые случаи, имеющие вариативные случаи произношения, написания, ударения. Встречаются и выписанные из произведений писателей и поэтов грамматически ошибочные конструкции, есть вырезки из газет о фразеологии, об этимологии русских фамилий и мн. другое.

Рукописный словарь Я. К. Грота свидетельствует о том, что выдающийся лингвист стоит у истоков не только теоретических основ русской орфографии. Его научная деятельность оказывается тесно связанной с исследованием ее практических проблем и, можно утверждать, с продолжением такого направления отечественной лексикографии, как словари трудностей русского языка.

Ключевые слова: история русской лексикографии, история русского языка, правильность русской речи, Я. К. Грот.

Словари трудностей русского языка — важнейший источник не только по правильному произношению и употреблению слов,

но и, рассматриваемые в исторической перспективе, — ценнейший материал по изучению проблем культуры речи, проблем формирования и колебания литературной нормы.

Традиция создания «словарей трудностей русского языка» системно получила свое развитие во второй половине XX в. и связана, прежде всего, с именами Л. П. Крысина, Л. И. Скворцова, Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой, К. С. Горбачевича. На современном этапе с начала XXI в. эту традицию продолжают уже достаточно многочисленные словари трудностей.

Однако истоки этой вновь возникшей в России XX века традиции, обусловленной закономерными проблемами языковой вариативности и развития языковой нормы, восходят к XIX в. и так же, как и ряд других проблем русской орфографии и орфоэпии, связаны с именем Я. К. Грота.

При небольшом количестве собственно орфографических словарей в XIX в. значительное число справочников в этот период было посвящено одной из важнейших орфографических проблем XIX в. — правописанию буквы Ъ. Эту группу словарей и словариков можно считать одной из первых в ряду словарей «трудностей».

Начинает же в истории русской лексикографии традицию словарей выбора правильного варианта из двух существующих словарь А. Н. Греча «Справочное место русского слова. Четыреста поправок» (СПб., 1839), в котором были представлены в алфавитном порядке слова от *августовский* до *Фома*, в употреблении, произношении и правописании которых регулярно допускались ошибки, с комментариями как «недóлжно» или «дóлжно» выговаривать или употреблять то или иное слово.

«Недóлжно», по мнению автора, например, выговаривать *августский, аглицкий, болестъ, гошпиталь, дохтор, магазейн, манифактура, маскерад, министр, монамент, надсмехаться, ужестъ, участвует, ухитряться, таперича, без сумнения, скрыпка, склизко, шлесарь, шеколат* и т. п. «Недóлжно» говорить *был на бале* (на балу), *без ничего* (без всего), *вернулся назад, мелкие дребезги, корабль приехал, месторождение Державина* (только о минералах), *отвращение от* (одуш), *к* (неодуш). «Дóлжно» различать слова *невежа* (непросвещенный, неграмотный) и *невежда* (неучтивый, грубый): «Он не знает этого! Что за невежа!» и «Одни невежды не снимают шляпы в комнате». «Дóлжно», например, произносить

гирланда, дипломация, нумер, цыганы, стора (не штора), шкуна (не шхуна).

В 1843 г. вышло второе издание этого словаря под названием «Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы Ъ», незначительно дополненное за счет включения слов с буквой Ъ, в написании которых традиционно делались ошибки.

Словарь ценен, прежде всего, как источник по истории изучения принципов формирования литературной нормы и, отчасти, как источник изучения «вечных» проблем культуры речи. Несмотря на небольшой объем этот словарик можно рассматривать как некоторое «введение» в жанр словарей трудностей, так как он остался незаметным в истории филологической культуры, не стал широко известным в истории лексикографии.

Собственно первым словарем трудностей в современном понимании стал опубликованный в 1886 г. словарь Виктора Долопчева «Опыт словаря неправильностей в русской речи», который включал значительное количество слов, оборотов, употреблявшихся в речи неправильно.

Интерес и комментарии автора вызывали случаи неправильно-го ударения (*аккуратнѐе; доллár; прию́титъ; ухуди́ить; фáрфор; фѐйерверк; фиго́вый листок* и мн. др.), произношения (*акционѐр; алькоголь; атлѐт; галстух; имянной; конфекта; коррѐспондѐнт; Одѐсса; учѐбник, экстерный* и др.), неправильного употребления паронимов (*абрикосный — абрикосовый; атлáс — áтлас; индийский — индейский; романтический — романический* и др.); грамматические ошибки (например, ошибки в роде существительных: *абрикоса, артишока, балдахина, баклажана, карамеля, мышь* (м. р.), *фанер, фасоля, фарша*; в склонении существительных: *аршинов* (род. мн.); *кадетов* (род. мн.); *румынов* (род. мн.), *турков* (род. мн.); в употреблении глаголов и глагольных форм: *бежишь; берегешь; бережись; зависю; загорею; мышлю; нашодии; фальшишь* и мн. др.

Приведем примеры синтаксических неправильностей русской разговорной речи: *благодарить кому; насмехаться с кого, чего; нахотаться с кого; оштрафовать во что; разбавить с чем; разговаривать за кого, что; свод о чем; скучать за кем, чем; фаршировать с чем* и т. д., которые автор сопровождал правильным вариантом и соответствующим комментарием.

В. Долопчев выступал также и против неуместного употребления заимствованных слов: *ажитация* — волнение; *баланс* — равновесие; *борт* — палуба, корабль: *приняли двух пассажиров на борт*; *гармидер* — беспорядок, шум; *гантированные руки* — руки в перчатках; *гарсон* — лакей; *карнавал* — масленица; *костюм* — платье, одежда; *презент* — подарок; *презентабельный* — представительный; *прерогатива* — преимущество; *приватный* — частный; *ресурс* — источник, способы, средства к жизни; *турист* — путешественник; *эмигрант* — переселенец; *эпизод* — происшествие, случай и нек. др.

Не рекомендовал он употреблять и такие, например, просторечные и простонародные слова, как: *аккурат!* — как же! как бы ни так!; *аманатки* — пожитки, вещи; *арсеник* — мышьяк; *бзик* — сумасшествие, пункт помешательства: *он с бзиком*; *градусник* — термометр; *дрейфить* (на Волге) — робеть, не устоять; *дряпать* — царапать; *заграница* — чужие края; *котёнки, котенята* — котят; *мацать* — щупать; *мужеский* — мужской; *насвинствить* — напачкать, насорить; *ожина* — ежевика; *шлёпанцы* — туфли (без задников) и др.

В своей основе «неправильности», обнаруженные автором в речи, очень «современны» и актуальны, а рекомендации автора соответствовали современной норме. Но с точки зрения истории ее формирования интересны случаи неактуальных сейчас нормативных оценок: *авария*, *английский*, *анти́теза*, *ба́рхатистый*, *библио́тека*, *блѣять*, *бутербро́т*, *бы́та* (современное — *быт*), *вечѣря*, *вогну́тый*, *вольно́*, *выдѣмщик*, *ведомостѣй*, *Во́логодский*, *восхи́тить*, *желѣзы*; *кофе* (ср.р.), *негрѣнок*, *скумбрія*; *усугуби́ть*, *феноме́н*, *фе́тиш*, *я́гниться*.

Данный тип справочника создавался на фоне неустоявшейся нормы, а потому его значение в языковой культуре XIX в. и в истории лексикографии трудно переоценить. Проблема критериев неправильности речи при незначительном количестве нормативных источников, таким образом, оказывалась в пределах компетенции самого автора: «Соображения, по которым слово или выражение признано мною неправильным, и предлагаемые поправки основаны на литературном языке образцовых писателей, теоретических работах Павского, Аксакова, Буслаева, По-

тебни, Грота и других, словарных трудах Академии наук и Даля, а за образец устной речи взят говор московский»*.

Первое издание «Опыта словаря неправильностей...» не осталось незамеченным. На него появилось много рецензий. И, как отмечал автор во втором издании, его полностью проработал Я. К. Грот и прислал автору экземпляр с критическими замечаниями.

Таким образом, «Опыт словаря неправильностей в русской речи» В. Долопчева является и источником по изучению истории русской разговорной речи и тенденций ее развития, и примером того, как формировались и выкристаллизовывались нормы русской устной литературной речи, и первым большим и серьезным опытом такого типа словаря, как словарь трудностей.

Однако несколько раньше над аналогичным по принципу и отчасти по содержанию Словарем начал работать и Я. К. Грот. В фондах Петербургского филиала архива РАН хранится его собственный «Словарь затруднений русского языка» (Я. К. Грот. Словарь затруднений русского языка. Объяснение значений, орфография, управление, синонимика и проч. Рукопись. Ф.134. Оп. 1. Ед. 83. 63 л.), датированные записи которого охватывают период с начала 70-х гг. до середины 80-х гг. XIX в. и который по принципам своей организации и подбору материалов идентичен не только Словарю В. Долопчева, но и современным словарям трудностей русского языка.

Видимо, следует признать закономерным, насущным и естественным образом необходимым для развития орфографии и лексикографии конца XIX в. появление словаря такого типа, как Словарь трудностей.

Рукописный словарь Я. К. Грота представляет собой общую тетрадь объемом 63 л., с вырезкой букв алфавита по правому краю, как в современных телефонных книгах. На нескольких страницах к каждой букве алфавита в разном количестве записаны слова, очерки, языковые сюжеты, вклеены вырезки из газет, объединенные по принципу вариантности ударения, произношения, написания, управления, неясности этимологии. Встречаются и случаи грамма-

* В. Долопчев. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Издание второе, пересмотренное и дополненное. – Варшава, 1909. – С. III. Здесь и далее цит. по этому изданию.

тических ошибок из произведений писателей и поэтов и мно. другое. Жанр очерков-комментариев «трудностей» различен: от одного слова-вопроса до развернутых обзоров. Так, например, на букву Г приводится очерк «Правописание глаголов», занимающий 10 стр. тетради.

Приведем различные по типологии примеры из словаря на разные буквы алфавита:

А: *Английский?* Англицкий, агницкий; *Авошь* состоит из а во се; *Ажно*= а ж но (л. 2);

Б: Большая часть — были или была? Половина — были или была? Множество знает или знают? (Вопрос 16 мая 1873 г.); *брезгать* — брезговать, брезгует (л. 3);

В: *в течение* — в течении — втечение?; *временичик* ср. англ. time-serwer; вид — ёѣбос; *Виденный*. У Жуковского (л. 5);

Д: *Деепричастия*. Проникнувшись этим сознанием..., никакой мед не покажется сладким (Тургенев. Довольно); Заговаривая с ним, ей вечно так приходилось к нему обращаться (Тургенев. Дым). (Такие ошибки с деепричастными оборотами иногда приводятся на другие буквы по алфавиту деепричастия);

К: *корокатица* — от корок (крак), нога, через прил. корокатый, т.е. многоножный. Ср. нем. der Krake, огромное животное той же породы (л. 23);

Л: *Лекарь*, врач, доктор. Разница значений в XVIII ст. Первый докторский диплом Л. В. Чистовича (л. 25);

Лучить (от лук), т.е. сгибать, сгибая соединять. Случаться, корень лук, кривизна, откуда лучить — соединять. Лучше, ср. степ. Прилаг. Хороший. Прежде писалось лутче (Ломоносов). Корень лук тот же, что в глаголах случиться, получить, залучить. В именах случай, благополучие. Ср. малорус. случивый» (л. 25);

любоваться чем и на что (л. 27);

М: *местных жителей названия*. Витебец, витеблянин, витебчанин — житель г. Витебска, Витебской губ. (л. 29);

Н: *несобственные выражения*: любовь к родине; осуществление цели;

начать, -я. Частая ошибка: начатя печататься (л.30);

народные выражения (*Вырезка* из газеты «Новое время». 1883, № 2659 от 6 августа со статьей С. Максимова о выражениях *Точить ляды, подпускать турусы на колёсах*);

О: *Одеть* *вм. надеть*. В тетрадь под этими словами вклеена следующая вырезка из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 1878 г. № 273: «Посольство состоит из министра внутренних дел Мунши-Мохамеда-Хасана-хана; на вид ему около сорока лет, невысокого роста, с темным лицом и густою черною бородою. На нем был одет кафтан (бешмет) из легкой материи; выглядит очень бодро» (л. 33, подчеркивание в источнике);

С: *соломенный, клюквенный*, неправильно. Должно быть соломенный, как кожаный;

Сантиметровый (л. 43);

Ф: Фамилии. Вырезка из «Нового времени». 1885 г. 26 января, № 3202, с. 2. Отсылка на статью Е. Карповича в «Русской мысли», сентябрь 1884 г.;

Х: *хапать* — хаараап;

хныкать, хнычу, не хнычь (л. 54);

Э: Эллинг. Что за слово? (л. 59) и мн., мн. другое.

Несмотря на то что данный словарь представляет собой рабочие записи и личные материалы ученого, принципы его организации и собранный в словнике материал идентичны тем, которые используются в современных словарях трудностей. Позволяет эти материалы включить в традицию создания Словарей трудностей также и само рабочее название Словаря «Словарь затруднений...». Поэтому мы можем, хотя бы отчасти, традицию словарей трудностей вести именно с этого, хоть и существующего в рукописи, словаря.

Таким образом, Я. К. Грот стоит у истоков не только теоретических основ русской орфографии. Его научная деятельность оказывается тесно связанной с практическим исследованием ее проблем и, можно утверждать, с инициативой или, во всяком случае, идеей создания такого направления отечественной лексикографии, как словари трудностей.

Литература

Греч А. Н. Справочное место русского слова. Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы Ъ. СПб., 1843.

Греч А. Н. Справочное место русского слова. Четыреста поправок. СПб., 1839.

Грот Я.К. Словарь затруднений русского языка. Объяснение значений, орфография, управление, синонимика и проч. Рукопись. ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. 83. 63 л.

Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Одесса, 1886.

M. N. Priemysheva

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)*

mn.priemysheva@yandex.ru

**DICTIONARIES OF DIFFICULTIES OF THE XIX CENTURY
RUSSIAN LANGUAGE AND THE HANDWRITTEN
«DICTIONARY OF THE DIFFICULTIES OF THE RUSSIAN
LANGUAGE» BY Ya. GROT (1870s).**

The article discusses the handwritten «Dictionary of the Russian language difficulties», on which Ya. K. Grot worked in the 1870s.

This handwritten dictionary continues the tradition of creating dictionaries of difficulties that arose in Russia in the 1840s (A.N. Grech, V. Dolopchev). The dictionary has not yet been a subject of scientific interest.

It represents a notebook of 63 sheets, where problematic words written alphabetically are supplied with detailed linguistic comments on their etymology, variation in pronunciation, spelling and stress. The text is complemented by press-cuttings on phraseology, etymology of Russian patronyms as well as by examples of grammatical abuse by Russian writers and poets.

The handwritten dictionary by Ya. K. Grot indicates that the distinguished linguist was not only one of the originators of theoretical foundations of Russian orthography, but that his scientific activity was closely connected with the study of its practical problems and with continuation of such direction of national lexicography as compiling dictionaries of the Russian language difficulties.

Key words: history of Russian lexicography, history of the Russian language, correctness of Russian speech, Ya. Grot

References

Dolopchev V. *Opyt slovaria nepravilnostej v russkoj razgovornoj rechi* [Dictionary of mistakes in Russian everyday speech]. Odessa, 1886.

Grech A. *Spravochnoe mesto russkogo slova. Chetyresta piatdesiat popravok s rukovodstvom k upotrebleniiu bukvy Ъ* [A reference place of Russian words. 450 amendments with instructions for using the letter Ъ]. Saint Petersburg, 1843.

Grech A. *Spravochnoe mesto russkogo slova. Chetyresta popravok* [A reference place of Russian words. 400 amendments]. Saint Petersburg, 1839.

Grot Ya. *Slovar zatrudnenij russkogo jazyka. Rukopis. Fond 134. Opis 1. Edinitsa 83. St. Peterburg Branch of the Archive for the Russian Academy of Sciences* [Dictionary of difficulties of the Russian language. Manuscript. F. 134. In. 1. Un. 83.]. 63 p.

Е. Протасова
Хельсинкский университет
(Финляндия, Хельсинки)
ekaterina.protassova@helsinki.fi

Я. К. ГРОТ И РУССКИЙ ЯЗЫК В ФИНЛЯНДИИ

Русский язык преподается в Финляндии уже 200 лет как иностранный и 150 лет как родной; такой опыт не может не быть интересным. Я. К. Грот сыграл особую роль в истории преподавания русского языка в этой стране. Сегодня продолжается сопоставление русского со шведским, выясняется, кто хочет говорить на этих языках, с кем и когда, какую ценность они имеют. В 2013 г. министром культуры поставлен вопрос о введении обучения кириллическому алфавиту во всех школах Финляндии. Целевая аудитория и задачи преподавания менялись, и до сих пор вызывает споры вопрос о том, чей русский язык изучается в Финляндии: язык восточного соседа или язык собственного культурно-исторического меньшинства. В ходе истории и под влиянием неоднократно менявшихся законов в Финляндии используются два официальных государственных языка — финский и шведский, в отношении каждого из которых применяются правила составления документов, перевода, преподавания, профессиональной занятости, написания вывесок и т. п. Каждый школьник знает, как устроено языковое законодательство, как формируется и функционирует билингвизм и мультилингвизм, что нужно делать для овладения языками, как воспитывать двуязычных детей в семье.

Ключевые слова: Я. К. Грот, Финляндия, финско-русское двуязычие, содержание учебника, русский как иностранный vs. русский как родной за рубежом.

Деятельность Я. К. Грота в Финляндии довольно подробно проанализирована в сборнике [Артемьева, Микешин 2012]. Некоторые статьи другого издания [Вихавайнен, Кашенко 2012] посвящены его отношению к Финляндии и роли в создании Славянской библиотеки. Историк Т. Вихавайнен [2012: 60–64] пишет, что на протяжении

12 лет, что Я. К. Грот был профессором русской словесности, истории и статистики Императорского Александровского университета в Хельсинки, он восхищался Финляндией, народом, изучал шведский и финский языки. Он также «пытался приучить финнов изучать и любить русский язык и литературу»: «основная идея Грота заключалась в том, чтобы место шведского языка у финнов занял русский» (финский был бы признан государственным, а шведский постепенно стал бы языком меньшинства). «На этом пути его ждало разочарование». Он, обрусевший немец, был официальным представителем России и своим примером показывал, что значит обрусеть, хотя немецкое происхождение облегчало общение с финнами. В честь двухсотлетия университета в 1840 г. в плетневском «Современнике» были помещены статьи, посвященные Финляндии и ее литературе (правда, Белинскому не понравилась статья Рунеберга о «Макбете» Шекспира). Гротовская политика феннизации и русификации университета привела обе языковых группы в ужас. Выдача стипендий для получения образования в России вызывала отрицательные чувства, хотя иногда в Россию ездили для того, чтобы сделать карьеру в Финляндии (этому вопросу посвящено исследование К. Кетола, Ketola 2007). Удивляясь страхам студентов, Грот привлекал слушателей рассказами об интригах из российской истории, но это не помогло, и тогда он стал просто заставлять учить, отчего его возненавидели. Разочарованный Грот уехал, а после этого обязательное изучение русского языка было отменено.

Вот как сегодня о замене обязательного шведского русским в Восточной Финляндии пишет один из наших финских студентов:

Патрик Саарто:

В Средние века в Восточной Финляндии часто воевали Россия и Швеция. А теперь там идёт борьба между русским и шведским языками. Шесть городов Восточной Финляндии хотят дать ученикам возможность выбирать вместо «принудительного шведского» уроки русского языка. Но министерство образования вряд ли согласится, они не хотят начинать всю эту бюрократию, чтобы изменить законы.

Уже известно, что в Восточной Финляндии говорят больше по-русски, чем по-шведски. Это не только туристы из России, но также постоянные жители. Но место шведского и русского языков в Финляндии — это наш языковой суп. По-шведски в Финляндии говорили при, скажем так, шведском средневековом колониализме. Шведоязычная

власть сохранялась на протяжении периода автономии, когда Финляндия была в составе Российской империи, — и всё ещё влияет на нашу жизнь. Однако это не раздражает финнов настолько, насколько просьба этих шести городов. Финны думают, что это Путин таким образом хочет влиять на наши дела.

Причина понятна — войны с Советским Союзом ближе, и национальная память всё ещё хранит воспоминания о временах насильственной русификации. Но мне кажется, что эффективнее, чем русификация, оказалась «шведификация». Ведь не русскому, а именно шведскому нам необходимо учиться.

Я думаю, что всю систему обучения шведскому надо уже остановить. Но лучше уже было бы, если бы дали этим городам возможность выбирать русский вместо шведского. Это недостаточное изменение, но уже первый шаг.

Люди с родным шведским языком могут при этом считать, что интерес к изучению шведского языка также падает, причем мотивы здесь иные: некоторые по-прежнему считают, что шведский язык отнимает время у финского, другие — что у английского.

История и современное состояние изучения и преподавания русского языка в Финляндии, финско-русский и русско-финский билингвизм рассмотрены в монографиях [Мустайоки и др. 2010, Юрков и др. 2012]. Три магистерских диссертации [С. Рескалли, И. Коронен, М. Лаукканен] исследовали особенности учебных текстов, связанные с русской культурой на разных этапах преподавания русского языка в Финляндии. Было показано, что здесь отражается эпоха, то, как было принято думать об окружающем, чему считалось необходимым научить финнов, чтобы они могли высказывать это на русском языке. Если в учебниках XIX и начала XX в. подчеркивается, что Финляндия — это часть России, то после 1917 г. идеализируется жизнь в Советском Союзе, но одновременно незначительная роль отводится женщинам, провинции и реальным интересам людей. В нынешних учебниках кипит молодежная жизнь, люди спокойно перемещаются из одной страны в другую, на русском говорят повсюду в мире. Интересно и то, что происходит в России, и то, что делают русские в Финляндии. Россия манит не только своими крайностями, но и сходством с другими странами Европы и интенсивной, разноплановой культурной жизнью.

В интересном исследовании [Вахтин 2011] рассматривается история финско-русских и русско-финских разговорников как свидетельств неподлинной, но отражающей свое время коммуникации. Проанализировав 75 изданий с 1844 г. по наше время, Н.Б. Вахтин показал, на чьей территории, между какими сословиями, на какие темы и на котором из языков в разное время требовалось беседовать. По количеству разговорников издавалось больше тогда, когда контакты между странами становились теснее.

Хочется обратить внимание на то, как русскому языку учили: ведь именно в Финляндии и Польше существует самая долгая традиция преподавания русского языка как иностранного. Сборник упражнений [Kijanen, Viherjuuri 1916] предлагает следующие типы заданий: «Отыщите предикаты и субъекты. Замените настоящее время прошедшим, а затем будущим и прочитайте 1-ую статейку. Допишите и поставьте знаки ударения. Распределите предикаты по спряжениям. Распределите существительные по родам. Просклоняйте во всех временах: *Я прилежный ученик*. Напишите 7 предложений и подчеркните субъекты одною, а предикаты двумя чёрточками. Напишите противоположности словам. Замените последнее слово в скобках поставленными словами. Напишите статейку прозою. Выпишите формы, которые отвечают на вопрос *кому*. Выпишите глаголы на *-ся* и скажите их темы. Выпишите крестьянские постройки. Для чего они служат? Что и чем крестьянин делает?» и т.п. Преподавание строилось грамматико-переводным методом, задания были схожи с теми, которые давались на уроках русского как родного языка. Нужно было хорошо понимать структуру фраз и словоизменительные парадигмы. Тексты и задания были не без юмора и вполне актуальны, тексты собирались от простых к сложным. В учебнике [Thillot 1912: 10] приводится образец урока, в котором почему-то участвуют ученики с русскими именами:

Ива́нь, что зна́чить по-фи́нски «ма́льчи́к стои́ть»? — Poika seisoo.

Ка́къ пи́шут сло́во «ма́льчи́к»? — м-а-л-ч-и-к-ъ.

Кака́я бу́ква по́слѣ л? — ч.

Анто́нь, вѣ́рно ли э́то? — Нѣ́тъ, невѣ́рно.

Кака́я оши́бка? — По́слѣ л пи́шут бу́кву ъ.

Пётрѣ, напи́ши «стои́ть»! — (Пётрѣ пишеть: с-т-а-і-т).

Алекса́ндрѣ, вѣ́рно ли Пётрѣ написа́ль «стои́ть»? — Нѣ́тъ. Гово́рятъ

«стайтъ», но пішуть «стойтъ»; *i* пішуть пѣредъ гласными, а *m* согласна; в концѣ слова послѣ согласныхъ пішуть ѣ или ъ.

Кто учил этот язык, если исходить из содержания текстов учебников? Речь идет о школьниках, которые имеют дело с русскими, посещающими Финляндию. Мальчик Петр Смирнов, десяти лет, живет на Николаевской улице, а летом в собственном имении около Тавастгуса (Хямеенлинна), а его дядя — на даче, принадлежащей крестьянину Иконену, но собирается ее купить (с. 20–21). Это интернациональное сообщество, в котором подчеркивается многоязычие: например, в тексте «На Пункахарью» (с. 40–43) ездят в Або, выезжают из Гельсингфорса на почтовом поезде до Симолы, там пересаживаются и едут до Вильманстранда (Лаппенранта), а потом по Саймскому озеру на пароходе, идущем в Куопио, в Нейшлот (Савонлинну). Ночь такая светлая, что в полночь можно читать газету, и такая теплая, что можно сидеть на палубе в летнем пальто. Здесь также два англичанина, которые всю ночь не ложатся спать. На Пункахарью проживают в гостинице (видимо, знаменитый Вальтионхотелли), сами себе готовят завтрак, купаются в озере, катаются на лодке. После обеда уходят в лес и читают, сидя на траве или на песке. Вечером все сидят в зале или на балконе, кто-нибудь играет на пианино или поет, некоторые играют в карты или разговаривают о чем-нибудь. В 12 часов ложатся спать.

Въ гостиницѣ есть хорошая библіотека, въ которой, кромѣ шведскихъ и финскихъ книгъ, есть также нѣсколько англійскихъ. Теперь мы читаемъ сказки Андерсена на шведскомъ языкѣ. На этой недѣлѣ мы кончимъ ихъ. Пока мы здѣсь, мы хотимъ прочитать какую-нибудь нѣмецкую книгу. Въ библіотекѣ нѣтъ никакихъ нѣмецкихъ книгъ; но мы получимъ, можетъ быть, нѣмецкую книгу у кого-нибудь изъ нѣмцевъ, которые пріѣхали сюда изъ Ревеля.

Здѣсь живетъ также одинъ русскій студентъ изъ Петербурга. Его зовутъ Иваномъ Петровичемъ Алексѣевымъ. Его отецъ русскій, но мать финляндка. Я его зналъ прежде, когда онъ еще жилъ въ Гельсингфорсѣ. Ты, кажется, также видѣлъ его нисколько разъ у насъ. Ему тогда было 14 лѣтъ; теперь ему 21 годъ.

Онъ со всѣми говоритъ по шведски, и почти безъ ошибокъ; только иногда онъ отвѣчаетъ по-нѣмецки. Мы другъ съ другомъ говоримъ по-русски. Финскій языкъ онъ забылъ, хотя онъ еще знаетъ много финскихъ

словь. Въ Петербургѣ онѣ ни съ кѣмъ не говорилъ по-фински; мать его сама плохо знаетъ финскій языкъ и не любитъ говорить на немъ.

Я даю ему уроки финскаго языка. Онѣ учится прилежно, и мы уже прочитали съ нимъ нѣсколько «разказовъ мѣсяца» Юліуса Крона. Нѣкоторые изъ этихъ разказовъ онѣ прочиталъ одинъ безъ меня.

Далее отправляются в Сердоболь (Сортавалу) и на Валаам. В учебнике много рассказывается о России.

Создается впечатление, что язык нужно было выучить для того, чтобы понимать русских дачников, туристов и собственное русскоязычное меньшинство, а также чтобы ощущать себя частью громадной империи, где большинство населения — крестьяне. Заметен начавшийся переход от русско-шведского двуязычия к русско-финскому.

Сравнивая направленность в изучении русского языка 100 лет назад и сегодня (о жизни русских в Финляндии см., например, [Коль 2011]), можем отметить, что прагматическая ориентированность в смысле поездок совпадает (хотя направлений туристических потоков больше), а целевая группа иная.

Литература

Вахтин Н. Б. Стереотипные представления об общении между носителями разных языков: финско-русские и русско-финские разговорники // *Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации*/под ред. Н. Б. Вахтина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 203–234.

Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.

Воспоминание о Гельсингфорсе/под. ред. Л. Коль. Helsinki: Literarus, 2011. 240 с.

Гельсингфорс — Санкт-Петербург: Страницы истории (вторая половина XIX — начало XX вв.) / под. ред. Т. Вихавайнена, С. Кашенко. СПб.: Нестор-История, 2012. 199 с.

Изучение и преподавание русского языка в Финляндии / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой, М. Копотева, А. Никунлассии, Т. Хуттунена. СПб.: Златоуст, 2010. 497 с.

Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / под. ред. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина // Фило-софский век. Альманах 38. СПб., Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. 356 с.

Формирование и оценка коммуникативной компетенции би-лингвов в процессе двуязычного образования / под. ред. Е. Юрко-ва, Е. Протасовой, Т. Поповой, А. Никунласси. СПб.: МИРС, 2012. 640 с.

Ketola K. Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2007.

Kijanen P., Viherjuuri H.J. Harhoituskirja. Porvoo: WSOY, 1916.

Thillot A. Venäjän kielen opikirja. Helsinki: Helsingin sentraalikirjapaino, 1912.

E. Protassova

University of Helsinki (Finland, Helsinki)

ekaterina.protassova@helsinki.fi

Ya. K. GROT AND THE RUSSIAN LANGUAGE IN FINLAND

The Russian language is taught in Finland during 200 years as a second language and about 150 years as a mother tongue, and this experience can only evoke a lot of interest. Yakov K. Grot played a unique role in the history of teaching the Russian language in this country. Today, the Russian language is still compared to the Swedish language, it is found out, who wants to speak these languages, who with and when, what their value is. In 2013, the Minister of culture asked whether it would be reasonable to introduce the teaching of Cyrillic alphabet in all Finnish schools. The focus audience and the goals of teaching changed, and the question is relevant whether we teach the language of the Eastern neighbour or the language of Finland's own historical and cultural minority. In the course of history and under the influence of Finnish laws that changed many times two official state languages were accepted in Finland, Finnish and Swedish, and to each of them rules concerning the writing of documents, translation, teaching, professional occupation, posters in the public places etc. Every schoolchild knows how the lin-

guistic legislation is composed, how the bilingualism and multilingualism are formed and how they function, what should be done in order to acquire languages, how to bring up children in a bilingual family.

Key words: Ya. K. Grot, Finland, Finnish-Russian bilingualism, content of the textbook, Russian as a foreign language vs. Russian as a mother tongue abroad.

References

Artem'eva T. V., Mikeshin M. I. (Eds.). [Connecting Nations and Times. Yakov Grot: on the Bicentenary of His Birth]. *Filosofskii vek. Al'manakh 38* [The Philosophical Age. Almanac 38]. Saint Petersburg, Helsinki: Sankt-Peterburgskii tsentr istorii idei Publ., 2012. 356 p. (In Russ.)

Jurkov E., Protasova E., Popova T., Nikunlassi A. (Eds.). *Formirovanie i ocenka kommunikativnoj kompetencii bilingvov v processe dvuiazycznego obrazovaniia* [Formation and assessment of bilinguals' communicative competence in the process of bilingual education]. Saint Petersburg: MIRS Publ., 2012. 640 p.

Ketola K. *Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917* [In the Russian school. Finns as Russian grant-receivers in the time of autonomy 1812–1917]. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2007.

Kijanen P., Viherjuuri H. J. *Harhoituskirja*. [Work-book]. Porvoo: WSOY, 1916.

Kol' L. (Ed.). *Vospominanie o Gel'singforsе* [Memoirs of Helsingfors]. Helsinki: Literarus, 2011. 240 p.

Mustajoki A., Protasova E., Kopotев M., Nikunlassi A., Huttunen T. (Eds.). *Izuchenie i prepodavanie russkogo jazyka v Finliandii* [Studying and teaching the Russian language in Finland]. Saint Petersburg: Zlatooust Publ., 2010. 497 p.

Thillot A. *Venäjän kielen oppikirja*. [Textbook of the Russian language]. Helsinki: Helsingin sentraalikirjapaino, 1912.

Vakhtin N. B. [Stereotypes concerning communication between speakers of different languages: Finnish-Russian and Russian-Finnish phrase-books]. *Jazyki sosedej: mosty ili bar'ery? Problemy dvujazychnoj kommunikacii* [Neighbors' languages: Bridges or barriers? Problems

of bilingual communication]. Vakhtin N. B. (Ed.). Saint Petersburg: European Univ. at St. Petersburg Publ., 2011, pp. 203–234. (In Russ.)

Vihavainen T. *Stoletija sosedstva. Razmyshlenija o finsko-russkoj granice* [Centuries of neighbourhood. Reflections upon the Finnish-Russian border]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2012. 248 p.

Vihavainen T., Kashhenko S. (Eds.). *Gel'singfors-Sankt-Peterburg: Stranicy istorii (vtoraja polovina XIX — nachalo XX vv.)* [Helsingfors-St Petersburg: Pages of history (the second half of the 19th — the beginning of the 20th century)]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2012. 199 p.

ЯКОВ КАРЛОВИЧ ГРОТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Работа орфографиста включает два аспекта: пересмотр фактов, давно существующих в данном языке, и введение в язык новых слов. Грот работал в обоих направлениях. Предлагаемая статья посвящена преимущественно второму — введению новых слов в русский язык.

Ключевые слова: иноязычное заимствование, практическая транскрипция, правописание, Я. К. Грот.

Русский язык легко воспринимает заимствованные слова. В XIX веке многие культурные люди владели французским, немецким и другими иностранными языками. В свою речь они часто включали иностранные слова, не думая о том, следует ли писать их по-русски или оставлять в форме языка-источника. Особенно это относилось к собственным именам, которые в русских текстах часто оставались в латинском написании.

Работая над русским правописанием, Я. К. Грот не мог пройти мимо этого. Записывая иноязычное слово с помощью знаков русского алфавита, он думал, какие буквы лучше использовать. Ведь заимствованное слово должно склоняться в русском языке, от него могут образовываться производные слова, оно должно «хорошо чувствовать себя» в контексте.

В наше время запись заимствованных слов и собственных имён в принимающем языке называется транскрипцией, точнее — практической транскрипцией, которая должна ограничиваться буквами принимающего языка, не вводя в него чуждых для него написаний. В таком случае транскрипция — не самоцель, а лишь средство пополнения лексического состава языка.

Начиная с конца XVIII века ставился вопрос о необходимости введения в русский алфавит дополнительных знаков для показа точного произношения иноязычных слов. Подобные предложения

критиковал ещё М.В. Ломоносов. Он писал: «Ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую, и таково же смешно по правде покажется, есть-ли бы для подлинного выговору наших речений, в которых стоит буква «Ы», оную в какой-нибудь чужестранный язык приняли или бы вместо неё новую вымыслили» (См. [Ломоносов 1952: 422]).

В.К. Тредьяковский предлагал ввести букву *голь* для обозначения взрывного «г», оставляя букву *глаголь* для обозначения соответствующего звука в словах *благо*, *Бога*, а также для изображения *h* в иностранных словах. С.И. Барановский в своих географических пособиях прибегал для обозначения того же звука к знаку греческого густого придыхания, который ставил перед «г». Ястребцов ставил этот же знак над буквой «г». Он же для обозначения английского звука *th* употреблял фиту (что делалось и в «Московских ведомостях»). Тонкое произношение буквы «л» он отмечал надстрочным ериком, для изображения французского носового *N* он сначала писал *н'* (с апострофом), а потом стал ставить над буквой «н» букву «г» [Грот, 1876: 221–222].

Но иностранные слова не могут и не должны диктовать свои законы русской орфографии. С принятием гражданской азбуки (в 1708 г.) в русский язык была введена лишь одна дополнительная буква — э, необходимая для обозначения нейотированного «э» в начале слова и после гласных.

Осип Иванович Сенковский, писавший под псевдонимом Барон Брамбеус, тонко издевался над подобными попытками. Считая «истинным горем русской грамоты отсутствие в ней всякой методы выражать с надлежащей верностью иностранные собственные имена», он придумал следующий оригинальный способ поправить эту беду. «Есть у нас одна оборотная буква «э». Основание системы положено: нельзя ли дать ей некоторое развитие,.. распространить круг оборотности? Почему бы обратное «г» не могло выражать у нас немецкого и английского *h*? Почему обратный ерик, поставленный после «н» не указывал бы на французское носовое *N* или обратное «т» на английское *th*? Французское *u* можно было бы удобно выразить посредством того же мягкого знака, поставленного после твёрдого русского «у» так: уь. Глухое *h* хорошо выражается обратным апострофом: Фамилия Victor Hugo приняла бы в русской печати вид: Виктор 'Уьго» (цитируется по [Грот 1876: 227–228]).

С течением времени языки меняются, и современное произношение некоторых слов не соответствует тому, в котором они были заимствованы ранее. Русский язык пополнялся новыми словами на протяжении многих столетий. Во французском языке до XVIII века было среднеязычное мульированное *l* (*λ*). Слово бульон *bouillon* было заимствованно в русский язык именно тогда. В связи с этим неправильно изменять транскрипцию имени Герцога Бульонского на Буйонский. Это отражение произношения определённой эпохи.

Некоторые проблемы, стоявшие перед Я.К. Гротом, не нашли окончательного решения до наших дней. Это касается звуков, передаваемых латинским сочетанием **th**. Нередко это слова греческого происхождения (театр, математика, теория). В русском языке они некогда писались через «фиту»: *ѳеатр*, *маѳематика*, *ѳеория*. Я.К. Грот отмечал, что *ѳ* в подобных словах часто звучит как *т*. Однако разночтения встречаются до наших дней даже в одной и той же морфеме, сравните **орфография** и **ортопедия**. Слово библиотека заимствовалось в русский язык как непосредственно из греческого в форме *βιβλιοθηκα*, так и через посредство латинского языка. Победило второе — *библиотека*. Греческое православное имя *Θομας* превратилось в русском языке в *Θома*, а в западных языках — в *Томас*.

Английские слова, содержащие **th**, могут быть греческого происхождения. По-русски они передаются в соответствии с русскими традициями. В собственных именах Я.К. Грот рекомендовал передавать глухой звук, обозначаемый этим сочетанием, как *т*, а звонкий — как *д*, поскольку это исторически справедливо. Тем не менее были попытки передавать этот звук через **ф** или через **с**, независимо от звонкости или глухости: Каскарт (*Cathcart*). Главное управление геодезии и картографии СССР в течение многих лет передавало английское **th** как *т*: Те-Пас (*the pass*), Те-Даллес (*the Dalles*).

В литературе и прессе английское **th** часто передают через **с**: Голсуорси (*Galsworthy*), при этом не учитывается звонкость **th**; следовало бы писать Голсуорзи. Если же передавать **th** через *т*, то данную фамилию следовало бы писать Голсуорди. В каталогах Книжной палаты эта фамилия представлена по крайней мере 14 вариантами.

Отметим самое последнее заимствование из английского языка в разговорный русский: Бёздик (*birthday*) — день рождения, которое часто употребляется современной молодёжью, где звонкое *з* неуместно.

Я.К. Грот отмечал, что при введении заимствованных слов в русский язык следует учитывать нормы и возможности не только языка-источника, но и принимающего языка. Он рассматривал это на примере слов и имён, оканчивающихся в европейских языках на **ia**, отмечая, что, переданные через **-ия-** подобные имена будут в русском языке слоняться: Азия, Мария, Италия.

Во времена Я.К. Грота в русском языке ещё не было грузинских фамилий типа Данелиа, Гулиа, Гасмахурдиа. Грузины настаивают на том, чтобы они в русском языке не склонялись, но тогда их употребление в тексте затруднено. Лариса Павловна Калакуцкая в небольшой, но очень ёмкой книжке «Фамилия, имя, отчество» настаивает на склонении таких фамилий. Но тогда их конечный элемент следовало бы писать **-ия**.

Имена собственные в отношении своего распределения по родам и склонениям следуют за именами нарицательными. В отличие от имён нарицательных, имена личные и фамилии имеют только два рода, мужской и женский, а географические названия распределяются по трём родам в зависимости от их конечных элементов.

Я.К. Грот отмечал, что **-о** не составляет приметы рода и склонения в ряде имён (депо). По этой же причине чувствуется неловкость при употреблении в русском языке украинских фамилий на **-ко**. Русские в обиходной речи обратили этот конечный элемент в **-ка** и склоняют, как имена женской формы: с Шевченкой, для Безбородки. В официальном употреблении подобные формы недопустимы: театр имени Шевченко. В украинском языке такие фамилии склоняются, подобно словам ведро, озеро, т. е. театр имени Шевченка.

В русском языке эта проблема решена не до конца. В 30-е годы XX века многие фамилии, оканчивавшиеся на **-ка**, были заменены в паспортах на **-ко**: Падалка — Падалко. Так они из склоняемых стали несклоняемыми. В последние годы в печати и на радио перестали склонять географические названия, оканчивающиеся на **-о**: живу в Тушино, из Домодедово, доехал до Пушкино. Одна журналистка доказывала, что Домодедово как название города склонять надо, а как название аэродрома — не надо, потому что это название фирмы.

В конце XX века русский язык пополнился новой категорией слов — товарными знаками, которые не принято склонять в официальных источниках, но которые не могут остаться несклоняемыми

в устной речи. Приходя в магазин, я прошу: «Дайте мне два “Ролтона”», а мне отвечают: «“Ролтоны” кончились». В гостях мне предлагают выпить «кока-колы» или «фанты», но в официальной речи их склонять не полагается.

Хочется сравнить деятельность Я. К. Грота и А. А. Реформатского, жившего почти на столетие позже. Многие проблемы, впервые поднятые Я. К. Гротом, оставались актуальными и для XX века. А. А. Реформатский активно занимался проблемами русского правописания. Практическую транскрипцию он считал проблемой лексикологии. Но, в отличие от Я. К. Грота, чьи «Филологические разыскания» выдержали несколько изданий, а «Русское правописание» издавалось почти ежегодно, орфографические изыскания А. А. Реформатского оставались в проектах. Он участвовал во многих орфографических комиссиях (Д. Н. Ушакова, Наркомпроса, В. В. Виноградова). Свод орфографических правил Наркомпроса, в котором А. А. Реформатский принимал активное участие, был опубликован перед самой войной и дальнейшего развития не имел. Его интересные разработки по собственным именам, прописным и строчным буквам, удвоенным согласным, по дефисам, апострофам так и остались в архивах В. В. Виноградова.

Много внимания Я. К. Грот уделял проблеме удвоенных согласных. Во многих европейских странах они удваивались, по его мнению, без надобности. Если вспомнить средневековую Европу, где было много неграмотных людей, которые обращались к специальным писарям, чтобы те сделали им документы, то следует отметить, что писари брали за свой труд побуквенно и удваивали всё, что только можно. Со временем часть этих удвоений отменили. Я. К. Грот выступал против ненужных удвоений согласных в словах *оффицер*, *корридор* и др.

Написание удвоенных согласных неоднократно обсуждалось на Орфографической комиссии у В. В. Виноградова. В отличие от многих славянских языков, не принимающих удвоения согласных в заимствованных словах, русский язык часто заимствует исходное написание иноязычного слова. Большую работу по удвоенным согласным проделала М. Я. Гловинская, предлагавшая их не удваивать. Возражая ей, Д. Э. Розенталь отмечал, что в ряде слов слышится долгий согласный звук: **касса**, **масса**, **манна** и считал, что в подобных случаях удвоения следует сохранить.

Представители ГУГК, занимавшиеся транскрипцией географических названий, выработали механическое правило: удвоенные согласные сохранять в положении между гласными и на конце слова и не сохранять рядом со следующей согласной буквой. При этом не допускать двух удвоенных согласных в одном слове. Так, по их правилам, название **Таллинн** следовало писать **Таллин**. Но в эстонском языке слово **линн** означает «город», а **лин** к топонимии не относится.

А. А. Реформатский говорил об «умных» морфемах, которые следует различать и уважать. Например, греческое слово **фил** (а в русских словах это морфема) означает «любитель», а **филл** — «лист». Поэтому слова славянофил, филолог пишутся с одним **л**, а филлоксера — с двумя. А. А. Реформатский также категорически возражал против удвоенного **с** в слове *траса*, потому что во французском языке, откуда оно заимствовано, пишется *tracé*. Но многие произносят это слово с долгим **с**. В связи с этим, очевидно, можно говорить о влиянии написания на русское произношение.

При первоначальном заимствовании удвоенные согласные не писались в личных именах. В XIX веке начинается их насыщение удвоенными согласными. В некоторых святцах пишут Елисей. Активно удваивается **в** в имени Сава. Появляется второе **л** в имени Иларион. Это имя того же происхождения что и Иларий, где никакого удвоения нет.

Не следует забывать про старообрядцев, которые сохранили нереформированные святцы и у которых во всех этих случаях пишется одна согласная буква. У нас часто пишут имя Савы Морозова через два **в**, хотя он был старообрядцем.

До сих пор окончательно не решена проблема прописных букв, поставленная Гротом. Особенно это относится к так называемым «вежливым» буквам. Я. К. Грот отмечал, что почему-то слова **Генерал**, **Полковник**, **Его Превосходительство** часто пишут с большой буквы, а слова **солдат**, **матрос** — с маленькой. Он ставил вопрос: где проходит граница чинов и званий? Вопрос не разрешён до сих пор. Я полагаю, что в тех случаях, когда слова типа **Президент**, **Министр** выступают как заменители собственного имени (Министр сказал) их можно писать с прописной буквы. Но когда это просто обозначение номенклатуры должностей, их следует писать со строчной буквы.

Большую работу по прописным буквам сделал А.А. Реформатский для орфографических правил, разработанных Наркомпросом перед войной, но после войны к этому проекту не вернулись.

А.А. Реформатский считал, что обозначения титулов и званий в составе географических названий следует писать со строчной буквы: **Земля королевы Мод, улица архитектора Власова**. Но в данном случае возникает противоречие. Если титулы и звания входят в состав географических названий, они составляют часть названия, и следовательно, также должны писаться с прописной буквы: **Земля Королевы Мод, улицы Генерала Ермолова, Архитектора Власова**. Появляется и дополнительный вопрос: на какое слово (на какую букву) их расставлять по алфавиту.

Некоторые имена являются одновременно и титулами. В Англии принц Уэльский — это одновременно обозначение по месту жительства и титул наследного принца, которому предстоит стать королём. В арабском языке Сейф-уль-Ислам (меч ислама) — это имя личное и титул наследного принца. Ага-хан — имя личное и титул духовного главы низаритов — восточных исмаилитов — одного из направлений ислама.

Если имя или название состоит из нескольких частей, возникает вопрос о слитном, раздельном или дефисном написании. Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая при участии В.Э. Сталтмане и Л.К. Чельцовой опубликовали большой словарь специальной лексики «Слитно или раздельно?», выдержавший несколько изданий.

Проблемы практической транскрипции никогда не могут быть решены до конца. Ежедневно в наш язык проникают новые слова. Особенно много неологизмов поступает в связи с тем, что в республиках, отделившихся от Советского Союза, проводятся массовые переименования географических объектов, включая улицы. Этот огромный лексический массив в той или иной степени входит в русский разговорный и литературный язык, пополняя его состав. Так чисто орфографическая работа транскриптора оказывается одновременно лексикологической и лексикографической, помогающей упорядочению словарного состава языка.

Литература

Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. 3-е изд. М.: Русский язык, 1982.

Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб., 1876.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 11 тт. Т. 7. Труды по филологии / под ред. В.В. Виноградова, С.Г. Бархударова, Г.П. Блока. М.-Л.: Академия наук СССР, 1952. 995 с.

Правила единой орфографии и пунктуации. Проект. М.: Учпедгиз, 1940.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6.

† *A. V. Superanskaia*

Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

YAKOV KARLOVICH GROT AND THE PRESENT

Orthographist's work has two aspects: revision of the facts that have long existed in a given language and introduction of new words into the language. Grot worked in both of these areas. The proposed article is concerned primarily with the latter — introduction of new words into the Russian language.

Key words: loanwords (foreign borrowings), practical transcription, orthography, Ia. K. Grot.

References

Bukchina B. Z., Kalakutskaia L. P. *Slitno ili razdel'no? Opyt slovar-ia-spravochnika* [Solid or separate spelling? An attempt at a dictionary-reference book]. 3rd ed. Moscow, 1982.

Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskaniia* [Philological studies]. Saint Petersburg, 1876.

Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tt. T. 7. Trudy po filologii* [Complete Works in 11 Vol. Vol. 7. Works on Philology]. V.V. Vinogradov, S.G. Barkhudarov and G.P. Blok (Eds.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952.

Pravila edinoi orfografii i punktuatsii. Proekt [Uniform rules of orthography and punctuation. Project]. Moscow, 1940.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian orthography and punctuation]. Moscow, 1956.

Reformatskii A.A. [Linguistic problems of translation]. *Inostrannye iazyki v shkole*, 1952, No. 6. (In Russ).

Н. А. Федянина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

(Россия, Москва)

fedyanin.v.n@gmail.com

ЧИТАЯ ГРОТА

(Заметки акцентолога)

Просодии — одни из самых сложных проблем в языкознании. Читая работы Я.К. Грота, остается только удивляться словам С.И. Ожегова о том, что нет такой дисциплины, как русская акцентология. Труды А.Х. Востокова, Я.К. Грота, А.А. Потебни и многих других ученых не только положили начало научному изучению русского ударения, но и создали русскую акцентологию 19-го века. Именно она стала основой и бесценным материалом для решения задач русской акцентологии, для изучения эволюционных процессов, результатом которых и явилась современная акцентная система русского языка. Шестидесятые годы 20-го века стали временем серьезных достижений, но фундамент современных исследований заложен был более столетия назад. Русское ударение представляло чрезвычайные трудности для исследователей во все времена. Я.К. Грот не был исключением. Он задает вечный вопрос, почему русское ударение так прихотливо и непостоянно, и в явном отчаянии отвечает, что это тайна создания слова. Я.К. Грот ставит целью не просто определить правила, а обстоятельно описать все случаи ударения. Ученый при этом осознает всю трудность задачи, которая «может устроить всякого». Труды Я.К. Грота по русскому ударению — это грандиозное исследование по акцентуации 19 века, описания типов подвижного ударения со списками слов, их представляющих, анализ вариантности. В работе даются закономерности и правила ударения, а также ставятся общие проблемы акцентологии.

Ключевые слова: ударение, типы ударения, подвижное ударение, варианты, эволюционные процессы.

Вместо предисловия*Спасибо за конференцию.**Спасибо за память о Я. К. Гроте,**замечательном ученом, ибо забвение убивает.**Большая благодарность академику А. М. Молдовану,**профессору А. Д. Шмелеву,**оргокомитету конференции**за эту акцию истинного просвещения.*

Читая работы Я. К. Грота по русскому ударению, трудно согласиться со словами С. И. Ожегова о том, что «нет специальной дисциплины — русской акцентологии» [Ожегов 1974: 266].

Труды А. Х. Востокова и Я. К. Грота не только положили начало научному изучению русского ударения, но и создали русскую акцентологию 19 века, которая послужила основой для последующих исследований, бесценным материалом для постановки и решения задач акцентологии, изучения эволюционных процессов, результатом которых и является современная акцентная система русского языка.

Я. К. Грот отмечает чрезвычайные трудности описания русского ударения, т. к. «эта отрасль до сих пор почти не обращала на себя внимания» [Грот 1899: 291]. Причина в неразработанности теории просодий и общей теории слова. Эта ситуация сохраняется и в наше время. Так, Р. Якобсон, спустя столетие после Грота, пишет, что просодии «до сих пор остаются наиболее трудной и противоречивой проблемой фонетических штудий» [Jakobson 1962: 28].

А. Х. Востоков поставил цель найти правила ударения, но не взял на себя решения этой задачи. «Который же именно слог должно произносить с ударением, сему научаемся из употребления и словаря, потому что не приискано еще на то определенных правил» [Востоков 1831: 387–388].

Об отношении Я. К. Грота к этой проблеме сказано в работе «О глаголах с подвижным ударением»: «Известно, что одну из наименее обработанных частей теории русского языка составляют правила ударения» [Грот 1899: 277]. При этом русское ударение прихотливо и непостоянно. Грот задает вечный вопрос, «... почему в одном слове ударение на таком-то месте, а в другом не на том же слоге», и в явном отчаянии сам отвечает: «это тайна создания слова, которой не разгадает никакой Лафатер филологии» [Грот 1899: 293].

Если невозможно найти правила, размышлял Грот, то можно ли по крайней мере понять, «не подчинено ли оно положительным законам... Этот вопрос до сих пор остается у нас нерешенным, потому что никто еще не подвергал обстоятельному рассмотрению всех случаев разнообразия ударений» [Грот 1899: 291].

Именно эту цель ставит Яков Карлович себе и акцентологии в целом в своих работах по русскому ударению. Ученый при этом осознает всю трудность задачи, которая «может устроить всякого, но... если целью поставить себе не именно определение законов ударения, а, по крайней мере, решение вопроса: есть ли в русском языке возможность определить эти законы, или они до такой степени неощутительны и неуловимы, что установить их невозможно?» [Грот 1899: 292].

Труды Я. К. Грота по русскому ударению и есть «обстоятельное» описание акцентуации существительных и глаголов 19-го века. Это грандиозное исследование, в котором рассматриваются типы подвижного ударения со списками и детальным анализом слов, их представляющих. Особенное значение имеет анализ вариантности ударения, который дает возможность современным акцентологам определить направление перестройки акцентной системы русского языка, а также оценить нормативность акцентных вариантов, которые представляют настоящее бедствие современной речи. В работе даются закономерности и правила ударения в рамках определенных групп слов, а также ставятся общие проблемы акцентологии.

Рассмотрю лишь некоторые вопросы, т. к. рамки статьи не позволяют более детального анализа.

Я. К. Грот исходит из понимания роли русского ударения в грамматической структуре слова. Это видно уже из названия работы об ударении глагола: «О спряжении русского глагола и **важности** в нем ударения». Грот пишет о том, что два разных ударения в глаголах (т. е. подвижность) чрезвычайно важны и заслуживают точно такого же внимания, как и различия окончаний. «Ошибка в ударении может иногда более поразить слух, нежели неправильное окончание» [Грот 1899: 264].

В своих исследованиях Грот уделяет особое внимание подвижному ударению глаголов и существительных, приводит списки слов с подвижным ударением, а также с акцентными вариантами.

Остановлюсь на описании ударения глаголов. Подвижность уда-

рения у глаголов бывает по большей части в настоящем (будущем) времени и заключается в различии ударения 1 л. единственного числа и всех других форм обоих чисел, которые имеют одинаковое ударение.

Это единственный тип подвижного ударения в настоящем времени: в неопределенной форме и в 1-м лице единственного числа — на последнем слоге, в остальных формах переходит на предпоследний слог: *смотре́ть, смотрю́, смóтришь*.

Если в этом описании слова «последний и предпоследний слог» заменить словами *окончание* и *основа*, получится современное определение подвижного ударения.

В исследованиях Я.К. Грота глаголов с подвижным ударением в настоящем времени около 200, две трети из них — глаголы на *-ить*, в основном двусложные.

Глаголов на *-ить* с подвижным ударением более 100: 50 глаголов с двояким ударением (вариантами) во 2-м л. единственного числа: *деле́ть, делю́, де́лишь* и *дели́шь*; 50 глаголов с постоянно подвижным ударением: *хва́лить, хвалю́, хва́лишь*.

В первой группе глаголов отмечается **изменение неподвижного флексийного ударения глаголов на *-ить* на подвижное**: *да́рить, дарю́, да́ришь* и *да́ришь*; *дру́жить, дружу́, дру́жишь* и *дру́жишь*. Этот процесс происходит и в современном русском языке, но с меньшей интенсивностью: *кру́жат* — *кру́жит*, *звони́т* — *звони́т*. Это зона активной вариантности, которая охватывает в настоящее время около 30 глаголов на *-ить*. Таким образом, происходит расширение сферы подвижности ударения в настоящем времени глаголов. В современном русском языке их более 120 [Федянина 1982: 221–229].

Глаголы с подвижным ударением почти все «первообразные, т. е. образованы хотя и не прямо от корня, но и не от слова другой части речи». Между глаголами с постоянным ударением в конце первообразных очень мало: *роди́ть, реши́ть, врати́ть, копти́ть, сули́ть*. Производные глаголы с подвижным ударением очень редки: *же́нить, се́рдить, застре́лить* [Грот 1899: 283].

Этот тип подвижного ударения имеют также глаголы на *-ать* с чередованием согласных: *вяза́ть, вяжу́, вяжешь*, *писа́ть, пиши́-у́, пиши́-ешь*» [Грот 1899: 280].

Подвижное ударение имеют также глаголы на *-оть*: *боро́ть, коло́ть, поло́ть, поро́ть, молото́ть*; глаголы на *-нуть*: *гляну́ть,*

минуть, тонуть, тянуть и обмануть, помянуть (неупотр. без предлога), у которых *-н-* относится к корню: в *тонуть* корень *тон* [Грот 1899: 283].

Списки глаголов с подвижным ударением включают глаголы 2-го спряжения (продуктивные и непродуктивные) и непродуктивные типы 1-го спряжения.

Я. К. Грот выделяет глаголы на *-ать* с «беглым *а*» (их 40 с небольшим), которые имеют «двойное настоящее»: *махать, машу, máшешь* и *махáю, махáешь*.

Сюда же относятся 6 гл. с ударением в 1-м л. на 1-м слоге: *алкáть, áлчу, áлчешь* и *алкáю, алкáешь*; *страдáть, стрáжду, стрáждешь* и *страда́ю, страда́ешь*; *хромáть, хрáмлю* и *хромáю, зýжду, сто́ну* и *стонáю, óру*; 12 трехсложных: *полоскáть, полощу́* и *полоскáю, колыхáть, колы́шу* и *колыхáю, колебáть, колéблю* и *колебáю, ры́скать, ры́щу* и *ры́скаю* и др.

В качестве отличительной черты этих глаголов Я. К. Грот называет «беглый гласный» *а*. Говоря современным языком, «беглый гласный» — это формообразующий суффикс, который отсутствует в формах настоящего времени непродуктивного типа глаголов 1-го спряжения на *-ать* (*писать, пишу*), в отличие от продуктивного типа (*читать, читаю*). Здесь речь идет о важнейшей особенности русского глагола — о различии глагольных основ.

В русском спряжении существует 2 типа глагольных основ: корневые, без суффикса (*пиш-у, нес-ла*) и суффиксальные, содержащие формообразующий суффикс (*чит-а-ю, чит-а-ла*) [Федянина 1982; 1993].

Продуктивные типы глаголов 1-го спряжения имеют суффикс во всех формах настоящего и прошедшего времени. У всех глаголов с подвижным ударением, т. е. 2-го спряжения, а также непродуктивных типов 1-го спряжения — корневая основа в настоящем времени.

Суть описанной вариантности — изменение морфемного состава основ. Непродуктивные глаголы 1-го спряжения на *-ать* изменяют корневую основу настоящего времени (*движ-у, движ-ешь*) на суффиксальную (*двиг-а-ю, двиг-а-ешь*) по образцу продуктивного класса типа *читать*.

Ударение глагольной словоформы находится в зависимости от морфемной структуры основы — наличия или отсутствия формообразующего суффикса.

В суффиксальных словоформах (со слоговым суффиксом) ударение может быть или на корне (*ду́мать*, *ду́мает*), или на суффиксе (*чита́ть*, *чита́ет*), но никогда — на флексии. Поэтому у продуктивных глаголов 1-го спряжения, содержащих суффикс во всех словоформах настоящего и прошедшего времени, возможно только неподвижное ударение.

У глаголов на *-ать* Я. К. Грот отмечает колебания ударения, которые связаны с грамматической вариантностью в настоящем времени непродуктивных глаголов 1-го спряжения на *-ать*, — процесс **изменения подвижного ударения на неподвижное**: *маши́у*, *ма́шиешь* — *маха́ю*, *маха́еешь*.

Процесс перехода глаголов непродуктивного типа на *-ать* в продуктивный происходит и сейчас. Некоторые глаголы окончательно утратили формы непродуктивного типа: ср. формы *храма́ю*, *страда́ю*, *мака́ю* и устаревшие формы *хро́млю*, *стра́жду*, *ма́чу*.

В своих трудах Я. К. Грот исходит из положения о том, что русское ударение абсолютно свободно: ударение падает на любой слог, на корневой слог, беглую гласную, приставку, на окончание. Этот миф жив до сих пор и явно не соответствует действительности.

Ударение находится в жесткой зависимости, прежде всего, от морфологических характеристик слова, таких как особенности морфологического класса, морфемного состава словоформ, их соотношения в парадигме.

Так, наличие слогового суффикса в основе исключает префиксальное ударение (кроме приставки *вы*), флексийное, а следовательно, и подвижное ударение; ударение на частице *-ся*.

Флексийное и префиксальное ударение возможно только в словоформах с корневой основой. Ударение на приставке при этом никогда не бывает в формах инфинитива, настоящего времени, женского рода прошедшего времени. Оно возможно только у некоторых приставочных образований от 12 корневых глаголов и только в формах мужского, среднего рода и множественного числа прошедшего времени: *нача́ть*, *на́чал*, *на́чало*, *на́чали*, но *нача́ла* [Федянина 1982; 1993].

Сам Я. К. Грот приводит примеры фиксированного ударения, как, например, на окончании местного падежа, на окончании *-а* в им. мн. мужского рода (*профессора́*), на суффиксах в производных существительных.

В новейших исследованиях описаны многие закономерности ударения, почти исключительно морфологического характера. Но русское ударение по своей природе — явление фонетическое, а потому фонетическая система диктует свои законы и накладывает свои ограничения на акцентную структуру слова.

Русское ударение сильноцентрализующее. Но его сила не безгранична: **безударная часть слова не превышает 3-х, максимум — 4-х слогов.** Это **фонетический закон русского языка** [Федянина 1993].

Он ограничивает ударение на флексии, и вообще периферическое ударение в слове. Поэтому флекссионное, а соответственно и подвижное, ударение имеют исключительно слова с односложной или двусложной основой, за исключением единичных слов. Именно такие слова Грот называет «первообразными».

Таким образом, слоговой фактор в комплексе с грамматическим определяет ударение в синтагматической структуре слова.

Для понимания русского ударения необходимо представлять, какую роль оно играет в делимитации и идентификации слова. Особенно важным является вопрос о функциях ударения и просодий вообще, которые, по замечанию А.А. Реформатского, до сих пор определяются по принципу отыскания работы для беспризорных средств языка.

Русское нефиксированное ударение образует резкий контраст «ударность — безударность», в результате чего создается единство всех синтагматических компонентов слова. Я.К. Грот не оставляет без внимания эту важнейшую функцию ударения: «... если б мы и произносили их (слоги) одинаково, то слово не образовало бы отдельного целого, для придания слогам его связи, для совокупления их в фонетическое тело, мы должны одному слогу дать первенство, господство над другими» [Грот 1899: 293].

Внутренняя связанность частей слова есть необходимое условие выделимости слова в составе высказывания. «Делимитация единиц обязательно сопряжена с концентрацией внутри единиц» [Реформатский 1963: 75].

Я.К. Грот ставит вопрос о необходимости обучения ударению и о практическом применении акцентологических исследований: «наука мало приносит пользы, когда она не снисходит к потребностям общества, и что для ее распространения необходимо старание самих ученых упростить ее выводы и сделать их доступными для

большинства» [Грот 1899: 274]. Эта проблема не утратила актуальности и в наше время, несмотря на значительные успехи акцентологии как науки, проблема обучения не решена и не решается.

Русское ударение занимает настолько важное место в грамматической структуре языка, что описание морфологической системы языка невозможно без ударения, равно как описание и обучение ударению невозможны без морфологии. Орфоэпические словари должны включать морфологическую информацию, как это делает «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова или «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка.

Литература

Jakobson R. “Introductory Speech” // *Proceedings of the 4-th International Congress of Phonetic Science*. The Hague: Mouton, 1962. P. 28.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII — XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.

Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением // *Грот Я. К.* Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 277–289.

Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // *Грот Я. К.* Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 290–337.

Грот Я. К. О спряжении русского глагола и важности в нем ударения // *Грот Я. К.* Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 263–276.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII — XIX веков. М., 2008. 960 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. М., 1974. С. 266.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989.

Реформатский А. А. О фономорфологической делимитации слова // *Морфологическая структура слова в языках различных типов*. М.-Л., 1963. С. 60–76.

Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1982. 302 с.

Федянина Н. А. Ударение и структура русского глагола // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1993. Band 31. S. 219–243.

N. A. Fedyanina

Pushkin State Institute of the Russian language

(Russia, Moscow)

fedyanin.v.n@gmail.com

READING GROT

The goal of this paper is to present some epoch-making Russian scholars without whom it is difficult to imagine the nineteenth-century Russian linguistics, especially the history of the Russian stress study. Outstanding works by A. H. Vostokov, Ya. K. Grot and many other famous scholars produced the foundation for the scientific study of the Russian stress. For a long time the study of the prosodies in linguistics was in a primitive state compared with phoneme aspect. The subject-matter of the article is specific features of the Russian word structure as one of the word prosodies. The character of the Russian accent structure makes it a very difficult linguistic problem, both theoretical or practical. The Russian stress by its nature is a phonetic unit, but at the same time it is connected with morphology. Both prosodic structure of a phonetic word and a stress as a structural element of a grammatical paradigm are discussed including such aspects as types of stress, its shifting, variation, evolution processes. All this makes Russian stress an absolutely necessary part of teaching the Russian language.

Key words: stress, types of stress, shifting, variants, evolution processes.

References

Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo iazyka XYIII — XX veka* [Norms of the Russian Language in XYIIIth — XXth centuries]. Moscow, 2008. 960 p.

Fedianina N. A. [The stress and structure of the Russian Verb]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1993, Band 31, pp. 219–243. (In Russ.)

Fedianina N. A. *Udarenie v sovremennom russkom iazyke* [The Stress in Modern Russian]. Moscow, 1982. 302 p.

Grot Ya. K. [About the Russian stress and the stress of Russian nouns]. *Trudy. T. 2. Filologicheskie razyskaniia* [Works. Vol. 2. Philological studies]. Saint Petersburg, 1899, pp. 290–337. (In Russ.)

Grot Ya. K. [Russian conjugation and the importance of the stress]. *Trudy. T. 2 Filologicheskie razyskaniia* [Works. Vol. 2. Philological studies]. Saint Petersburg, 1899, pp. 263–276. (In Russ.)

Grot Ya. K. [Verbs with shifting stress]. *Trudy. T. 2. Filologicheskie razyskaniia* [Works. Vol. 2. Philological studies]. Saint Petersburg, 1899, pp. 277–289. (In Russ.)

Jakobson R. [“Introductory Speech”]. *Proceedings of the 4-th International Congress of Phonetic Science*, The Hague: Mouton, 1962, p. 28.

Ozhegov S. I. [The next questions concerning standard speech]. *Leksikologiya. Leksikografiia. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Standards of speech]. Moscow, 1974, pp. 266. (In Russ.)

Reformatsky A. A. [Phonomorphological word delimitation]. *Morfologicheskaja struktura slova v iazykakh razlichnykh tipov* [Morphologic word structure in languages of different types]. Moscow, Leningrad, 1963, pp. 60–76. (In Russ.)

Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII — XX vv. Formy slovoizmeneniia* [Russian stress in the XVIIIth — XXth centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 328 p.

Vostokov A. H. *Russkaia grammatika* [Russian grammar]. Saint Petersburg, 1831.

Zalyznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka* [Grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow, 1977.

Л.Л. Шестакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lara.shestakova@mail.ru

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ДЕРЖАВИНА В ГРОТОВСКОМ ПРОЕКТЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПОЭТА

Среди многочисленных работ академика Якова Грота выделяется подготовленное им к изданию собрание сочинений Державина в 9 томах (1864–1883). Содержание томов составили стихотворения Державина, драматические сочинения, произведения в прозе, переписка, полная биография и т. д. Особое место занимает в издании 9 том, включающий «Словарь к стихотворениям Державина» — первый опыт писательского словаря в русской лексикографии.

Грот рассматривал словарь языка отдельного автора как источник для изучения истории общеупотребительного языка. Предмет интерпретации в таком словаре он сводил при этом к особенностям словоупотребления писателя. «Особенные» в том или ином отношении единицы выбраны Гротом из первых двух томов собрания Державина и описаны по принципам конкорданса. Модель словарной статьи «заголовок — иллюстрация — шифр произведения», отражающая наличие лексемы в языке Державина, характер ее употребления и место в тексте, реализована во множестве статей к словам знаменательным, служебным, а также к немногочисленным именам собственным (Алчба. — Разбойничьей алчбы награды. *Ковар.* 324, 18; Не. — ...Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной. *Вод.* 464, 12; Лада. — Ужь Лада ходить, просить. II, 430, 2). Наблюдаемые в справочнике случаи отступления от принятых правил построения отражают не столько непоследовательность составителя, сколько поиск им форм, способов представления в словаре нового типа значимой информации о словах (их происхождении, значении, частеречной или родовой принадлежности, особенностях в постановке ударения и т. д.).

Дифференциальный по основным параметрам «Словарь к стихотворениям Державина» позволял решать задачи лишь ограни-

ченного круга. Вместе с тем этот опыт Грота, соединивший в себе интерес ученого к словарной работе и его неизменное внимание к творчеству русских писателей, закладывал основы для направления, позднее сложившегося как авторская, или писательская, лексикография.

Ключевые слова: Державин, собрание сочинений, словарь языка писателя, конкорданс, словарная статья.

Среди многочисленных работ академика Я. Грота особое место занимает, по словам С. Венгерова, «монументальное издание» сочинений Державина (1864–1883). Интерес к творчеству и языку поэта возник у Грота в 1840-е гг. Уже в первом хронологическом обзоре его жизни и деятельности отмечалось: «**1845. Первые месяцы.** Приготовление статей о Державине <...>. *Осень.* Продолжение занятий Державиным» [Грот К. 1912: 15]. Работа над собственно собранием сочинений Державина продолжалась более 20 лет. В 1859 г. Академия наук поручила Гроту, «по его вызову и плану», заняться этой работой, в том же году появились первые статьи ученого о плане издания и материалах для него, а последний том собрания вышел в 1883 г.

Содержание томов составили: стихотворения Державина (т. 1–3; т. 1: 1770–1796 гг., т. 2: 1797–1808 гг., т. 3: 1809–1816 гг.; в третий том вошли и стихотворения неизданные, «неизвестных годов», приписываемые Державину, а также неизданные басни и притчи); драматические сочинения, отрывки из переведенных Державиным пьес (т. 4); переписка разных лет (т. 5: 1773–1793 гг., т. 6: 1794–1816 гг.) и записки (т. 6: 1743–1812 гг.); сочинения в прозе (т. 7: 1774–1816 гг.), литературные сочинения (т. 7: 1778–1816 гг.); полная биография под названием «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом» (т. 8). Основное собрание из восьми томов было дополнено специальным, девятым, томом, в который вошли многочисленные примечания и приложения, дополнения к разным томам, литература о поэте, общий указатель и т. д. — вплоть до сведений о портретах и бюстах Державина. Ценность издания, подготовленного Гротом, определялась целым рядом факторов, но прежде всего двумя: объемом, полнотой тщательно обработанных материалов и их всесто-

ронней научной обоснованностью. Именно поэтому данное издание уже в момент его опубликования было оценено как образцовое, таковым его считают и современные специалисты.

Для истории отечественной филологии значимо то, что «Сочинения Державина» содержали не только историко-литературный, но и языковедческий компонент — в виде вошедшего в т. 9 раздела «Язык Державина». Раздел включал в себя очерк «Общие и частные замечания» (с. 333–355), целью которого было показать некоторые особенности языка поэта, и «Словарь к стихотворениям Державина» (с. 356–444), в котором составитель лексикографически представил выявленные особенности. Этот словарь стал первым опытом писательского словаря в русской лексикографии.

Язык Державина Грот рассматривал в широкой перспективе — как определенный момент в истории русского литературного языка, требующий детального изучения. Разрушитель старой системы стилей и норм, Державин, по мнению ученого, «обращается с языком самовластно: он не боится ошибок против грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею в яркий и резкий образ <...>. Его язык, при видимом своем своенравии, есть язык выразительный, сильный и пластический. Его слог мужествен и полон энергии» [Грот Я. 1883: 334–335]. Применив частеречный подход, Грот выделил конкретные особенности языка Державина. К ним он отнес: использование слов и форм слов церковнославянских (*воскликновѣніе, зракъ; очеса, творче*) и простонародных (*пошва, растабары; бремя, время* и т. п. в форме род. п. ед. ч.) в их оригинальном соединении; обращение к архаизмам, введенным Ломоносовым и характерным для стихотворцев XVIII столетия (*остуда, продерзость, правы* ‘законы’); активное употребление так называемых «словосоставлений» (*веселорѣзвая Эрата, златобисерное небо, лазурно-сизо-бирюзовы* круги), причем некоторые словосоставления принадлежат, по наблюдениям Грота, самому Державину (*горорытство* ‘рудокопство’, *прямовидность* ‘перспектива’); употребление во мн. ч. некоторых названий «умственных предметов» (*воображенія* безсильны; подите, *счастья*, прочь); «неправильности» в склонении существительных (*витіевъ, кикиморовъ*), запутанность словорасположения, приводящая к затемнению смысла строк, и т. д.; специально было отмечено также, что Державин избегал иностранных слов, «особенно в последнем периоде своей жизни». Приведенными характери-

стиками, подчеркивал Грот, «конечно, не исчерпывается все то, что можно сказать о языке и слоге Державина; но <...> их достаточно для того, чтобы с помощью следующего за сим словаря облегчить всякому дальнейшие наблюдения над этой стороной поэзии Державина» [Там же: 355].

Концепция словаря языка Державина, а по существу вообще писательского словаря, согласовывалась с общим представлением Грота о том, что предмет изучения авторского языка — это его особенности. Словарь особенностей (в современной терминологии разновидность дифференциального словаря) даст, по Гроту, возможность ответить на множество вопросов: «в каком, отличном от обыкновенного, значении он [писатель] употребляет некоторые слова, которой из двух или нескольких форм он отдает предпочтение, какие у него попадаются замечательные обороты и сочетания слов, как он поступает при образовании известного рода предложений, при согласовании и управлении слов и выражений, какие у него можно найти отступления от общепринятых правил, <...> нет ли у него исключительно ему принадлежащих слов и выражений» [Там же: 336]. При этом основная цель подобного словаря виделась ученому в том, чтобы такой труд мог служить материалом для истории общепотребительного языка, для изучения его словаря и грамматики.

Лексические единицы для описания в Словаре ученый выбрал из первых двух томов собрания, содержащих, по его мнению, «наиболее замечательные произведения» Державина. Слова Грот сопровождал стихотворными строками и ссылками на соответствующие произведения, т. е. использовал принцип конкорданса как контекстного словоуказателя. В качестве заголовочной единицы выступала исходная форма слова без ударения, в ряде случаев — отдельная словоформа. В одной статье давались варианты слов (*воздремать*, *вздремать*; *облако*, *облакь*), глаголы видовой пары (*двигать*, *двигнуть*; *пускать*, *пустить*), в разных статьях — омонимы (*пáрить*, *парíть*; *языкъ* — орган, *языкъ* — народ) (о подобных параметрах Словаря см. также [Фонякова 1993; Шестакова 2011]). Однако специально эти приемы Грот не оговаривал, так же, как, например, не давал списка помет и сокращений — они обнаруживаются при сплошном чтении Словаря. Словарь составили более 1700 статей (по подсчетам О.И. Фоняковой); основной их массив отвечал конкордансному принципу и представлял преимущественно те слова,

которые приводились Гротом в очерке о языке Державина или могли быть отнесены к выделенным им разрядам слов. Например:

Алчба. — Разбойничьей алчбы награды. *Ковар.* 324, 18.
Томясь отъ жажды, отъ алчбы. *Колесн.* 528, 6.
Ветхострунный. — И бардь мой съ арфой ветхострунной.
II, 485, 8.
Геенна. — тогда геенна
Кипить въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ. *Ков.* 319, 8. <...>
Класъ. — <...> Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала.
Пот. Пр. 417, с. 7.
Не. — Я нѣ спалъ *Вид. М.* 160, с. 23.
Не зримъ ли гробовъ, Не слышимъ ли....
Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной. *Вод.* 464, 12.
Я бѣ душу не вертѣлъ рулеткой. *Ум.* 495, 7. <...>
Токмо. — И добродѣтель токмо чтить. *Ум.* 491, 2.

По таким же правилам давались и немногочисленные имена собственные разного происхождения, правила отбора которых составитель не излагал:

Лада. — Ужъ Лада ходить, просить. II, 430, 2.
Богать, коль Лель и Лада Мнѣ дружны, и Уладъ. II, 448, 19.
Русь. — А что опрятно все и представляетъ Русь. II, 638, 26.
Взлетала саранча на Русь. II, 651, 5.
Быль сей, быль тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь? Тамъ же.
Цезарь. — Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ. *Вод.* 464, 13.

Детальное знакомство со Словарем позволяет увидеть и многочисленные отклонения от общей схемы словарной статьи — как в сторону ее сужения, так и, чаще, в сторону расширения. В одних случаях это можно объяснить непоследовательностью автора, отходом от принятых им самим правил построения Словаря. Например, Грот, решивший «приписывать» к каждому слову «те стихи или части стихов, которые могут дать понятие об [его] употреблении поэтом» [Грот Я. 1883: 336], некоторые слова оставил без подобных примеров или сопроводил их минимальными контекстами (например, в виде отдельной словоформы):

Безпресѣчно. — *Безсм.* II, 2, 2.

Мохъ. — Во мху. *Вод.* 463, 9.

Нередко заголовок и контекст подаются как единое целое, и в таком случае в качестве «заголовка», выделенного по правилам разрядкой, выступает словоформа. Этот прием в подаче материала не комментируется, однако наблюдения показывают, что в таких статьях часто описываются формы, единичные у Державина, например:

Вѣтреноватый часъ, часъ лунный. II, 697, с. 96.

Ехиднино жало. *Ков.* 319, 7.

Случаи, касающиеся расширения словарной статьи, едва ли не самые интересные в Словаре. В них просматривается определенная мотивация, соотносимая с теми вопросами, которые перечислял Грот, говоря об изучении языка писателя и создании его словаря. Обратившись к составлению словаря языка Державина как части сочинений поэта «с объяснительными примечаниями», выработав определенные общие принципы описания материала, Грот счел необходимым давать в отдельных статьях значимую информацию о словах — их происхождении, значении, частеречной или родовой принадлежности, управлении, особенностях в постановке ударения и т. д. Уточняющий характер таких сведений определил основную форму их подачи в скобках после заголовочного слова. См., например:

Воскликновѣніе (ц.-сл.). — Въ воскликновѣніяхъ и стонѣ.
Сч. 244, 1.

Карда (загорода для скота). — Зрѣть карду съ тучными волами. II, 170, 15.

Мониста (ж.р.). — Вкругъ монистой золотою. II, 432, с. 5.

Напастъ (сущ.). — То, возбуда грозой, напастью,

Копье ему на брань вручалъ. *Сол.* 695, 7.

Предъ (съ вин.). — Молитва въздеть предъ Творца. II, 62, 2.

Пунтироватъ. — Судьбами смертныхъ пунтируютъ.
Счастіе. 248, 7.

Информативность словарных статей повышали комментарии (примечания) лингвистические, энциклопедические, смешанно-

го характера, которые Грот включал в тексты статей или помещал в сноски. См., например, статью к слову *тундра*:

Тундра. — Ушель олень на тундры мшисты. *Ос. Оч.* 226, 6. На блата, тундры опустьясь. II, 591, 4. (Ср. Зимой средь дебрь и тундръ. *Пам. Хв. и Дав.* III, 33. ...повель Въ хладны тундры. *Жил. бог. Фр.* III, 109).

Тундра, по Карамзину, — «обширныя низкія, безлѣсныя равнины, заросшія мхомъ». (Примѣч. къ письму фонъ-Визина о планѣ Росс. словаря. *Вѣстн. Евр.* 1803, № 19).

Особый интерес представляли комментарии, позволявшие сравнивать словоупотребление Державина с другими авторами, например:

Льгота. — Умѣйте дать ему (русскому народу) вы льготу. *Вз. Изм.* 358, 33.

Народной споспѣшая льготѣ. II, 24, 8.

Ср. у Ломон. од. 18, строф. 17: «Народну наблюдайте льготу». <...>

Очевидно, что дифференциальный по основным параметрам Словарь языка Державина не давал знания о целостной лексической системе писателя, ее эволюции на разных участках; с помощью Словаря можно было решать задачи ограниченного круга. Вместе с тем этот опыт Грота, соединивший интерес ученого к словарной работе и его неизменное внимание к творчеству русских писателей, закладывал основы для направления, позднее сложившегося как писательская, или авторская, лексикография. Важно отметить и то, что работа ученого над наследием Державина создала, по сути, определенную модель филологического труда, в которой подготовка исчерпывающе полного собрания сочинений писателя включала изучение особенностей его языка, в том числе лексикографическими методами. Безусловно, трудная в реализации, такая модель сохраняет свою эвристическую ценность и сегодня.

Литература

Грот К. Я. Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). СПб., 1912.

Грот Я. (ред.) Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 9. СПб., 1883.

Фонякова О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: Межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 113–134.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

L. L. Shestakova

Vinogradov Russian Language Institute

of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

lara.shestakova@mail.ru

DERZHAVIN'S LANGUAGE DICTIONARY IN GROT'S PROJECT OF THE POET'S COLLECTED WORKS

Among academician Iakov Grot's numerous works Derzhavin's collected works in 9 volumes (1864–1883), which were prepared by Ia. Grot for publication, stand out. These volumes include Derzhavin's poems, dramatic works, works in prose, correspondence, a full biography, etc. A special place in the publication occupies volume 9 which contains the «Dictionary to Derzhavin's poems»; it is the first experience of the writer's dictionary in Russian lexicography.

Grot considers an individual author's language dictionary a source for studying the history of the standard language. Interpretation in such a dictionary he restricted to the peculiarities of word usage by the writer. Units special in some way were selected by Grot from the first two volumes of Derzhavin's collected works. He described these units by means of concordance principles. The model of the dictionary entry «title — illustration — cipher of work» reflects the presence of word in the Der-

zhavin's language, the way it is used and its position in the text. The model was applied in many dictionary entries to the notional words, auxiliaries service one, as well as to a few proper names.

Cases of deviations from the accepted structure of the entry reflect not so much the author's inconsistency, as his search for forms and ways of presentation important information about words in a dictionary of a new type (the word origin, its meaning, part of speech or gender, accentuation peculiarities, etc.).

«Dictionary of Derzhavin's poems» by main parameters is a differential dictionary. It allowed to solve only a limited number of tasks. However, the experience of Grot, who combined the interest to dictionary work and attention to the work of Russian writers laid the foundation for the direction, which later formed the individual writer's lexicography.

Key words: Derzhavin, collected works, writer's dictionary, concordance, dictionary entry.

References

Fonyakova O.I. [Sketch of the development of author lexicography in Russian linguistics (1883–1990)]. *Iz istorii nauki o yazyke: Mezhvuzovskii sbornik pamyati professora Ju. S. Maslova* [From the history of the language science: the interuniversity collection in memory of Professor Ju. S. Maslov]. Saint Petersburg: Saint Petersburg St. Univ. Publ., 1993, pp. 113–134. (In Russ.)

Grot K.Ya. *Materialy dlya zhizneopisaniya akademika Yakova Karlovicha Grota (1812–1893)* [Materials to the biography of academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893)]. Saint Petersburg: Printing House of The Ministry of Railways, 1912. 51 p.

Grot Ya. (Ed.). *Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nyimi pri-mechaniyami Ya. Grota. T. 9* [Derzhavin's collected works with explanatory notes by Ya. Grot. V. 9]. Saint Petersburg: The Publication of the Imperial Academy of Sciences, 1883. 812 p.

Shestakova L.L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: Theory, history, present]. Moscow: LRC Publishing House, 2011. 464 p.

Культура русской речи.
Russian Speech Culture

Я.Э. Ахапкина
Высшая школа экономики
(Россия, Москва)
yana.ahapkina@gmail.com

РЕЧЕВЫЕ СБОИ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ ПЕРВОКУРСНИКА

Рассмотрены типичные ошибки в письменной речи осваивающего новый регистр родного языка студента-первокурсника. Предложена интерпретация причин характерных для современной русской речи точек лексико-грамматического риска. Речевые сбои неоднородны по природе: первичные сбои вызваны недостатком компетенции пишущего, вторичные, возникающие при попытке исправить текст, часто являются результатом столкновения вариантов выражения смысла при множественности осознаваемых путей воплощения авторской интенции. Вторичные речевые сбои свидетельствуют о высокой компетенции пишущего. Как правило, в ходе редактирования текста автор способен предложить варианты их корректировки. Одна из задач учебных курсов русского языка в школе и вузе — создать у пишущего мотивацию править текст, искать возможности корректного выражения замысла.

Ключевые слова: лексика, грамматика, академическое письмо, культура речи, норма, ошибка.

Учебный и научный письменный текст, адресованный читателю-специалисту, требует от пишущего умения грамотно излагать, анализировать и сопоставлять суждения предшественников, обоснованно подтверждать или опровергать существующие точки зрения на проблему, формулировать аргументы в защиту собственных положений. На практике цельный, связный, полный, убедительный, информативный, грамотный текст студенту удастся создать не так

часто*. Логические и смысловые ошибки, речевые сбои, аграмматизмы, лексические нарушения, накладываясь друг на друга, порой мешают даже заинтересованному читателю распознать исходную мысль автора. Трудности возникают у пишущего не только в связи с изменением предъявляемых к тексту требований, которое студент обнаруживает, переходя из средней школы в высшее учебное заведение. Само по себе усложнение задачи не пугало бы, если бы привычка адекватно реагировать на задания разного типа, точное понимание разноплановых формулировок задания, навык прилагать интеллектуальные усилия к тому, чтобы, осознав задачу, найти оптимальные пути ее решения, последовательно формировались в годы довузовской подготовки. На практике мы обнаруживаем парадоксальную ситуацию: обучение начинается много раньше, чем это было принято в традиции, длится непрерывно все дошкольное детство, перестраивается в школьные годы с тенденцией как можно быстрее познакомить подростка со сложными современными представлениями о мире, человеке и языке в диахроническом и в синхронном аспектах, однако абитуриенты и первокурсники демонстрируют крайнюю невнимательность к предложенной информации, равнодушие к получению умений ориентироваться в потоках поступающих сведений, нетребовательность к своему и чужому письменному тексту. Отказ от напряжения, которое требуется для понимания чужой точки зрения, приводит к игнорированию значительной части инпута — речевой продукции, предусмотренной для изучения программой средней школы. Это в равной мере касается учебных пособий, специальной и художественной литературы. С таким багажом студент приходит на первый курс.

Психологические особенности восприятия собственного текста пишущим, отношение к порождаемому речевому продукту. Независимо от общей учебной мотивации и уровня творческой рефлексии пишущего, конкретный учебный текст воспринимается

* Как отметила С. М. Евграфова 24 ноября 2012 года на организованной ИРЯ РАН конференции «Культура русской речи: Русский язык в культурно-историческом измерении», посвященной двухсотлетию Я. К. Грота, немногочисленный авангард хорошо подготовленных и успешно справляющихся с поставленной задачей студентов, как и немногочисленный арьергард неспособных учиться, по численности и уровню подготовки от года к году остается неизменным, тогда как «среднее звено», наиболее многочисленное и нуждающееся в обучении, каждый год показывает все меньшую к этому обучению готовность.

среднестатистическим студентом отчужденно, вне зоны собственной смысловой ответственности, см. о схожей ситуации в средней школе [Мурашова, Соловьева 2012]. В высокой степени это связано с гипотетическим характером адресата: текст пишется не конкретному эксперту, а в расчете на условную схему, коммуникация оказывается внеличной и превращается в квазикоммуникацию.

Для отношения к учебному тексту характерны следующие проявления авторской отстраненности: восприятие текста, создаваемого по заданию, как чужого: он пишется по непонятным правилам и с непонятной целью; непонимание, кому адресован текст, каковы ожидания читателя; неумение определить у выбираемого слова конкретный, четко осознаваемый смысл, следовательно, свободная взаимозаменяемость слов в контексте; отсутствие ответственности за выбор грамматической конструкции, поскольку в основе письма как процесса не просматривается четкой смысловой задачи, осознается только прагматическая необходимость представить в срок продукт нужного объема.

Специфика ученического текста, обусловленная отношением пишущего, определяется следующими чертами: протяженными синтаксическими цепочками с нарушением логической и грамматической связи; избыточной лексической и синтаксической сложностью высказывания; канцеляритом, воспринимаемым как панацея, наукообразным слогом, считающимся универсальным признаком письменного, особенно официального, текста; стилистической и семантической неряшливостью, приблизительностью.

Виды текстов для корректирующего чтения. Блок образцовых текстов, призванных компенсировать обнаруженный дефицит стимулирующего инпута и сформировать инерцию грамотного чтения, читательскую компетенцию (залог компетенции пишущего), должен отвечать следующим требованиям: носить научно-популярный, образовательный характер; быть написанным в расчете на не слишком искушенного читателя (нужны тексты, не требующие высокой читательской компетенции); охватывать разные научные области (социологию, психологию, экономику, историю, антропологию, инженерию, математику, физику, методологию науки, зоологию, палеонтологию); сочетать оригинальные и переводные источники; элементы блока должны принадлежать к разновременным дискурсивным практикам: XIX и XX–XXI веков; создавать

мотивацию к продолжению чтения, обладать увлекательностью по сути и по форме; провоцировать спор; быть образцовым по форме и содержанию.

Соответственно, нужны тексты, написанные талантливыми авторами, уверенными в необходимости просвещения. В качестве опыта антологии образцовых текстов для занятий со студентами-первокурсниками ОПМИ НИУ ВШЭ в 2013 году были выбраны фрагменты из книг и статей Н. Н. Талеба, Ф. А. фон Хайека, В. Франкла, Р. Докинза, Р. Фейнмана, К. Ю. Еськова, П. Л. Чебышева, А. Н. Колмогорова, М. О. Чудаковой, М. Л. Гаспарова, Р. М. Фрумкиной, В. А. Успенского, А. Г. Левинсона, А. Н. Крылова. При всех трудностях, сопровождавших работу с текстами, в целом опыт оказался полезным для всех, кто дал себе труд серьезно отнестись к выполнению заданий.

Типы заданий к тексту. На занятиях по культуре речи, критическому чтению и приемам академического письма целесообразны следующие виды заданий к стимулирующему дальнейшую активность пишущего тексту.

- Формулировка тезиса исходного текста (начиная с абзаца). Свертка абзаца к тезису и развертка тезиса в абзац.

- Реконструкция опущенного названия.
- Анализ оглавления.
- Сужение широкой темы.
- Поиск авторского аргумента.
- Анализ иллюстрирующих аргумент примеров. Различение довода и факта.
- Аннотирование текста. Информативная и рекламная аннотация.
- Разбиение монолитного текста на абзацы. Мотивировка дробления и объединения фрагментов. Варианты членения.
- Сопоставительный анализ двух переводов одного текста. Редактирование переводов.
- Сопоставление научно-популярных текстов: предполагаемый адресат, соотношение образовательной и развлекательной составляющих, цель автора.
- Поиск элементов разной стилистической природы. Переложение публицистического текста научным стилем.
- Определение функций цитат и способов введения в текст чужого слова.

- Анализ терминологии. Освоение механизма конструирования дефиниции.

- Анализ учебной аналогии. Выделение черт удачной аналогии.
- Применение разных способов компрессии текста.
- Анализ композиции: варианты вступления и заключения в зависимости от характера основного утверждения.
- Реконструкция задачи автора.
- Чтение справочного аппарата: анализ ссылок и сносок.
- Текст и контекст, анализ затекстовых знаний читателя, предполагаемых автором.
- Аргументация полемической точки зрения.
- Чтение таблиц, графиков, диаграмм, чертежей.
- Переформулирование тезиса при обращении к адресатам разного возраста и образовательного уровня.

Такого рода задания призваны заострить внимание пишущего на проблемных зонах, связанных с риском появления логических, семантических, грамматических и стилистических ошибок.

Нарушение норм стандартного академического письма при частичном понимании исходного текста.

1. *Спарта — уникальное государство со своими укладами и особенностями, отторгающими все чужое.* Пример демонстрирует нарушения морфологической и лексической норм: отвлеченное существительное употреблено в форме множественного числа, в качестве компонентов однородного ряда перечислены имена разного уровня обобщения (*уклад и особенности*), контекстуально вступающие в гипо-гиперонимические отношения, что противоречит однородному употреблению, нарушена лексическая сочетаемость при выборе причастия на роль атрибута (**отторгающие все чужое особенности уклада*).

2. *Ключевая особенность данного текста — повествование сложного простым языком.* Частичное пересечение значений близких по смыслу номинаций «повествование» и «изложение» приводит к неверному, с точки зрения грамматического управления, выбору опорного слова; употребление отглагольного имени вместо глагола в личной форме осложняет восприятие высказывания, но придает ему наукообразие (по принципу организации стандартизованного официально-делового стиля, канцелярита). Последнее обстоятельство оказывается для пишущего важным, поскольку лож-

но понятый престиж наукообразного изложения диктует употребление отвлеченных отглагольных имен вместо глаголов, «сложного» вместо «простого».

3. Труд А. Н. Крылова рассчитан на студента-инженера и **носит вводный в специальность характер**, имеет черты научного текста, хотя также не обделен некоторыми приемами, помогающими более простому усвоению материала со стороны читателя. Глаголы действия и движения, такие как «происходить», «идти», «носить», «нести», «делать», получают тенденцию употребляться вместо конкретных номинаций в ситуации дефицита времени, внимания или зашумленности информационного канала, см. [Пашнева 2010]. Глагол «носить» в сочетании с именами «характер», «смысл», «значение» употребляется так часто, что наводит на мысль о формировании новой модели сочетаемости. Вторая проблема связана порядком слов: препозитивный атрибут разрывает конструкцию «носить характер», причем этот атрибут подобран с нарушением лексической сочетаемости (***вводный в специальность характер**). Другое нарушение лексической сочетаемости демонстрирует предложение «обделен приемами». Здесь, как и в предложении «отторгающие особенности уклада», дурную службу служит пишущему избыточная антропоморфная метафоричность. Ошибка в выборе слова из синонимической пары «простой — легкий» приводит к нарушению сочетаемости в обороте «простое усвоение». Атрибут здесь было бы уместнее заменить глаголом: оборот «облегчает усвоение материала» возражений не вызывал бы. «Усвоение со стороны читателя» — предложение с признаками канцелярита: производный предлог «со стороны» в сочетании с родительным падежом имени замещает падежное беспредложное управление «усвоение читателем». Еще лучше было бы перевести конструкцию из пассива в актив: «читатель легко (легче) усваивает», «читателю легко (легче) понять (запомнить, усвоить)». Из синонимической пары «помогать — способствовать» в данном случае уместнее было выбрать второй вариант, а причастный оборот заменить придаточным определительным с самостоятельной двусоставной основой.

4. Каждому примеру из истории математики **сопутствует углубление в объект повествования**. Выбор глагола «сопутствует» вместо «сопровождается» приводит к ненамеренной и немотивированной архаизации контекста, осложняющей восприятие. Метафора

«углубление в объект», комическая по сути образа, требует замены: речь идет об исторических экскурсах и авторских комментариях к иллюстрациям тезиса. Вторая проблема связана с выбором фокусировки внимания и, соответственно, грамматической структурой предложения: семантическим ядром оказывается не «пример», а «углубление в объект» (экскурс), что противоречит смыслу высказывания. Так, можно предложить корректный вариант формулировки: «Каждый пример из истории математики сопровождается подробным авторским комментарием».

5. *После прочтения примера читатель закрепляет смысл понятия путем прочтения основных признаков.* Предложно-падежные сочетания с отглагольным существительным «после прочтения» и «путем прочтения» представляют собой канцелярит, коррекция которого сводится к замене имен деепричастными формами СВ и НСВ («прочитав пример», «читая/прочитывая/перечитывая перечень основных признаков чего-либо», «знакомясь с перечнем признаков»). Выражение «закрепляет смысл понятия», по-видимому, восходит к терминологии методических пособий и учительской речевой практике; корректнее говорить о понимании, запоминании, уяснении значения слова. Так, корректной будет формулировка: «Ознакомившись с примером, читатель обращается к списку признаков соответствующего понятия, чтобы лучше уяснить смысл и запомнить слово».

6. *Если ученый создает инструменты, то инженер их использует, причем нельзя сказать, что математик делает это ради инженера. Скорее математик создает ради процесса.* Собственно ошибка заключается в эллипсисе прямого дополнения при глаголе «создает» во втором предложении. Однако изолированное употребление существительного «инструменты» создает двойное прочтение: неясно, идет речь о научном инструментарии или о приборах. Анафорическая замена предикативной группы «создает инструменты» на широкозначное речение «делает это» (местоименное по функции) приводит к возникновению комического эффекта, но не к прочтению иронической интенции автора; уместна была бы иная контекстуальная замена: «математик старается (трудится, работает, разрабатывает научный инструментарий, совершает открытия) не ради инженера».

7. *Помимо общих моментов, все три текста разные.* В данном

случае нелепость возникает из-за внутреннего противоречия: оборот со значением объединения «все три текста X» в позиции предикативного признака содержит противоречащее обороту по смыслу прилагательное с лексическим значением разделения, дифференциации. Плеонастически по отношению к объединяющей конструкции воспринимается начало предложения «помимо общих моментов». В целом же речение приобретает универсальную референцию и тем самым комически банальный характер: помимо черт сходства, все остальные признаки любых явлений действительности будут различительными.

8. *Для прочтения необходимо собраться с мыслями и как следует вникнуть в суть написанного.* Кроме резонерского тона, высказывание отличается плеонастичностью: читателю дважды предлагается сосредоточиться на восприятии текста, причем второе предложение усилено эмфатическим оборотом. При этом сам по себе призыв прекрасен: именно такого чтения и не хватает автору предложения. К сожалению, декларация остается декларацией, поскольку навыка вдумчивого чтения у автора нет.

9. *Текст адресован человеку, заинтересованному в истории древнего мира, который обучается в школе.* Ошибка связана с референцией придаточного определительного, поскольку на роль антецедента для местоимения «который» претендует как номинация «человек», так и номинация «мир», последняя синтаксически более аргументированно, поскольку расположена контактно к придаточному.

10. *Прохоров повествует, цитируя известных историков, археологов, психологов и журналистов в своей книге, об отдельных аспектах истории русского государства, начиная от времен Рюрика, заканчивая настоящим временем, и собирает воедино цельную теорию, почему же, всё-таки, Русь развивалась именно так и не иначе.* Помимо пунктуационных ошибок, предложение характеризуется нарушением порядка слов, немотивированным разрывом сильных синтаксических связей, лексической плеонастичностью («воедино цельную», «именно так и не иначе»).

Частотные речевые сбои в письменной речи взрослого здорового носителя языка с образованием не ниже общего школьного (среднего). Ниже представлена попытка прокомментировать причины возникновения типичных речевых сбоев. В качестве примеров

приводятся модели и шаблоны, демонстрирующие выявленное отклонение от рекомендуемой нормы (современного литературного стандарта).

Референция. Местоименные анафорические замены, согласование причастных оборотов, определительных придаточных, пояснительных конструкций с неоднозначной отнесенностью к antecedentu в претексте.

1. «Анкету составляют исходя из особенностей респондентов, уже перечисленных выше». В вариантах реализации этого шаблона референциального сбоя два и более существительных одной морфологической характеристики (в данном случае — употребленных в форме родительного падежа множественного числа) претендуют на роль antecedenta для личного местоимения, распространенного атрибута (в данном случае — постпозитивного причастного оборота), пояснительного оборота, придаточного определительного. Один из приемов возможного редактирования заключается в изменении порядка слов. Кроме того, возможно расподобление имен с помощью синонимических и перифрастических замен одного из компонентов падежной цепочки.

2. «М. Халле заметил, насколько по-разному строится описание одних и тех же фонетических феноменов в рамках разных научных моделей, и пришел к выводу о необходимости выработать единую систему признаков для их адекватного описания». На роль antecedenta для местоимения «их» претендуют словоформы «феноменов», «моделей» и «признаков». Чтобы упростить восприятие, необходимо перестроить фразу, в одном из вариантов правки — разбить ее на несколько отдельных высказываний.

3. «А широко использовать педагогическое сообщество я опасюсь. У них весьма специфический взгляд на литературу». Собирательное существительное (семантически собирательными выступают и такие имена, как «аудитория», «группа», «класс», «толпа») становится antecedentом для местоимения множественного числа.

Управление. Падежные нарушения при мене опорного слова (глагола, отглагольного имени), связанные с ошибочным выбором синонима или паронима, эллипсисом, синтаксической сверткой пропозиции.

1. «Выражение «испанская морфология» соотносится к части испанской грамматики, в которой изложены соответствующие

правила испанского языка». Выбор падежа в примерах этого типа обусловлен неверным выбором паронима: «соотносится» вместо «относится». Аналогичным образом искажение управления может быть обусловлено неверным выбором синонима из ряда.

2. «Вопрос об отношении мысли к слову ставит лицом к лицу к другому вопросу — о происхождении языка». Ошибка в управлении обусловлена разрушением идиомы: можно «стать лицом к чему-либо» и «оказаться лицом к лицу с чем-либо»; контаминация выражений приводит к возникновению аграмматизма «лицом к лицу к», одной из причин здесь может быть и синтагматическое уподобление падежного управления по принципу аналогического выравнивания, регрессивной ассимиляции предлога «к ... к».

3. «Тем не менее существовало несколько точек зрения о создании алфавита». Синонимический ряд «позиция», «мнение», «точка зрения» провоцирует аналогию управления: обороты «мнение о чем-либо» и «точка зрения на какую-либо проблему» смешиваются, в результате чего происходит подмена падежной формы.

Коннекторы. Нарушение связности текста за счет контаминации составных союзов, эллипсиса части составного союза, замены одиночного союза, избыточной связки, неточно выбранной связки.

1. «Иначе говоря, инновационное образование должно быть ориентировано не столько на передачу знаний, которые постоянно устаревают, как на овладение базовыми компетенциями». Сопоставительные и градационные союзы «не столько ... сколько», «не только ... но и», «как ... так и», «не то чтобы ... но» и другие средства связи, обеспечивающие иерархию изложения (например, вводно-модальные выражения «кроме того», «к тому же», союзы «притом» и «причем», местоименный оборот «при этом», инициальное для синтагмы обстоятельство образа действия «одновременно») подвергаются частичному эллипсису и контаминации завершающих элементов. Одна из причин этих пропусков и замен заключается в неспособности пишущего удержать в поле внимания фразу целиком, в потере синтаксической логики, что вызвано ослаблением оперативной памяти, в несфокусированности внимания на первоначальном замысле (семантической интенции) в пределах высказывания.

2. «Автор поднимает проблему, связанную с образом реального врага в сознании населения России, но, что самое захватывающее, подробно рассматривает образ «чужого», возникающий

в экстремальных ситуациях». При наличии осложнителей внутри компонентов сложного высказывания мена союзов с разной логико-семантической нагрузкой (в данном случае — соединительного и противительного) обусловлена неумением пишущего выстроить информационную иерархию. Желание избежать рядоположности и равноправия соединяемых компонентов и попытка сфокусировать внимание адресата на финальной части сообщения приводят к появлению немотивированного противопоставления.

3. «Таким образом, интересно, что для сравнительной степени в русском языке эффект оказывается обратным, чем для положительной степени». Сравнительные и сопоставительные конструкции вызывают сложности в грамматическом оформлении, связанные с отношениями объекта и эталона сравнения. Компаративный оборот (в синтетическом: «быстрее, чем» — и аналитическом: «более быстро, чем» — вариантах) в качестве опорного компонента принимает слова, не подразумевающие градуальности обозначаемого явления (контрарности признака), но ориентированные на идею сопоставительных отношений контрадикторного типа (устанавливающие идею противоположности). Семантическое противопоставление синтаксически оформляется как сопоставление.

Окказионализмы. Отглагольные имена: ненормативное словообразование, ситуативная паронимия, часто влекущая за собой нарушение в падежном управлении.

1. «При **переструктуризации** значений в семантической структуре слова происходит изменение порядка следования значений». По аналогии с существующими номинациями «структуризация» (342 000 ответов на запрос в поисковой системе «Яндекс») и «ре-структуризация» (2 000 000 ответов) от глагола «переструктурировать» в значении «переструктурирование» (36 000 ответов) образуется окказиональный пароним с латинизированным суффиксом (7000 ответов). Выбор заимствованного суффикса обусловлен стремлением к терминологизованности новообразования, отвечающей представлению пишущего о специфике научного и официально-делового стилей.

2. «Языковая реформа — это **пересмотрение** и изменение определенных правил, норм написания». Вместо нулевой суффиксации («пересмотр») используется словообразовательная модель с частотным суффиксом *-ений*. Действует аналогия с последующим одно-

родным элементом («изменение»), влияет продуктивность суффикса. Кроме того, отвлеченные отглагольные имена с материально выраженным суффиксом — это примета письменного текста, воспринимая неискушенным автором как признак официальности и стандартности стиля, тогда как специалистами по стилистике обильное использование этих имен признается чертой канцелярита (в терминологии К. И. Чуковского — языка чиновников и юристов).

3. «Некоторые исследователи выражают мнение, что излишний **заем** слов засоряет язык». Сбой состоит в неверном выборе паронима: «заем» (вид обязательственных отношений, договор, в силу которого одна сторона передаёт в собственность другой стороне деньги или вещи) — «заимствование» (копирование, часто неполное и неточное, слова или выражения из одного языка в другой).

«Легкие» глаголы. Гиперонимические замены и лексические функции.

1. «Он выделяет несколько тенденций, которые **происходят** в русском языке». Нарушена сочетаемость слова «тенденции». Глаголы действия и движения, расширяя значение и сферу употребления, начинают сочетаться с любым именем. Это может быть вызвано как нехваткой лексического инвентаря, так и дефицитом ресурсов (времени, внимания — при зашумленности информационного канала или многоаспектности решаемой задачи), см. [Szekely at al. 2005]. Глагол «происходить», в норме требующий сочетания с дискретным именем («события происходят»), употреблен с именем, в семный состав значения которого включена сема континуальности.

2. «Для читателей же большой интерес **несут** факты, которые свидетельствуют о способности власти идти на уступки диссидентам». Дополнительной мотивировкой использования глагола «нести» становится его склонность к метафорическому переосмыслению.

Интенсификаторы. Избыточность и недостаточность элемента-усилителя, просторечие и стилистически окрашенная метафоризация, ошибка в выборе интенсификатора.

1. «На мой взгляд, 6000 активных языков — **необоснованно непомерно большое** число для такой маленькой планеты». Причина сбоя — стремление трижды обозначить идею роста феномена, сбой состоит в плеонастичности атрибуции, ср.: «Сегодня **особенно сильно преобладает** настроение против легализации легких наркотиков».

2. «Поэтому про культуру дальневосточного центра рассказать **в полных красках** не представляется возможным». Причина сбоя состоит в контаминации речений <изобразить> «яркими красками», «в красках», «в полном блеске (объеме)».

Основная причина возникновения речевого сбоя — неспособность пишущего к последовательной грамотной речевой реализации замысла, нетребовательность к речевому продукту.

Проблема множественности отклонений от нормы на письме не может быть решена изолированно. Для создания целостного, связного, информативного и грамотного текста нужна последовательно проводимая системная подготовка, осуществляемая в дошкольном, школьном и раннем студенческом образовании. Без качественного инпута и высокой мотивации пишущего ожидать появления качественных научных текстов от студентов бессмысленно.

Речевые сбои неоднородны по природе: первичные сбои вызваны недостатком компетенции пишущего, вторичные, возникающие при попытке исправить текст, часто являются результатом столкновения вариантов выражения смысла при множественности осознаваемых путей воплощения авторской интенции. Вторичные речевые сбои свидетельствуют о высокой компетенции пишущего [Русакова 2006]. Как правило, в ходе редактирования текста автор способен предложить варианты их корректировки. Одна из задач учебных курсов русского языка в школе и вузе — создать у пишущего мотивацию править текст, искать возможности корректного выражения замысла.

Литература

Мурашова О. В., Соловьева С. А. Школьное сочинение — коммуникация, автокоммуникация или квазикоммуникация? // Проблемы онтолингвистики — 2012: Материалы междунар. научной конф., посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. СПб., 2012, С. 347–351.

Пашнева С. А. Влияние формы проведения эксперимента на результаты исследования процесса именования изображений действий // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал. 2010. Вып. 2 (8)/URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008–12.pdf>

Русакова М. В. Речевые сбои как признак зрелости языковой компетенции // *Онтолингвистика*. СПб., 2006, С. 118–123.

Szekely A., D'Amico S., Devescovi A., Federmeier K., Herron D., Iyer G., Jacobsen T., Arévalo A. L., Vargha A., Bates E. Timed action and object naming // *Cortex*. 2005. № 41. № 1. P. 7–26.

Y. E. Akhapkina
Higher School of Economics
(Russia, Moscow)
yana.akapkina@gmail.com

SPEECH ERRORS IN WRITTEN TESTS OF THE FIRST-YEAR STUDENTS

The paper focuses on typical mistakes in written speech made by first-year students learning a new register of their native language. Interpretation of the reasons for these ‘risk points’ in vocabulary and grammar characteristic of contemporary Russian speech is given.

Mistakes in a written text can be different. Primary mistakes are caused by the lack of competence, while secondary mistakes result from author’s attempt to correct the text. The secondary mistakes often arise when the author thinks over different ways to express his/her idea. In this situation, mistakes are caused by the conflict of different formulations. The secondary mistakes are evidences of author’s high competence. Authors generally are able to correct these mistakes and find good variants to replace the wrong word or expression. One of the main tasks of the courses in Russian language is to encourage students to work with texts, look for the best formulations for their ideas.

Key words: vocabulary, grammar, academic writing, speech norms, norm, mistake.

References

Murashova O. V., Solovieva S. A. [A school essay — communication, autocommunication or quasicommunication?]. *Problemy ontolingvistiki*—

2012: *Materialy mezhdunar. nauchnoi konf., posviashchennoi 130-letiiu so dnia rozhdeniia K.I. Chukovskogo i 120-letiiu so dnia rozhdeniia A.N. Gvozdeva* [Problems of ontolinguistics — 2012. Proceedings of the international scientific conference dedicated to K.I. Chukovsky's 130-th anniversary and A.N. Gvozdev's 120-th anniversary]. Saint Petersburg, 2012, pp. 347–351. (In Russ.)

Pashneva S.A. [The influence of the form of an experiment on the results of action images naming research]. *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2010, Iss. 2 (8). Available at: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008-12.pdf> (In Russ.)

Rusakova M.V. [Speech failures as a sign of speech competence maturity]. *Ontolingvistika* [Ontolinguistics]. Saint Petersburg, 2006, pp. 118–123. (In Russ.)

Szekely A., D'Amico S., Devescovi A., Federmeier K., Herron D., Iyer G., Jacobsen T., Arévalo A.L., Vargha A., Bates E. Timed action and object naming. *Cortex*, 2005, No. 41, No. 1, pp. 7–26.

Е.П. Буторина
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
ep_butorina@il-rpgu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕЛОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ, ТРАДИЦИИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ*

Задача упрощения языка для его использования в практических целях и распространения русскоязычного культурного влияния ставилась ещё при Петре I. По свидетельствам Я.К. Грота, Петр I опирался в своей языковой политике прежде всего на функциональный критерий, настаивая на введении языка, понятного не только для элиты. Таким образом, упорядочение русского языка для его использования в деловых целях имеет давние традиции. В статье обсуждается также европейский опыт упорядочения норм различных языков в современных деловых коммуникациях. Для сопоставления деловых текстов на русском языке не только в России, но и за её пределами рассматриваются материалы городских сайтов Москвы, Нью-Йорка и Таллина. С учётом сделанных наблюдений выдвигаются гипотезы об особенностях деловых текстов современного русскоязычного пространства.

Ключевые слова: русский язык, деловая речь, интернет-коммуникация, русское зарубежье, институциональная коммуникация.

1. Место русского языка среди языков контента и приоритеты кодификации языка делового взаимодействия

По данным w3techs.com (<http://w3techs.com>) на март 2013 года, русский язык занял второе место после английского среди наиболее популярных языков интернет-контента (правда, пока с десятикратным отрывом от лидирующего языка). Количество русскоязычных сайтов в феврале 2013 года увеличивалось самыми быстрыми темпами по сравнению с ростом числа ресурсов на других языках.

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

Это свидетельствует как об активности носителей русского языка в сети, так и о неизбежном разнообразии речевых культур участников русскоязычных российских и зарубежных интернет-коммуникаций. Последнее делает задачи исследования, нормализации и кодификации русского языка делового взаимодействия крайне актуальными.

2. Традиции нормализации деловой речи

Задача упрощения языка для его использования в практических целях и распространения русскоязычного культурного влияния ставилась ещё при Петре I.

По свидетельствам Я. К. Грота, Петр I опирался в своей языковой политике прежде всего на функциональный критерий, настаивая на введении языка, понятного не только для элиты. «Поэтому неудивительно, что Петр уже чувствовал необходимость заменять, по крайней мере в книгах, назначенных для практической пользы, славянский язык просторечием. Эта мысль не раз выражается в наставлениях, которые от имени Государя давались переводчикам. Так Мусин-Пушкин, возвращая Поликарпову переведенную им географию, писал ему, что она переведена «гораздо плохо» и прибавлял: «того ради исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простым русским языком, також и лексиконы. Со всем усердием явися и высоких слов словенских класть не надобет, но посольского приказа употреби слова» [Грот 1872: 41]. Заметное место в деятельности Петра I, как отмечал Я. К. Грот, отводилось расширению границ языкового и культурного влияния. «При взятии Риги Петр, обратив внимание на университет, находившийся в Пернау, выразил намерение посылать туда, для обучения, молодых людей из своего государства и учредить в высокой школе особаго профессора, который бы мог обучать славянскому (т. е. русскому литературному) языку и ввести его туда» [Грот 1872: 18].

В современном мире внимание к деловым коммуникациям на втором по активности использования языке интернет-контента только возрастает: «потоки власти и информации могут оказаться более значимыми, чем деньги и акции» [Thorelli 1990] (цитируется по [Холден 2005: 50]).

3. Европейский опыт упрощения и нормализации языка деловых коммуникаций

Существует европейский опыт упорядочения норм языка в деловых коммуникациях. «Общество немецкого языка (Die Gesellschaft für deutsche Sprache) специализируется на консультациях по лингвистическим проблемам. Оно выдаёт информацию и рекомендации по вопросам выбора и значения дефиниций, составления текста, орфографии и пунктуации, а также по новым правилам правописания... “Наставления по юридическому и официальному языку” (Fingerzeige für die Gesetzes- und Amtssprache) от 11 августа 1998 г. изданы Обществом немецкого языка и одобрены федеральными министерствами внутренних дел и юстиции... Подзаголовок — “Общедоступность юридического языка” — подчёркивает, что устранение языковых барьеров имеет особое значение» [Справочник 2002: 17]. Подготовлен также рабочий справочник «Доступный для граждан административный язык: рекомендации по содержанию и форме изложения» [Справочник 2002: 18]. В Великобритании с 1998 г. реализуется реформа процессуального права, одна из задач которой — устранение непонятной рядовым гражданам терминологии из судопроизводства. По мнению Е. Г. Елисеева, выполнившего перевод и комментирование справочника по нормотворческой технике [Справочник 2002], в российском правотворчестве наблюдается противоположная европейской практике тенденция, при этом «нормотворчество, злоупотребляющее иностранными заимствованиями, вступает в противоречие со ст. 68 Конституции России» [Справочник 2002: 29].

Для уточнения того, насколько неоправданное усложнение деловых коммуникаций является особенностью российской или русскоязычной практики, рассмотрим материалы городских сайтов Москвы, Нью-Йорка и Таллина.

4. Русский язык на сайтах Москвы, Нью-Йорка и Таллина

Для сопоставления особенностей построения текстов выберем документы сходных жанров. К сожалению, не удалось найти пример ответов на один и тот же вопрос. Рассмотрим тексты ответов на вопросы на портале мэра и правительства Москвы (<http://www.mos.ru/authority/faq/index.php>), русскоязычных страницах сайтов Нью-Йорка (Official New York City Web site — [171](http://www.nyc.</p>
</div>
<div data-bbox=)

gov/html/ig/html/russian/russian.shtml) и Таллина (<http://www.tallinn.ee/rus/>).

Текст 1. Сайт Москвы

Расскажите, как работает открытая система формирования кадров на госслужбу города Москвы?

Спасибо за внимание к конкурсам и вакансиям Правительства Москвы. Потенциальные кандидаты и жители позитивно оценили инициативу открытых конкурсов. У нас было большое (357) количество заявок на участие в конкурсе в кадровый резерв на глав управ районов города Москвы. Мы уделили особое внимание построению именно объективной системы отбора. На каждый этап отбора приглашались СМИ и наблюдатели, которые лично могли убедиться в открытости конкурса. За этапами конкурса следили журналисты таких изданий, как «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новые известия», телеканалов «Вести-Москва», «РБК», «Москва 24», оппозиционные депутаты, эксперты из крупного бизнеса и др.

Для создания объективной системы отбора мы использовали следующие принципы. Во-первых, сформировали Совет при Мэре Москвы по кадровой политике, куда вошли лучшие эксперты рынка из бизнеса, общественных организаций. Во-вторых, мы использовали лучшие технологии отбора, принятые в бизнесе, которые на практике доказали свою надёжность и результативность. Одна из таких технологий называется центр оценки — в неё входят не только тестирование, но и деловые игры, решение кейсов, представление презентаций и многое другое.

На финальном этапе участники выступали перед СМИ как реальные главы управ и решали конкретные проблемы жителей Москвы. Сами участники отбора позитивно оценили конкурсную процедуру, через которую прошли.

(http://www.mos.ru/authority/faq/index.php?id_4=1162)

Текст 2. Сайт Нью-Йорка

Используйте систему ACCESS NYC, чтобы узнать подробнее о различных льготах на медицинское и социальное обслуживание, которые могут подойти вам или вашим близким. Система ACCESS NYC содержит всю информацию, которая вам потребуется, чтобы подать заявление на получение льгот. Вы сможете узнать, как подать заявле-

ние, где это можно сделать и какие документы могут понадобиться. Вы можете подать онлайн-заявление на включение в программу или о продлении участия в программе. Для получения дополнительной информации перейдите по ссылкам, расположенным ниже.
(https://a858-ihss.nyc.gov/ihss1/ru/IHSS_homePage.do?)

Текст 3. Сайт Таллина

Пособие малоимущим

Ходатайство о пособии малоимущим.

С чего начать

Напишите заявление для получения пособия малоимущим. Приложите к заявлению документ, подтверждающий право пользования жилой площадью, счета подлежащие оплате в текущем месяце и документы, подтверждающие доход всех лиц, проживающих по данным Регистра народонаселения на данной жилплощади.

Идентификация личности

С собой надо иметь документ удостоверяющий личность

Что делать с формуляром

Отдай заявление вместе с необходимыми приложениями в отдел социального обеспечения по месту жительства.

Что делать, если результат Вас не устраивает

Споры, возникающие в связи с оказанием услуги, решаются старейшиной части города. При несогласии с решением следует обратиться в городскую управу или к старейшине уезда.

Контакт

(<http://www.tallinn.ee/Posobie-maloimuschim>)

После интуитивной оценки приведённых примеров можно предположить, что за исключением нескольких погрешностей на русскоязычных сайтах за пределами России, с точки зрения культуры употребления лексики, грамматических структур и соблюдения норм правописания обсуждаемые примеры различаются незначительно. Тем не менее отчётливо выявляются различия текстов на более глубоком уровне. Попробуем рассмотреть понятие культуры речи более детально.

5. Различие фреймовых структур

Национальные, корпоративные или профессиональные культуры можно рассматривать как символические динамические практики, создающиеся заново в ходе совместной деятельности. В частности, культура может пониматься как способ делать нечто [Холден 2005] (подробная библиография по обсуждаемому вопросу приводится там же). Таким образом, культура речи может пониматься как способ говорить о выполнении действий. Следствием конструкционистского подхода к пониманию культуры является возможность описания текстов в целях их сравнения при помощи системы фреймов. Под фреймом, вслед за Ч. Филлмором, нами понимается структура знаний о типизированном объекте или ситуации, представленная в терминах описаний [Филлмор 1998]. Для предварительного исследования фреймов используется программа <http://www.sketchengine.co.uk/> (дата обращения 11.08.2012).

Выводы

1. Обращает на себя внимание различие в размерах текстов ответов: средний размер текста ответа в произвольной случайной выборке максимален на портале мэра и правительства Москвы.

2. Выявлена различная степень структурированности текстов.

3. Тексты на портале мэра и правительства Москвы представляют собой ответы на конкретные вопросы посетителей, тексты на сайтах за пределами России содержат упреждающие рекомендации, касающиеся наиболее часто встречающихся ситуаций.

4. В текстах, обращённых к посетителям сайтов Нью-Йорка и Таллина, преобладают императивные и модальные формы глаголов: жанр описания ситуации близок к инструктивному; тексты сайта Москвы с той точки зрения отличаются большим жанровым разнообразием.

5. Предварительный анализ русскоязычных текстов, представляющих различные деловые культуры, не позволяет однозначно говорить об «усложнении» текстов, используемых в России, по сравнению с текстами других стран. Но не исключено, что наблюдаемые различия могут быть описаны в таких терминах Г. Хофстеде, как «отстояние от власти», «избегание неопределённости» и др. [Hofstede 1980].

6. Заметные расхождения в фреймовой организации русскоязычных текстов, используемых в официально-деловой коммуникации разных стран открывают новые перспективы в изучении коммуникативного аспекта культуры русской речи, традиционно включаемого исследователями в понятие культуры общения и связанного с культурой мышления [Ширяев 2003: 289].

Литература

Грот Я. К. Петр Великий как просветитель России. СПб., 1872.
URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003545379#?page=6>

Справочник 2002 — Справочник по нормотворческой технике / пер. с нем. М.: Издательство БЕК, 2002. 296 с.

Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике XX века. 1998. Вып. 23. С. 52–93.

Холден Н. Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента / пер. с англ.; под ред. проф. Б. Л. Еремина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 384 с.

Ширяев Е. Н. Культура речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 287–290.

Hofstede 1980 — *Hofstede G.* Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Thorelli 1990 — *Thorelli H.* Networks: Between markets and hierarchies // Ford D. (ed.) Unrestraining business markets: Interaction, relationships, networks. London: Academic Books. Pp. 443–58. First published in Strategic Management Journal 7 (1986): 37–51.

E. P. Butorina

Russian State University for the Humanities

(Russia, Moscow)

ep_butorina@il-rggu.ru

MODERN BUSINESS COMMUNICATION, SPEECH CULTURAL TRADITIONS AND INTERNATIONAL PRACTICE

The goal to simplify the Russian language for its practical use and the extension of Russian cultural influence was set in Peter the Great's period. In his language policy Peter the Great preferred a functional criterion, insisting on the use of the Russian language variety, which would be understandable not by the elite only, so the Russian language regulation for business purposes has had a long-standing tradition. The article discusses the European practice of various languages standardization in modern business communication. To compare Russian business texts in Russia and abroad urban sites of Moscow, New York and Tallinn are analyzed. The data obtained suggest some hypotheses about peculiarities of business texts in modern Russian language space.

Key words: Russian, business speech, internet communication, Russian abroad, institutional communication.

References

Fillmor Ch. [Frames and the semantics of understanding]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike XX veka*. [New in foreign linguistics of the twentieth century]. Issue 23, Moscow, 1998, pp. 52–93. (In Russ.)

Grot Ya. K. *Petr Velikij kak prosvetitel' Rossii* [Peter the Great as an educator of Russia]. SPb., 1872. Available at: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003545379#?page=6>

Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Holden N. Dzh. *Kross-kul'turnyj menedzhment. Konceptcija kognitivnogo menedzhmenta* [Cross-cultural management. The concept of cognitive management]. B. L. Yeremina (Ed.). Moscow: UNITY-DANA Publ., 2005. 384 p.

Shiriaev E. N. [Culture of Speech]. *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: Encyclopedic Dictionary Directory]. L.Ju. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiriaev (Eds.). Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2003, pp. 287–290. (In Russ.)

Spravochnik po normotvorcheskoj tehnike [Handbook of normative technique]. Translated from German. M.: Beck Publisher, 2002. 296 p.

Thorelli H. Networks: Between markets and hierarchies. *Unrestanding business markets: Interaction, relationships, networks*. Ford D. (Ed.). London: Academic Books, pp. 443–58. First published in *Strategic Management Journal* 7 (1986): 37–51.

С. М. Евграфова

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

evgraffs@yandex.ru

НЕУМЕСТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА В ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ И МЕХАНИЗМЫ СОЧЕТАЕМОСТИ

Естественная (необработанная) письменная речь сохраняет в себе черты спонтанности и потому содержит много речевых ошибок различных типов. Изучая их, можно наблюдать колебания сочетаемости — один из важнейших источников изменчивости языковой системы.

Сочетаемость в лингвистических работах объясняют совместимостью компонентов значений слов и немотивированными требованиями узуса. Однако узуальные колебания тоже объяснимы: они бывают вызваны сходством и смежностью ситуаций, индивидуальными особенностями когнитивных процессов (степень сформированности картины мира, скорость и точность порождения речи), социальными установками (стремление к эпатажу, к норме, к модным словечкам). Некорректное обучение родному языку также существенно влияет на колебания сочетаемости. Необходимо развивать языковую рефлексию, формировать определенные речевые стратегии, учить отличать свои слова от заимствованных из чужой речи клише и строить обучение вокруг синтаксиса.

Материалом для исследования послужили примеры из студенческих письменных работ.

Ключевые слова: естественная письменная речь, изменчивость, литературный язык, ошибка, рефлексия, сочетаемость, узус.

По разрозненным элементам нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке, это можно постичь и ощутить только в связной речи.

Вильгельм фон Гумбольдт

В «Воспоминании о В.И. Дале»* Я.К. Грот лишь один раз позволил себе пространный комментарий — объяснил высказывание Владимира Ивановича о равнодушии Жуковского, который «боялся мужицества», к его словарным разысканиям. Грот подчеркнул:

...Литературный язык, который хотел создать Казак Луганский, был не по вкусу автора Светланы и переводчика Ундины. Нельзя не согласиться, что в мнении Даля о пригодности народных выражений для замены общеупотребительной образованной речи было своего рода преувеличение.

Обсуждается именно *уместность* слова в тексте, а не свойства слов. Уместность — понятие субъективное, зависит от речевого опыта человека, ориентировано на контекст и ситуацию общения (конситуацию); оно применимо к слову, словесному ряду, конструкции, предложению и пространному высказыванию. Использование языковых единиц оценивается как уместное/неуместное *всеми* коммуникантами, причем несовпадение оценок нередко приводит к коммуникативным неудачам и даже конфликтам. Уместность/неуместность следует считать важнейшей категорией литературного языка, причем эта категория, в отличие от понятия сочетаемости, которое ориентировано на *описание языковой системы*, полезна в тех случаях, когда обсуждается *употребление языка***.

Ко второй половине XX в. тема сочетаемости завоевала почетное место в лингвистическом пространстве (классические [Апресян 1974], [Денисов и др. 1978], [Денисов, Морковкин 1983], [Мельчук, Жолковский 1984] и др.). Работы по сочетаемости трактуют преи-

* Цитируется по электронной публикации текста <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004109903#?page=7>

** О необходимости различать описание языка и употребление языка пишет исследователь художественной речи А.И. Горшков (см. [Горшков 2008]), продолжающий лингвистическую традицию, восходящую к трудам В.В. Виноградова (см. [Виноградов 1982]). Психолингвист А.А. Залевская использует метафору *живой поликодовый гипертекст*, называя так слово — продукт естественного семиозиса в отличие от слова, выступающего в качестве элемента языковой системы (см. [Залевская 2013]).

мущественно вопросы нормы, обходя стороной исторические изменения сочетаемости и их причины. Как отмечает Д. О. Добровольский, *«почему в определенный момент узус отказывается от одной из возможностей в пользу другой, остается тайной»* [Добровольский 2001]. Между тем, только поняв причины «неправильного выбора», можно предложить объяснительную модель сочетаемости и выработать более эффективные методики развития речи* — в первую очередь письменной.

В русской традиции всегда были жесткие требования к письменному тексту: его писали на черновике, а выправив — переписывали набело. Этот дидактический прием в массовой педагогике не применяется**, школьники рано обретают опыт письменного общения в режиме реального времени, и навык саморедактирования исчез: молодое поколение использует не КЛЯ, а ЕПР, и потому рядовой студент является не полностью компетентным носителем языка (см. [Базжина, Евграфова 2008]).

Рассмотрим некоторые показательные случаи неуместного употребления слов и клише в необработанных текстах, написанных московскими студентами. Авторы сдавали свои тексты преподавателю в качестве творческих работ, а значит, считали их полезными для укрепления своей репутации. Привычка к шаблонам и клише, выработанная в школе, сделала их естественную письменную речь (ЕПР) беспомощной и бесконечно далекой от кодифицированного литературного языка (КЛЯ). ЕПР не просто повторяет устную речь с ее грамматико-стилистическими шероховатостями, но еще и добавляет к ним ошибки, появляющиеся при трансформации синтаксических конструкций (пишущий имитирует нечто прочитанное***). Пишущие не выправляют свои ошибки, потому что не видят их: ведь стилистическое чутье по своей природе слуховое (в устной речи мы погружены в ситуацию общения, и собеседники сразу реагируют на неуместность сказанного). А лингвисту анализ невыправленных ошибок помогает раскрыть внутренние механизмы неустойчивости, которые действуют в речи и определяют изменчивость языка.

* Еще Б.Г. Ананьев (см. [Ананьев 1968]) указывал, что речевое развитие человека продолжается до 40–45 лет.

** Он канул в Лету вместе с шестичасовым выпускным сочинением, ведь полтора-часовое классное сочинение не позволяет писать работу с черновиком.

*** Тж. <http://slavicstudieslibrarian.blogspot.ru/2013/04/in-memoriam-professor-victor-m-zhivov.html>, 1.38.

ЕПР породила новый тип безграмотности: как верно подметил В.М. Живов, «неграмотность сказывается в первую очередь в нестандартных синтаксических построениях»*. Так, однородные члены в неумелой ЕПР превращаются в нагромождение неуместных смысловых повторов: не выполняется требование точности речи.

1) Мне кажется, я вижу их только на **экранах, в кино, в ситкомсах, сериалах**. А если они попадают мне в жизни, то как **миражи, картинки, вырезки из журналов, что-то, что нельзя потрогать****.

Попытки построить более сложную конструкцию приводят пишущего к потере мысли:

2) Главной особенностью романа является тонкое переплетение параллелей прошлого и настоящего, именно повествование, построенное таким образом позволяет полностью погрузиться в мир Булгаковских персонажей, **не только наблюдая** за действиями со стороны, **но и находиться** в центре событий, совершая удивительное приключение, погружаясь в античный мир Понтия Пилата и эпохи советской Москвы, вместе с героями переживать события, описанные в романе, наблюдать за поведением персонажей в различных ситуациях и участвовать в вечном споре между добром и злом.

Здесь ряды однородных деепричастий и инфинитивов перемешаны и не выстроены в осмысленное высказывание. Исправление синтаксических ошибок не улучшит текст***: в нем логически связанными оказываются только отдельные фрагменты высказываний: *погружение в мир булгаковских персонажей связано с парой наблюдение со стороны — нахождение в центре событий*, но не соотносится с *переплетением параллелей* (семантическая некорректность) *прошлого и настоящего*, хотя автор эксплицитно указывает на наличие причинно-следственной связи (*именно повествование, построенное таким образом*).

Пишущий строит синтаксические формы, не контролируя их семантически и прагматически (не сформирована стратегия контроля истинности высказывания — хотя бы как проверка правдоподобия).

3) На фоне молодых, недавно посаженных деревьев, одна **старая берёза** привлекает к себе внимание. Толстый ствол, потрескавшаяся

* <http://slavicstudieslibrarian.blogspot.ru/2013/04/in-memori-am-professor-victor-mzhivov.html>, 1.10.

** Все примеры цитируются по оригиналу, без какой-либо правки.

*** Подробный разбор этой студенческой работы можно найти в [Евграфова 2013].

кора и несколько птичьих гнезд **не мешают ей тянуться всё выше и выше, достигая уровня второго этажа.**

Студенты не увидели этой ошибки и удивились, услышав, что до второго этажа дотягиваются боярышник и даже сирень, а береза и тополь легко перерастают пятый. Это результат того, что познавательная деятельность не сопровождалась речевой.

Еще одна особенность ЕПР рядового студента — обилие клише. Рассмотрим текст:

4) Я достаточно общительный человек, люблю излагать свои мысли, давать советы. Но как мне кажется делаю это на не высоком уровне. Иногда даже не хватает словарного запаса слов, чтобы выразить правильно свою мысль, от чего люди не могут правильно понять, и поэтому бывает трудно поддерживать разговор. Легче всего даётся простое общение с людьми с которыми есть много общего.

В нем преобладают неумело состыкованные обрывки клишированных фраз, нередко возникает наложение конструкций (*словарный запас слов* и др.). Итак, современная неграмотность — это неумение сочетать слова и выражения между собой так, чтобы получилось утверждение, уместное в заданной конситуации.

Изучение рефлексии полноценного билингва (информант М., 53 года) позволило выявить два важных этапа освоения родного языка (монолингв обычно не осознает их). Первый — запоминание слов и клише (из внешнего речевого опыта), второй — выведение правил их комбинирования для выражения собственной мысли (важна реакция окружающих — восхищение, смех, замечания, явные и неявные поправки в повторе, мимические реакции и проч.).

5) V Srbii pjat klassov koncil, uchil anglisskii, ruskogo ne znal. ... Priehal nakanune 1-go sentjabrja... Posle shkoli prihodila uchilka, ruskii raz'jasnjala na plohom serbskom, delal vse uroki s nei, mnogo zapominal ponachalu kak magnitofon. ...Ni odnu grammatiku v zhizni ne osilil, nikogda ni odnogo «pravila» ne primenil. Ja jaziki prosto zubril. A dostigshi opredelennogo urovnja — mozno i tvorit.

М. прожил 25 лет без русской языковой среды, и в естественной письменной речи (электронная переписка) легко заметить, что его «творческое комбинирование» может быть неудачным:

6) Schas podumivaju: nado ponjat eto **pokolenie, viroshee s ekranami na nosah**, i etim vospoljzovatsja.

Сидеть, уткнувшись носом в экран; вырасти у X-а на глазах;

очки на носу — все эти выражения соединились, чтобы могло появиться это неудачное, но явно творческое по замыслу выражение. Но удивительно, что такого же рода «творческие неправильности» могут появиться и у монолингва, живущего в Москве:

7) Есть проблема и в школьном образовании. Она заключается в том, что школьная **программа напихана предметами**, которые **нужны** школьнику лишь **по минимуму**.

«Творческие неправильности», удачные и неудачные, нарушают вроде бы объективно существующие (см. [Мельчук, Жолковский 1984]) нормы сочетаемости. Рассмотрим, в чем заключаются ошибки сочетаемости, которые наблюдаются в речи билингва М., и определим их причины.

8) I s samoi docherju dela **daleko ot** roditeljskih **pozhelanii** (вместо: *с самой дочерью дела обстоят не так хорошо, как хотелось бы + успехи дочери далеки от идеала//далеко не идеальны + не соответствуют родительским пожеланиям*). ... da i **chto trebovat s nee** (вместо: *от нее*), **imeja v vidu** (грамматическая и лексическая неточность, более уместно: *если вспомнить*) **kto ei** (вместо: *её*) **otec**. ...A **k knigam v nashem ponimanii u nih prosto ekzistencialjnoe neponimanie**, esli ne otvraschenie (видимо, вместо: *к книгам отвращение*).

Даже в этом отрывке можно увидеть пять причин неустойчивости сочетаемости.

1. Употребление русских предлогов и падежей условно: часто в синонимичных клише одна и та же семантика выражена разными предложно-падежными конструкциями: *что взять с X-а / хотеть от X-а чего-либо / требовать от X-а чего-либо/требовать с X-а что-либо* (в значении «взыскивать долг»); *кто X-у друг / кто друг X-а / кто отец X-а*.

2. Существуют ограничения на использование синтаксических конструкций. В приведенном отрывке неуместной выглядит конструкция с деепричастным оборотом *имея в виду*. В разговорной речи прозвучало бы *Что с нее взять? Вспомни, кто её отец!* Пишущий выбрал неудачный квазисиноним *вспомни* → *имей в виду*, а параллельно попытался перевести разговорные конструкции в цельное, синтаксически оформленное утверждение. При этом возник конфликт синтаксических конструкций, который можно было разрешить двумя способами (возможны варианты *Вспомни, кто её отец, и не требуй от неё многого* или *Что с неё взять,*

если вспомнить, кто её отец? — причем второй предпочтительнее). Пишущий не справился с разрешением конфликта, потому что выбрал деепричастие, которое может использоваться для связи между утверждениями, только если они оба описывают действия одного и того же лица, оба стоят в индикативе или обозначают предполагаемые или желательные действия (а здесь оба предиката призывают собеседника к действию), да еще по правилам КЛЯ действующее лицо основного глагола должно стоять в именительном падеже (в устном общении и ЕПР последнее требование практически не соблюдается). Сложные правила употребления синтаксических конструкций, действующие в КЛЯ, осваиваются с трудом и легко разрушаются.

3. Влияние сходства и смежности в широком смысле слова — смежности денотатов или понятий, которые попадают в наше сознание в один фрейм. *Непонимание к книгам* — результат совмещения выражений, которые описывают смежные представления: *непонимание того, зачем нужны книги, экзистенциальное неприятие книг и отвержение к книгам*. Говорящий / пишущий легко смешивает слова, обозначающие хорошо известные ему близкие понятия: смежные в пространстве, сходные по функции и др.

9) Каким же должно быть образование в России? Должно ли оно быть только для гениев или все люди, даже не отличающиеся особыми способностями, **должны пройти через тернистый путь к звездам**?

Оценочный афоризм *per aspera ad astra* (т.е. *сквозь тернии к звездам*) применим к действиям человека, выбравшего для себя трудный путь к достойной цели, *тернистый путь* — это оценка самого пути, и смешение двух фразеологизмов обусловлено смежностью оцениваемых объектов. Кроме того, оба выражения относятся к высокому стилю, а текст нейтральный. Иногда смешение смежного доходит до абсурда.

10) Передо мной старое двенадцатизэтажное здание, первый этаж которого арендован под студию танцев, вход в которую украшает **подсвечивающееся** красное **табло** с надписью из черных букв «Evolution», а небольшую дорожку, ведущую к нему, **подсвечивают** два невысоких **фонарных столба**.

Слово *фонарь* означает и особое устройство для освещения, и сооружение, на котором это устройство размещают; описывая размеры фонарей, девушка выбирает дифференцирующее обозначение

фонарный столб, но не задумывается о том, что оно несовместимо с глаголом *подсвечивать* и потому совершенно неуместно.

Смежность возникает при совмещении двух неявных предикаций (*дорожку освещают два фонаря + эти фонари расположены на фонарных столбах + эти фонарные столбы невысокие*), которая всегда сопровождается эллипсисом. Оригами из скрытых предикаций неопытному пишущему легко испортить, в устной речи и ЕПР ошибки такого рода встречаются очень часто, так что при освоении КЛЯ такому синтактико-семантическому «искусству оригами» нужно обучаться специально.

4. Фонетическое сходство слов. Рассмотрим фрагмент студенческого сочинения.

11) Входная **дверь** расположена чуть **выше фасада** здания, и поэтому **порог** сделан **в виде трех ступенек**.

Студентка, смущаясь, призналась, что слово *фасад* употребила, потому что не знает, «как называется такая штука, полоска в низу здания», — и согласилась с предложенной однокурсниками подсказкой — *фундамент* («часть здания, на *ф*»).

Слово *порог* тоже употреблено неверно — в значении, близком к «крыльцо», но здесь фонетического сходства нет. Девушка «вычисляет» означаемое, сравнивая те контексты, в которых она слышала означаемое (*проститься у порога, перешагнуть порог, споткнуться о порог, на порог не пишу* и проч., но ей, вероятно, не встретилось выражение *прибить порог*). Для пишущего слово *порог* — это уже не элемент устройства дверного проема, ограничивающий ход двери и улучшающий ее прилегание, а своего рода препятствие, которое надо преодолеть при входе в дом. Поэтому для нее не странно написать, что *порог сделан в виде трех ступенек*. Такого рода подмены — результат того, что значение слова выводится из кон-ситуации (это обычный способ освоения лексики родного языка), но не корректируется ни окружающими, ни самим человеком. Этот дефект нужно предупреждать во время школьного обучения, формируя стратегию уточнения значения слова.

Иногда догадаться о неуместности слова можно, только зная кон-ситуацию, хотя неуместная подмена возникает по фонетическим причинам. Так, в рецензии на рассказ В. Гроссмана «Жилица» студент написал:

12) Все забыли, что реабилитированная старуха, прошла Граждан-

скую войну, получила за заслуги перед отечеством орден Дзержинского, была комиссаром бронепоезда, жила во многих странах и работала в Кремле. Всё это говорит о том, что она была сильным и важным человеком в государстве.

В тексте рассказа было указано, что героиня получила «жилую площадь по ордеру Дзержинского райсовета» и умерла «на восьмой день после получения ордера». Незнакомые автору *по ордеру райсовета* и *Дзержинского райсовета* заменены на несуществующий, но вписывающийся в авторскую картину мира *орден Дзержинского*.

5. Установка говорящего/пишущего на использование престижного слова.

13) Возможно стоит **установить** какой-то, если хотите, **фейс-контроль на** учителей, улучшить их проф. подготовку или просто проверить навыки.

Модальный маркер *какой-то, если хотите* показывает, что пишущий понимает неуместность слова *фейс-контроль*, но не хочет отказываться от модного украшения — и оно оказывается в неподходящем семантическом и синтаксическом окружении. Привлекают звучность, красота, необычность, престижность слова, его употребление публичными персонами или людьми, чье мнение пишущему безразлично. Выбранное слово кое-как приспособливают к окружению — это все-таки проще, чем придумать альтернативную реальность, как в примере 7). Слово *коммуникация* в моде, и, размышляя о том, как *срасить* детям долгие и скучные школьные часы:

14) Так почему бы не **раскрасить** тянущиеся монотонные уроки парочкой примеров и **коммуникацией с** изучаемым **предметом***.

У студентов такие ошибки встречаются достаточно часто — особенно при использовании терминологии. В рецензии на рассказ (в котором есть посвящение, эпиграф из Евангелия и симметричная ему евангельская цитата в конце произведения), первокурсница-филолог написала:

15) Рассказ имеет кольцевую композицию. **Вступление** и **эпилог** автор берет из Евангелия.

Оба термина употреблены неверно, студентка выбрала их потому, что, во-первых, в них есть семантические компоненты «стоит

* От одного из преподавателей, работающих с этой группой, я слышала выражение коммуникация с текстом в значении «общение с текстом», которое, конечно же, на практике превращалось в обсуждение текста..

в начале текста» и «стоит в конце текста», а во-вторых, у неё есть установка на использование терминов, но не сформирована стратегия избегания незнакомого слова. Усугубляет ситуацию фонетическое сходство терминов *эпиграф* и *эпилог*.

Итак, выбор неподходящего слова в значительной мере обусловлен его социальной привлекательностью. Рискну предположить, что именно этот фактор активизировался в последние десятилетия, когда освоение родного языка стало осуществляться преимущественно не традиционно (в живом общении при речевом сопровождении деятельности), а через самостоятельное осмысление огромного потока аудиовизуальной информации. Иногда это приводит к совершенно парадоксальным результатам, когда невозможно установить, какое же слово имел в виду пишущий.

16) В нашей стране есть как низкое искусство: бульварная пресса, массовое извояние (поп эстрада) — так и элитарное, рассчитанное на понимание определенного круга людей, но доступное для всех. У простых людей есть возможность обогатится сокральными знаниями.

Здесь слова *изваяние* и *сакральный* абсолютно непонятны и неуместны в контексте — гораздо чаще незнание слова относительно: пишущий смутно помнит его внешний облик, знает отдельные его семантические признаки. Отметим, что большинства из таких ошибок можно было бы избежать, выразив нужную мысль иным способом, но для этого необходимо, чтобы у пишущего была сформирована коммуникативная стратегия избегания неизвестного слова.

Неустойчивость сочетаемости неизбежно приводит к появлению неуместных высказываний, разрушает у слушающего «стилистическое чутье», за которым скрывается подсознательный статистический учет частотности того или иного сочетания. В языковой системе происходят семантические сдвиги: еще В. А. Звегинцев, предлагая ввести понятие моносемы (минимальной единицы значения), отмечал, что любые изменения сочетаемости являются показателями изменения значения слова [Звегинцев 1968: 116].

Таким образом, вопрос о сочетаемости языковых единиц и их уместности непосредственно связан с проблемой сохранения литературного языка. Необходимым условием существования КЛЯ является массовое, в идеале — всенародное различение умения писать (его может обслуживать и естественная письменная речь) и умения целенаправленно работать над формой текста, оптимально выража-

ющей заложенное в этот текст содержание. Общество должно обеспечить образовательную политику, при которой личность приучают к языковой рефлексии, к использованию правильных стратегий контроля речи и техник сознательного редактирования и саморедактирования коммуникативного текста.

Литература

Ананьев Б. Г. Онтогенетическая эволюция психофизиологических функций человека. // *Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 133–154.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.

Базжиная Т. В., Евграфова С. М. Новая социальная ценность — компетентный носитель языка // VII выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи». Материалы. Череповец, 2008. С. 4–11.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.

Горишков А. И. Русская стилистика и анализ произведений словесности. М.: Изд-во Литературного института им. Горького, 2008. 544 с.

Денисов П. Н., Зеленова Н. К., Кочнева Е. М. и др. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1978. 688 с.

Добровольский Д. О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // *Русский язык в научном освещении*. № 1. М.: Языки славянских культур, 2001. С. 161–178. Цитируется по электронной публикации текста <http://www.philology.ru/linguistics2/dobrovolsky-01.htm>

Евграфова С. М. Учить писать — значит учить думать! // *Русский язык*. 2013. № 5.

Залевская А. А. «Живой поликодовый гипертекст» как «внутренний контекст» процессов познания и общения // *Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: Материалы X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике*. М.: РУДН, 2013. С. 59.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1968. 336 с.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. 992 с.

Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. Денисова П. Н., Морковкина В. В. М.: Русский язык, 1983. 676 с.

S. M. Evgrafova

Russian State University for the Humanities

(Russia, Moscow)

evgraffs@yandex.ru

IMPROPER USES OF WORDS IN UNPOLISHED WRITTEN SPEECH AND COMBINATORY LANGUAGE MECHANISM

Having a lot of features of spontaneous speech, unpolished written speech always contains various deviations from standard language. Analyzing them one can study and describe the fluctuation of word combinations. In the language system, it is maybe the main source of language variability.

Linguists explain word combination power by compatibility of semantic components as well as unmotivated usage requirements. However, usage fluctuations can be explained as well. Similarity or contiguity of situations, individual cognitive processes peculiarities (such as a conceptual picture of the world, speed and precision of speech generation), social orientation (aiming at a standard or fashion) can change word combinations. Mother tongue teaching also influences the word combining process. Teaching should form language introspection and some special speech strategies. It is very important to distinguish in speech “one’s own words” from “somebody’s words” (especially cliches). In grammar syntax must be in focus.

The author’s statements are based on plentiful examples from Russian students’ compositions.

Key words: mistake, introspection, standard language, unpolished written speech, usage, variability, word combination power.

References

Anan'iev B. G. [Ontogenetic evolution of human psychophysiological functions]. Anan'iev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia* [A human being as the object of cognition]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1968, pp. 133–154. (In Russ.)

Apresian Ju. D. *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka* [Lexical semantics. Language synonymic means]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 368 p.

Bazzhina T. V., Evgrafova S. M. [A competent native speaker as a new social value]. *VII vyezdnaiia shkola-seminar «Problemy porozhdeniia i vospriatiia rechi». Materialy* [Proceedings of the VIIth guest workshop “Speech generation and perception issues”]. Cherepovets, 2008, pp. 4–11. (In Russ.)

Denisov P. N., Morkovkin V. V. (Eds.). *Slovar' sochetaemosti slov russkogo iazyka* [The dictionary of Russian words combinations]. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1983. 676 p.

Denisov P. N., Zelenova N. K., Kochneva E. M. and oth. *Uchebnyi slovar' sochetaemosti slov russkogo iazyka* [The learner's dictionary of Russian words combinations]. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1978. 688 p.

Dobrovol'skii D. O. [Dynamics of usage (Pushkin's language and modern word usage)]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, No. 1, pp. 161–178. (In Russ.)

Evgrafova S. M. [Teaching to write is teaching to think!]. *Russkii iazyk*, 2013, No. 5 (In Russ.)

Gorshkov A. I. *Russkaia stilistika i analiz proizvedenii slovesnosti* [Russian stylistics and literary compositions analysis]. Moscow: Maxim Gorky Literary Institute Publ., 2008. 544 p.

Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Explanatory combinatorial dictionary of modern Russian]. Wien, 1984. 992 p.

Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vekov* [Studies in the history of the XVIIth–XIXth centuries standard Russian]. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1982. 529 p.

Zalevskaia A. A. [“Personal polycode hypertext” as “an inner context” for cognition and communication]. *Problemy informatsionnogo*

obshchestva i prikladnaia psikholingvistika [Issues of information society and applied psycholinguistics]: Proceedings of the Xth International congress of the International society of applied psycholinguistics. Moscow: Peoples' Friendship Univ. of Russia Publ., 2013, p. 59. (In Russ.)

Zvegintsev V.A. *Teoreticheskaja i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968. 336 p.

Т. С. Жукова
Высшая школа экономики
(Россия, Москва)
tzhukova@hse.ru

ОБРАЩЕНИЯ В РЕГЛАМЕНТИРОВАННЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ НОРМЫ

В настоящей статье анализируется функционирование обращений в регламентированных сферах общения, таких как общение с первыми лицами государства, с сотрудниками полиции, с судьями в различных видах судебного производства. Под регламентированным понимается общение, подчиненное определённым правилам и ограничениям, установленным в организации или общественно-политическом институте, а также правилам и нормам служебного этикета, корпоративной этики, принятым в организации. В статье представлена попытка осмыслить становление новых норм употребления обращений в регламентированном общении. Отмечается, что для современной лингвистики становится нехарактерным консервативное и запретительное восприятие нормы. Формируется новый взгляд на характер нормы: появляется представление о норме, максимально приближенной к ситуации общения. Тенденции формирования нормы выявляются на основе наблюдения над современным словоупотреблением, анализа метаязыковой рефлексии носителей языка, опросов предпочтений выбора обращения в той или иной коммуникативной ситуации. Делается вывод о том, что новые нормы функционирования обращений нуждаются в теоретическом осмыслении, анализе и выработке рекомендаций по употреблению новых форм, что и представлено в настоящей статье.

Ключевые слова: становление новых норм обращений; регламентированные сферы общения; формы обращения к первым лицам государства; формы обращения к сотрудникам полиции; формы обращения к судьям в различных видах судопроизводства; коммуникативная ситуация общения.

Регламентированное/нерегламентированное общение может быть разграничено по ролям, в которых выступают его участники;

на выбор роли в свою очередь влияет фактор ситуации (формальная/неформальная обстановка общения). Если участники общения (или хотя бы один из них) находятся при исполнении служебных обязанностей, осуществляют общение в рамках определенной социальной структуры, — такое общение можно считать регламентированным. Специфической особенностью такого формализованного общения является его регламентированность, т. е. регламентированное общение подчинено правилам и ограничениям, установленным в организации, социальной структуре или общественно-политическом институте, а также правилам и нормам служебного этикета, корпоративной этики, принятым в той или иной организации. Так, например, в деловой коммуникации основными инструментами регламентации корпоративной культуры являются кодексы корпоративной культуры и корпоративные стандарты поведения, которые представляют собой уникальную совокупность формальных и неформальных правил, норм поведения, установок и ценностей, определяющих отношения персонала с клиентами, руководством, самой компанией и ее конкурентами. Эти правила определяются типом общения, его формой, степенью официальности обстановки, в которой протекает коммуникация, и теми конкретными целями и задачами, которые стоят перед общающимися, а также национальными культурными традициями и общественными нормами поведения. Они фиксируются, оформляются в виде протокола (делового, дипломатического), существуют в виде общепринятых норм социального поведения, в виде этикетных требований, ограничений временной рамки общения. Так, для официальных ситуаций на высшем уровне — официальных приемов, переговоров, заседаний — существует установленный регламент, протокол, предусматривающий порядок проведения, соблюдение этикетных правил, поведение его участников, последовательность речевых/неречевых действий; это так называемые эталонные официальные ситуации [Федорова 2012: 395].

Итак, формализованное регламентированное общение — это статусное, официальное взаимодействие, подчиненное известному порядку в рамках социальной структуры, ограниченное особыми условиями, правилами, этикетом.

В настоящий момент представляется важным и актуальным фиксировать нестабильное состояние современной речевой системы:

описывать то, что в ней есть; проводить опросы предпочтений среди носителей языка; давать свою оценку этим предпочтениям; пытаться выработать рекомендации по употреблению новых форм; выдвигать гипотезы о том, что приживется в языке, а что нет; пытаться фиксировать становление новых норм обращений в сферах регламентированного общения на основе наблюдения над современным словоупотреблением. Таковую попытку осмыслить происходящее буквально на наших глазах становление новых норм употребления форм обращений в регламентированном общении мы представим в данной статье.

В современной речевой коммуникации в настоящее время появляются новые коммуникативные ситуации, а также новые формы общения, которых не было раньше, — это интерактивное взаимодействие клиентов и пользователей с клиентскими службами интернет-магазинов и службами поддержки пользователей иных интернет-сервисов; становление корпоративной этики в российских компаниях; обращения простых граждан к президенту и премьер-министру России в Интернете (на видеоблогах, в «Живом Журнале», в интернет-приемных официальных сайтов) и во время проведения «прямых линий» и пресс-конференций; формирование новых обращений к работникам МВД и ГИБДД в связи с переименованием милиции в полицию; формирование новых обращений к судьям и суду, возникновение которых обусловлено, с одной стороны, общественными изменениями, изменениями политического и экономического строя, а с другой — развитием информационных технологий, проникновением Интернета во все сферы человеческого взаимодействия. По справедливому замечанию Д. В. Иванова, воздействие общественных изменений и новые информационные технологии «связаны не столько с расширяющимися возможностями накопления и переработки информации», как это представлялось ранее, сколько «с новыми формами коммуникации» [Иванов 2000]. Общественные изменения и появление новых информационных технологий влекут за собой появление новых форм коммуникации и, следовательно, новых форм обращений в них.

В данный момент отсутствует регламентация форм обращений в поименованных выше новых коммуникативных ситуациях, возникающих именно в регламентированном общении; нет и научных исследований по данной проблематике. Кроме того, появление

в российской государственно-правовой действительности таких должностей, как президент, премьер-министр, полицейский и, соответственно, форм обращений к данным должностным лицам совпадает по времени с периодом, охватывающим анализируемые нами явления — 90-е гг. XX в. — нач. XXI в., поэтому в силу своей новизны появившиеся новые формы обращений и тенденции их функционирования нуждаются в теоретическом осмыслении, анализе и выработке рекомендаций по их употреблению.

В настоящей статье анализируется функционирование обращений в таких регламентированных сферах коммуникации, как общение с первыми лицами государства; с сотрудниками полиции; с судьями в различных видах судебного производства.

Нами было проведено исследование недавно появившейся в русской речевой коммуникации ситуации «неформального» общения простых граждан с президентом и премьер-министром России в Интернете, а также во время «прямых линий» президента. У граждан России появилась возможность обратиться к главе государства посредством «прямой линии» — с 2001 года, а с 2006 года появилась также возможность общаться с президентом в блогах и социальных сетях. Возможности общения в неофициальной обстановке у населения страны со своим руководством до этого не было. Раньше общение с первыми лицами государства ограничивалось официальной перепиской и официальными встречами, проведение которых строго регламентировано протоколом. Общение с первыми лицами государства традиционно относится к официальным регламентируемым сферам общения, в которых существуют прописанные в документах («Табели о рангах», дипломатическом протоколе и т. п.) или общеизвестные нормы и правила выбора форм обращения, стратегии построения высказывания, использование нейтральной или книжной лексики. Однако в конце XX — начале XXI в. официальное общение в русском дискурсе стало более раскованным и непринуждённым. На происходящие в официальной сфере общения изменения оказал влияние ряд факторов: демократизация общества; тенденция сближения адресанта и адресата речи; развитие СМИ и рост их роли в жизни общества. В официальном общении под влиянием СМИ появляются элементы разговорности, неформальности, спонтанности, сниженного регистра общения, которые ранее считались допустимыми лишь

в дружеском неформальном общении хорошо знакомых людей, родственников, друзей.

Основным материалом для анализа послужили обращения к Д. А. Медведеву в качестве президента РФ, взятые из президентского видеоблога: <http://blog.kremlin.ru/> и блога в ЖЖ: <http://blog-medvedev.livejournal.com/>, а также стенограммы «прямых линий» с В.В. Путиным на посту президента после его переизбрания в 2012 году.

Изучение функционирования обращений в новой коммуникативной ситуации — общение с первыми лицами государства — позволяет сделать вывод о том, что в современной коммуникации нет утвержденной, общеупотребительной и признаваемой всеми носителями языка этикетной формы обращения к президенту, так что тенденция размытости норм речевого этикета проявляет себя и в этой сфере. Среди возможных причин можно назвать отсутствие информации о существовании кодифицированной нормы обращения к первым лицам в РФ; новизну данной сферы коммуникации и непривычность самого жанра — обращения к президенту или премьер-министру простых граждан; идеологическую разобщенность российского общества. Отсутствие личного знакомства с Президентом, высокий статус предполагаемого собеседника, единичность, однократность подобного общения — в конкретной ситуации обращения — заставляют посетителей видеоблога и ЖЖ колебаться с выбором той или иной формы.

Проанализировав на основе анализа метаязыковой рефлексии носителей языка и опросов предпочтений выбора обращения по отношению к главе государства, приходим к выводу, что большинству посетителей президентского блога и ЖЖ проще употребить нейтрально-вежливое обращение к президенту по имени-отчеству, к тому же задающее стилистику официальности, вежливости, чем выбирать статусное обращение. Кроме того, обращение по имени-отчеству сообщает о доверительном отношении к главе государства, приобретает несколько личный характер, тем более что зачастую после такой формы адресации может следовать просьба, а сам текст обращения — носить характер доверительной беседы, выражать поддержку и одобрение тех или иных действий президента, то есть в данной коммуникативной ситуации к президенту обращаются как к человеку, имя-отчество которого известно, подчеркивая тем

самым более личностное, персонифицированное начало такой коммуникации, направленность сообщения индивидуальному адресату.

На наш взгляд, в ситуации обращения к первому лицу в государстве наиболее уместной и адекватной является форма обращения *господин президент* (*уважаемый господин президент*). Данную форму нам хотелось бы рекомендовать к широкому употреблению и кодификации в справочниках, иных нормативных актах в качестве нормы обращения к президенту, поскольку в настоящее время это обращение задает коммуникации официальный тон и одновременно подчеркивает социальную и личную дистанцию между общающимися. К тому же, в ряде стран (например, во Франции) именно обращение «*господин президент*» является нормативным.

Однако наблюдение за узусом показывает, что обращение «господин президент» может употребляться в негативных контекстах, с некоторой иронией, в том числе в обвинительных вопросах, что препятствует универсальности такой формы обращения, и поскольку в своих рекомендациях по выработке новой нормы мы отталкиваемся от реального словоупотребления, от языковых предпочтений реальных носителей языка, то следует признать превалирующей формой обращения к главе государства в настоящее время — имя-отчество президента.

Нами также было рассмотрено функционирование новых форм обращений к сотрудникам полиции в связи с переименованием милиции в рамках реформы МВД. Должность полицейского появилась в России после вступления в силу 01.03.2011 г. Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

В настоящее время в русском языке нет универсальной, общепринятой формы обращения к полицейскому. Утвержденная форма обращения к работникам правоохранительных органов отсутствует в законе «О полиции» и вряд ли будет в нем прописана, так как языковая практика в России никогда не возникает по приказу «сверху». Она сформируется самим обществом и станет индикатором эффективности проведенной реформы МВД.

Анализ предложенных новых форм обращений к «стражам порядка», взятых из текстов различных социологических опросов, а также комментариев и «постов» на различных интернет-форумах, позволяет сделать следующие выводы.

Не только лингвисты, но и сами носители языка уже активно подключились к обсуждению новой формы обращения. Подтверж-

дение этому находим на различных интернет-форумах (авто@mail.ru, форум работников МВД), в онлайн-опросах, проводимых на сайтах изданий и информационных агентств (еженедельника «Коммерсантъ Власть», «Российской газеты», РИА «Новый Регион», «РИА Новости», на портале Slon.ru.). Среди наиболее интересных предложений форумчан и участников опросов встречаются варианты обращений к полицейскому: *по имени-отчеству; по званию; офицер, инспектор; господин полицейский; товарищ полицейский; гражданин полицейский.*

На наш взгляд, сотрудники переименованной структуры (МВД) сначала должны выбрать обращение друг к другу. Сейчас наше МВД пользуется по аналогии той официально-деловой формой речевого этикета, которая закреплена специальным документом под названием Устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ. Именно этот документ регламентирует, как военнослужащие должны обращаться друг к другу. Так, в отношении военнослужащих до сих пор используется модель, состоящая из слова «товарищ», к которому прибавляется либо воинское звание, либо должность военнослужащего. Эта же модель по аналогии может употребляться и по отношению к сотрудникам органов внутренних дел: «Товарищ старший лейтенант полиции, разрешите обратиться». Что касается утверждения новой формы обращения сотрудников полиции друг к другу во внутреннем регламенте, в ведомстве сейчас прорабатывается данный вопрос. Обращение по званию, по нашему мнению, является наилучшим вариантом для закрепления подобной формы адресации в корпоративной этике сотрудников полиции по отношению друг к другу.

Нам представляется, что регламентированная модель взаимного обращения военнослужащих друг к другу может стать одной из тех моделей, которые будут использованы и обыкновенными людьми при обращении к сотрудникам правоохранительных органов и, в частности, ГИБДД. При этом важно учитывать, что русская речь сама регулирует формы речевого этикета. Важно, чтобы правила обращения для простых людей не прописывались сверху. Язык — саморегулирующаяся система, живой организм, который сам расставит всё по своим местам. Председатель профсоюза сотрудников милиции Москвы Михаил Пашкин отметил, что гражданин волен обращаться к сотруднику правоохранительных органов так, как счи-

тает нужным: «Можно только сотруднику прописать, как ему следует обращаться к гражданину».

Проанализировав метаязыковую рефлексию носителей русского языка о новых возможных формах обращения к полицейскому, приходим к выводу, что на сегодняшний день лучшей из предложенных форм адресации к сотруднику полиции является обращение *«гражданин полицейский»*. Такое обращение не несет в себе ограничений ни по возрастному, ни по профессиональному, ни по социальному признакам, ни по принадлежности к различным типам, видам или формам коллективных организаций. На этом основании мы предполагаем возможное закрепление данной формы обращения к полицейскому со стороны граждан в качестве нормативной. Обоюдное употребляемое, оно не принижает и не превышает значимости личностей, вступающих в диалог, сигнализирует об официальности обстановки общения.

Нами также получены следующие результаты в ходе проведенного исследования специфики российской системы форм обращений к судьям и суду в различных видах судебного производства.

Сфера судебного общения — это сфера регламентированного общения, функционирующая давно, но коммуникативная потребность в которой у граждан России сформировалась сравнительно недавно (за последние 15–20 лет резко увеличилось число граждан, обращающихся в суд). Так, правила поведения участников судебного процесса, включающие, в том числе, формы обращения к суду и судьям, появляются в России с введением в действие в 2001–2002 гг. Уголовно-процессуального, Арбитражного процессуального и Гражданского процессуального кодексов. Несмотря на наличие регламентированных форм обращений в этой сфере, в силу недавней их регламентации у большинства населения России отсутствует информация о законодательно установленных формах обращений: анализ речевой практики показал, что законодательно закрепленные формы обращения к судье и суду не соблюдаются, норма не поддерживается узусом. Присутствие данных форм обращений в фокусе нашего внимания обусловлено также отсутствием изучения данной проблемы в современных научных исследованиях.

Необходимо отметить, что важной особенностью коммуникации в судебной сфере является то, что нередко она протекает в особом процессуальном режиме с соблюдением определенных, строго

очерченных форм коммуникации: допрос в суде при рассмотрении уголовных дел, допрос и получение соответствующих объяснений у лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве; судебные прения сторон, обмен репликами. Таким образом, начало, ход и развитие указанных коммуникативных форм в уголовном и гражданском процессе определяются правовыми (процессуальными) нормами, предписывающими обязательное соблюдение установленных законодателем формул общения, процессуальный порядок речевого взаимодействия сторон.

Процедура процессуально регламентированного общения, его формализованный характер — обязательные условия, при которых такое профессиональное судебное общение может осуществляться, они никем не могут быть нарушены. Эти процедуры детально описаны в законе, начиная с оснований, без которых не может состояться сам акт общения, и кончая процессуальными формальностями, завершающими диалог сторон с его особым порядком протоколирования, которое отражает не только содержание, но и весь ход общения, соблюдение сопутствующих ему различных формальностей процессуального характера, игнорирование которых может послужить основанием для признания недействительными результатов, полученных в ходе общения, и повлечь правовые санкции к тем, кто нарушил предусмотренный порядок общения, и т. п.

Как было отмечено ранее, в России новые формы обращений в судебной системе сформировались сравнительно недавно — 10 лет назад, когда были приняты УПК, ГПК и АПК РФ, а еще в 2000 году выбор формы обращения не регулировался специальными нормами, был обусловлен сложившимися традициями и отошел к непроцессуальным правилам поведения в суде.

В настоящее время в российской судебной системе основной формой обращения к судье в арбитражном и гражданском процессах, а также к суду в уголовном процессе является не различающее пол адресата обращение *«уважаемый суд»*. По отношению к судье в уголовном процессе и к мировому судье в РФ употребляется обращение *«Ваша честь»*.

Анализ примеров, взятых из стенограмм судебных заседаний разных видов процессов, показал, что зачастую закрепленные законодательно формы обращений не употребляются, норма не поддерживается узусом, и слушанья дел происходят с нарушениями

в части правильного выбора формы обращения к судье: *«Ваша честь»* — вместо *«уважаемый суд»*. Среди причин широкой употребительности обращения *«Ваша честь»* можно выделить влияние традиции англоговорящих стран; популярность в нашей стране псевдоюридических шоу; стойкость привычки (обращение *«Ваша честь»* из уголовного судопроизводства, регулируемого УПК РФ, принятым в 2001 г., в силу привычки переключалось в арбитражные процессы и процессы по гражданским делам, которые регулируются АПК и ГПК РФ, принятыми в 2002 г.).

В заключение хочется отметить, что наиболее значимый результат исследования проблем нормативности состоит в том, что для современной лингвистики характерен отход от одномерного, консервативного и запретительного восприятия нормы. Так, к сфере нормативного Л. П. Крысин применил понятие толерантности. В этом плане показательно название одной из его статей — «Толерантность языковой нормы» [Крысин 2006, 175–183]. Для нас важно акцентировать внимание на понятии «коммуникативная толерантность», под которым понимается «использование вариативных средств языка в зависимости от коммуникативных целей, которые преследует говорящий в тех или иных условиях общения». То есть при принятии решения о кодификации нормы встает необходимость учитывать коммуникативную ситуацию. Так, по справедливому замечанию А. А. Алмазовой, «то, что правильно в одной сфере общения, может оказаться неправильным в другой» [Алмазова 2012].

Современное состояние русского языка характеризуется наличием и сосуществованием в нем вариантных форм, стилевой и стилистической дифференцированностью этих форм, что позволило сформировать новый взгляд на характер нормы. Появляется дифференцированное представление о норме: она оказалась достаточно эластичной, максимально приближенной к ситуации общения, к теме общения, к среде общения. Главной причиной изменения норм, по нашему мнению, является эволюция самого языка, наличие в нем вариантности, что обеспечивает выбор наиболее целесообразных вариантов языкового выражения. В настоящее время кодификаторы отдают предпочтение тому из вариантов, который оказывается наиболее актуальным для данного времени; а в понятие образцовости, эталонности нормативного языкового средства все заметнее включается значение целесообразности.

Литература

Алмазова А. А. Русский язык и культура речи: учебное пособие. М.: Владос, 2008. 176 с.

Иванов Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000.

Крысин Л. П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. М.: РГТУ, 2006. С. 175–184.

Федорова Л. Л. Формальное и неформальное общение: структура и границы // Русский язык сегодня: Вып. 5: Проблемы речевого общения: сборник докладов/отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 395–405.

T. S. Zhukova

Higher school of economics

(Russia, Moscow)

tzhukova@hse.ru

FORMS OF ADDRESS IN REGULATED SPHERES OF COMMUNICATION: THE FORMATION OF A NEW STANDARD

The aim of the article is to analyze forms of address in regulated spheres of communication, such as communication with country leaders, police officers and judges in various types of proceedings. Regulated communication is communication restricted by the rules of an organization or a socio-political institute, as well as by the rules and standards of speech etiquette and corporate ethics adopted by an organization. The article is an attempt to interpret the formation of new standards of the use of forms of address in regulated spheres of communication. It is indicated that for modern linguistics conservative and restrictive perception of standards are not typical. A new view on the nature of the standard is being formed: the standard must be as close to the communicative situation as possible. Tendencies in the formation of standards are identified

on the basis of the observation over modern word usage, on the analysis of native speakers' metalinguistic reflection and on the surveys of preferable choices of form of address in a particular communicative situation. In conclusion it is emphasized that the new standards of functioning of the forms of address need further theoretical understanding of this problem, as well as analysis and recommendations for the use of new forms.

Key words: formation of new standard of forms of address, forms of address, new standard, the communicative situation, regulated spheres of communication.

References

Almazova A.A. *Russkii iazyk i kul'tura rechi: uchebnoe posobie* [Russian language and culture of speech: tutorial]. Moscow: Vldos Publ., 2008. 176 p. (In Russ.)

Ivanov D. V. [The phenomenon of computerization as a sociological problem. Information society: the phantom of the post-industrial era]. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii* [Problems of theoretical sociology]. Iss. 3. Saint-Petersburg, 2000. (In Russ.)

Krysin L. P. [Tolerance of language standard]. *Yazyk i my. My i yazyk. Sbornik statei pamiati B.S. Shvartskopfa* [Language and we. We and language. The collection of articles in memory of B.S. Schwarzkopf]. Moscow: Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2006. pp. 175–184. (In Russ.)

Fedorova L.L. [Formal and informal communication: structure and boundaries]. *Russkii iazyk segodnia. Vyp. 5. Problemy rechevogo obshchenia* [Russian today. Vol. 5. Problems of verbal communication]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2012. pp. 395–405. (In Russ.)

Е. С. Кара-Мурза

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)*

kara-murza-elena@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

В социолингвистических терминах некоторые аспекты деятельности академика Грота можно рассматривать как языковую политику. Поэтому актуально обсуждение такого нового (наряду со статусной и корпусной) ее направления, как конфликтологическое. Его объект — делинквентная коммуникативная ситуация: это 1) речевое преступление против неимущественных прав личности или организации (диффамация), против информационных прав граждан (злоупотребление свободой слова, ненадлежащая реклама, незаконная агитация), против права общества и государства на нормальное функционирование (словесный экстремизм); и это 2) информационный спор по поводу нарушений деонтологии массмедиа. Его задачи — выявление и разрешение коммуникативных конфликтов, наказание за речевые преступления и их профилактика. В его рамках решение суда или деонтологической инстанции — это непосредственный акт языковой политики, лингвистическая экспертиза — ее опосредствующий акт и одновременно его инструмент. Лингвистическая экспертиза как процедура поисков доказательственной базы по речевым преступлениям производится в государственных и независимых центрах. Это коррелирует с государственным и общественным направлением языковой политики, выявляя их внутренние противоречия. В статье приводится пример, как по делу о защите чести и достоинства члена партии «Единая Россия» В. Свирида против известного оппозиционного политика А. Навального в приговоре суда не были учтены мнения лингвистов-экспертов из регионального университета.

Ключевые слова: конфликтологическое направление языковой политики, речевое преступление как делинквентная коммуникативная ситуация, лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики, посредством которого выявляются социальные противоречия.

Развитие и кодификация русского правописания, чем плодотворно занимался академик Я. К. Грот, может рассматриваться в современных социолингвистических терминах как реализация важного направления языковой политики (ЯП). В рамках юбилейных чтений резонно обратиться к проблематике ЯП, но другого ее направления, актуального для нашей эпохи, — лингвистической экспертизы текстов.

Языковая политика — это «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1990]. Она «проявляется в законодательной деятельности, в организации системы образования, в государственном или общественном регулировании средств массовой информации и издательской деятельности...» [Волков [www](#)]. Объектами правовой регуляции являются не только медиакоммуникации, но и производственные, и бытовые. Она осуществляется и через кодификацию — принятие законов, напрямую (как в случае законов о масс медиа) или косвенно (как в антиэкстремистском законодательстве) касающихся коммуникативных процессов, и через правоприменение — признание тех или иных речевых поступков и текстов нарушением законов. А на долю общества приходится создание и применение 1) деонтологии, т. е. профессиональной этики, и 2) морально-этической оценки: в современной России нормализация и кодификация русского литературного языка «получает отражение в языковой практике и вызывает определенную общественную реакцию. Такова, например, реакция на жаргонизацию литературной речи (...), на неумеренное заимствование иноязычной лексики, на другие процессы, характерные для развития и функционирования современного русского литературного языка, которые, по мнению многих представителей интеллигенции, требуют регулирующего вмешательства со стороны лингвистов» [Беликов, Крысин 2001].

Одним из генеральных объектов ЯП считается «коммуникативная ситуация (допустимость или недопустимость использования тех или иных языковых пластов — диалектизмов, жаргонизмов, табуированной лексики и пр. — в речевом общении; формирование речевого поведения и через него языковой личности)» [Кузнецов]. В частности, это конфронтационное и делинквентное речевое поведение носителей языка (здесь — русского) и соответствующее

функционирование текстов; его можно охарактеризовать и классифицировать, используя рабочий зонтичный термин РЕЧЕВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. В конфигурации участников речевого преступления как делинквентного коммуникативного акта обнаруживаются, с одной стороны, нарушители конвенций, с другой — пострадавшая сторона (оклеветанный, оскорбленный человек, дискредитированная фирма или партия) либо надзорная инстанция, усмотревшая в речевом поступке/тексте отклонение от закона, а с третьей — суд или орган саморегуляции, чья задача — восстановление законности/профессиональной этики, наказание нарушителей и профилактика нарушений [Кара-Мурза 2012: 797–855].

В речевой / текстовой форме совершаются (или мнятся совершенными) нарушения 1) против конституционных нематериальных благ (чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации), которые присущи а) личности в целом и в ее рабочей ипостаси бизнесмена, представителя власти, судебного деятеля, военнослужащего и б) институции (не только фирмы, но и политического, и культурного учреждения), — это так наз. диффамация; 2) против информационных и политических прав людей как граждан, как потребителей информации, товаров и услуг — см. законы о СМИ и о рекламе, избирательное законодательство в части агитирования и информирования избирателей; 3) против прав человека, общества и его групп (культурно-национальных, возрастных, половых) на безопасную и достойную жизнь, а государства на конституционный порядок и на целостность — это угроза жизни, словесный экстремизм (этно- и политический); 4) против государственного языка — точнее, против разнообразных прав носителей языка, обусловленных наличием этого правового феномена. Фактически этому посвящен ФЗ «О государственном языке РФ» (2005), каковым предстал литературный идиом русского языка. В 2008 г. этот закон был скоординирован с ФЗ «О рекламе» (часть 11 в ред. ФЗ № 231); с журналистикой у закона о госязыке не до конца формализованные отношения. На те же цели направлен запрет на нецензурную брань в ст. 20.1 «Мелкое хулиганство» и в ст. 5.61. «Оскорбление» КоАП РФ, дополненный в марте 2013 г. поправками в ст. 13.21 «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации». Очевидно, что везде регулируется не столько язык, сколько речь / коммуникация, поэтому можно дополнить типологию ЯП

(по С. Н. Кузнецову, она бывает статусная и корпусная) конфликтологической или юрислингвистической (по Н. Д. Голеву) ЯП.

Симптоматично, что сама законодательная активность может стать конфликтогеном. Пример — критика вышеупомянутой поправки, так наз. «закона против мата в СМИ», в силу ее избыточности на фоне имеющихся запретов на публичное сквернословие и на оскорбление, ее потенциальной репрессивности.

Меры пресечения и профилактики правонарушений и преступлений можно рассматривать как рестриктивные и карательные методы государственной и корпоративной языковой политики. Они осуществляются юридическими инстанциями в судебных процессах, а деонтологическими (вроде Союза журналистов России или ассоциаций рекламистов) — в спорах (информационных, избирательных).

При расследовании речевых преступлений востребованы экспертные знания, чтобы обеспечить доказательственную базу для вынесения приговоров. В зависимости от процедуры запроса, исследование выполняется в формате судебной экспертизы (СЛЭ) или заключения специалистов, в методах принципиально не различаясь [Баранов 2007]. Интерпретативный характер восприятия конфликтного текста и многосторонний характер процесса способствуют процессуальной конкуренции экспертиз и их конфликтогенности.

В качестве направления прикладной лингвистики ЛЭ развивалась за последние два десятилетия и экстенсивно (в смысле востребованности), и интенсивно (в плане формирования теоретической базы и воспроизводимых алгоритмов анализа). Она выполняется в государственных экспертных центрах при ФСБ, МВД, МЮ, в коммерческих организациях (напр., в «Мосэкспертизе»), в академических либо вузовских учреждениях (каковы ИРЯ РАН, филфак или журфак МГУ), в независимых организациях (ГЛЭДИС, СИБАЛЭКС и др.).

В социолингвистике важен вопрос о субъектах языковой политики. Среди актуальных поворотов этой темы — роль и место лингвистов-экспертов в разрешении лингвоправовых конфликтов [Левонтина 2005]. Ценности и принципы субъектов государственной и общественной ЯП могут различаться — это традиционно для России с ее противостоянием власти и интеллигенции. В политизированных процессах, в условиях давления на суд и опосредованно — на экспертов, последние (особенно из государственных

учреждений) занимают точку зрения в традициях обвинительного уклона, а независимые эксперты — точку зрения, которая противостоит официозу.

Проиллюстрируем сказанное на примере одного диффамационного дела. В декабрьском номере журнала *Esquire* за 2011 г. было опубликовано портретное интервью Алексея Навального, где он, в частности, сформулировал свое отношение к партии «Единая Россия»: *«В “Единой России” попадают люди, которые, в общем-то, мне симпатичны. Но если ты вступил в “Единую Россию”, то ты все-таки вор. А если и не вор, то точно жулик, потому что своим именем прикрываешь остальных воров и жуликов»*. Депутат-единорос Владимир Свирид подал к блогеру иск на 1 млн. руб. о защите чести, достоинства и деловой репутации. В интервью «Известиям» он говорил: «Сколько можно выслушивать его? На Болотной до хрипоты, на Сахарова до хрипоты. Тот, кто идет на оскорбление, — уже не политик. А то, что заказ Запада он отрабатывает, это видно невооруженным глазом». Летом 2012 г. Люблинский районный суд Москвы частично удовлетворил иск В. Свирида, обязав А. Навального выплатить 30 тыс. руб. компенсации морального вреда и опровергнуть «не соответствующие действительности» сведения, разместив постановление суда в интернете. В комментарии к этому решению для сайта *ER.RU* Владимир Бурматов, первый заместитель председателя комитета Госдумы по образованию, предложил «всем нашим однопартийцам такой своеобразный флэш-моб. Пусть каждый обратится в суд с аналогичным иском к Навальному. Можно даже типовое заявление составить. И если каждый выиграет 30 тысяч рублей — а у нас в партии 2 миллиона человек — получится, что Навальный, так фривольно оскорбляющий честных людей, будет должен нам всем в общей сложности 60 миллиардов рублей. Эти деньги — которые нам удастся с него истребовать — конечно, вряд ли кто-то воспримет как заработок. Я бы их отдал на благотворительность, например, на озеленение Москвы. Столичные газоны здорово страдают от маршей всяких несогласных, — добавил депутат и заключил: — Мне, как члену “Единой России”, крайне неприятно слышать изобретенное Навальным оскорбительное определение моей Партии».

А. Навальный обжаловал это решение в Мосгорсуд. По запросу Межрегиональной правозащитной ассоциации «Агора» было вы-

полнено внесудебное комиссионное лингвистическое исследование — действительным членом ГЛЭДИС, к. ф. н., доцентом филфака Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, профессором Международной славянской академии Е. Колтуновой и д. ф. н., профессором того же факультета и университета Т. Радбицем.

«Лингвисты признали слова о “жуликах и ворах” оценочным мнением Навального о “Единой России”» — так была озаглавлена заметка в «Новой газете» от 26.07.2012. Эксперты пришли к справедливому выводу, что вызвавший негативную реакцию депутата Свирида фрагмент интервью «представляет собой оценочное мнение А. А. Навального о партии “Единая Россия”» и что в публикации «сведения, относящиеся к Свириду Владимиру Аверьяновичу, не выявлены. (...) Данный контекст представляет размышления А. А. Навального о том, что часть членов партии он оценивает положительно (“мне симпатичны”), а часть отрицательно (несимпатичны). (...) Подобное эмоциональное обобщение очень часто встречается в обыденной коммуникации, но оно не предполагает верифицируемости». Представитель А. Навального, к. ю. н. Д. Гайнутдинов заявил ходатайство в Мосгорсуде о приобщении исследования к материалам дела. Однако Мосгорсуд признал решение Люблинского суда законным, и жалоба ответчика была отклонена.

Таким образом, новым объектом отечественной социолингвистики можно считать конфликтологическое направление языковой политики — это разрешение коммуникативных конфликтов, наказание за речевые преступления и их профилактика. Его сущность и значимость вполне соответствуют проблематике и компетенции этой науки. В его рамках решение суда или деонтологической инстанции — это непосредственный акт ЯП, а лингвистическая экспертиза (в расширительном значении) — ее опосредствующий акт, точнее — его инструмент.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: Учебник. М.: Флинта, 2007.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

Волков А. А. Социоллингвистика//Фонд знаний «Ломоносов». Энциклопедия / URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01204: article>

Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 616.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике // Язык СМИ и политика. Колл. монография/под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 797–855.

Кузнецов С. Н. Языковая политика и языковое планирование. Программа курса / URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.html

Левонтина И. Б. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2 (23)/URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/levontina-05.htm>

E. S. Kara-Murza

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

kara-murza-elena@yandex.ru

LINGUISTIC EXPERTISE AS A LANGUAGE POLICY TOOL

In sociolinguistic terms, certain aspects of academician Grot's activity can be seen as language policy. Therefore a discussion of the new conflictological direction of sociolinguistics (along with status and corpus directions) is of current importance. Its object is delinquent communicative situations: 1) speech crimes against non-proprietary rights of people and organizations (deffamation and libel), against societal and governmental rights to normal functioning (speech extremism); 2) discussions of mass media deontology violations. Its objectives are identification and resolution of conflicts in communication, as well as punishment and prevention of speech crimes. Within its framework, the decision of a court or a deontological authority is a direct act of language policy, whereas a linguistic expertise is its consecutive act and simultaneously its tool. A linguistic expertise as a procedure of search for an evidential base of a speech crime is performed in governmental and independent centers. This correlates with a governmental and public direction of speech

policy, revealing their inherent contradictions. As an illustration the author uses a lawsuit on protection of honor and dignity of a «United Russia» party member V. Svirid versus a well-known political figure of the opposition field, A. Navalny, in which the court verdict didn't take into consideration the professional opinions of linguistic experts from a regional university.

Key words: conflictological direction of sociolinguistics, speech crime as a delinquent communicative situation, linguistic expertise as a tool of speech policy that reveals social contradictions.

References

Baranov A. N. *Lingvisticheskaya expertiza teksta* [A linguistic expertise of a text]. Moscow: Flinta Publ., 2007. 592 p.

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: RGGU Publ., 2001.

Desheryev Y. D. [Language policy]. *Lingvisticheskii enciklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopedia Publ., 1990, pp. 616. (In Russ.)

Kara-Murza E. S. [Linguistic indicators of speech crime in politics]. *Yazyk SMI i politika. Coll. monografia* [The language of mass media and politics]. G. Ya. Solganik (Ed.). Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2012, pp. 797–855. (In Russ.)

Kuznetsov S. N. *Yazykovaya politika i yazykovoe planirovanie. Programma kursa* [Language policy and language planning. The program for an academic course]. Available at: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.html

Levontina I. B. [The letter and the law. Forensic linguistic expertise]. *Otechestvennye zapiski*, 2005, No. 2 (23). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/levontina-05.htm> (In Russ.)

Volkov A. A. [Sociolinguistics]. *Fond znaniy «Lomonosov». Enciklopedia* [Knowledge Fund “Lomonosov”. Encyclopaedia]. Moscow: RGGU Publ., 2001. Available at: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01204: article> (In Russ.)

Т. А. Милёхина
Саратовский государственный университет
(Россия, Саратов)
tmilehina@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОРПОРАТИВНОМ ОБЩЕНИИ

В статье рассматриваются различные средства и приёмы языковой игры в разных типах, жанрах и формах корпоративной коммуникации. В наименовании корпораций присутствуют переосмысление, обыгрывание формы слова, комбинации шрифтов. Основой корпоративных слоганов и лозунгов служат трансформированные прецедентные тексты. Языковая игра выступает одним из важных средств формирования новой корпоративной культуры. Вербализация знаков и кодов корпоративных пространства, времени, ценностей носит интернациональный характер, является следствием глобализации мировой экономики. Эмоции, творческое отношение к речи, художественная форма деловой информации наблюдаются в речи сотрудников корпораций в жанрах публичного официального характера, в структуре корпоративного делового мероприятия. Театральность выступает как принцип создания корпоративных промо-акций и промо-мероприятий. Широкое распространение языковой игры в корпоративном общении позволяет сделать вывод о специфическом характере корпоративной коммуникации и её особом месте в деловом стиле.

Ключевые слова: корпоративная коммуникация, корпоративная культура, деловой стиль, языковая игра, жанры, прецедентные тексты.

Различные жанры современной устной корпоративной коммуникации (видеозаписи 2011–2012 гг. финансовой группы «Лайф» общим объёмом 6 часов звучания, корпоративные материалы саратовского промышленно-торгового объединения «Торэкс») демонстрируют большую свободу в использовании языковых средств общения. Устная корпоративная коммуникация обнаруживает черты, традиционно не свойственные классическому деловому языку. Это устная деловая речь, но деловая речь, которая допускает присут-

ствие эмоций, творческого отношения к речи, художественной формы деловой информации, то есть тех характерных особенностей, которые в целом могут быть названы языковой игрой.

Отечественная и переводная литература по маркетингу, менеджменту, внутрикорпоративным связям с общественностью, широко функционирующая в современном экономическом пространстве России, содержит рекомендации, советы, разработки по теории и практике корпоративной коммуникации [Василенко 2012; Гнатюк 2010; Минаева 2010; Речевая коммуникация в бизнесе 2011; Яковлев 2010; Grant 2004; Handford 2010; Hardy 1995; Heritage 2010]. Однако реальное воплощение на русской почве таких рекомендаций практически не изучено, хотя процесс заимствования национальной корпоративной культурой западных маркетинговых технологий идёт полным ходом. Одной из таких заимствованных технологий выступает режиссура *team building*, которая предусматривает снижение уровня официальности в корпоративной среде, значительный отход от «официоза», что в языковом плане и проявляется в широком распространении в корпоративной коммуникации элементов языковой игры.

Языковая игра наблюдается в разных видах, жанрах и формах корпоративной коммуникации. Так, например, наименования новейших, недавно созданных банковских конгломератов в основе своей содержат игру словами, языковой формой, разного рода переосмысления и ассоциации. Например, в состав финансовой группы «Лайф» входят не только «Газэнергобанк», но и «Экспресс-Волга банк», а также «ВУЗ-банк», коммерческий банк «Пойдём!». Языковая игра лежит в основе названий корпоративной газеты финансовой группы — «ПроЛайф», корпоративного киножурнала «Нефитиль» или «Voogol».

Работа современной финансовой или промышленной корпорации невозможна без яркого, привлекающего клиентов слогана: *Обещаем, что можем сделать, делаем то, что обещаем; Кредит на доверии. ВУЗ-банк — быстрый банк; Выдаём деньги после беседы! Мы из вашей жизни!; Приучаем к лучшему! «Торэкс» — он дверь! Эти двери берегут тепло, берегут время, берегут деньги! Понимаем вас и решаем вашу задачу быстро и профессионально! Находимся с вами на одной волне!* Популярны также и внутренние лозунги, которые призваны воздействовать уже на сотрудников корпорации и расположены на территории предприятия. Так, напри-

мер, на воротах завода при въезде на промышленную территорию: *«Торэкс» ждёт от тебя умелой и качественной работы!* На выезде из завода: *Если ты уверен, что отработал без брака, спасибо тебе.* На одной из стен цеха предприятия: *Качественной продукции — зелёный свет!*

Внутренняя жизнь корпорации организуется по определённым законам, имеет свой сюжет, обставлена некоторыми вербальными знаками и кодами, в основе которых нередко — языковая игра. Корпоративная культура оформляется в специальных письменных жанрах — миссии и легенде. Но и в устной коммуникации находят отражение маркеры некой, как она называется на корпоративном лексиконе, лайф-среды. Важнейшими кластерами лайф-среды выступают корпоративное время, пространство и ценности.

Время в корпоративной коммуникации получает особую характеристику. Например, отчётный год корпорации именуется *«год стратегической жизни»*: *С этим знанием группа пришла в новый очередной год своей стратегической жизни.* Имеется в виду не просто определённый отрезок времени, но время, организованное искусством планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах*.

Пространство, в котором существует финансовая группа, оформляется с помощью ярких метафор: *Для тех, кто хочет быть на гребне самых интересных и неформальных волн! Чтобы увидеть краски той картины, которую представляет собой Лайф.* Своеобразно языковое оформление внутренней структуры банка. Так, например, известная русской деловой культуре номинация *отдел* заменена военной по своему происхождению номинацией *дивизион* (из франц. *Division* — воинское подразделение в артиллерийских частях), причём зашифрованной аббревиатурами. Например: *ДРБ* — *дивизион розничного бизнеса*, *ДМСБ* — *дивизион малого и среднего бизнеса*, *ДКБ* — *дивизион клиентского бизнеса* и т. д.

Широкую площадку для языкового творчества представляют языковые единицы, формирующие целостное идеологическое пространство корпорации. Так, например, высокий уровень обслуживания клиентов получает закодированное наименование *«WOW-сервис»*, то есть *сервис, вызывающий восторг клиентов.* Плохая

* Толкование значений здесь и далее даётся по: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов // Отв. ред. Н.Ю. Шведова – М., 2007.

работа кодируется аббревиатурой в русской кириллической графике *МOM*, то есть *перевёрнутое WOW*. *МOM* расшифровывается как *моё озвученное мнение*, то есть *критическое высказывание о чьей-либо работе*. В корпоративных документах создаётся так называемая *WOW-МOM-база*, на интернет-сайтах корпорации публикуются *WOW-истории*, в которых описываются *WOW-отношения* сотрудников и клиентов банка.

Языковая игра находит себе место и в устной корпоративной коммуникации. Естественно её широкое распространение в узком кругу рабочего коллектива, в малых формах и жанрах. Например: *Каждый регион может заключать договор самостоятельно / если какой регион проваливается //*; *Теперь у нас заявки не гуляют туда-сюда //*; *До тех пор/пока не будет качественной отчётности / вот так вот распускать в массы эту отчётность не будем //*. Оговорки, свойственные устной речи, не ставят говорящих в тупик, наоборот, обыгрываются, становятся основой для языковой игры: *Да / по поводу цифр / отчётности / и иже с ними / на самом деле вы все прекрасно знаете / да? что отчётность мы не сделали вовремя / вину тоймой / тому виной / вину тоймой наш Николай Токарев / который решил тиражность ввести под конец года / на данный момент у нас задержка по отчёту получилась по группе более шести дней //* («Встреча без галстуков» в «Экспресс-Волга банке»).

Однако явления такого рода наблюдаются и в публичном деловом общении, в устной деловой речи большого официального мероприятия, собрания представителей целого коллектива финансовой группы, которое получает наименование «стратегическая сессия».

Отчёт-презентация о работе одного из региональных банков организуется вокруг метафоры-названия «*Маски*»: *Мы начинаем наше выступление / назвали мы его «Маски» //* «*Маски*»/где// «*Маски*» в цифрах // «*Маски*» на заводе / «*Маски*» везде // Э ... ну значит / «*Маски*» в цифрах / ну понятно / сначала мы говорим о цифрах //... Это / коллеги / наверное всё о цифрах // И сейчас мы расскажем «*Маски* вдалеке» / то есть вдали от нашего главного офиса // Мы открыли несколько отделений / увеличили нашу сеть / там / где у нас было одно отделение //

Широкое распространение в устном комментарии к отчёту-презентации получают прецедентные тексты разного характера: *Посмотрите / «Быть лучшим ДРБ» / это знаете вы / да / это великая стратегия / вы знаете / да вот / вчера ещё её лидер сказал о том / что*

*спасибо / что в ГЭБе есть ДРБ // и я вспомнил / вот эти стихи противопартийные / **прошла зима / настало лето / спасибо рознице за это** //; Если посмотреть на данные / то получается **вот такая загогулина** //.*

Допустима и даже приветствуется (вызывает одобрительную реакцию зала) жаргонная лексика: ... *настроение будет **классным** //; ... помните / вы себе всё записывали в журнальчики и скачивали нашу **презенташку** //; Ну что/тогда начнём // Ну всё / **погнали** тогда //; ... я хотел показать вам **движуху** / ту самую / которая случалась в Экспресс-Волга / банке относительно первого квартала //*

В некоторых выступлениях допускается проявление личностного, индивидуального начала, намёки на межличностные отношения, вольная трактовка статусных отношений с начальством. Руководители региональных банков считают возможным информировать большую аудиторию о своих семейных делах. Например, выступление одного из руководителей ВУЗ-банка: *Коллеги / всем добрый день / прежде чем представить наших новых спикеров / я ... накопилось столько инноваций / не могу про них не сказать // Первое // Готов для всех желающих провести спецкурс / как поступить вашему ребёнку в университет Великобритании / на собственном опыте могу похвастаться / закончил семилетний проект / сын в этом году стал единственным русским студентом на факультете международных отношений и права университета города Эдинбурга / поэтому / у кого есть практические вопросы / милости просим // Спасибо //... Коллеги / сегодня у ДКБ ВУЗа два новых спикера Николай Б. и Марина Р. // Прошу поприветствовать //*

Наконец, языковая игра лежит в основе организации массового публичного мероприятия — самой стратегической сессии, становится принципом её создания. Особая функция в этом жанре «делового шоу» выполняется ведущими, модераторами шоу, в диалогах которых допускаются шутки весьма фривольного характера: — *Ну а вечером традиционно / игра в футбол / кубок финансовой группы «Лайф» по мини-футболу // Будут встречаться команды «Нереал» и «Лайф-сервис» // — Футбол или gerl? Прагматическая цель таких высказываний — создание атмосферы непринуждённого общения. Такая атмосфера поддерживается и наличием разнообразных шуточных конкурсов и розыгрышей, которые чередуются с отчётными выступлениями банковских структур финансовой группы.*

Корпоративная коммуникация в борьбе за «лояльность клиента» всё более расширяет сферу своего влияния в пространстве города, вынужденно создавая не только рекламные продукты, но и некое культурное городское действо. Так, например, для одного из таких промо-мероприятий «Двор» торгово-промышленной корпорацией «Торэкс» Саратова, производящей металлические двери, разработан литературно-художественный сценарий. В течение всего мероприятия на площадке работают шарист, промоутеры, аниматоры, фокусник с «мелкими» фокусами для детей. Для взрослых предлагаются конкурсы: *придумать слоган для «ТОРЭКС»*; *спеть, вдохнув гелий, песню, где есть слово «дверь»* и т. д. Разумеется, главная цель «праздника» заключена в той части разработки сценария, которая получает название *текст-презентация*. *Ведущий: Дорогие друзья, мы рады всех приветствовать на нашем празднике! На празднике, который вам дарит (текст-презентация) Завод стальных дверей «ТОРЭКС», который не нуждается в представлении. Сегодня вы присутствуете на уникальной презентации новой серии бережливых дверей производства «ТОРЭКС». Эти двери берегут тепло, берегут время, берегут деньги!*

Крупные корпорации осуществляют в городе социальную политику, оформление которой опять же требует актуализации творческого потенциала. Так, крупные городские мероприятия — проекты группы «Лайф» в Саратове — городской праздник, посвящённый Дню победы «Спасибо за мир, в котором мы живём!», акция «Благо-Дарю», в ходе которой символическое одеяло из добрых дел сшили и пронесли по центральным улицам города.

Таким образом, одной из отличительных особенностей современной устной корпоративной коммуникации является довольно широкое распространение различных средств и приёмов языковой игры, отмечающееся даже в официальной деловой речи. Для корпоративной коммуникации оказывается допустимым и даже весьма характерным языковое творчество. Это проявляется и в наименовании корпорации, и в языковом оформлении корпоративной культуры, корпоративной среды, и в речи сотрудников корпорации даже в жанрах сугубо официального характера — публичного отчёта о работе, и в характере построения корпоративного делового мероприятия.

Литература

Василенко И. А., Василенко Е. В. Личностный стиль за столом международных переговоров. М.: Аспект пресс, 2012. 208 с.

Гнатюк О. Л. Основы теории коммуникации. М.: Knogus, 2010. 255 с.

Минаева Л. В. Внутрикorporативные связи с общественностью. Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2010. 287 с.

Речевая коммуникация в бизнесе / под ред. Л. В. Минаевой. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 152 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Яковлев И. П. Теории массовых коммуникаций // Теория журналистики. СПб.: Роза мира, 2010. С. 189–209.

Grant David, Cynthia Hardy, Cliff Oswick and Linda Putnam. The Sage Handbook of Organizational Discourse. London et al., Sage 2004.

Handford Michael. The Language of Business Meetings (Cambridge APLied Linguistics). Cambridge University Press, 2010.

Hardy Cynthia (Ed.). Power and Politics in Organizations. Aldershot et al., Dartmouth. 1995.

Heritage John and Steven Clayman. Talk in Action. Oxford: Wiley-Blackwell. 2010.

T. A. Milekhina

Saratov State University

(Russia, Saratov)

tmilekhina@yandex.ru

THE LANGUAGE GAME IN CORPORATE COMMUNICATION

This article discusses various means and methods of language games in different types, genres and forms of corporate communication. Rethinking of words, playing upon the word form, font combinations are present in names of corporations. Transformed precedent texts act as the basis of corporate slogans and mottoes. Language games are one of im-

portant means of forming a new corporate culture. Verbalization of signs and codes of corporate space, time and values is international in nature as the result of world economy globalization. Emotions, creative approach to speech, artistic forms of formal information are present in the speech of public corporations' employees in the official public genres and as well as in the structure of corporate business event. Theatricality acts as the principle of creating corporate promotional activities. Widespread occurrence of language games in corporate communication allows to make conclusions about a specific nature of corporate communication and its special place in the formal language.

Key words: corporate communication, corporate culture, formal language, language game, genres, precedent texts.

References

Gnatiuk O. L. *Osnovy teorii komunikatsii* [Fundamentals of theory of communication]. Moscow: Knorus Publ., 2010. 255 p.

Grant David, Cynthia Hardy, Cliff Oswick and Linda Putnam. *The Sage Handbook of Organizational Discourse*. London et al., Sage 2004.

Handford Michael. *The Language of Business Meetings (Cambridge Applied Linguistics)*. Cambridge Univ. Press, 2010

Hardy Cynthia (Ed.). *Power and Politics in Organizations*. Aldershot et al., Dartmouth. 1995.

Heritage John and Steven Clayman. *Talk in Action*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2010.

Minaeva L. V. *Vnutrikorporativnye sviazi s obshchestvennost'iu. Teoriia i praktika* [In-house public relations. Theory and practice]. Moscow: Aspect Press Publ., 2010. 287 p.

Rechevaia kommunikatsiia v biznese [Speech communication in business]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2011. 152 p.

Shvedova N. Ju. (Ed.). *Tolkovy slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language supplied with the information about the origin of words]. M: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik» Publ., 2007. 1175 p.

Vasilenko I. A., Vasilenko E. V. *Lichnostnyi stil' za stolom mezhdunarodnykh peregovorov* [Personal style in international negotiations]. Moscow: Aspect Press Publ., 2012. 208 p.

Yakovlev I. P. [A theory of mass communication]. *Teoriia zhurnalistiki* [Theory of journalism]. Saint Petersburg: Roza mira Publ., 2010, pp. 189–209. (In Russ.)

Р. И. Розина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rarozina@yandex.ru

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ*

В статье отмечаются такие действующие в современной русской речи тенденции, как проникновение разговорной, сленговой и жаргонной лексики из обиходно-бытовой сферы в официальную речь, избыточная вежливость и использование большого количества заимствований наряду с употреблением сниженной и даже обценной лексики. В заключение высказывается гипотеза о возникновении нового функционального стиля, обслуживающего устную речь независимо от сферы её использования.

Ключевые слова: разговорная речь, сленг, заимствования, обценная лексика, вежливость, функциональный стиль, культура речи, русский язык.

Первоначально данная статья называлась «Активные процессы в современной русской **разговорной** речи», но в процессе работы стало всё яснее, что речь, которая рассматривается в статье, может называться разговорной только потому, что на ней **разговаривают**. По одному, очень важному, параметру она не соответствует определению термина «разговорная речь», из которого исходили исследования 60–80-х гг. Тогда разговорная речь понималась как непринужденная, заранее неподготовленная, спонтанная речь носителей литературного языка в неофициальных, повседневных ситуациях общения [Крысин 2010: 16]. Термин «разговорная речь» в таком понимании не подходил для обозначения таких жанров устной речи, как лекция, доклад, выступление на собрании или на конференции, ответ на экзамене и т. п., потому что все они имеют место только в официальных ситуациях, и по-настоящему непринуждённая речь в них невозможна.

* Исследование получало финансовую поддержку гранта РГНФ № 11-04-00488а

За время, прошедшее с исследований 60–80-х гг., различия между разновидностями устной речи, использующейся в официальных и неофициальных ситуациях, стали значительно менее отчетливыми. Целый ряд примеров, имеющих в нашем распоряжении, свидетельствует о том, что в официальных ситуациях используются слова, прежде считавшиеся недопустимыми. Так, во время вступительного экзамена будущая аспирантка в ответ на обращенный к ней вопрос экзаменатора спокойно говорит: «Что-то я сегодня *туплю*» (запись 2013 г.), и хотя употребление слова *туплю* ‘медленно думаю’ несколько шокирует членов экзаменационной комиссии — представителей старшего поколения, девушке оно кажется абсолютно естественным.

Подобных примеров проникновения в жанры устной речи, для которых было характерно использование официально-делового функционального стиля, **разговорной и жаргонной лексики**, очень много, в частности в беседах на радио и на новостных сайтах в Интернете, ср.:

Объяснить Путину детали, и объяснить, что просто так вот, *на шара** этот номер не пройдет (Л. Радзиховский. Беседа на радио «Эхо Москвы» 30.08.2013);

Слов не надо даже слышать, что он [Обама] там сказал — у него на лице написано, как его страшно все это ломает, и как ему *дико неохота* в это все *влезать*, и как ему *фигово* (О. Бычкова. Беседа с Д. Быковым на «Эхе Москвы»);

Горожане взялись разоблачать *жлобов*, прячущих номера на парковках (News.com 31/08/2013) [речь идет о владельцах дорогих иномарок, богатых людях, которые не хотят платить деньги за парковку].

Вместе с разговорной лексикой в СМИ пришли и разговорный синтаксис, и разговорные интонации, которые сменили абсолютно правильную речь и «замороженные» интонации радио- и тележурналистов советского времени. Как считает О.Б. Сиротинина, это произошло в результате действия, как минимум, двух причин: одна — это сознательное отталкивание от всего советского, начало которому было положено в 90-е гг., а вторая — замена опытных, но не обученных свободной речи «не по бумажке» журналистов

* Чаше встречается вариант *на шару*.

на раскованных, но не имеющих специального образования людей [Сиротинина 2012: 368].

Разговорная лексика появляется в высказываниях и публичных выступлениях политиков, например:

И докатили до суда, а суд *залетил им двушечку*. Я здесь ни при чем. Они этого хотели, они это получили (интервью В.В. Путина, ЦТ 7.10.2012 (<http://video.yandex.ru/users/row-het/view/615>)).

Можно, по-видимому, говорить об экспансии разговорной лексики — её появлении практически во всех областях функционирования языка, включая те области, в которые она прежде никогда не допускалась.

Помимо разговорной лексики, в устной речи последних трёх десятилетий в самых различных ситуациях начали употребляться **единицы различных жаргонов**: молодёжного, компьютерного, уголовного, единицы общего сленга — эвфемизмы и обсценная лексика. В целом устная речь приобрела более сниженный характер.

В статьях, блогах, публичных выступлениях лексика уголовного жаргона уже никого не удивляет, ср.:

...тролли Навального в экстазе пишут, кричат: «Алексей, верим в Вашу победу!», «Ответьте, Сергей Семенович, откуда *бабло*?», «Собянину если не нокаут, то нокдаун точно!» И так далее... (Блог председателя Международного антикоррупционного комитета А. Морозова на сайте «Эха Москвы», 10.08.2013).

Ведь где этот господин [Навальный] ни появляется, там всегда он что-то *следит*^{**}, как у нас говорят, всегда за ним какая-то проблема: то спирт, говорят, или спиртовой завод там утащил, то с лесом какие-то проблемы (4.09.2013).

Сначала Навальный ходил *с распальцовкой*^{***} и отказывался от голосов, которые ему предлагал Собянин (Утренняя беседа двух ведущих на радио «Эхо Москвы» 5.02.2013).

* **Бабло** — деньги.

** **Следить** — от **наследить** (уголовный жаргон) — оставить улики на месте преступления [Балдаев, Белко, Иупов 1992].

*** **Распальцовка** — принятый в криминальном мире угрожающий жест (растопыренные указательный и средний пальцы, направленные в сторону противника), соответствующий вызывающему или агрессивному поведению.

Но вот пример использования сразу двух слов криминального жаргона — *крышевать* ‘покрывать, защищать’ и *буза* ‘скандал, драка’ — в послании президента В. В. Путина Федеральному собранию 12.12.2013:

Это своего рода аморальный интернационал, в который входят и распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые *«крышуют»* этническую мафию, и так называемые «русские националисты», разного рода сепаратисты, готовые любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы.

Нужно сказать, что если в начале 90-х уголовный жаргон проник в разговорную речь из-за криминализации общества, то сейчас, в более спокойной обстановке, проникновению уголовного жаргона в разговорную речь очень способствует телевидение. По многим каналам в течение дня идут сериалы, в которых фигурируют уголовные преступления. Вот, например, программа передач на 6 сентября 2013 года:

1 канал. 18.45. Человек и закон.

НТВ. 16.25. Прокурорская проверка (детектив).

ТНТ. 18.30. Реальные пацаны (сериал о бандитах).

Домашний. 10.10. Маша в законе (фильм о девушке, которая решила стать юристом, но само название — аллюзия на выражение уголовного жаргона *вор в законе*).

5 канал. 19.30. След. Егерь и волки (детектив о расследовании убийства криминального авторитета).

Перец. 17.00. Вне закона (название говорит само за себя). 18.00. Их разыскивает полиция. Кровавый бизнес.

Снижение речи, появление в ней сленга и нецензурных слов часто вызывает протест носителей русского языка. Но интересно при этом, что те самые люди, которые протестуют против загрязнения разговорной речи единицами «низких» стилей, сами употребляют их незаметно для себя. Пример — ситуация в магазине, участницей которой оказалась я сама. Стоя в очереди в кассу, я разговорила с женщиной впереди себя. Узнав из разговора, что она живет в районе Остоженки, я сказала ей, что работаю поблизости, в Инсти-

туте русского языка Академии наук. Женщина оживилась и сначала сделала мне комплимент по поводу моей правильной речи. А потом сказала: «Да, русский язык... Русский язык у нас...», — задумалась и добавила: «*Отстой!*».

Одновременно с разговорной, сленговой и жаргонной лексикой в речи теле- и радиоведущих появляются **эвфемизмы**, прежде недопустимые вне бытового общения. Так, например, телеведущая Татьяна Лазарева пишет в своем блоге о том, как ей не разрешили проводить детский праздник «Здравствуй, Школа, Новый год», потому что на этот праздник мог прийти Алексей Навальный с женой и детьми:

Поэтому я вас хочу спросить: что делать? Отменять, пока не поздно? Или давайте думать над другим местом? И надеяться, что *другим местом* начнут наконец-то думать в садах, парках и других административных учреждениях (30.08.2013 г.).

Этот текст содержит каламбур: *думать над другим местом* (т. е. думать над другим местом проведения праздника) — *думать другим местом* (т. е. думать головой; намек на то, что сейчас думают другой частью тела, противоположной голове). Слово *место* — эвфемизм, который используется вместо обозначений «неназываемых» мест:

Пойду в *одно место* ‘пойду в туалет’;

Всё воскресенье стояла над грядками *одним местом* кверху ‘стояла задом кверху’ [выпалывала сорняки] (Запись устной речи, 2013).

Однако этим эвфемизмом не исчерпывается не вполне пристойная лексика, содержащаяся в блоге. Название праздника «Здравствуй, Школа, Новый год!» ассоциируется с известной прибауткой, содержащей нецензурное слово: «Здравствуй, *ж...*! Новый год! Приходи на елку!».

Публичное использование **нецензурной или ассоциирующейся с ней лексики** вызывает протест аудитории, ср., например, звонок слушательницы под ником Ивис2013 главному редактору радиостанции «Эхо Москвы» Алексею Венедиктову: «Сегодня, 30-го, — ну, это, видимо, вчера, — сегодня, 30 августа, в утреннем эфире радио «Эхо Москвы» ведущий употреблял такие слова, как «пипец», «фуфло», «чморить» и так далее. Радио выполняет, кроме всего прочего, воспитательские и просветительские функции».

Ответ А. Венедиктова очень хорошо характеризует современное отношение СМИ к проблемам культуры речи: «Нет, радио “Эхо Москвы” не выполняет воспитательных функций, а просветительские — да. Это современный молодежный жаргон, да? И его вам, уважаемый Ивис2013, тоже надо знать. Если к вам обратятся с использованием этих слов на улице или в магазине, вы должны понимать, на каком языке с вами разговаривают. Но, еще раз, главное в вашем вопросе: “Эхо Москвы” не выполняет воспитательных функций, у нас этого нет. У нас есть функция информировать, у нас есть функция просвещать, что вы совершенно верно заметили, что мы вас просвещаем по поводу современной речи, и у нас есть функция развлекать, чего я сейчас с вами и делаю. Вот. Все остальные функции, воспитательные — это придумки в советское время, они у нас на радио не работают с первого дня его существования. Лично вас я воспитывать не собираюсь, пусть вас воспитывают ваши близкие».

В результате на одной из самых культурных радиостанций — «Эхе Москвы» — появление таких эвфемизмов, как *зашибись* (замена матерного глагола), в частности во фразеологизме *Всё будет зашибись!* — самое обычное дело.

При тенденции к снижению и огрублению устной речи в ней заметна и противоположная тенденция: проникновение в неё **книжной лексики**, в частности **канцеляризм** из делового общения.

К таким канцеляризмам относится глагол *озвучить*. Слово *озвучить* по своему происхождению — термин кинематографии: *озвучить* значило ‘записать звук на пленку’, ср. *озвучить фильм*. Некоторое время назад это слово стало чрезвычайно употребительным в публичной речи политических деятелей и приобрело значение ‘прочитать’, ср.:

Оценивая нашу деятельность в 2006 году, хотелось бы *озвучить* некоторые результаты работы областного собрания (Собрание депутатов о состоянии законодательства в Архангельской области).

Вслед за этим слово *озвучить* приобрело значение ‘сообщить’, ‘известить’, ‘обнародовать’, ‘сделать известным’:

США могут *озвучить* свою позицию по Сирии уже сегодня (Корреспондент.net 30.08.2013).

В следующем контексте значение слова *озвучить* очень близко к ‘сообщить, донести до слушателей’:

Сам фигурант дела попросил избрать в отношении него более мягкую меру наказания. Сегодня ему предстоит выступить с последним словом и еще раз *озвучить* свою позицию (Радио «Эхо Москвы», 2.08.2013).

Слово *озвучить* используется в современной речи в двух значениях: ‘прочитать вслух’ (а) и ‘сказать, информировать’ (б):

(а) Ксюша, *озвучьте* еще раз свой вопрос, пожалуйста! (Преподаватель студентке на экзамене. Запись устной речи, август 2013).

(б) А Вам *озвучили*, что этого размера может не быть? (Продавщица — покупательнице по телефону в ответ на претензии покупательницы по поводу того, что в магазин не доставили обуви нужного ей размера. Запись устной речи, 2012).

Сейчас появилось целое поколение молодых людей, работающих в самых различных компаниях, которых обучают специальным речевым приемам в разговоре с клиентами. Часто в результате их речь звучит совершенно неестественно — в частности потому, что их учат в ответе полностью воспроизводить вопрос клиента. Так, вместо того, чтобы на вопрос «Когда привезут компьютер, который я заказала вчера?» ответить, используя эллипсис, характерный для разговорной речи: «Через два дня», менеджер говорит: «Компьютер, заказанный Вами вчера, будет доставлен в течение рабочего дня через два дня со дня заказа».

Одна из норм, которой обучают менеджеров — **избыточная вежливость**. Так, независимо от того, сколько времени прошло между заданным вопросом и данным на него ответом, менеджер должен сказать «Благодарю за ожидание». Нормы, навязанные в ходе обучения коммуникации с клиентами, менеджеры распространяют на ситуации, требующие, казалось бы, естественного ответа. Так, в ответ на вопрос, когда можно прийти, чтобы заключить с банком договор о предоставлении кредита, менеджер говорит: «Позвольте мне *точнее уточнить*». Это могло бы считаться просто речевой ошибкой — тавтологическим употреблением слов *точнее* и *уточнить* — если бы такое употребление не было регулярным; — ср., например, заголовок на форуме alfisti.by:

Есть вопрос? *Точнее* хотелось бы *уточнить* (2012).

Конституционный суд *уточнил точное* количество митингующих (www.integracija.ru).

Примеры записей из блогов с тем же оборотом:

А вообще лучше *точно уточнять* при покупке билета в кассе, действительно ли предусмотрен англоязычный гид или это они просто так говорят.

Точный срок окончания работ уточним в понедельник и Вам сообщим.

Уточните номер МТС, контактный номер и *точный* адрес (Блоги, 2013).

Привыкшие общаться по законам фирмы, молодые люди часто не различают нормы общения в официальных ситуациях и в ситуациях непринужденного общения и склонны использовать книжную лексику. Вот СМС, которую аспирантка, работающая в финансовой фирме, прислала научному руководителю:

Из этой же серии, *полагаю*, hr = human resources, люди так и говорят «эйч ар» вместо отдела кадров (2013).

К книжной лексике относится и слово *контакты*, проникшее в разговорную речь из Интернета, с первых страниц сайтов различных учреждений и из меню айфонов. Вместо того, чтобы сказать «Дайте мне свои телефоны», теперь сплошь и рядом говорят «Дайте мне свои *контакты*».

Офисная манера общения настолько вторгается в повседневное общение, что студентка 2-го курса университета вместо того, чтобы написать «Отправляю Вам часть своей курсовой работы» пишет научному руководителю по электронной почте: «Отправляю Вам *документ*».

Желание быть вежливой побуждает преуменьшать свои желания, требования и т. п. Эта же студентка совершенно не к месту использует определение *небольшой*: «Можно задать еще один *небольшой* формальный вопрос?».

Тенденции к избыточной вежливости сопутствует тенденция к архаизации речи. В последнее время в речи часто встречается оборот *нежели чем* вместо *чем*:

Почему русские предпочитают подыхать от голода и спиваться, *нежели* чем работать за гроши? (Блоги, 2013).

Желаю, чтобы у вас был человек, который не предаст и будет правда любить. *Нежели* чем врать и любить кого-нибудь еще (Твиттер);

Я бы, да, больше бы небоскрёбов в Москве хотел бы. Лучше их строить на месте пустырей, честное слово. И туда — все офисы. *Нежели* чем они будут уродовать всякого рода особняки в центре, как это сегодня происходит (Блоги, 2013).

Оборот *нежели* чем использовался в 18-м веке Радищевым и еще несколькими писателями 19-го в.:

Я лучше желаю, чтобы во молодых летах ваших вы были распутны, рас- точительны, наглы, *нежели* сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимался более убранством, *нежели* чем другим (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

По данным Национального корпуса русского языка, последнее употребление оборота *нежели* чем встретилось в 1894 г. у Н. С. Лескова:

Без сомнения, в этих обстоятельствах вы и остриглись? Она улыбнулась и говорит: Да. Что же, говорю, это гораздо разумнейше, *нежели* чем совсем плешкой остаться (Н. С. Лесков. Заячий ремиз).

Этот оборот был воскрешен ровно через 100 лет, в 1995 году.

Тенденция к архаизации речи выражается и в том, что в речи людей с самым разным уровнем образования слово *касательно* и оборот *что касается* уступили место слову *касаемо*, ср.:

Здравствуйте. Звоню Вам *касаемо* объема рукописи, которую Вы подаете на грант (Звонок редактора научного издания. Запись устной речи, 2013);

А там, глядишь, появятся нужные учебники. *Касаемо* русского — я б тоже не кипешила — нормальный учитель выкрутится и без учебников (Блоги, 2013).

Толковые словари русского языка (словарь Ушакова и академический словарь в 4-х томах — МАС) квалифицируют слово *касаемо* как просторечное и областное, ср.:

КАСА'ЕМО, с предлогом «до» или без него, предлог с род.п. (простореч., обл.). То же, что касательно.

КАСА'ТЕЛЬНО, предлог с род.п. (канц., устар.). Относительно кого- чего-н. Касательно нашего дела я от него не слыхал еще ни слова.

Что же заставляет образованных людей употреблять слово *касаемо* вместо слова *касательно* или синонимичного оборота *что касается*?

Кажется, можно рассуждать следующим образом. Оборот *что касается*, который трактуется словарями как вполне современный, отвергается носителями русского языка в силу их стремления к архаизации речи. Из двух возможных выражений — *касательно* и *касаемо* — выбирается *касаемо*, потому что выглядит более архаичным и книжным в силу своей деепричастной формы и звучит более значительно.

Сочетание в современной речи двух противоположных тенденций — с одной стороны снижения, а с другой бюрократизации — находит выражение в появлении гибридов: **предикатных имен, мотивированных сленговыми и жаргонными глаголами**. Пример — отглагольные существительные *крышевание* и *отмывание*, производные от сленговых (жаргонных по своему происхождению) глаголов *крышевать* 'обеспечивать кому- или чему-либо, часто имеющим криминальный характер, прикрытие, защиту' и *отмывать* 'представлять что-либо, полученное незаконным путём, как законное с помощью оформления через подставные фирмы'. В отличие от таких отглагольных существительных, как *отмазка* (производное от сленгового *отмазать* 'избавить кого-либо от грозящей неприятности с помощью какого-либо средства, часто денег' или *завязка* (производное от сленгового *завязать с чем-либо* 'покончить с вредной привычкой'), образованных с помощью разговорного суффикса *-к-* и сохраняющих сленговый характер производящих глаголов, существительные *крышевание* и *отмывание*, несмотря на жаргонную основу, образованы по той же словообразовательной модели, что отглагольные имена в рамках литературного языка (ср. *вышивание*, *промывание* и т.п.), имеют книжный характер и при этом свободно употребляются и в непринужденной устной и в официальной и неофициальной письменной речи, ср.:

Вот нашего начальника уберут / и крышевание сразу закончится // — Начальники обычно не крышуют! — Крышуют // (Запись устной речи, 2013).

Генпрокуратура, которая более четырех месяцев препятствовала розыску бывшего первого заместителя прокурора Московской области и главного фигуранта дела о *крышевании* нелегальных казино в Подмосковье, все-таки дала санкцию после личного обращения главы СКР Александра Бастрыкина к генпрокурору Юрию Чайке («Русский репортер», № 45, 17.11.2011).

Есть же разумные пределы *крышевания*... Можно спрятать за 50 тыс., а можно наказать за 4 миллиона (Блоги, 2013).

Следствие работы большей части современных молодых людей в западных компаниях — проникновение в их повседневную речь большого количества **заимствований**. В офисах говорят на макаронической смеси русского с английским. По свидетельству моей бывшей студентки, там приняты такие выражения, как *акцептовать письмо*, *счёт* ‘согласовать, одобрить’, *форварднуть звонок* ‘переадресовать’.

Ночью на радио идет беседа с гостьей — Екатериной Одинцовой, владелицей фирмы «Лига пациентов», ведущей программы «Здоровый образ жизни». Она рассказывает:

Когда мы с дочерью ходим на *шопинг*, она никогда ничего не просит.

Нужно, правда, сказать, что слово *шопинг* в современном русском языке — не просто замена русского слова *покупки* английским заимствованием. В то время как англ. *shopping (to do one's shopping)* значит просто ‘делать покупки’, обычно продуктовые и хозяйственные, русск. *шопинг* — это только покупка одежды. Ср. слова «Песни про шоппинг»:

Крикнуть хочется «Ну всё, хватит
Нам полжизни на шматёе тратить!»
Но для вас он уже как допинг,
Убивающий мужчин *шоппинг*!

И. Левонтина в книге «Русский со словарем» пересказывает случайно прочитанную ею статью неизвестного итальянского автора, в которой говорится, что «идти за покупками» — значит идти по-

купать то, что необходимо, в то время как шопинг — это времяпрепровождение, удовольствие, игра, во время которой люди находят и покупают вещи, о которых они прежде даже не знали.

Вот рассказ молодой женщины — выпускницы университета о том, что она делала после его окончания:

Сначала я работала на *ресепшен* в юридической фирме, где было много *экспатов*, и поэтому у меня была хорошая практика общения по-английски. А потом я перешла в финансовую фирму, где английский вообще не нужен.

Экспаты — это англ. *expats*, разговорное сокращение слова *expatriots*. В английском языке *expatriots* (разг. *expats*) — это эмигранты, люди, навсегда покинувшие свою страну. В современном русском употреблении *экспаты* — это американцы, работающие в России как постоянно, так и временно.

Ну и, конечно, говоря о заимствованиях, нельзя забыть о *вау*, которое используется по любому поводу, даже самому неподходящему:

В толпе школьников слышались одобрителные и радостные крики: «Православие — *вау!*» (Н. Пашкалова. Сибиряки кричали патриарху «*Вау!*» // «Известия», 2002.05.24).

Из всего сказанного о процессах изменения стилистических характеристик устной речи, которая почти независимо от ситуации речи представляет теперь своеобразную смесь разговорных, просторечных, обценных и книжных единиц, напрашивается вывод о том, что за последние три десятилетия сформировался новый функциональный стиль, для которого пока мы не можем предложить названия: это стиль, представляющий собой гибрид обиходно-бытового и официального-делового стилей, обслуживающий чрезвычайно широкий набор ситуаций, от ситуации непринужденного общения близких людей до ситуации официальной публичной речи.

Литература

Балдаев Д. С., Белко В. К., Исунов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). «Края Москвы», 1992.

Крысин Л. П. Введение // Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект. М., 2010.

Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2010.

Сиротинина О. Б. Тенденция к диффузности и её роль в общении // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М., 2012. С. 366–374.

R. I. Rozina

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Science
(Russia, Moscow)
raroza@yandex.ru*

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN SPEECH

The article addresses such tendencies of modern Russian speech development as the penetration of colloquial words, as well as slang and jargon, from informal into formal situations. Also, such phenomena as extra politeness and the use of a great number of loanwords along with vulgar and taboo words are considered. Summing up, the author puts forward a hypothesis that a new functional style of oral speech regardless of the situation has been developing.

Key words: everyday speech, slang, loanwords, taboo words, politeness, functional style, speech culture, Russian.

References

Baldaev D. S., Belko V. K., Isupov I. M. *Slovar' tiuremno-lagernoblatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tiur'my)* [The dictionary of the prison and camp criminal jargon (a vernacular and graphic portrait of the Soviet prison)]. Kraia Moskvyy Publ., 1992.

Krysin L. P. [Preface]. *Tolkovyĭ slovar' russkoi razgovornoĭ rechi. Prospekt* [The Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Moscow, 2010, pp. 6–15 (In Russ.).

Levontina I. B. *Russkij so slovarem* [Russian with a dictionary]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2010.

Sirotnina O. B. [The tendency for diffusion and its role in communication]. *Russkii iazyk segodnia. Vyp. 5. Problemy rechevogo obscheniia* [Russian today. Vol. 5. Problems of verbal communication]. Moscow, 2012, pp. 366–374. (In Russ.).

О. Б. Сиротинина, О. В. Мякишева
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
skunak@mail.ru, myakshv@mail.ru

ДИФFUЗНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ И РОЛЬ КОДИФИЦИРУЮЩЕЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В КУЛЬТУРЕ РЕЧИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье отмечается, что в XX в. система и узус русского языка стали развиваться не столько под влиянием художественной литературы, сколько под влиянием СМИ (средств массовой информации). В XXI в. в связи с всё усиливающейся ролью Интернета повседневная речь широким потоком влилась в СМИ. И Интернет вместе с радио и телевидением, в меньшей степени с газетами, стал распространителем языковой моды. Лексикографическая кодификация ослабила своё влияние, а её недостатки (нечёткость толкования) активизировали тенденцию уменьшения умственных усилий при употреблении слов, что привело к развитию диффузности значения или предпочтению диффуза, а не точного синонима.

Повседневная речь опирается на ситуативность и непосредственность общения (возможность переспроса), обеспечивающие понимание, чего нет в СМИ, но они «навязывают» языковую моду, что в конечном счёте ведет к обеднению языка, порождает новояз и штампованность речи.

Диффузности способствуют оглядка на словоупотребление масс, цейтнот, словарные толкования одного слова через другое.

Процесс ослабления стремления к точности обозначений и усиления тенденции к уменьшению умственных усилий иллюстрируется частотностью употребления в современных СМИ *надеть-одеть*, *достаточно-довольно*, *сходный-похожий-схожий* с привлечением данных www.ruscorpora.ru. Зафиксированные с осени 2012 г. положительные изменения в употреблении этих слов (кроме *надеть-одеть*) дают надежду на сохранение синонимического богатства русского языка.

Ключевые слова: русский язык, СМИ, диффузное значение, ак-

тивные процессы, обеднение языка, лексикографические толкования, изменения в частоте употребления, факторы.

На состояние речевой культуры населения действуют многие факторы. В XIX в. первое место по степени влияния занимала художественная литература, на речь писателей ориентировалась и словарная кодификация норм, и грамотное население. Второе, но тоже важное место принадлежало повседневной речи, находившей отражение и в художественных произведениях.

В XX в. пальма первенства перешла к газетам, радио, а во второй половине — и к телевидению. Из-за своей повседневной доступности (чтение литературы требует *больших* затрат времени и умственной работы) речь в СМИ пересилила речь писателей.

В XXI в. и современную, и классическую литературу мало кто читает, а если и читают, то псевдохудожественную, которая далека от эталона хорошей речи. Первенство осталось за СМИ, но после страшных для языка 90-х СМИ скорее разрушают, чем сохраняют богатейшую по своим возможностям систему русского языка, а повседневная речь, не нуждающаяся из-за своей ситуативности и спонтанности в реализации богатств языка, благодаря Интернету стала массовым средством коммуникации и вытесняет СМИ в их традиционных формах.

СМИ и повседневная речь (СМИ даже провозглашали себя ее зеркалом), очень ускорили процессы изменения языковой системы, а словарная кодификация значительно ослабила, если не утратила свою роль из-за неизбежного отставания кодификации (к тому же даже многие вузовские преподаватели до сих пор пользуются только словарем С. И. Ожегова, а журналисты и учителя — словарями Даля и Ушакова!), из-за малой тиражности и дороговизны современных нормативных словарей (хотя в последнее время возможности Интернета облегчают получение справок о нормативности), а также из-за объективных трудностей как выбора кодифицируемого из узуальных претендентов на кодификацию (сомнительно, например, предпочтение в словарях для СМИ ударения *одноврЕменно*), так и толкований нормативных значений слова при все усиливающейся тенденции к диффузности, на чем мы и остановимся подробнее.

В развитии языка всегда идет борьба двух процессов: реализации стремления к облегчению усилий и стремления к более точному обозначению фактов жизни, предметов, их признаков, действий, оценок. Первый процесс вызван затруднениями в поиске точного слова, снимающимися употреблением местоименного обозначения, развитием местоименно-диффузного употребления слов (*определенные меры, бал — вещь хорошая, дело в том* и т. д.). В повседневной речи диффузные номинации, как правило, пониманию не вредят, а процесс коммуникации облегчают. В СМИ они порождают штампы и новояз, т. е. уже вредят, в научной речи требуют осторожности (например, строгих критериев употребления терминов *категория, текст, предложение* и т. д.). В законодательстве очень сложно находить наиболее эффективное соотношение точности и обобщенности, и почти неизбежный в этом случае элемент диффузности приводит к трудности понимания и фактической неработоспособности закона. Например, нечеткость разграничения понятий *госслужащий* и *занимающий государственные должности*, несмотря на конкретизирующее перечисление занимаемых должностей в тексте закона (с нелогичным причислением к ним депутатов Госдумы), привело к тому, что в языковом сознании россиян различия в терминах оказались размыты, что и позволило оппозиции этим воспользоваться, дало повод для социального противостояния во время президентской выборной кампании 2012 г.

Но, пожалуй, самый большой вред стремление к диффузности приносит системе языка, обедняя ее смысловые возможности (подробнее об этом в [Сиротинина 2012 (а, б)]).

Противоположная тенденция — стремление как можно сильнее и четче разграничить значения синонимов — проявляет себя намного слабее, вероятно, именно потому, что требует значительных усилий. В результате чаще всего она уступает стремлению к экономии усилий, следствием является или индивидуальное, или, что более опасно для системы языка, даже коллективное вытеснение каких-то слов с близким значением, их замена одним. Так, например, журналисты коллективно предпочли просторечное *аккурат* и упорно его употребляют, несмотря на соответствующую помету даже в привычном им словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов 2007], [Толковый 2007, 2011] оставил эту помету, а [«Современный» 2004] вообще исключил *аккурат* из описания как нелитературное.

Приведем в качестве примера тенденции к диффузности процесс распространения глагола *одеть* вместо почти вытесненного им глагола *надеть*. Началось это вытеснение, судя по данным НКРЯ, ещё в XIX в.: случаев ошибочного употребления 31 на 3717 правильных, есть даже пример из авторской речи К. М. Станюковича (*собирающегося одеть матросскую форму*), усилилось в XX в. и, видимо, почти вытеснило *надеть* в XXI в. Думается, что определенную роль в этом процессе сыграли и толковые словари, недостаточно четко разграничивающие значения (что объективно сделать очень трудно), и сочетаемость (ошибочная могла бы быть отмечена пометой *не* или *нельзя*). В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой (2007) читаем: *Надеть*: — 1) укрепить что-н., на чем-н., прикрепить, приладить что-н., к чему-н.; 2) покрыть тело, или часть тела какой-н. одеждой. *Одеть*: — 1) кого (что). Надеть одежду на кого-н. другого, а также укрыть чем-н.; 2) кого (что) снабдить одеждой; 3) (перен.) покрыть что, укутать (в издании 2011 г. к 'укрыть чем-н.' добавлена помета *разг.*).

Толкование *одеть* через слово *надеть* без помет, предостерегающих от его ошибочного употребления, у пользующихся словарями не препятствует стремлению к минимизации усилий. В результате *одеть* как более диффузное по значениям вытесняет даже в речи высококультурных людей более дифференцированное *надеть*. Показательны примеры НКРЯ из письменной речи Д. С. Лихачева (*осознание перехода и заставило сменить систему знаков: одеть европейское платье*), авторской речи А. М. Горького (*нельзя ли свою вину на чужую шею хомутом одеть*), В. А. Каверина (*даже не успев одеть на голову колпака*). Ненормативное *одеть* не редкость даже в повседневной речи лингвистов.

В НКРЯ в XX в. на 307 ошибочных употреблений *одеть* приходится 1209 *надеть* (верное употребление в 4 раза частотнее), а в XXI в. на 161–518 (только в 3 раза), в картотеке О. Б. Сиротининой (далее О. Б.) за 2011–2012 гг. соотношение еще хуже: *надеть* почти не встречается, а ошибочное употребление *одеть* постоянно не только в звучащей, но и в письменной речи.

Аналогично обстоит дело с употреблением слов *количество* и *число*, но здесь вмешивается еще и фактор длины слова (предпочтение короткого).

Менее понятен преимущественный выбор слова *достаточно* при большем компоненте в составе значений у слова *довольно*

элемента диффузности. К тому же *достаточно* несколько длиннее *довольно*, и трудно объяснить, почему стало употребительным не диффузное *довольно*, а ставшее таковым в прошлом дифференцированное *достаточно*, которое употребляется и в тех случаях, когда надо было бы использовать *довольно*: *достаточно низкого уровня* (!), *достаточно непростые отношения*, *достаточно плохо/редко*. В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой [Толковый 2007, 2011] находим: *довольно* — во втором значении то же, что *достаточно* в 3 и 4 знач.; в третьем — ‘до некоторой степени, порядочно’. При этом оно дано в словаре не как отдельное, а в статье к слову *довольный*. *Достаточно* — тоже только в статье к *достаточный*: 1. Удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям <...> *Достаточно* (нареч.) *умен*. 3. **достаточно**, в знач. сказ. (кого, чего) или с неопр. О том, что проявляется в необходимой мере, имеется в нужном количестве. *Сил еще достаточно*. *Достаточно слова, чтобы он послушался*. *Достаточно увидеть, чтобы понять*. 4. **достаточно**, в знач. сказ. (кого, чего) или с неопр. Пора прекратить что-нибудь; будет, хватит. *Достаточно болтовни*. Общее в толкованиях явно присутствует, различия же не подчеркнуты, хотя они и представлены в толковании: у *достаточно* — ‘в необходимой мере, нужном количестве’, и в этом значении оно синонимично *довольно* во 2 значении, значения же ‘в некоторой степени’ у *достаточно* словарь не дает! В словаре под редакцией С. А. Кузнецова (2004) для *довольно* также указано, что оно синонимично *достаточно* во 2 значении — ‘столько, сколько необходимо’: *Хлеба мы взяли с собой довольно*. В 3 значении ‘в значительной степени’ у *довольно* (с прил. или нареч.) такой синонимии нет. В примерах из научной речи и СМИ находим: *обращение достаточно среднее; достаточно низкое сознание*. А как можно было сказать *У нас еще достаточно много фиксируется преступлений*, прозвучавшее на «Эхо Москвы» 17.08.2012!? Ошибочное употребление *достаточно* встречается даже в авторефератах докторских диссертаций лингвистов. Фактически *достаточно* превращается просто в своеобразное слово-паразит. В результате, если в XX в., по данным НКРЯ, на 22819 употреблений *довольно* приходится 15975 *достаточно*, то в XXI на 10853 *довольно* — уже 14256 *достаточно*. В картотеке О.Б. ошибочное употребление *достаточно* за шесть первых месяцев 2012 г. фактически вытеснило буквально единичные *довольно*, но в октябре 2012 г. начинается

рост употребления *довольно: достаточно* — 49, *довольно* — 27, этот рост продолжается и в 2013 г.

Во всех рассмотренных выше случаях побеждает стремление к минимизации усилий при выборе слова из ряда дифференцирующих литературных синонимов. Но есть факты, когда наиболее употребительным становится не литературное, а просторечное (по данным словарей С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также словаря под ред. Н. Ю. Шведовой 2007, 2011) слово! Проиллюстрируем это словами *сходный* — *сходство*, *похожий* — *похожесть*, *схожий* — *схожесть* (аналогично предпочтение *аккурат* вместо *как раз*, *точно* и др.).

В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой их значения фактически не разграничены: *сходный*: 1) *с кем-чем*. Похожий, подобный кому-чему-н.; 2) подходящий, недорогой (разг.). *Сходство* — подобие, соответствие в чем-то. В качестве примеров даны *внешнее сходство* и *сходство характеров*. *Схожий* — похожий, сходный (к чьей-то внешности — устар. и прост.). *Схожесть* — без помет и толкований, как производное от *схожий*. *Похожий* — 1) *в чем-то и на кого-то*. Имеющий сходство с кем-чем-н. и существительное *похожесть* без комментария. (В словаре под редакцией С. А. Кузнецова *схожий* дано с пометой *разг.*, а слова *схожесть* вообще нет.)

Как видим, разграничения в значениях фактически отсутствуют, хотя студенты (филологи и журналисты) ощущают разницу: *сходный*, *сходство* — внутреннее, принципиальное, *похожий*, *похожесть* — внешнее, однако сами, как правило, во всех случаях используют просторечные *схожий*, *схожесть* и в обыденной речи, и в журналистских статьях, и в курсовых работах. Даже в «прощалке» В. В. Познера в ночь на 04.03.13 прозвучало: *сходство*, *сходный*, а в завершение: *и очень много схожего*.

Показательны соотношения употребления этих слов по векам, отраженные в НКРЯ.

Век	Схожий/схожесть	Сходный/сходство	Похожий/похожесть
XIX	23/–	33/689	385/–
XX	57/36	58/1798	2692/25
XXI	55/73	55/854	963/23

Если учесть объемы подкорпусов, очевиден явный рост в XXI в. употреблений *схожий* / *схожесть*. В картотеке О.Б. этот рост еще нагляднее, но только до октября 2012 г., в 2013 господствует *похожий*, а *сходный* и *схожий* единичны. Думается, меньшая дифференцированность просторечного слова при ощущении (вопреки словарию!) таковой в *сходный* и *похожий* и влияние СМИ стали факторами распространения слов *схожий* и *схожесть*. В обиходной и даже научной речи *схожий* все еще преобладает.

Обратная тенденция — различать значения, — конечно, тоже работает: формируются новые синонимические ряды с разграничением в употреблении, например, таких обозначений, как *муж* — *бой-френд* — *сожитель* — *любовник* [Дементьев 2013]. Однако далеко не всегда эта тенденция поддерживается словарями, а потому бывает, что она угасает, не успев как следует себя проявить. Так, к концу XX в. явно почти сформировалось разграничение пар *удивляться* — *удивление* и *изумляться* — *изумление* (в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отраженная только характером примеров: *изумляться* только хорошему, а *удивляться* в основном плохому). И когда во время теракта на Дубровке в 2002 г. в газетах появились в описании этого ужасного события слова *москвичи изумились* и *к изумлению москвичей*, студенты были возмущены таким выбором слов. Но поскольку в словарях одно слово толкуется через другое (в словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой 2007, 2011 *изумление* — «крайнее удивление»), журналисты теперь спокойно *изумляются* преступлению, а студенты уже не понимают, почему этим употреблением раньше кто-то возмущался.

Разграничение — путь к обогащению языка, диффузность — путь к его обеднению. Можно понять действие тенденции к диффузности значений в условиях спонтанного ситуативного диалога. Понять, но не принять стремление к ней в условиях работы журналиста (всегда цейтнот!). Но в тенденции к диффузности скрывается возможность возникновения неправильного понимания, иногда социального конфликта, а главное, опасность обеднения языка. К сожалению, ошибок в СМИ еще немало, но с октября 2012 г. и начала 2013 г. появилась надежда, что система русского языка в очередной раз устоит.

Литература

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности в русской культуре: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с. Глава 3.2. С. 209–220.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.

Сиротинина О. Б. Коммуникация: социальные и профессиональные риски ее срыва и его негативных последствий // Научное обозрение: гуманитарные исследования, 2012а. № 1. С. 132–137.

Сиротинина О. Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012, Вып. 12. С. 5–13.

Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007, 2011. 1175 с.

O. B. Sirotnina, O. V. Miaksheva

N. G. Chernyshevskii Saratov State University

(Russia, Saratov)

skunak@mail.ru, myakshev@mail.ru

DIFFUSION OF MEANINGS AND THE ROLE OF CODIFYING LEXICOGRAPHY IN POPULAR SPEECH CULTURE

The article shows that in the 20th century the system of the Russian language and its usage began to develop not so much under the influence of fiction (belle-lettres) as under the influence of mass media. In the 21st

century due to the enhancing role of the Internet everyday speech became integrated into mass media on a large scale. So the Internet together with the radio and television, to a lesser extent with newspapers, has become the disseminator of language fashion. Lexicographic codification weakened its influence, and its drawbacks (vagueness of interpretation) activated the tendency to reduce mental efforts in the usage of words, which resulted in the diffusion of meanings or the preference of the diffused word to its exact synonym.

Everyday speech provides understanding, because it is related to the situation and immediate communication of the participants, who always have a chance to ask an echo-question. This is not characteristic of mass media, yet they “impose” language fashion, which ultimately leads to language impoverishment, “newspeak” and hackneyed vocabulary.

Diffusion of meanings is promoted by pop usage, time pressure, as well as the explanation of one word by means of another.

The weakened tendency to use exact nominations and the strengthened tendency to reduce mental efforts in word choice can be illustrated by the usage of “nadet’-odet’”, “dostatochno-dovol’no”, “shodnyj-pohozhij-shozhij” frequent in modern mass media (based on the data from www.ruscorpora.ru). Positive changes in the usage of these words (except “nadet’-odet’”) that have been observed since the fall of 2012 give us hope to preserve synonymic wealth of Russian.

Key words: the Russian language, mass media, diffuse meaning, active processes, language impoverishment, lexicographic explanations, frequency of occurrence change, factors.

Reference

Kuznetsov S.A. *Sovremennyi tolkovyi slovar’ russkogo iazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Reader’s Digest Publ., 2004. 960 p.

Natsional’nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>

Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: OOO “A TEMP” Publ., 2007. 944 p.

Shvedova N.Ju. *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka s vklucheniem sve-*

denii o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of the Russian language, including information about word origin]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2007, 2011. 1175 p.

Sirotnina O. B. [Communication in the risk zone and the tendency to diffusion of meanings]. *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Speech communication problems]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2012, Issue 12, pp. 5–13. (In Russ.)

Sirotnina O. B. [Communication: Social and professional risks of its failure and negative effects]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia*, 2012, No. 1, pp. 132–137. (In Russ.)

Л. О. Чернейко

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
avollis@mail.ru*

КУЛЬТУРА РЕЧИ В СВЕТЕ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Научность этики не требует доказательств, тогда как этика ответственности находится в отечественной науке в стадии становления. Эта междисциплинарная область знания изучает все факты поведения членов социума, но на первое место выходит их речевое поведение, поскольку именно оно дает достаточно полную и верифицируемую информацию о мере ответственности субъекта речи и, шире, — об этосе определенной среды. Необходимо уточнение существующих дефиниций аналитического термина «культура речи» на основе анализа зоны его референции. Если говорить о категории ответственности с лингвистической площадки, то ответственность присутствует в таких достаточно хорошо изученных формах речевого поведения, как принесение извинений (работы Дж. Остина и Р. Ратмайр). Однако извинения по поводу самой речи (метаизвинения) изучены недостаточно. Между тем отсутствие общепринятых правил для всех сфер культуры, которые лежали бы в основе метаязыковых извинений, делает этот материал важным для лингвистического анализа, позволяя обнаружить менее общие, но не менее значимые причины принесения извинений и их речевые формы (в публичной речи извинения за «пафос», «высокий слог», «простоту», «термины», «метафору»; в речи лингвистов — за «уже однажды читанный доклад», за вкрапления в научную речь обиходных слов). Отсутствие ответственности проявляется в таких фактах, как тиражирование ошибок (даже в речи лингвистов), нагромождение терминов в учебниках и учебных пособиях, семантически не оправданное введение заимствованных терминов. Культура речи как лингвистическая дисциплина должна осознать значимость ответственности, являющейся наивысшей социальной ценностью и сделать этот параметр личности человека параметром описания его речевого поведения.

Ключевые слова: речевое поведение, стратегии извинения, метаизвинения, ответственность.

1.1. Коммуникативные и иные поведенческие конвенции подвержены историческим изменениям, как им подвержены все нормативные ориентиры социума. В «Очерках академической деятельности Ломоносова» Я. К. Грот подробно описывает конфликтную ситуацию, спровоцированную сообщением в академических ведомостях о новопожалованном в камер-юнкеры Иване Шувалове, где он был назван по имени, но без отчества, а само сообщение давалось «не как указ, а как газетное известие» [Грот 1865: 20]. Обозначение лица по имени и без отчества не допускалось жанрово-стилистическим регистром текста газеты, поскольку не соответствовало принятым тогда конвенциям и квалифицировалось как принесение серьезного ущерба, который не мог быть компенсирован извинениями, а требовал наказания. Наказание приняло вид приказа от имени президента академии сделать виновным «пристойный выговор в канцелярии с угрозою штрафа в случае повторения подобного проступка» [Там же].

Для современной русской культуры, упорно пренебрегающей отчеством, за которым стоит большая социальная дистанция (возрастная и статусная) между говорящим и слушающим (или предметом речи), описанная Гротом ситуация стала нормой. И в том, что собеседники могут обращаться друг к другу по фамилии, для современного человека тоже нет ничего странного, тогда как в правилах хорошего тона, изданных в 1889 году в Санкт-Петербурге, такое обращение стоит под запретом, правда, гендерным: «Женщина никогда не должна называть мужчин по фамилиям» [Юрьев, Владимирский 1889: 143]. На память приходит переводчица из фильма «Осенний марафон» в исполнении Г. Волчек, которая к своему коллеге иначе как «Бузыкин» и не обращалась.

1.2. И. Кант в предисловии к «Метафизическим началам естествознания» писал: «вежливость нынешнего столетия предписывает нам совершенно иные законы» [Кант 1966: 11]. Со словами И. Канта перекликается мысль В. Ф. Одоевского о том, что «добродетель язычника была бы преступлением в наше время» [Одоевский 1975: 141]. И тем не менее в работах философов и просветителей XVIII и XIX веков заложены основы культуры речи и культуры поведения, релевантные и в наше время. Всем лингвистам хорошо знакомы коммуникативные постулаты Г. Грайса [Грайс 1985] и постулаты вежливости Дж. Лича [Leech 1983].

Но задолго до Грайса и Лича И. Кант в работе «Антропология с прагматической точки зрения» сформулировал «пять НЕ» успешной коммуникации. Разграничивая понятия «темперамент» (то, «что делает из человека природа» и что имеет «аффективную цену») и «характер» (то, что человек «сам делает из себя» и что «имеет внутреннюю ценность, которая выше всякой цены») [Кант 1999: 541]), Кант определяет суть характера как «оригинальность образа мыслей» [Там же: 542], которая естественным образом проявляется в речевом поведении человека. Поэтому «основоположения, касающиеся характера», излагаются им как базовые коммуникативные принципы, сформулированные негативно, в виде запретов, например, «Не говорить преднамеренно неправды, а потому говорить осмотрительно», «Не льстить», «Никогда не нарушать своего (свободно данного) обещания» [Там же: 543]. Эти запреты прочно стоят на сознательном, а потому свободном выборе человека, отвечающего за последствия своего выбора, что и называется словом **ответственность**. Подробно изложены коммуникативные правила и в работе современника Канта немецкого писателя и философа Адольфа Книгге [Книгге 1994].

2.1. Если говорить о категории ответственности с лингвистической площадки, то ответственность присутствует в таких формах речевого поведения, как, например, принесение извинений. Присутствует она как условие речевого акта, как его причина. Конкретные причины, которые каузируют «извинительный» речевой акт в каждой культуре, а также этикетные речевые формулы, в которых воплощаются извинения в каждом конкретном языке, изучены достаточно полно (наиболее значимыми представляются следующие работы: [Земская, Ширяев 1988], диссертация на материале английского языка [Лисенко 1999], монография [Ратмайр 2003]). Извинения по вызывающим их причинам разделены Р. Ратмайр на три группы: «метакоммуникативные» (за слова), «конвенциональные» (за нарушение установленных правил поведения) и «по существу» (за причиненный ущерб). Предлагаемая классификация достаточно условна, поскольку метакоммуникативное извинение может быть одновременно извинением по существу.

2.2. В извинении как особом речевом действии Дж. Остин видит желание говорящего «уйти от ответственности». При этом ответственность наряду со свободой он рассматривает как основание

этого действия и надеется, что изучение природы извинений внесет ясность в соотношение свободы и ответственности как философских категорий. В лингвистическом аспекте его концепции выделяются три составляющих: 1. Прояснение норм речевого поведения (исследование речевых актов извинения, обусловленного «нарушением нормального хода вещей», «помогает многое прояснить относительно самой нормы» [Остин 2006: 205]); 2. Выявление ситуаций, в которых приносятся извинения, с акцентом на том, «*Что* должно получить извинение» [Там же: 228]; 3. Исследование «выражений, в которых мы это делаем» [Там же: 212]. По данным интернета, на вопрос «За что принято извиняться?» получены следующие ответы: за каламбур («чтобы не обидеть того, у кого проблемы с чувством юмора»; «двойное значение каламбура не всеми может быть понято правильно»), за тавтологию, за глупый («дурацкий») вопрос.

2.3. Одно из направлений современной («неклассической») этики ответственности своим интенциональным объектом считает коммуникативную сферу социума, поскольку именно в ней «вырабатываются ценности, цели и достигается консенсус» [Канке 2000: 300]. Этика ответственности, пришедшая на смену этике свободы (где поощряется своеволие индивида, чреватое анархией) и этике справедливости (настаивающей на равных правах для всех, что не исключает социальных катастроф), предлагает индивидууму быть таким, чтобы он мог «обеспечивать лучшее будущее».

В европейской философии одним из первых проблему ответственности индивидуума поставил Ф. Ницше, связав это понятие с понятием *совесть*. В таком параметре личности, как ответственность, Ницше выделил много аспектов, но на первом месте стоит возможность личности «распоряжаться будущим» [Ницше 1990: 440]. «Длинную историю происхождения ответственности» философ связывает как с самодисциплиной человека, который должен научиться многому, в частности «предупреждать далекое как настоящее», так и дисциплиной принудительной. Но обе дисциплины при различии в используемых средствах преследовали общую цель — человек должен быть «до известной степени необходимым, однообразным, равным среди равных, регулярным и, следовательно, исчислимым» [Там же]. Именно потому ответственность выше свободы и справедливости, что она дает человеку возможность «ручаться за себя как за будущность, как это делает обещающий» [Там

же], а это тот фундамент, на котором возводится здание репутации личности. И в этом аспекте ответственность может быть рассмотрена и как забота о живой и неживой природе, как «экологическая» ответственность, представляющая собой заботу о будущем, будущем языка в частности.

В современной европейской философии разум и моральность, разделенные И. Кантом, примиряются в поле коммуникации. Так, Ю. Хабермас свои философские работы посвятил «прояснению начал этики дискурса» [Хабермас 2006], которые опираются на понятия *ответственности* и *справедливости*^{*}. Ю. Хабермас высказал важную для лингвистической прагматики мысль о «двух модусах языкового употребления» — «эпистемологическом» («чисто когнитивном, некоммуникативном», связанном с пропозицией высказывания) и «герменевтическом» (связанном с «пониманием того, что говорится», и «с условиями коммуникации») [Хабермас 2006: 38–40]. Герменевтический модус имеет выраженно перформативный характер в отличие от эпистемологического, а «язык, употребляемый перформативно, включен в более сложные отношения, нежели простое отношение высказывания “о чем-то”» [Хабермас 2006: 40] (ср. с идеей Дж. Остина о том, что язык в своей основе перформативен, а не пропозиционален [Остин 2006]).

3.1. Метакоммуникативные (по Р. Ратмайр [Ратмайр 2003]) причины речевых актов извинения (по поводу самой речи, в первую очередь ее формы, адекватности означающего речевой ситуации) представляются особой сферой лингвистики извинений. Они не связаны с предписаниями, с конвенцией, не связаны с общей для всех нормой, поскольку ее нет, так как не существует общепринятых правил для всех сфер культуры, которые лежали бы в основе метаязыковых извинений. Изучение «извинительных» речевых актов во всем разнообразии коммуникативных ситуаций является условием для их типологического описания, которое может быть использовано как научная база разработки практических рекомендаций.

3.2.1. Обширный материал для изучения причин метаизвинений и форм, в которых они воплощаются, дает речь публичная, где извиняются за «пафос» (слова *предательство, нация победителей*),

^{*} В отечественной философии эту традицию продолжает Г. Гутнер, ставящий вопрос о свободе и ответственности субъекта коммуникативного действия [Гутнер 2008].

«высокий слог» (*сопричастность*), «простоту выражения» (*нести пургу*), специальные термины и слова профессионального жаргона: *И многие читатели были заточены, извините меня за это слово, не на интеллектуальную литературу* (ТВ «Тем временем» 17.09.12); *Если мы, извините меня за моветон, просто вступую будем выкачивать деньги из бюджета, тогда ничего не получится* (В.В. Путин ТВ 29.03.13); *Они могут сделать из него, простите за психотерапевтическое выражение, овоц* (ТВ 18.04.2011).

При этом само извинение может выражаться и имплицитно, облекаясь, например, в форму оправдания выбора слова: *Этот класс* (речь об интеллигенции), *эта прослойка — приходится употреблять этот термин, поскольку других нет...*; *Простите, нет другого термина, будем называть их «новой интеллигенцией», «креативным классом»* (ТВ «Тем временем» 04.06.12); *Сейчас, в эпоху тотального пиара — употребляю не без брезгливости это слово...* (ТВ «Академия», март 2011). Особую роль играет устойчивый оборот «если хотите» (*Они видели стрелку, то место, где каменный город врезается в Неву, они видели всю мощь этого города, его величие и могущество, если хотите*. «Русский мир», июнь 2011), представляющий собой форму имплицитного извинения, а формула «иначе как Х-ом У не назовешь» требует особого комментария.

3.2.2. В сферу ответственности говорящего за свои слова входят все языковые способы ее снятия. Проблема снятия речевой ответственности связана с проблемой имперсональности речи*, подробно исследованной П. Серио на материале политического дискурса советской эпохи (*discours soviétique*) [Seriot 1985]. Помимо описанных им способов «обезличивания» речи, присущих русскому языку изученного им периода, существуют и другие способы снятия ответственности за сказанное. Например, оценочные суждения метатекстового характера (речь идет о соотношении качества дорог и качества политики власти): *Русская дорога — символ беды, бесхозяйственности и коррупции. Иначе, как безумием, эту политику не назовешь* («Власть факта» ТВ 19.04.11).

Можно сказать, что метатекстовая по своей сути формула «иначе, как Х-ом, У не назовешь (не назвать)», имеет достаточное число им-

* Русский язык использует “в изобилии номинализованные формы глагола, или формы имперсональные (неличные)” (*en abondance des formes nominales du verbe, ou des formes impersonnelles* – пер. Л. Чернейко) [Seriot 1985: 338].

плицитных смыслов, отличающих ее от прямого аксиологического суждения типа *Эта политика — безумие*, которое Е. М. Вольф причисляет к перформативным суждениям [Вольф 2002: 175]. Поскольку пейоративные аксиологические суждения (с явно выраженным перлокутивным эффектом) являются социально небезопасными речевыми действиями, постольку субъект оценки ищет языковые возможности редуцировать нежелательные последствия или вовсе их избежать. Одна из таких возможностей — цитирование чужого слова, существующего в полифоническом пространстве культуры на определенном этапе ее развития.

В пресуппозиции рассматриваемой формулы «иначе, как...» лежит информация о том, что существуют разные точки зрения на указанное положение дел («называют иначе, не так, как называл я») и соответствующие им обозначения (имена) и что говорящий присоединяется к той, имя которой он выбрал как семантически (и прагматически) наиболее адекватное референту высказывания. В этом прагматически сложном аксиологическом суждении говорящий берет на себя ответственность за содержание (за основание, за мотив) оценки, поскольку разделяет отрицательное мнение, к которому присоединяется, и редуцирует свою ответственность за категоричность оценки, облекая ее в вежливую форму. Воспроизводимую формулу «иначе, как» можно назвать формулой «вежливого порицания (хулы)», если позицию X-а занимает пейоративная оценка (ср.: *Иначе, как дураком, его не назовешь*), и «вежливой похвалы», если позицию X-а занимает имя с мейоративной оценкой (ср.: *Иначе, как гением, его не назовешь при *Иначе, как умным, его не назовешь*). В любом случае на первое «прагматическое» место выходит вежливость, проистекающая из снятия категоричности оценочного суждения, обусловленной семей «чрезмерности», как ее назвала Е. М. Вольф.

3.2.3. Следует отметить, что извинение за слово или, как говорят, «выражение» часто приходит в противоречие либо с самим словом (почему надо извиняться за слово *аспект* в телевизионной программе, посвященной классике мирового кино?), либо с ситуацией (почему автор литературоведческой статьи извиняется за термин *дискурс*, каким он видит адресата своей статьи?), что дает информацию о самом говорящем, в частности о его отношении к адресату. Метаизвинения, для которых нет ни лингвистических, ни логических, ни этических

оснований, входят в круг тех извинений, в которых проявляется прием «ложной значительности»: *Искусство, извините за высокое слово, сближает, тогда как религия разъединяет* (ТВ 26.05.12); *Давайте посмотрим на эту проблему в психологическом аспекте. Простите за слово «аспект»* (ТВ 19.11.11); *Почти каждое произведение новой книги Кибирова погружено в контекст общекультурного дискурса... (приносим искренние извинения за слово «дискурс», но, к сожалению, не всегда его можно заменить словом «речь», как советовал академик Гаспаров)* (литературоведческая статья в ЛГ, № 2, 2009). О необходимости симметрии между «случаем, послужившим поводом для извинения, и самим извинением» говорит и Р. Ратмайр, выделяя полюса на шкале причин извинительного речевого акта, которые не только не требуют извинения, но делают его неуместным в силу либо незначительности, либо, напротив, очень высокой степени причиненного ущерба [Ратмайр 2003: 50].

3.3. Особый интерес представляет научная речь филологов (в частности лингвистов) — хранителей не только фонетической, грамматической и лексической норм языка, которые являются твердью в стремительном речевом потоке, но и норм речевого поведения. Рассмотрим ситуации, где лингвисты приносят свои извинения.

(А) Оппонент защищаемой диссертации на заседании ученого совета МГУ (30.05.2012): *Сейчас эсэмэски, простите за такое слово, но иначе приходится говорить длинно — «эсэмэс-сообщения».*

(Б) Начало выступления докладчика на конференции в Пушкино (2000): *Хочу извиниться перед теми, кто, может быть, уже слушал мой доклад.*

(В) Профессор кафедры русского языка МГУ, делая доклад, извиняется перед своими коллегами (12.09.2012): *Прошу прощения за английский язык слайда.*

Извинение как особый вид речевых актов требует, как известно, говорящего, адресата и того ущерба, который говорящий адресату нанес, а сами извинения, по словам Ю. Хабермаса, «подобны починке, которой мы подвергаем нарушенные отношения» [Хабермас 2006: 71]. В ситуации (А) причина извинения в том, что говорящий, употребляя для краткости слово *эсэмэска*, осознает несоответствие разговорного слова официальной ситуации научного общения, а ущерб для адресата состоит, по мнению говорящего, в том, что задето его языковое чувство. Это метакоммуникативное извинение.

В ситуации (Б) отчетлива пресуппозиция извинительного высказывания: говорящий считает повторение доклада в том же виде, в каком он его однажды уже представлял, неэтичным, однако возможным (иначе доклада бы не было). Применительно к этой ситуации свобода действия говорящего является проявлением степени его ответственности как способности к выбору собственных действий (делать доклад или не делать, а если делать, то извиняться или нет) и оценке их возможных последствий. Это извинение не метаязыковое, а, скорее, конвенциональное: правила не прописаны, но существуют «по умолчанию». И соблюдать их — дело совести каждого.

В ситуации (В) вырисовывается портрет адресата — это не владеющие английским языком даже в той степени, чтобы прочитать лингвистический текст коллеги говорящего. Трудно представить себе подобное извинительное высказывание, если бы адресатом была кафедра английского языка или англоговорящая аудитория. Это извинение по существу. Следует отметить, что все извинительные высказывания связаны с грамматикой адресации [Шмелева 1995], но семантика извинения высвечивает не только портрет адресата, но и имидж говорящего.

4.1. Исследование языковых явлений в рамках культуры речи, но с позиций этики ответственности позволяет очертить широкий круг проблем, которые могут быть и по-иному поставлены, и по-иному решены. Перечислю лишь некоторые. Проблема «языковой совести» (М. В. Панов) и «птичий язык» в учебных пособиях и учебниках, а также справочной литературе: *принцип взаимной мимикрии образует микроуровень психической реальности; тем большее внимание антропологической мысли привлекают неортодоксальные, маргинальные, тупиковые линии общественной эволюции; всё более проблематичным видится сам феномен человека, и философы констатируют смерть человека в традиционном понимании этого слова* (учебник «Литературная матрица». СПб., 2010). Подобные примеры легко умножить, однако такой язык в дидактическом издании является антидидактическим и вызывает ассоциацию с языком «очень умной» Герцогини из «Алисы в стране чудес». Сказанное И. А. Бодуэном де Куртенэ по другому поводу, но в связи с осмысленностью речи подходит к приведенным фрагментам дидактического текста: «Но разве это слова? Разве это живая речь человеческая?» [Бодуэн 1963: 242]; «Издаются над своим родным

языком и стараются разрушить его всесторонне. Мстят языку за безобразие и ужасы жизни» [Там же: 240].

4.2. Разговор о метаязыке лингвистики должен вестись внутри одного цеха, т.е. в рамках того или иного научного направления. При этом филологи должны демонстрировать образец ответственного отношения к научному слову, термину в первую очередь, поскольку именно он инструмент познания. Проблема лингвистической научной терминологии заключается и в безответственном создании терминов, умножающих сущности без надобности, и в подражательском, ведомом интеллектуальной модой, употреблении существующих терминов без понимания и обоснования их необходимости. Я. К. Грот в «Программе словаря братьев Гриммов» и соглашается с авторами, и спорит с ними в своих комментариях. Вот одна из мыслей Гриммов, с которой безоговорочно согласен Я. Грот: «В основе всех отвлеченных значений слова лежит чувственное и наглядное, которое при происхождении было первым. Это его тело, иногда закрываемое духовно, распространенное или улетученное; но его необходимо всякий раз отыскать и развить; иначе словообъяснение будет недостаточно» [Грот 1876: 212]. Неплохо бы ввести подобную практику для всех новых терминов либо для таких широко употребляемых и семантически пустых, а потому избыточных, как, например, термины *дискурс* и *концепт*. Они в изобилии представлены во многих трудах по когнитивной лингвистике, но при этом без ущерба для смысла легко заменяются привычными *язык, речь, текст, понятие, семантическое поле*, что делает их употребление «ненаучным» [Чернейко 2007, 2012]. При этом я никоим образом не хочу отрицать значимость этих терминов именно для когнитивной лингвистики. Если завет Гриммов — Грота по освоению абстрактных значений применить в культуре терминостроительства и ответственного терминопотребления, то ошибок, овладевших лингвистическими массами и ставших нормой, было бы гораздо меньше.

4.3. Ошибки возникают как результат безответственного отношения говорящего к слову, безразличия к его «телу» (этимону, если слово заимствованное, и производящему, если оно родное), при этом не важно, заимствовано слово или возникло на русской почве. Например, глагол-derivat *секвестрировать* (по данным интернета, существующий на равных правах с формой *секвестрировать*)

от заимствованного слова **секвестр**: «если бы авторы, использовавшие такую форму глагола, заглянули в академический словарь, то обнаружили бы, что словообразовательное гнездо слова **секвестр** существует, освящено литературной нормой и включает глагольные образования: **секвестрование**, **секвестровать**, **секвестроваться**» [Караулов 1999: 25]. К тиражируемым ошибкам, которые стали единственной нормой, относятся два филологических термина: **остранение** (в таком виде термин введен В. Шкловским) вместо правильного **остраннение** (от прилагательного **странный**), представленного в таком виде в текстах А. Белого («принцип сознательного остраниения» [Белый 1989: 71]), и **дискурсивный** вместо единственно правильного **дискурсный** (относительное прилагательное от заимствованного субстантива **дискурс**, образовавшееся в лингвистике, следует отличать от давнего философского термина **дискурсивное мышление**, противоположного мышлению интуитивному).

5. Культура речи как наука прагматическая должна осознать значимость ответственности, являющейся наивысшей ценностью в условиях даже относительной свободы, и сделать этот параметр личности человека и характера социальных взаимодействий параметром описания его речевого поведения.

Литература

- Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989. 543 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: АН СССР, 1963. 391 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002. 280 с.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Грот Я. К. Очерк академической деятельности Ломоносова, читанный академиком Я. К. Гротом в торжественном собрании императорской академии наук 6 апреля 1865 года. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1865. 42 с. / URL: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=53188>

Грот Я.К. Программа словаря братьев Гриммов // Я.К. Грот. Филологические разыскания Я. Грота. Т. 1–2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1876. 462 с.

Гутнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М.: СФИ, 2008. 248 с.

Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование/отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 121–152.

Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000. 320 с.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 357 с.

Кант И. Метафизические начала естествознания. М.: Мысль, 1999. 1710 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.

Книгге Адольф. Об обращении с людьми. Дубна: ИЦ «Феникс», 1994. 325 с.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Лисенко М.В. Место стратегий извинения в гармонизации межличностных отношений (на материале английского языка). АКД. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 16 с.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.

Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 319 с.

Остин Дж. Принесение извинений // Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 200–231.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2003. 272 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 379 с.

Чернейко Л.О. «Ненаучная метаречь» современной когнитивной лингвистики // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сборник статей Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию кафедры современного рус-

ского языкознания Башкирского гос. ун-та/отв. ред. Р.В. Тимирханов. В 2-х томах. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 151–165.

Чернейко Л. О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея Р.К. Потаповой/отв. ред. В. А. Виноградов. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 150–183.

Шмелева Т. В. Диалогичность модуса // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 147–156.

Юрьев, Владимирский. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. СПб.: Типография В. А. Тихонова. 1889. Репринтное издание. М.: Горизонт, 1993. 416 с.

Leech J. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 257 p.

Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves, 1985. 362 p.

L. O. Cherneyko

Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
avollis@mail.ru

STANDARD OF SPEECH IN THE LIGHT OF THE RESPONSIBILITY ETHICS

This article addresses issues of the Russian-speaking individual's verbal behavior in such socially important aspect as the category of responsibility. That ethics is a science needs no proof, whereas the ethics of responsibility is just going through its infancy in domestic science. This interdisciplinary area of knowledge examines all facts of conduct of members of society, but most of all their verbal behavior, since it gives a fairly complete and verifiable information about the speaker's measure of responsibility and about the ethos of a particular community. It is necessary to clarify the existing definitions of the analytical term "the standard of speech" on the basis of its zone of reference analysis. If we talk about the category of responsibility from a linguistic point of view, it is present in such fairly well-studied forms of verbal behavior as an apology (J. Austin and R. Rathmayr). However, apologies concerning

speech itself (metaizvneniya) have been studied insufficiently. Meanwhile, the lack of common rules for all areas of culture, which would lay the basis for metalinguistic apology, makes this material important for linguistic analysis, enabling one to detect less common, but not less important reasons for apologies and their speech forms (in public speech — apologies for “pathos”, “high style”, “simplicity”, “terms”, “metaphor”; in the speech of linguists — for “the report already presented”, for everyday words use in scientific speech). The lack of responsibility is manifested in such facts as the replication of errors (even in the speech of linguists), overuse of terminology in textbooks and manuals, semantically unjustified introduction of borrowed terms. Culture of speech as a linguistic discipline must recognize the importance of responsibility as the highest social value and turn this parameter of the person’s identity into the parameter describing his verbal behavior.

Key words: verbal behavior, apology strategies, metaizvneniya (giving an apology about what has been said), responsibility, irresponsibility.

References

Belyi A. *Na rubezhe dvukh stoletii* [At the turn of the two centuries]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. 543 p.

Boduen de Kurtene I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 391 p.

Cherneyko L. O. [“Non-scientific speech” of modern cognitive linguistics”]. *Prioritety sovremennoi rusistiki v osmyslenii iazykovogo prostranstva. Sbornik statei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 35-letiiu kafedry sovremennogo russkogo iazykoznaniia Bashkirskogo gos. un-ta* [Priorities of modern Russian studies in comprehension of linguistic field. Collected papers of the Scientific Conference dedicated to the 35th anniversary of the Department of Modern Linguistics of Russian Bashkir State University]. R. V. Timirkhanov (Ed.). In 2 vol. Vol. 1. Ufa: BashSU Publ., 2012, pp. 151–165.

Cherneyko L. O. [New objects and tools of linguistics in the light of old concepts]. *Lingvisticheskaia polifoniia. Sbornik v chest' iubileia R. K. Potapovoi* [Linguistic polyphony. Collected works in honor of the

anniversary of R. K. Potapova]. Vinogradov V.A (Ed.). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. pp. 150–183.

Grais G. P. (Grice H. P.) [Logic and verbal communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike Lingvisticheskaia pragmatika* [New in foreign linguistics: linguistic pragmatics]. Moscow: Progress Publ., 1985. No. 16, pp. 217–237. (In Russ.)

Grot Ya. K. [The program of Brothers Grimm's dictionary]. Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskaniia Ya. Grota. T. 1–2* [Philological Studies by Yakov Grot]. Vol. 1–2. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1876. 462 p. (In Russ.)

Grot Ya. K. *Ocherk akademicheskoi deiatel'nosti Lomonosova, chitannyi akademikom Ya. K. Grotom v torzhestvennom sobranii imperatorskoi akademii nauk 6 apreliia 1865 goda* [Essay on academic activities University, academician read by Iakov Grot in solemn meeting of the Imperial Academy of Sciences April 6, 1865]. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1865. 42 p. Available at: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=53188>.

Gutner G. *Risk i otvetstvennost' sub'ekta kommunikativnogo deistviia* [Risk and responsibility of the subject of communicative action]. Moscow: SFI Publ., 2008. 248 p.

Habermas Jurgen. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and a communicative action]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2006. 379 p.

Jur'ev and Vladimirskii. *Pravila svetskoi zhizni i etiketa. Khoroshii ton* [Rules of etiquette and high life. Good manners]. Saint Petersburg, 1889. Reprint. Moscow: Gorizont Publ., 1989. 416 p.

Kanke V. A. *Osnovnye filosofskie napravleniia i kontseptsii nauki. Itogi XX stoletii* [Fundamental philosophical trends and concepts of science. Results of the twentieth century]. Moscow: Logos Publ., 2000. 320 p.

Kant I. [Anthropology from a pragmatic point of view]. Kant I. *Sochineniia v 6 tomakh. T. 6* [Works in 6 vol. Vol. 6]. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 357 p. (In Russ.)

Kant I. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniia* [Metaphysical foundations of natural science]. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 1710 p.

Karaulov Ju. N. *Aktivnaia grammatika i assotsiativno-verbal'naia set'* [Active grammar and a verbal associative network]. Moscow: Institute of Russian Academy of Sciences, 1999. 180 p.

Knigge Adolf. *Ob obrashchenii s liud'mi* [Ontreating people]. Dubna: publishing center "Feniks", 1994. 325 p.

Leech J. *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman, 1983. 257 p.

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary (LES)]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990, 682 p.

Lisenko M. V. *Mesto strategii izviniinii v garmonizatsii mezhlichnostnykh otnoshenii (na materiale angliiskogo iazyka)* [The place of the apology strategies in interpersonal relationships harmonization (on the material of the English language)]. Ex. summery. St. Petersburg: Herzen St. Pedagogical Univ. of Russia Publ., 1999, 16 p.

Nitsshe F. *Sochineniia v 2 tomakh* [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 829 p.

Odoevskii V. F. *Russkie nochi* [Russian nights]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 319 p.

Ostin Dzh. (Austin J. L.) [Presenting apologies]. *Tri sposoba pro-lit' chernila: Filosofskie raboty* [Three ways to shed ink: philosophical works]. Saint Petersburg: Saint Petersburg St. Univ. Publ., 2006, pp. 200–231. (In Russ.)

Ratmair R. *Pragmatika izviniinii: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Pragmatics of apology: A comparative study based on the Russian language and Russian culture]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2003. 272 p.

Seriot P. *Analyse du discours politique soviétique* [Analysis of Russian Soviet discourse]. Paris: Institut d'Études slaves, 1985. 362 p.

Shmeleva T. V. [Dialogical nature of modus]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 1995, No. 5, pp. 147–156. (In Russ.)

Volf E. M. *Funktsional'naia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: URSS Publ., 2002. 280 p.

Zemskaja E. A., Shiriaev E. N. [Russian Colloquial Speech: results and prospects of research]. *Rusistika segodnia. Iazyk: sistema i ee funktsionirovanie* [Studies in Russian linguistics today. Language: The system and its operation]. Karaulov Ju. N. (Ed.). Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 121–152. (In Russ.)

Норма и узус в графике и орфографии.

Linguistic Standards and Usage
in Graphics and Orthography

ЗАКОНЪ ИТКІНА

Въ статьѣ уточняется формулировка условій дѣйствія закона Иткіна (перехода *ѣ* и *я* [= *а*] въ *ѣ*, т.е. образованія *ѣ* и *я* [= *а*]) и обосновывается ихъ фонетическая природа. Эти условія включаютъ (1) исходную принадлежность основы а.п. *б* [чьа т.наз. правоударность скоррелирована съ правосторонней аккомодационной оріентаціей, т.е. съ повышенной подверженностью прѣдвозищающему измѣненію тембра гласнаго такой основы подѣ влияніемъ слѣдующаго гласнаго черезъ раздѣляющій оба гласныхъ консонантескый барьеръ]; (2) нахожденіе такого *ѣ* или *я* передъ группой согласныхъ [что, послѣ прѣкращенія дѣйствія правила «возходящей звучности» («волны сонорности», «открытаго слога»), началъ паденія редуцированныхъ и новой перестройки слога, приводитъ къ правостороннему смѣщенію слоговой границы, вплоть до образованія закрытаго первымъ согласнымъ слога]; (3) ограниченіе на структуру такой группы согласныхъ, состоящее въ запрѣтѣ на сочетаніе двухъ глухихъ ($\pm$ сонорная) [какое сочетание, въ силу относительно большей длительности образуемаго имъ голосоваго перерыва, прѣпятствуетъ «полноцѣнной» аккомодации *ѣ* или *я* заднерядному гласному слѣдующаго слога]. Приводятся нѣкоторые параллели со сходными явленіями родственныхъ языковъ (Украинскаго, Словенскаго). Фиксируется весь имѣющійся релевантный матеріалъ, съ достаточно подробнымъ разборомъ единственнаго примѣра для демонстраціи невозможности оспариванія присутствія корневаго *ѣ* въ его основѣ. Статья сохраняетъ экспериментальный орѳографический режимъ перввой публікаціи автора на затрагиваемую тему.

Ключевые слова: фонетический закон (звуковой закон), фонетическое правило (звуковое правило), *ѣ* (*ять*), *ѣ*, *а* (*юс* малый), ударение (акцентуация), акцентная парадигма, сочетание согласных, русский язык.

0. Поскольку данная публікація продолжаетъ статью [Болотовъ], я счёлъ не только возможнымъ, но и необходимымъ сохранить съ этой

послѣдней публикаціей орфографическую прѣмственность, символизирующую, съ одной стороны, прѣмственность съ традиціей до орфографической катастрофы 1917–1918 гг., съ другой, впрочемъ, — полемику съ новациями, связанными съ именемъ Я. К. Грота какъ орфографиста (см. [Гротъ]), и съ подхватившей его идеи когортой лексикографовъ (начиная съ [Ромашкевичъ]), обозначивъ тѣмъ самымъ то направленіе, въ которомъ, по моимъ соображеніямъ, правописанію цѣлесообразно было бы эволюціонировать въ отсутствіе революціонныхъ потребностей.

1. Законъ Иткина. Въ словоформѣ (исторической) акцентной парадигмы (а.п.) *b* (см. на этотъ счётъ в первую очередь [Зализняк 2011]), кдѣ за *b* (и *я* = *a*) слѣдуетъ сочетаніе согласныхъ съ участіемъ двухъ звонкихъ ± сонорной или произвольной одиночной + сонорной (включая подлежащія дальнѣйшему упрощенію въ -л- группы *-dl- и *-tl-), это *b* (и *я*), вопрѣки общему правилу о его «ѣ-резистентности», также переходитъ въ [o], т.е. въ *b̃* (и *я̃* [= *ä̃*]).

Имѣетъ смыслъ привести возможно болѣе полный списокъ примѣровъ дѣйствія данного закона (нѣсколько дополненный по сравненію съ прѣдидущей публикаціей и съ прототипами этой идеи изъ [Иткин 1994] и [Иткин 2007]) [бѣглый гласный: ^b, ^{b̃} — исконный, *e*, *ĕ* — вставной].

Существительныя:

- 1.1) *гнѣздѡ* — *гнѣзд|а*, -ышко; [без]гнѣзд(н)ый (НЗ: *звѣздчатый*)
- 1.2) *звѣздá* — *звѣзд|ы*, -очка; -ный (НЗ: *звѣздчатый*)
- 1.3) *вѣдрѡ* — *вѣдр|а*, -ышко; [двух-, трѣх-, четырёх-, десяти-, двадцати-, сорока-, полу]вѣдѣр^{b̃}ный, -^{b̃}ка (~ [двѣх-...]вѣдѣр^{b̃}ный, -^{b̃}ка — «доп.» [ОЭС]) (НЗ: «! неправ. род. мн.» вѣдѣрь [ОЭС])
- 1.4) *блѣсна́* — *блѣс|ны*, -*ен̃*ка, -*ен̃*ный (cf. блѣскъ, Пол. *blask* &c.)
- 1.5) *сѣд̃лѡ* — *сѣд̃л|а*, -ышко; [двух-, трѣх-, четырёх]сѣд̃ельный; сѣд̃-лан(ный), [о]сѣд̃лывать;
- 1.5а) [о]сѣд̃л̃ый (НЗ: «! неправ.» [о]сѣд̃л̃ый, -остъ [ОЭС]) (НЗ: *іb̃?*)
- 1.6) *мѣзгá* — (проф.) мѣзга
- 1.7) *дяснá* — *дяс|ны*, -*ен̃*ный (cf. Пол. *dziąs|o* [-na, -no и др.] &c.)
- 1.8) *мяздрá* — °мѣздры (?), (проф.) мѣздора

Глаголы:

- 2.1) [об]рѣл|á, -ó, -í — [об]рѣл̃ь (НЗ: [об]рѣл̃и|и, -і̃й)
- 2.2) *цвѣл|á*, -ó, -í — *цвѣл̃ь* (НЗ: *цвѣл̃и|и*, -і̃й)
- 2.3) [роз]свѣл|ó — *[роз]свѣл̃ь (НЗ: [роз]свѣл̃и|и, *-і̃й)
(НЗ: cf. *бѣл̃и|и*, -і̃й; *сѣл̃и|и*, -і̃й)
- 2.4) *сѣкл|á*, -ó, -í — *сѣк̃ь*; -ши, -шій (НЗ: ~ *†сѣк̃ь*, *†-ла*, *†-ло*, *†-ли*; -ши,]

- 2.5) (у-, при-, от-, до-, под-, в-, за-, про-, пере-, с-, об)бѣзл|а, -о, -и [-ий)]
 (N3: ~ (у-...)бѣзл|а, -о, -и — (у-...)бѣз|ѣ; -ии, -ий
 (ср.: [из-, при]бѣз|ѣ, -ла, -ло, -ли; -ии, -ий)
 2.6) [прѣне]брѣзл|а, -о, -и — [прѣне]брѣз|ѣ; -ии, -ий
 2.7) влѣкл|а, -о, -и — влѣк|ѣ; -ии, -ий
 2.8) трясл|а, -о, -и; -ти — (тряс|ѣ; -ии, -ий ~) †тряс|ѣ; †-ии, †-ий
 2.9) прягл|а, -о, -и — [прѣ|ѣ; -гии, -гий; -чь (< *прѣчи) ~) †прѣз|ѣ;
 †-ии, †-ий; †прѣчь

Исключеніе или, наоборотъ, сильный случай закона (*zj тоже работаетъ такимъ сочетаніемъ — но это едва-ли):

- 3.1) дѣжа — [дѣж|и (-ѣй, -амъ, -ами, -ахъ) ~] дѣж|и, -ка

Настоящее исключеніе (но ср. *вопрѣки*, ц.-Сл. *вопрѣкѣ* [впрѣкѣ, прѣ-кѣ] — Асс.Рл. а.п. *b* [?]):

- 3.2) [по-, у]прѣк|ать, -нѣть — [по-, у]прѣкъ

N3: *безупрѣчный* ← *упрѣк|ать, -нѣть*; 'котор|аго (-ый) нельзя, нѣ въ чѣмъ упрѣкнуть, не вызывающій, не заслуживающій упрѣка, -овъ'; *безупрѣчный* ← *упрѣкъ*; 'не произнося (не подразумѣвая) словъ упрѣка, не имѣя въ виду (не желая, не рѣшаясь) упрѣкнуть':

Иди и гибни безупрѣчно —

Умрешь не даромъ: дѣло прочно,

Когда подъ нимъ струится кровь... [Некрасовъ, с. X <sic!>]
 (Пониманіе «безупрѣчно» въ данномъ контекстѣ какъ 'безупрѣчно', похоже, граничило-бы съ абсурдомъ.) Вопрѣки [Иткин 1994: 131] («Суф. -ный, по-видимому, просто аномален» и т.д.), именно дериваціонная історія управляетъ выборомъ [e] vs. [o] въ подобныхъ образованіяхъ:

(про-, быстро-, скоро-)тѣчный (і(-)течнѣй?) ← [про]те|кать, (быстро, скоро) тѣчь, [про]тѣчь (< (-)течи) vs. [кровопод-, на-, о-, про-, само]тѣчнѣй ← [кровопод-, на-, о-, про-, само]тѣк|ѣ, -а (а.п. *a*; сф. *протѣчн|ая вода, -ый воздухъ, но протѣчн|ый кранъ, потолокъ, -ое вѣдро*);

[глино-, красно-, кремне-, по-, сѣро-, черно]зѣмный ← [глино-, красно-, кремне-, по-, сѣро-, черно]зѣм|ѣ, -а (а.п. *a*), но ино-, около-, ту-, чуже-, на-, над-, под|зѣмный (і(-)земнѣй?) ← [иной, около, ту|тъ], чужой| земл|и, [на] -ѣ, [надъ, подъ] -ѣй (а.п. *c*, схема ударенія [с.у.] *d'*).

Аналогично, вопрѣки [Иткин 1994: 131] («Не подчиняется никакимъ правиламъ выборъ ступени *e* или *o* в словахъ с суф. -ист-»), ведётъ себя и [глино-, кремне]зѣмистый ← [глино-, кремне]зѣм|ѣ, -а (а.п. *a*) vs *призѣмистый* ← [при] землѣ; *перистый* ← пер|о, -ья (а.п. *b*, с.у. *d*) vs *утѣсистый* ← утѣс|ѣ, -а (а.п. *a*) — т.е. и сдѣсь выборъ за мотивирующей базой.

Характерно различіе *звѣзда* и *ѣзда*: вторая основа продолжаетъ а.п. а, отсюда (*объ-*, *по*) *ѣзда*.

Понятно, что нѣкоторыя изъ позицій можно (а нѣкоторыя даже нужно) оспорить на прѣдметъ правомѣрности вмѣненія имъ *ятъ*-содержащей основы (это перъвое, что приходится въ голову), однако наличіе совершенно безспорныхъ случаевъ (*гнѣзда*, *звѣзды*, *дѣсны*, [*об*] *рѣль*, [*прѣне*] *брѣзь*, *влѣкъ*, *трѣсь*, *прѣзь*) дѣлаетъ эту затѣю неумѣстной (ограниченіе объёма вынуждаетъ перенести её вмѣстѣ съ подробнымъ этимологическимъ разборомъ на другую площадку и ограничиться единственнымъ и сокращѣннымъ экземпляромъ такого разбора на не вызывающемъ сомнѣній примѣрѣ и выводами) — всё равно «не отвергѣться».

1.1. *Гнѣздо*. Внѣшнія (І.-Е.) связи и собственно этимологія этого слова (въ т.ч. въ отношеніи ѣ) трѣбуютъ пространныхъ комментаріевъ, однако совокупность славянскихъ данныхъ [(сдѣсь и далѣ приводятся только релевантныя для діагностики ѣ формы; подчеркиванія мои) Стсл. *гнѣздо* ‘*νοστιά, κατασκήνωσις, καλιά*; *nídus*’; ц.-Сл. *гнѣздо*, *мн. гнѣзда*; Др.-рус. *гнѣздо*; Укр. ^М*гнѣздо*/^Ж*гнѣздо*/*гнѣздо* (^М — система Максимовича, ^Ж — система Желеховскаго), *мн. гнѣзда* / ^Ж*гнѣзда*/*гнѣзда*; Пол. *gniazdo*; Каш. *ghôzdo* (тж. *ghôzdkæ*; *ghôzdečkæ*; *ghêzzéc*, -*žžq*, -*zzél* [*Ramult*, с. 42, стб. 2]); Полаб. (Древнянское, Древанское, Дрѣвлянское) *ghozdē*, *мн. ghozde* [SEJDP, тет. 2, с. 167–168; *Polański*, с. 103, (188)]; Стчеш. *hniezdo*; Чеш. *hnízdo*; Слвц. *hniezdo*; Влуж. *hnězdo*; Нлуж. *gnězdo*; Срб.-хрв. [†]*gnieздо*/[†]*gnijeздо*/*gnijeздо*//[†]*гниѣздо*/*гниѣздо*, (Черног.) [†]*gnijjeздо*/*gnijjeздо*//[†]*гньѣздо*/[†]*гньѣздо* / *гньѣздо*; Слвн. *gnězdo*; Болг. *гнѣздо*, *мн. гнѣзда* (тж.: *гнѣздице*; *гнѣздижся*, *ишся*, — *ился*; *гнѣздене* [Геровъ, ч. 1, с. 227, стб. 2]; тж.: *гнѣздице*; *гнѣзденце*; *гнѣздясть*, а, о [Мичатекъ, с. 89, стб. 1]) / [†]*«гняздо* (*мн. гнезда*)» [Бернштейнъ 1953, с. 117, стб. 1] (ср. тж.: «гнездо с. см. гняздо» [*ibid.*, с. 116, стб. 1]), «гняздо с. диал. см. гнездо» [Бернштейнъ 1966, с. 93, стб. 1] (ср.: «гнѣздов, ~а, ~о; ~и 1) с.-х. гнездовой; 2) лингв. гнездовой» [*ibid.*, с. 92, стб. 2] — поздній искусственный техничeskій терминъ, калька съ Русскаго и при этомъ Западнoболгарскій діалектизмъ (Софія находится какъ разъ внѣ и западнѣ зоны чередованія е-я на мѣстѣ ѣ, принятаго и въ литературной нормѣ); но ср. *Гняздово* — село въ Южно-Центральной Болгаріи [обл. (пров.) Кърджали, община (муниципалитетъ) Кърджали, кметство (старостатъ) Калоянци], находящееся, напротивъ, въ указанной зонѣ)] дѣлаетъ попытку «отвода» *ятя* совершенно немыслимой.

Въ чемъ же можетъ состоять фонетическая природа этого закона? (1) А.п. *b* подразумѣваетъ правоударность, т.е. смѣщеніе тонической и дна-мической вершины вправо отъ точки привязки (въ словоформѣ *жен-á* удареніе привязано къ основѣ *жен-*, а стоитъ на флексіи *-á*; всѣ подробности см. въ [Зализняк 1985]). Очевидно, что и квалітативная (качественная) вершина такихъ сегментовъ оказывается смѣщенной вправо, иными словами, качество гласнаго въ меньшей степени інерціонно и въ большей степени зависитъ отъ праваго контекста. Если въ «классическомъ» случаѣ «этацізма» *ě* самъ по себѣ «слишкомъ узокъ (закрытъ)», а *e* самъ по себѣ «слишкомъ широкъ (открытъ)» (по сравненію с *e*) для успѣшнаго продвиженія въ задній рядъ (по направленію къ *o*, по своему подъѣму какъ разъ соотвѣтствующему *e*), то при правоударности это обстоятельство перестаетъ играть критическую роль, и тембръ такихъ *ě* и *e* (какъ и обычнаго *e*) оказывается цѣликомъ зависящимъ отъ тембра ихъ праваго сосѣда. (2) Сочетаніе согласныхъ какъ ещё одно необходимое условіе — не что иное, какъ амплификація (усиленіе) этого самаго праваго контекста, вплоть до закрытія слога съ *ě*-лабильнымъ гласнымъ. (3) Звонкость и темъ болѣе сонорность — факторъ увеличенія аккомодационной «проницаемости» кластера, а напротивъ, сочетаніе глухихъ — своего рода тембровый изоляторъ, именно поэтому (а вовсе не потому, что *st* и *zd* по-разному розпрѣдѣляются при слогодѣленіи — скорѣе ужъ *V-zdV* при *Vs-tV* по причинѣ большей длительности глухихъ), несмотря на а.п. *b*, мы имѣемъ *nĕbcm̃* (= *nĕbcm̃*), *nĕcmá*.

(Аналогичный, хотя и отличающійся въ существенныхъ деталяхъ, механизмъ дѣйствуетъ при образованіи Украинскихъ діфтонговъ (въ концѣ концовъ дающихъ въ части говоровъ и въ литературномъ языкѣ [i]) въ т. наз. новозакрытыхъ слогахъ (что, вопрѣки розпространѣнному заблужденію, не имѣетъ малѣйшаго отношенія къ компенсаторному удлиненію): *meĕ-dĕb̃* > *meĕd̃b̃* > *meĕd̃b̃* ≥ *med* [-e-] ≥ *med* (род.п. *mĕ-du*) ‘мѣдь’ (отсутствіе измѣненій гласнаго);

ôĕ-ceĕ-nĕ# > *ôĕ-ceĕñ#* > *ôĕ-ceĕññ#* > *ô-señ* > *ô-sieñ* [> ^M*ôseñ*/Ж*ôsiñ*/ôsiñ (-si-)] (род.п. ^M*ô-ce-niĭ*/Ж*ô-ce-niĭ*/ô-ce-ni ~ ô-ce-ni) ‘осень’;

soĕ-kĕb̃ > *soĕk̃b̃* > *soĕk̃b̃k̃b̃* > *soĕk* > *soĕk* [> ^M*soĕk̃*/Ж*sik̃*/sik̃ (-si-, твёрдое s!)] (род.п. *soĕ-ku*) ‘сокъ’;

soĕ-lĕb̃# > *soĕl̃b̃#* > *soĕl̃b̃ñ#* > *soĕl̃* > *soĕl̃* [> ^M*soĕl̃*/Ж*sil̃*/sil̃ (-si-, твёрдое s!)] (род.п. ^M*soĕ-liĭ*/Ж*soĕ-liĭ*/ô-li ~ ô-li) ‘соль’.

Переходъ *e* въ *ě* литературнаго типа (т.е. подударный) — резуль- татъ редукціи безударныхъ гласныхъ, такъ сказать, вершина айс-

берга, въ подводной части котораго — ёканье (безударное). Весь же айсбергъ, т.е. ударно-независимый переходъ *e* въ ^Ь*o*, аналогиченъ по этому параметру (весьма разнясь по другимъ) переходу *e* въ ^Ь*o* въ Украинскомъ и переходу *ie* (*ié*) [изъ *e*] въ *io* (*ió*) и *ie* (*ié*) [изъ *ě*] въ *ia* (*iâ*) въ Польскомъ (и сходнымъ явлениямъ въ остальныхъ Лехитскихъ): не только *льôду* ‘льда’, но и *льôдовій* ‘ледовый’ (а ^М*лêдъ* / ^Ж*лîд* / *лîд* ‘лêдъ’ — на самомъ дѣлѣ *льôд*, ибо *льуôд*), *чôрний* ‘чёрный’, но и *чôрнити* ‘чернить’ при *чёрню* ‘черню’ и *чёрнёць* ‘чернецъ’; не только *гwiâzda* ‘звѣзда’, но и *gwiâzdeczka* ‘звѣздочка’, *ôbiâd* ‘обѣдъ’, *ôbiâda* ‘обѣда’ при *ôbiêdzie* ‘обѣдѣ’, *ôbiâdować* ‘обѣдать’, *ôbiâdowali* ‘обѣдали’; *namióty* ‘палатки (Pl.)’, но и *nàmiot* ‘палатка’, *namiotowy* ‘палаточный’, *namiotowègo* ‘палаточнаго’.

Схематически всё это можно прѣдставить примѣрно такъ:

$$\begin{aligned}
 \text{N.Sg. } \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\acute{а}^b &> \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{а}^b > \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{а}^b > \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{а}^b \\
 &> \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{а}^b = зѣ\acute{з} - \delta\acute{а} \\
 \text{N.Pl. } \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\acute{ы}^b &> \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{ы}^b > \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{ы}^b > \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{ы}^b \\
 &> \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{ы}^b > \overrightarrow{зѣ}^{\#\#} - зѣ\delta^b\acute{ы}^b = зѣ\acute{з} - \delta\acute{ы} \\
 \text{N.Sg. } \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta\acute{а}^b &> \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{а}^b \\
 &\geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{а}^b = ѣ\acute{з} - \delta\acute{а} \\
 \text{N.Pl. } \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta\acute{ы}^b &> \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{ы}^b \geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{ы}^b \geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{ы}^b \\
 &\geq \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{ы}^b > \overrightarrow{ѣ}^{\#\#} - \delta^b\acute{ы}^b = ѣ\acute{з} - \delta\acute{ы} \\
 \text{N.Sg. } \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н\acute{а}^b &\geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{а}^b \\
 &\geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{а}^b \geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{а}^b = смѣ - н\acute{а} \\
 \text{N.Pl. } \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н\acute{ы}^b &\geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{ы}^b \geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{ы}^b \geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{ы}^b \\
 &\geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{ы}^b \geq \overrightarrow{смѣ}^{\#\#} - н^b\acute{ы}^b = смѣ - н\acute{ы} \\
 \text{G.Sg. } \overrightarrow{нѣ}^{\#\#} - см\acute{а}^b &> \overrightarrow{нѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b > \overrightarrow{нѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \geq \overrightarrow{нѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \\
 &\geq \overrightarrow{нѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \geq \overrightarrow{нѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b = нѣс - м\acute{а} \\
 \text{G.Sg. } \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - см\acute{а}^b &> \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b > \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \geq \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \\
 &\geq \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \geq \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b = мѣс - м\acute{а} \\
 \text{G.Sg. } \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - см\acute{а}^b &> \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b > \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \geq \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \\
 &\geq \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b \geq \overrightarrow{мѣ}^{\#\#} - с^bм\acute{а}^b = мѣс - м\acute{а}
 \end{aligned}$$

Типологическую параллель можно отыскать въ Словенскомъ. Закрытые *e* (и *o*) тамъ бываютъ двухъ видовъ: *e* [*e*¹], нормально изъ **ě* (и *o* [*o*^u], нормально изъ **ô*), и *e* [*e*¹], нормально изъ **e* (и *o* [*o*^u]), нормально

изъ **o*). Если допустить, что въ нашемъ случаѣ *ѣ* (и *ѡ*) изначально также имѣли сужающуюся артикуляцію ([*ɛ^с*] и [*ɔ^о*]), а *а* (и *ж*) — розширяющуюся ([*ɛ^а*] и [*ɔ^н*]), то дальнѣйшее прѣдставимо слѣдующимъ образомъ: правоударность переносомъ «центра тяжести» вправо укорачивала гласный за счётъ конца скользящаго отрѣзка *ѣ* и *а*, а консонантный кластеръ, «надвигаясь» справа черезъ слоговую границу, окончательно отсѣкалъ остатокъ этой фінали, приближая ихъ итоговый тембръ къ обычному *e* [*ɛ*] (и *o* [*ɔ*]), и при условіи ассимилятивнаго воздѣйствія справа бывшіе *ѣ* и *а* вели себя подобно ему (*e*) и дрейфовали въ направленіи задняго ряда. Уцѣлѣвшіе же хотя-бы частью характерной концовки [*ɛ^с*] и [*ɔ^о*] далѣе развились до привычнаго вида: [*ɛ^с*], [*ɔ^о*] > [*ɛ^е*], [*ɔ^о*] > [*e*], [*o*] > [*ɛ^е*], [*u*o] (а юсы измѣнялись не «центральносимметрично», а «коллінарно»: [*ɛ^а*]; [*ɔ^н*] > [*ɛ^а*]; [*o^н*] > [*ɛ^а*]; [*u^о*] ~ [*u^о*] > [*ɛ^а*]; [*u^о*] ~ [*u^о*] > [*ɛ^а*]; [*u*]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что срѣди приведенныхъ основъ только одна (1.5) содержитъ неэпентетическій (этимологическій) бѣглый гласный, но это какъ разъ случай, прямо противоположный *гнѣзду* и *компаніи* — для сохраненія графическаго *ятя* въ этой вокабулѣ нѣтъ иныхъ основаній, кромѣ ассоціативно-іероглифическихъ [*ятя* опровергается совокупными Славянскими данными, да и *сѣд^бло* едва-ли родственно корню *сѣд-/сид-/cad-* уже хотя-бы по внѣшнимъ параллелямъ — по той части германскихъ, съ которой есть полное совпаденіе значенія: Др.-англ. *sadol* (совр. *saddle*), Ср.-нл. *sadel* (совр. *zadel*, Африкаанс *saal*), Др.-в.-нѣм. *satul*, *satat*, *satil*, *satel* (Ср.-в.-нѣм. *satel*, совр. *Sattel*, Ідішъ *זאטל* [†] *zótél* / *זאטל* *zótíl*), Др.-исл. *söðull* (совр. *söðull*); при 'сажать; класть': Др.-англ. *settan* (Ср.-англ. *setten*, совр. *set*), Др.-нл., Ср.-нл. *setten* (совр. *zetten*, Африкаанс [*be*]set 'ставить (на должность); занимать, захватывать'), Др.-в.-нѣм. *sezzan*, *setzan*, *se(z)zen*, *seczen*, *setzen* (Ср.-в.-нѣм., совр. *setzen*, Ідішъ *זעצן* [†] *zésÿn* / *זעצן* *zésÿn*), Др.-исл. (и совр.) *setja*). *Осѣд^бл-*, наоборотъ, съ *сѣдломъ* не соотносится и вполне вписывается въ списокъ производныхъ отъ корня *сѣд-* (вопрѣки повальной склонности этимологическихъ словарей сваливать оба гнѣзда въ кучу-малу).

Въ естевыхъ же формахъ встрѣчаются и образованія съ этимологическимъ редуцированнымъ, въ каковыя попадаетъ теперь и *сѣд^бло*. Это означаетъ, что послѣ перестройки слога и проясненія-паденія *еровъ* «ѳикація» продолжилась, но на болѣе узкомъ горизонтѣ, не затрагивая отнынѣ ни *ѣ*, ни *я*, зато освоивъ болѣе сложныя позиціи вродѣ */мѣтѣльный/* ↔ */мѣтѣльный/*, */вѣсѣльный/* ~ */вѣсѣльный/* при */рѣбѣрный/* (ср.: */вѣдѣрный/* ~ */вѣдѣрный/*).

- 4.1) ветла́ — вѣт^л₁лы, -ель
 4.2) метла́ — мѣт^л₁лы, -ель; [°без]мѣт^л₂ельный ↔ мет^л₂ельный
 4.3) весна́ — вѣс^н₁ны, -енъ; [°без-, °ранне]вѣс^н₂ельный (Ѕ: вес^н₂ельный)
 4.4) еблѡ — ёб^л₁ла, -елъ (~ еб^л₂ла, -ѣлъ <sic!>); -елъный; °-лышко
 4.5) греблѡ — грѣб^л₁ла, -елъ; -елъный; -лышко
 4.6) скреблѡ — скрѣб^л₁ла, -елъ
 4.7) стеблѡ — стѣб^л₁ла, -елъ; °-лышко
 4.8) веслѡ — вѣс^л₁ла, -елъ; (без-, под-, одно-, двух-, трѣх-, четырёх-, пяти-, шести-, семи-, восьми-, девяти-, десяти-, двѣнадцати-, шестнадцати-, восемнадцати-, двадцати-, тридцати-, сорока-, пятидесяти-, восьмидесяти-, сто- ...)вѣс^л₂ельный ~ ((без-...))вес^л₂ельный
 4.9) ремеслѡ — ремѣс^л₁ла, -елъ
 4.10) рукомеслѡ — рукомѣс^л₁ла, -елъ
 4.11) теслѡ — тѣс^л₁ла, -елъ; -елъный
 4.12) бревнѡ — брѣв^н₁на, -енъ; °-нышко
 4.13) ребрѡ — рѣб^р₁ра, -еръ; -рышко; -ер^р₂ный
 4.14) бедрѡ — бѣд^р₁ра, -еръ; -рышко; [°-ер^р₂ный ~ °бед^р₂ер^р₂ный]
 (Ѕ: бѣд^р₂ер^р₂ный — церковнославянизмъ [?])

Въ діалектахъ наборъ, послѣдовательность и терминъ дѣйствія правиль могутъ различаться и дѣйствительно различаются, но вопросъ этотъ трѣбуетъ фундаментальнаго (до)изслѣдованія. Прѣдварительно же можно выдѣлить нѣсколько степеней консерватизма въ разпространеніи «ѣтей». Отдѣльные примѣры (частично и притомъ въ разномъ статусѣ проникшіе и въ літературную норму) иллюстрируютъ отдѣльные фрагменты этой мозаики: вѣд^р₂еръ при вѣд^р₂ра (прямое чередованіе въ соотвѣтствіи съ мягкостью слѣдующаго согласнаго); [рѣб^р₂ер^р₂ный (то-же, но уже съ *e*, не *ѣ*!)]; дѣж^к₂ка, (Pl.) нѣт^н₂на («освоеніе» новыхъ сочетаній съ не-встанымъ бѣглымъ ѣ); вѣи^и₂ка [естили отъ (діал., Укр.) вѣх^х₂а] (то-же, но при стеченіи однихъ глухихъ); (Pl.) дѣжи («захватъ» одиночныхъ согласныхъ); бесѣд^д₂ка (выходъ за прѣдѣлы а.п. *b* — ср., однако, [Зализняк 2011, с. 42 s.v. бесѣда], — но всё ещё передъ твёрдымъ кластеромъ со звонкимъ); вѣи^и₂ка [естили отъ вѣх^х₂а] (то-же, но при стеченіи однихъ глухихъ); гнѣтъ, подгнѣта, бесѣда [см. выше, при бесѣд^д₂кѣ], нѣхомъ (полное [?] уподобленіе обычному естю); [смѣтка — ?].

(Замѣтимъ въ скобкахъ, что вѣж^ж₂ка не содержитъ *ѣ*, ничѣмъ не отличаясь отъ одѣж^ж₂ки — всѣ онѣ вмѣстѣ съ надѣж- образуются отъ редуплицированной основы **dezd-j-*, ср. Стсл. на-дѣж^ж₂-а, о-дѣж^ж₂-а; дѣж^ж₂ж, -ѣши сѣ ‘γίνεσται; fieri’; ц.-Сл. на-дѣж^ж₂-а, о-дѣж^ж₂-а [ѡ-дѣж^ж₂-а].)

Література

Бернштейнъ С. Б. Болгарско-русский словарь / составил проф. С. Б. Бернштейн. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 888 с.

Бернштейнъ С. Б. Болгарско-русский словарь / составил проф. С. Б. Бернштейн. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1966. 768 с.

Болотовъ С. Г. Точки надъ ѣ и ѧ, или Законъ Иткіна // III Международная конференція «Культура русской рѣчи». «Русскій языкъ въ культурно-историческомъ измѣреніи». Посвящается 200-лѣтію Я. К. Грота. Тезисы докладовъ. 23–25 ноября 2012 г. М., 2012. С. 47–51.

Геровъ Н. Рѣчникъ на българскій языкъ съ тлъкувание рѣчи-ты на българскы и на русскы / събралъ, нарядилъ и на свѣтъ изважда *Найденъ Геровъ*. Ч. 2: Е–К. 1897. [4]+449 с. Пловдивъ: Дружественна печатница „Съгласие“. (Репринтъ: Софія: «Български писателъ». Ч. 2 / научен консултант [чл.-кор. проф. *Любомир Андрейчин*]. 1975. [4] + [4]+448 + [3] с.)

Гротъ Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. II-е изд. Спб.: Тип. Имп. Ак. Наукъ, 1894. XII+120+XL с.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: «Наука», 1985. 430 с.

Зализняк А. А. Труды по акцентологии. В 2 т. Т. 1. 2010. 838 с. Т. 2: Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV – XVII вв.). 2011. 352 с. М.: «Языки славянских культур».

Иткин И. Б. Еще раз о чередовании *e ~ 'o* в современном русском языке // ВЯ. 1994. № 1. С. 125–133.

Иткин И. Б. Русская морфонология. М.: «Гнозис», 2007. 272 с.

Мичатекъ Л. А. Дифференціальный болгарско-русскій словарь / составилъ Л. А. Мичатекъ. И краткая грамматика болгарскаго языка / составилъ П. А. Лавровъ. С.-Пб.: Типографія В. Д. Смирнова, 1910. [4]+II4 с.

Некрасовъ Н. А. Стихотворенія Н. Некрасова / Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: Въ типографіи Александра Семена, 1856. XVI+209 с.

ОЭС — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. Изд. 2-е, стер. М.: «Русский языкъ», 1985. 704 с.

Ромашкевичъ П. А. Полный русскій орфографическій словарь / составилъ по академику Я. К. Гроту, Ф. Рейфу, В. И. Даю, Н. П. Макарову, А. Н. Чудинову, Александрову и др. П. А. Ромашкевичъ / попра-

вить и дополнить А. А. Быковъ. Изд. 5-е. С.-Пб.: Изд-е книгопродавца В. И. Губинскаго, [1898]. [2]+258 с.

Polański K. Gramatyka języka połabskiego / [pod redakcją J. Okuniewskiego]. [2010]. 209 с. URL: http://www.sbc.org.pl/Content/18899/gramatyka_jezyka_polabskiego.pdf.

Ramult S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego / Zebrał i opracował *Stefan Ramult*. W Krakowie: nakładem Ak. Umiejętności, 1893. XLVIII+298 с.

SEJDP — Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zeszyt 2: D'üzđ – L'otü / *Kazimierz Polański* / [Komitet Słowianoznawstwa Polskiej Ak. Nauk]. Wrocław–W-wa–Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich, W-wo Polskiej Ak. Nauk, 1971. C. [1–IV] + 143–346 + [2].

S. G. Bolotov"

Russian State University for the Humanities

(Russia, Moscow)

baltaitis@yandex.ru

ITKIN'S LAW

The paper clarifies a set of conditions for Itkin's law ($\acute{b}$ [$\acute{e}$] and я [$\acute{a}$, $\acute{e}$] to $\acute{e}$ [$\acute{e}$, $j\acute{o}$] transition, i.e., $\acute{b}$ [$\acute{e}$, $j\acute{o}$] and я [$\acute{a}$, $\acute{e}$, $j\acute{o}$] formation) and provides some foundations for the phonetic nature of such conditions. Those include (1) a stem being of the accent paradigm (a.p.) *b* [so called right-accentuality of this a.p. correlates with the rightward accomodational orientation, i.e., a stem is characterized by an increased propensity to anticipatory change of vowel timbre across the dividing consonantal barrier and under the influence of the next vowel]; (2) positioning of such $\acute{b}$ or я in front of the consonant cluster [this position results in — after the rule of “rising (ascending) sonority” (or “sonority wave”, “open syllable”) stops acting, the reduced vowels begin to fall and a syllable is restructured anew — in a syllabic border rightward drift, up to formation of a syllable closed by the first consonant in the cluster]; (3) limitation on the structure of the abovementioned consonant cluster which is manifested in a ban on two voiceless ($\pm$ sonorant) consonants conjunction; this conjunction, due to thereby precipitated relatively longer voice interrupt, prevents a full-scaled accomodation of $\acute{b}$ or я to a back vowel

of the following syllable. Some closer phenomena in cognate languages (Ukrainian, Slovene) are adduced. All available relevant material is listed, a single example being analyzed in some greater detail to demonstrate the impossibility of contesting the presence of *ĕ* as a root vowel within its stem.

Keywords: phonetic law (sound law), phonetic rule (sound rule), *îĕ* (*ě*, *îu* *t'*, *ĕ*), *ĕ*, *ę* (little *yus*, *а*), stress (accentuation), accent paradigm, consonant cluster, Russian language.

References

Bernšteĭn S. B. *Bolgarsko-russkĭĭ slovar'* [Bulgarian-Russian Dictionary] / compiled by prof. S. B. Bernšteĭn. Moscow: The State Publ. House for Foreign and National Dictionaries, 1953. 888 p. (In Russ.)

Bernšteĭn S. B. *Bolgarsko-russkĭĭ slovar'* [Bulgarian-Russian Dictionary] / compiled by prof. S. B. Bernšteĭn. Moscow: «Soviet Encyclopedia» Publ., 1966. 768 p. (In Russ.)

Bolotov S. G. [Dots above *ĕ* (*îĕ*) and *ĭ* (*îŭ*), or Itkin's law] // *III Mezhdunarodnaia konferentsiia «Kul'tura russkoĭ riechi» : «Russkĭĭ iazyk" v" kul'turno-istoricheskom" izmierenĭi*. *Posviashchaetsia 200-lietĭiu Ia. K. Grota : Tezisy dokladov*. 23–25 noiabria 2012 [IIIrd International Conference «Cultural Aspects of Russian Speech» : «Russian Language: Cultural and Historical Dimension». Honouring Ya. K. Grot's 200th Anniversary : Presentations Outlined. 23–25 Nov. 2012]. Moscow, 2012. Pp. 47–51. (In Russ.)

Gerov N. *Riechnik" na blŭgarskŭĭ ėzyk" s" tŭkuvanie riechi-tŭĭ na blŭgarskŭĭ i na russkŭĭ* [A Dictionary of Bulgarian, with Words Explained in Bulgarian and in Russian] / compiled, arranged and brought to light by Naĭden Gerov. Pt. 2: *E–K*. 1897. [4]+449 p. Plovdiv: „Sŭglasie“ Printing company. (Reprint: Sofia: «Bulgarian Writer» Publishing house. Pt. 2. 1975 / scientific consultant Corr. Member prof. †Lubomir Andreĭĉin. [4] + [4]+448 + [3] p.) (In Bulg.)

Grot Ia. K. *Russkoe pravopisanĭe : Rukovodstvo, sostavlennoe po poruchenĭiu Vtorogo Otdeleniia Imperatorskoĭ Akademĭi Nauk" akademikom" Ia. K. Grotom"* [Russian Spelling : A Manual Compiled on Behalf of the Emperor's Academy of Sciences by Academician Ya. K. Grot]. 11th ed. St. Petersburg: Emperor's Academy of Sciences' Printing house, 1894. XII+120+XL p. (In Russ.)

Itkin I. B. [Once more on *e ~ 'o* alternation in modern Russian] // *Voprosy Jazykoznanĭia* [Linguistic Inquiries]. 1994. № 1. Pp. 125–133. (In Russ.)

Itkin I. B. *Russkaia morfonologiia* [Russian Morphology]. Moscow: «Gnozis», 2007. 272 p. (In Russ.)

Mičátek L. A. *Differentsīal'nyĭ bolgarsko-russkĭ slovar'* [A Differential Bulgarian and Russian Dictionary] / compiled by L. A. Mičátek. *I kratkaia grammatika bolgarskago iazyka* [And a Short Grammar of Bulgarian] / compiled by P. A. Lavrov. St. Petersburg: V. D. Smirnov's Printing house, 1910. [4]+114 p. (In Russ.)

OëS — *Orfoëpicheskiĭ slovar' russkogo iazyka : proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [An Orthoepic Dictionary of the Russian Language : Pronunciation, Stress, Grammatical Forms] / ed. R. I. Avanesov. 2nd ed., unchanged. Moscow: «Russky Yazyk» Publishers, 1985. 704 p. (In Russ.)

Nekrasov N. A. *Stikhotvoreniia N. Nekrasova* [Poems by N. Nekrasov] / Edition by K. Soldatenkov and N. Šcepin. Moscow: In Alexandre Semen's Printing house, 1856. XVI+209 p. (In Russ.)

Polański K. *Gramatyka języka polabskiego* [A Grammar of the Polabian Language] / [ed. by J. Okuniewski]. S.l.: [2010]. 209 p. URL: http://www.sbc.org.pl/Content/18899/gramatyka_jezyka_polabskiego.pdf. (In Pol.)

Ramułt S. *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego* [A Dictionary of the Pomeranian (Pomorian), or Kashubian (Cassubian) Language] / compiled and worked out by Stefan Ramułt. In Kraków: ed. by the Academy of Learning, 1893. XLVIII+298 p. (In Pol.)

Romaszkiewicz P. A. *Polnyĭ russkĭ orfograficheskĭ slovar'* [A Complete Russian Spelling Dictionary] / compiled according to academicians Ya. K. Grot, Ph. Reiff, V. I. Dahl, N. P. Makarov, A. N. Čudinov, Alexandrov and others by P. A. Romaszkiewicz / corrected and augmented by A. A. Bykov. 5th ed. St. Petersburg: Bookseller V. I. Gubinsky's edition, [1898]. [2]+258 p. (In Russ.)

SEJDP — *Słownik etymologiczny języka Drzewian polabskich* [An Etymological Dictionary of the Language of Polabian Drevani]. Fasc. 2: *D'üzd – L'otü* / Kazimierz Polański / [The Committee for Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences]. Wrocław–Warsaw–Cracow: The National Ossoliński Institute (Ossolineum), The printing house of the Polish Academy of Sciences, 1971. Pp. [I–IV] + 143–346 + [2]. (In Pol.)

Zalizniak A. A. *Ot praslavianskoĭ aktsentuatsii k russkoĭ* [From Proto-Slavic Accentuation to Russian one] / ed.-in-ch. V. N. Toporov. Moscow: «Nauka» Publ. House, 1985. 430 p. (In Russ.)

Zalizniak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Works in Accentology]. Vol. 1. 2010. 838 p. Vol. 2: *Drevnerusskĭ i starovelikorusskĭ aktsentologicheskĭ slovar'-ukazatel' (XIV – XVII vv.)* [Old Russian and Old Great Russian Accentological Vocabulary-Index (XIVth to XVIIth Cent.)]. 2011. 352 p. Moscow: «The Languages of Slavic Culture» [= The LRC Publ. House]. (In Russ.)

Н. Т. Валеева

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

valeeva-nin@yandex.ru

УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ НОРМА, КОРПОРАТИВНАЯ НОРМА, УЗУС

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современной русской орфографии — проблема употребления прописных и строчных букв. Анализируются основные критерии, на которых базируются правила выбора прописной или строчной буквы, предлагаемые современными орфографическими справочниками и практическими пособиями (синтаксический, морфологический, словообразовательный, семантический, стилистический). Отмечается, что, несмотря на наличие специализированной словарно-справочной литературы, потребность пользователей в информации на эту тему явно не покрывается до конца, о чём свидетельствует как большое количество ошибок и вопросов со стороны обычных носителей, так и появление локальных инструкций, имеющих целью полное описание всех случаев употребления прописной буквы при составлении текстов определённых жанров и тематики. Наличие такого рода инструкций предлагается считать свидетельством реального сосуществования в современной русской орфографической практике общезыковой академической нормы с нормами локальными, или корпоративными; при этом вторые могут не только дополнять первую, но и вступать с ней в противоречия. На основании анализа языкового материала констатируется факт наличия узуальной конкуренции в вопросе выбора прописной или строчной буквы между академической и корпоративными нормами.

Ключевые слова: орфография, прописные и строчные буквы, норма, корпоративная норма, конкуренция норм.

Как известно, первым, кто предпринял попытку регламентировать употребление прописных и строчных букв, был ещё Я. К. Грот. «Держась частью логических оснований, частью общепринятого

обычая», он выделил 12 ситуаций, в которых следует употреблять прописную букву. Помимо маркирования начала текста и стихотворных строк они касались имён собственных, наименований, связанных с религией, «титл царствующего в России Дома», притяжательных прилагательных [Грот 2010: 305–308].

Современные справочники и практические пособия (см., напр., [Мильчин, Чельцова 2009], [Правила 2007], [Розенталь 1996]) предлагают нам гораздо более объёмный список правил, которые базируются на пяти основных критериях выбора прописной или строчной буквы.

Синтаксический критерий связан с маркированием с помощью прописных букв элементов текста (прописная в начале текста, прописная после точки, прописная в оформлении прямой речи и стихотворных строк).

На морфологическом критерии базируются правила написания с прописной имён собственных и со строчной нарицательных, а также, например, различия в написании *Вы* 2 лица единственного числа (*Вы*-вежливого) и *вы* 2 лица множественного числа.

Словообразовательный критерий определяет правила употребления прописных в аббревиатурах и сложносокращённых словах, а также в производных от имён собственных (например, прилагательных на *-ов* и *-ин* (*Иванов*, *Машин*), с одной стороны, и на *-ский* (*московский*) — с другой).

Семантический критерий касается написаний с прописной слов определённых семантических групп (например, праздников, исторических периодов и т. п.), а также выбора прописной или строчной в зависимости от значения многозначного слова (*Бог* — *бог*, *Земля* — *земля*).

Наконец, стилистическим критерием объясняется вариативность написания некоторых слов (Д. Э. Розенталь называл такие слова условно собственными [Розенталь 1996: 30]) с прописной или строчной в зависимости от стилистической окраски текста (высшие должности государства — с прописной в официальных текстах и со строчной в публицистических; *Родина* — *родина*, *Честь* — *честь* и под. соответственно в высоких и нейтральных контекстах и т. д.).

Несмотря на то что списки правил употребления прописных и строчных, как уже было сказано, достаточно пространны, а так-

же несмотря на наличие специализированных словарей (см., напр., [Лопатин 2007] или [Семёнова 2006]), потребность пользователей в информации на эту тему явно не покрывается до конца, о чём свидетельствует как большое количество ошибок и вопросов со стороны обычных носителей, так и появление разного рода локальных инструкций, имеющих целью полное описание всех случаев употребления прописной буквы при составлении текстов определённых жанров и тематики. В качестве примера такого рода инструкций можно привести [Протокол 2007], в частности, регламентирующий написание, связанные с православной религией, или [Регламент 2006], касающийся в Приложении 4 употребления прописных и строчных букв в документах, издаваемых организациями и учреждениями правительства Москвы.

Так как в указанных случаях инструкции носят не рекомендательный, а предписательный характер, то есть представляют собой попытки кодификации, уместно говорить о существовании наряду с общеязыковой, академической нормой норм локальных, корпоративных. При этом академическая норма не только дополняется более детальными описаниями случаев употребления прописных и строчных букв (например, в наименованиях конкретных министерств, ведомств, организаций, структурных подразделений, должностей и т. п.); иногда можно констатировать и установление локальной контрнормы.

В качестве примера обратимся к правописанию — с точки зрения возможности написания с прописной или строчной буквы — слова *мэр*.

Это слово относительно недавно перестало быть в русском языке экзотизмом. Ещё четверть века назад единственную сложность, связанную с его написанием, представляла э после согласной (*мэр, сэр, нэр, пленэр* — как исключения из общего правила о написании *е* после согласных вне зависимости от мягкости / твёрдости обозначаемых этими согласными звуков). Однако в наше время гораздо более актуальным и сложным для носителей русского языка является вопрос, следует ли писать данное слово с прописной или строчной буквы.

[Правила 2007: 187] предполагают написание в официальных текстах с прописной буквы названий только высших государственных должностей и титулов; слово *мэр* приводится среди примеров

названий должностей, званий и титулов, которые следует писать со строчной буквы. Той же точки зрения придерживаются и все другие, упоминавшиеся выше, справочники и словари. Таким образом, написание слова *мэр* со строчной является единственным нормативным вариантом.

Однако в Приложении 4 к [Регламент 2006] находим: «С прописной буквы пишется наименование должности *Мэра* Москвы». Корпоративная норма здесь вступает в прямое противоречие с общеязыковой, или, лучше сказать, переосмысливается: понятие высшей государственной должности проецируется с России на Москву, и, таким образом, под него подпадает московский градоначальник. В пользу такой интерпретации указанного феномена говорит тот факт, что пресс-служба правительства Москвы, PR-службы департаментов правительства Москвы, как и официальные московские органы СМИ, выбирая прописную или строчную при написании слова *мэр*, чётко руководствуются стилистическим критерием: прописная в публикуемых официальных документах (законы г. Москвы, указы и распоряжения мэра г. Москвы) и строчная в публицистических текстах*:

(1) *Лицо, наделенное полномочиями **Мэра** Москвы до вступления в силу настоящего Закона, осуществляет свои полномочия до истечения их срока или до избрания нового **Мэра** Москвы с учетом положений федерального законодательства и настоящего Закона.*

Вестник Мэра и Правительства Москвы;

(2) *Назначить Ресина Владимира Иосифовича советником **Мэра** Москвы на общественных началах на срок полномочий **Мэра** Москвы.*

Вестник Мэра и Правительства Москвы;

но

(3) *Вчера в Кремле состоялась рабочая встреча президента Владимира Путина и **мэра** Москвы Сергея Собянина.*

Тверская, 13;

* Все примеры заимствованы из электронных версий соответствующих СМИ.

(4) Одним из первых пассажиров нового состава стал **мэр** Москвы Сергей Собянин, принявший участие в церемонии пуска.

Тверская, 13;

(5) Об этом сообщил заместитель **мэра** Москвы, руководитель Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Максим ЛИКСУТОВ.

Тверская, 13;

(6) Столичный **мэр** уточнил, что сегодня от 50 до 90 процентов крови и лекарственных средств на ее основе лечебные учреждения получают за счет возмездного донорства.

Тверская, 13.

В материалах менее респектабельных СМИ, не публикующих официальных документов, преобладает написание со строчной, хотя иногда неожиданно появляется и прописная:

(7) В заключение **Мэр** Москвы вручил пятерым сотрудникам столичной полиции награды за вклад в укрепление законности и правопорядка в городе и высокие показатели...

Говорит Москва;

(8) Особенно запомнилось выступление Анастасии Раковой, заместителя **Мэра** Москвы — руководителя Аппарата Мэра и Правительства Москвы.

Регионы России;

(9) Конференцию откроют А.В. Шаронов, Заместитель **Мэра** Москвы в Правительстве Москвы по вопросам экономической политики, и М. Ю. Копейкин, Член Правления — Заместитель председателя Внешэкономбанка, Председатель Оргкомитета Программы.

Вечерняя Москва.

По-видимому, к такому написанию не слишком грамотных журналистов и корректоров подталкивает интуитивное восприятие фигуры столичного градоначальника как чрезвычайно масштабной и значимой.

В блогосфере ситуация иная, и гораздо менее упорядоченная. На чиновников очевидным образом влияет корпоративная норма (при том что про стилистические тонкости большинство из них, видимо, просто не знает), поэтому в их блогах преобладает написание слова *мэр* с прописной. У других блоггеров, и вообще в неофициальном интернет-дискурсе, написание с прописной встречается гораздо реже, однако встречается, причём зачастую отнюдь не в комплиментарных контекстах:

(10) *Координационный, блин, совет возглавил заместитель **Мэра** Москвы в Правительстве Москвы по вопросам, извините за выражение, градостроительной политЫки и строительства Марат Хузнуллин;*

(11) *Напомним, что ранее **Мэр** Москвы Сергей Собянин заявЫл о намерении пригласить гарантированно глобальных профессионалов принять роль в конкурсе на разработку концепции развития новых территорий;*

(12) *Забывает ли наша администрация о том, что 22.08.2012 г. было издано подписанное **Мэром** Москвы Собяниным С. С. постановление Правительства Москвы № 424-ПП, объявляющее Троицкий лес особо охраняемой зеленой территорией, на которой запрещена любая деятельность, не связанная с ее сохранением и изучением?*

Приведённые примеры, как кажется, опровергают бытующее мнение, что выбор прописной при написании названия должности объясняется желанием пишущего выразить таким образом своё особое уважение или даже подобоострастие по отношению к лицу, занимающему данную должность. Но если это не так, чем же объяснить регулярные случаи написания слова *мэр* с прописной? Может быть, это тоже влияние корпоративной нормы — ведь в Интернете публикуются в том числе и документы правительства Москвы, с которыми блоггеры там знакомятся и на которые ссылаются. Можно предположить, что многие, в том числе и образованные, носители русского языка воспринимают законодательные акты, и вообще правительственные официальные документы, в качестве эталонных и с точки зрения правописания.

И если это так, то в данном случае имеет место не только про-

тиворечие между академической и корпоративной нормой, но и их реальная конкуренция в узусе.

Литература

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания. От Петра Великого доныне / под ред. К. Я. Грота. 5-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 402 с.

Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная? Орфографический словарь. М.: Эксмо, 2007. 512 с.

Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора. М.: Студия Артемия Лебедева, 2009. 800 с.

Правила 2007 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Протокол 2007 — Марк, еп. Егорьевский. Церковный протокол. М.: Изд. совет РПЦ, 2007. 183 с.

Регламент 2006 — Регламент Правительства Москвы, утверждённый постановлением от 21 февраля 2006 г. № 112-ПП.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Рольф, 1996. 368 с.

Семёнова Н. М. Прописная или строчная?: тематический словарь-справочник. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 710 с.

N. T. Valeeva

Russian State University for the Humanities

(Russia, Moscow)

valeeva-nin@yandex.ru

THE USE OF UPPERCASE AND LOWERCASE LETTERS: ACADEMIC NORM, CORPORATE NORM, USAGE

The article addresses one of the relevant problems of modern Russian orthography, namely the use of uppercase and lowercase letters. It analyses main criteria, on which the rules of the selection of an uppercase or lowercase letter listed in modern spelling reference books and practical manuals (syntactic, morphological, word-formational, semantic, stylistic).

tic) are based. It is evident that, in spite of the availability of specialized dictionaries and reference literature, the requirement for information on this subject is apparently not entirely satisfied. The proof, besides a large number of mistakes, as well as questions from native speakers, is the appearance of local instructions, aimed at the full description of all the instances of an uppercase letter use in texts of certain genres and themes. These instructions suggest the co-existence of the academic standard and local or corporate norms of modern Russian spelling, with the second ones not only supplementing the first one, but sometimes coming into conflict with it. The analysis of the linguistic material reveals rivalry between the academic standard and corporate standards of an uppercase or a lowercase letter use.

Key words: orthography, uppercase and lowercase letters, norm, corporate norm, rivalry of norms.

References

Grot Ya. K. *Spornyye voprosy russkogo pravopisaniya. Ot Petra Velikogo donyne* [Debated questions of the Russian spelling from Peter the Great to our days]. Moscow: LIBROCOM Publ., 2010. 402 p.

Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. *Propisnaia ili strochnaia? Orfograficheskii slovar'* [Uppercase or lowercase? The orthographic dictionary]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 512 p.

Mark, episkop Iegorievskii. *Tserkovnyi protokol* [Church protocol]. Moscow: Publishing Council of Russian Orthodox Church, 2007. 183 p.

Mil'chin A. E., Chel'tsova L. K. *Spravochnik izdatel'a i avtora* [The guide of a publisher and an author]. Moscow: Studiia Artemiia Lebedeva Publ., 2009. 800 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian orthography and punctuation. The complete academic reference book]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 480 p.

Reglament Pravitel'stva Moskvyy [The regulation of Moscow Government]. Moscow, 2006.

Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke* [Guide to orthography and literature editing]. Moscow: Rolf Publ., 1996. 368 p.

Semenova N. M. *Propisnaia ili strochnaia?: tematicheskii slovar'-spravochnik* [Uppercase or lowercase? The dictionary organized by topics]. Moscow: Russian Language — Media Publ., 2006. 710 p.

О. Е. Иванова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
olliva95@yandex.ru

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И «УСИЛЕННЫЙ ОБЫЧАЙ СЛИВАТЬ ДВА СЛОВА В ОДНО»

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов современной русской орфографии — изменение кодифицированной нормы правописания некоторых наречий (*без удержу, до упаду, на ошупь, с ходу* и др.), раздельное написание которых считается противоречащим их частеречному статусу. Приводятся данные речевого узуса и анализируются лингвистические аргументы в защиту тезиса о сохранении принятого написания, которое отражает определенные языковые сущности.

Ключевые слова: орфография, правописание наречий, кодифицированная норма, узуальная норма, изменение кодификации.

Я. К. Грот призывал при выборе слитного или раздельного написания руководствоваться сложившейся традицией, которая чем давнее, тем более имеет право на регулирующую роль: «Главным тут руководителем должен служить установившийся обычай, и чем он давнее, тем более имеет права на то, чтобы с ним сообразовались» [Грот 1899: 780]. Если же «встречается сомнение» в способе письма — то лучше писать «врознь». В целом же он полагал, что слитное или раздельное написание определить «точными правилами невозможно» [Там же]. И до сих пор положение дел таково, что только некоторый, хотя и значительный, фрагмент орфографии наречий и наречных сочетаний может быть описан с помощью правил, другая часть имеет так называемое словарное написание. Независимо от способа кодификации — в правилах или в словаре — написание наречий закреплено уже более полувека и, смеем утверждать, отражает сложившуюся сегодня традицию в данном сегменте письма. Однако тема желательности и необходимости изменений в написании наречий все же поднимается, и,

прежде всего, в среде лингвистов [Касаткин 2012, Крылова 2012, Кузьмина 2001, Панов 1964].

В большинстве случаев обсуждение правописания наречий и предложения по корректировке сводятся к двум положениям: 1) заменить раздельные написания слитными в тех случаях, когда есть уверенность, что данная единица — наречие, и 2) ввести в «трудных», неоднозначных случаях варианты написания.

Варианты в написании наречий предлагались еще в Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии 1904 г. с такой мотивировкой: «... ввиду того, что слитность и раздельность написания слов *зависят* во многих случаях *от субъективного понимания говорящих*» (выделено нами. — О.И.) (цит. по: [Григорьева 2004: 255]). Действующие Правила 1956 г., как известно, построены на принципе единственности кодификации. В основе этого — позиция ученых того времени, расценивавших кодифицированное орфографическое варьирование как разноречие, зависящий от «*индивидуальных вкусов и привычек пишущих*» [Шапиро 1956: 27]. Таким образом, в начале XX в. при попытках осмысления общей для всех нормы письма «субъективное понимание говорящих» воспринималось как существенный фактор для принятия идеи вариативности орфографической нормы. В середине XX в. этот же фактор оценивается как деструктивный, противоречащий идеологии общей орфографической нормы. И для современного нам пишущего сообщества вопрос «как правильно?» — это всегда вопрос только об одном способе написания, что отражает стремление соответствовать стандарту.

В реальном узусе, конечно, имеются колебания в написании наречных единиц (*с ходу* / *сходу*, *на ощупь* / *наощупь*, *в складчину* / *вскладчину* и пр.). Весь вопрос в мере и характере этих колебаний и субъективной оценке этой меры. Можно ли утверждать, что у пишущих сложилось устойчивое представление о том, что слово пишется неодинаково? Верно ли, что пишущие уже не различают правильное и неправильное написание?* Осознается ли пишущими потребность в изменении написания каких-либо единиц? Ответы

* Такие случаи есть. Например, прилагательное *лиро()**эпический*, которое неоднократно подвергалось перекодификации, основанной на различных лингвистически существенных факторах (*лиро-эпический* согласно Орфографическому словарю русского языка 1956 г., 1974 г. (13-е изд., испр. и доп.), *лироэпический* — 1991 г. (29-е изд., испр. и доп.) и Русский орфографический словарь 1999 г., *лиро-эпический* — Русский орфографический словарь 2005 г. и след.).

на эти вопросы можно извлечь из анализа реального употребления. В нашем случае полезно посмотреть для начала на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Поскольку речь идет о смене кодифицированной нормы, то для выводов существенны показания текстов, прошедших редактуру*, т. е. мы намеренно противопоставляем данные НКРЯ необработанным данным поисковых систем.

Чтобы сделать материал для рассмотрения обозримым, были взяты две контрольные группы слов. Первую (табл. 1) составили те наречия, написание которых предлагалось изменить в проекте Свода правил русского правописания 2000 г. [Свод правил... Проект 2000: 390]. Тогда после острых дискуссий составители проекта (Букчина, Калакуцкая, Кузьмина, Еськова, Иванова, Лопатин, Чельцова) сформировали список из 12 слов — наречий и традиционно относимых сюда же предикативов, которые, как считалось, «созрели» для кодификации в слитном написании. Вот как выглядит статистика слитных и раздельных написаний для этих слов в ноябре 2012 г. по данным НКРЯ.

Таблица 1.

слово	слитно	раздельно	соотношение
(в)сердцах	14 (1 после 1956 г.)	1637	1:116 (1:1637)
(до)зарезу	27	159	1:5
(до)упаду	1	233	1:233
(за)полдень	2	132	1:66
(за)полночь	60	844	1:14
(на)весу	2	303	1:151
(на)ощупь	55	865	1:15
(на)плаву	0	322	0:322
(на)скаку	0	194	0:194
(на)сносях	0	79	0:79
(под)стать	59	528	1:9
(не)прочь	56	1473	1:26

Видно, что ни одно слово не демонстрирует степени вариативности, показывающей неразличение написаний, их смешение, что

* Исходим из того, что в современном нам обществе редакторы и корректоры литературных журналов, энциклопедий, научных издательств являются носителями языковой нормы, «за которыми общество признает способность судить о том, правильно или неправильно то или иное языковое выражение» [Шмелев 2012: 69].

позволило бы говорить о назревшей необходимости изменения написаний.

Вторую контрольную группу составили слова, о которых наиболее часто говорят, что они «срослись», что вторая часть не воспринимается в качестве отдельного слова, а предлог превратился в приставку (табл. 2). В список включено сочетание **в тупик**, которое также предлагали писать слитно, несмотря на то, что оно соответствует правилу раздельного написания наречных сочетаний, в которых данное существительное употребляется в разных падежных формах с одним и тем же или разными предлогами (*поставить в тупик — быть в тупике — выйти из тупика*).

Таблица 2.

слово	слитно	раздельно	соотношение
<i>(без)умолку</i>	8	508	1:63
<i>(без)устали</i>	1	570	1:570
<i>(в)тупик</i>	6	1128	1:188
<i>(под)дых</i>	12	93	1:7
<i>(под)мышку</i>	17	419	1:24
<i>(с)маху</i>	39	172	1:4
<i>(с)ходу</i>	152	997	1:6

В этой группе также ни у одного слова не образовалась «критическая масса» для кодификационных изменений. Полагаем, что, несмотря на ограниченность материала, предоставляемого НКРЯ, для данных наречий — которые обсуждались в качестве наиболее подходящих кандидатов для точечной орфографической коррекции — можно говорить о *совпадении кодифицированной и узуальной нормы письма*. Та же картина видна и в данных двух популярных поисковых систем (8 декабря 2012 г.)* (табл. 3), что убеждает нас — в настоящее время для такой коррекции нет оснований.

Таблица 3.

слово	слитно (Яндекс — Гугл)	раздельно (Яндекс — Гугл)
<i>(в)сердцах¹</i>		
<i>(до)зарезу</i>	7 тыс. — 77 тыс.	67 тыс. — 179 тыс.
<i>(до)упаду</i>	2 тыс. — 28 тыс.	935 тыс — 1 млн. 460
<i>(за)полдень</i>	2 тыс. — 23 500	97 тыс. — 8 млн. 660

* Понимаем всю приблизительность и возможную некорректность таких данных.

<i>(за)полночь</i>	122 тыс. — 270 тыс.	670 тыс. — 1 млн. 150
<i>(на)весу</i>	266 тыс. — 197 тыс.	597 тыс. — 1 млн. 120
<i>(на)ощупь</i>	341 тыс. — 641 тыс.	6 млн. — 8 млн. 180
<i>(на)плаву</i>	43 тыс. — 55 900	2 млн. — 2 млн. 610
<i>(на)скаку</i>	2 тыс. — 26 300	370 тыс. — 730 тыс.
<i>(на)сносях</i>	477–7 450	66 тыс. — 390 тыс.
<i>(под)стать</i>	225 тыс. — 403 тыс.	1 млн. — 2 млн. 020
<i>(не)прочь</i>	119 тыс. — 263 тыс.	4 млн. — 5 млн. 360

¹ Из-за невозможности технически отделить употребление наречия *в сердцах* (сказать *в сердцах*) от предложно-падежной группы *в сердцах* (*в сердцах друзей*) данные не приводятся.

Но что же объективно стоит для пишущих за сохраняющимся раздельным написанием? Что поддерживает такое написание? Разберем один пример.

В качестве наиболее бесспорных кандидатов для изменения кодификации часто приводят слова *без удержу*, *без умолку*, *без устали*. Эти слова пишутся раздельно по двум действующим правилам — как сочетания с предлогом-приставкой *без* и как группа «предлог-приставка на согласный + корень на гласный».

Существует некоторая процедура «проверки на адвербиальность» из трех пунктов: 1) имеется / не имеется существительное с тем же значением, 2) возможно / невозможно другое предложно-падежное сочетание существительного с тем же значением, 3) возможно / невозможно употребление опорного слова с согласованным определением (напр. [Каверина 2011]). Положительный ответ на каждый вопрос означает, что перед нами не наречие, а существительное с предлогом. И действительно: для сочетания *без удержу* на каждый контрольный вопрос ответ является положительным.

Есть существительное *удерж* со значением «мера, предел, ограничение» (С.А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка): *удержу нет* у кого-н. в работе или «А я — человек, живущий *без удержу*, на грани риска и азарта», «Янки ... так те *вообще без удержу* ... Филиппины, Корея, Вьетнам, Куба ... теперь Ирак и Афган ... А мы что рыжие?», «Остовы от печей — вот та основа, С которой будем начинать, *Без удержу от* матерного слова»;

* Примеры в статье взяты из Национального корпуса русского языка и поисковых систем интернета.

есть употребление с тем же значением в др. форме: сочетание для удержу используется — от далевского «Устой с быками, **для удержу** льда», выражения Плевако «**для удержу** перед страстями и соблазнами», также «Их, пожалуй, следовало несколько удерживать “от безумной отваги”». **Для удержу** присутствовал корпусный наставник лейтенант князь Шихматов» до современного «Я знаю, что во мне не хватит сил. **Для удержу** твоих шальных желаний», «И то и другое для очищения души служит, возвышения её, а ещё **для удержу** от всяких дурных побуждений», «в Китае никто силовой метод **для удержу** капитала не применяет», «Сейчас америкосы очередную каверзу задумали **для удержу** на плаву — денег много подпечатают», «поставить гроверную шайбу **для удержу**», «Обычный арабский лидер-диктатор, но необходимый **для удержу** не сильно развитой арабской общественности от племенных и религиозных склок», «Также в помещении наличествовало что-то навроде прислоненного к стене гроба да чуть выгнутого посередке стола с железными запястьями **для удержу**», «Я потом допер, что повторял **для удержу** образа слово “мама”, «Ой батяня! Нету уже мочи **для удержу**!»;

есть также группа с удержем «Мы же русские люди — сам знаешь, что у нас **с удержем** дело плохо обстоит», «литые браслеты **с удержем**», а также без удержа с окончанием -а «Я ведь **без удержа** — человек с темпераментом»;

есть сочетания удержу нет кому и у кого в чем, удержу не знает кто, в том числе и с определением нет никакого удержу, без всякого удержу, без никакого удержу (разг.): «Неизмеримая злоба овладела Ганей, и бешенство его прорвалось **без всякого удержу**» (Достоевский. Идиот), «На континенте [чеснок] употребляют **без всякого удержу** — особенно в Италии», «Они болтали и нагло смеялись **без никакого удержу**» и др. «Возможность иметь при себе согласованное определение надежно оставляет адвербиальную форму в системе имени», — справедливо полагает Н. В. Чурмаева [Чурмаева 1989: 34].

Иными словами, мы имеем дело с вполне живым словом, представленным парадигмой форм, притом что ощущать слово как су-

существительное мы можем даже если у него один реальный падеж*. В разных формах данное существительное по-разному реализует свой семантический потенциал. Может быть, стоит подумать о пересмотре традиционной и кочующей из словаря в словарь подаче слова *удерж* как единицы, существующей только в составе связанных сочетаний. По нашим наблюдениям, употребление этого отглагольного существительного в различных формах постепенно нарастает**.

В синтагматическом ряду предложно-падежная группа *без удержу* частотно выступает в конструкциях с сочинительной связью типа *без удержу и без меры, без удержу и без смысла, без удержу и без разбора, без удержу и без края, без удержу и без конца, ... и без совести, ... и без оснований* и пр. и наоборот: «Причем, они говорят и говорят **без удержу и без конца** все одни и те же общеизвестные и трижды пережеванные истины», «Беспокойство, маята, гонка за прибылью **без удержу и без передышки** — вот врожденный американский дефект», «Она одарена всем земным **без удержу и без меры**», «Я **без опасений и без удержу** отдался этому сладостному чувству», «Но **болтает без меры язык, и без узды чувства, и без удержу** мысли несутся, погоняя друг друга».

Следует обратить внимание и на роль предлога *без*. В определенных случаях препятствием к продвижению единицы в сторону категории наречия является именно предлог. Считается, что предлог *без* «всегда сохраняет свое прямое значение («отсутствие»), по-видимому, неспособное ослабить предметность значения существительного и тем самым расширить это значение» [Шапиро 1947: 34]. Мешает он наре-

* Об этом писал А. Б. Шапиро: «Если употребляется хотя бы один падеж как падеж, то это означает, что еще жива в языковом сознании и вся система падежей» [Шапиро 1947: 31]. Есть много существительных, — продолжает он, — у которых остался один-два падежа, но это не значит, что они перестали быть существительными (*зги не видать, из огня да в полымя, бить баклуши, лихва, изволок, ровня, ступ*).

** По мнению А. К. Коневецкого, *без удержу* сразу возникло как наречие по морфологической модели, куда входила «основа, образованная по модели существительного, но как существительное не употребляющаяся <...> (например: *без удержу, без просыпу, вдогон, вздаых, впопад, враздробь, навскид, нарозмет, наугад* и др.)» [Коневецкий 1977: 30]. «Словарь русского языка», составленный II Отделением Имп. Академии наук (Т. 1. А-Д. Спб., 1895) подавал эту единицу только как наречие в ряду однотипно образованных: «**Безъ-толку**, нар. Без порядка, без смысла и цели. **Безъ-удержу**, нар. Не удерживая себя <...> **Безъ-умолку**, нар. <...>. **Безъ-устали**, нар. Без утомления, неустанно, неутомимо, бодро».

чиванию также наличие синонимичных наречий (*без удержу* — *безудержно*, *без платы* — *бесплатно*, *без толку* — *бестолково*).

Вообще интересно посмотреть на всю группу единиц с предлогом *без*, к которой принадлежит *без удержу*. Она составляет около 40 устойчиво воспроизводимых в текстах сочетаний* (некоторые — с вариативностью окончания *а* / *у*, также некоторые двухчастные сочетания типа *без страха и упрека*, *без году неделя*). Все они пишутся в норме раздельно. Более того, сочетания «предлог + род. падеж» вообще предпочитают писаться раздельно: на все количество единиц с предлогами *без*, *до*, *для*, *с*, *от* имеются лишь считанные исключения: кроме слов с корнями *верх*, *низ*, *даль*, *перед*, *зад* и др., это только *дотла*, *отроду*, *отчасти*, *сразу*, *сроду*, *сряду*, *срывка*, *сплеча*, а сочетания с предлогами-приставками *без* и *для* их не имеют вовсе (по тексту академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г.). Таким образом, при учете разных типов контекстов и лексико-грамматических факторов кодифицированное раздельное написание *без удержу* (чем бы оно ни было — уже наречием или еще существительным) сегодня вполне закономерно и объяснимо. Собранные статистические данные (Яндекс с поддержкой НКРЯ в табл. 4) показывают подавляющее преобладание единиц, написанных раздельно по правилу. И хотя эти данные достаточно условны, но эта условность однородна — явное преимущество нормативного написания.

* По данным «Русского орфографического словаря» (2012) это такие сочетания: *без ведома*, *без вести*, *без году неделя*, *без дураков*, *без души*, *без зазрения совести*, *без запинки*, *без изъятия*, *без конца*, *без мала*, *без малого*, *без напряга*, *без обиняков*, *безо всякого*, *без оглядки*, *без околичностей*, *без опаски*, *без основания*, *без остатка*, *без отказа*, *без отрыва (от кого-чего)*, *без памяти*, *без передыху*, *без призора* / *без призору*, *без прикрас*, *без продыху*, *без промаху*, *без просвета*, *без просыпа* / *без просыпу*, *без разбора*, *без различия*, *без разницы (в знач. сказ.)*, *без роду-племени*, *без сознания*, *без спроса* / *без спросу*, *без страха и упрека*, *без сучка без задоринки*, *без толку*, *без удержу*, *без ума*, *без умолку*, *без устали*, *без утайки*.

Таблица 4. Данные Яндекса (30–31 окт. 2012 г.) и НКРЯ для формы «без + род. пад. на -у»

	Яндекс	НКРЯ
<u>без (У)держу</u>	слитно менее 1 тыс. примеров (включая неск. страниц — вариант из словаря Ушакова, при не отсеянном существительном <i>безудерж</i> (<i>человек предается демократическому безудержу</i>)) раздельно 62 тыс.	слитно 1 шт. раздельно 89 шт.
<u>без (У)молку</u>	слитно 9 тыс. (включая вариант словарей Ушакова и Даля) раздельно 450 тыс.	слитно 8 шт. раздельно 508 шт.
<u>без (У)стали</u>	слитно 3 тыс. раздельно 1 млн.	слитно 1 шт. раздельно 570 шт.

Таким образом, если подходить к намерению кодификаторов «слить два слова в одно» с позиций функционирования конкретной орфографической подсистемы, то это приведет лишь к возникновению новых исключений, новых противопоставлений внутри парадигмы с единообразным написанием. Желание усовершенствовать существующую картину письма за счет перекодификации может находиться также и в противоречии с социально-лингвистическим фактором, каковым является установившееся употребление, воспроизводимое не случайно, а в связи с отражением определенных языковых сущностей*. Поддерживаемое словарями и правилами написание наречий — это сегодня тот сегмент устойчивого нормированного русского письма, который наилучшим образом выполняет функцию передачи информации письменными образами.

* Специалисты отмечают и такие случаи, когда традиционная корпоративная норма не желает меняться, несмотря на все усилия лингвистов и отсутствие твердых языковых оснований своего существования, таково, например, написание слова *розыскной* и его производных, сложных прилагательных *геологоразведочный* и *патологоанатомический* (написание всех этих слов изменено в орфографическом словаре 1991 г. на *розыскной*, *геолого-разведочный* и *патолого-анатомический*).

Литература

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004.

Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 2. СПб., 1899.

Каверина В.В. Проблема правописания наречий: орфография или грамматика? // Лингвистика и школа — IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001): материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л.Б. Парубченко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 90–97.

Касаткин Л.Л. Проект правила слитного написания приставок с корнем у наречий // Русский язык: Методический журнал для учителей-словесников. № 7. 2012.

Коневецкий А.К. История наречий в русском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1977.

Крылова О.А. Правописание наречий: норма и кодификация // Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи». М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С. 128–129.

Кузьмина С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. Сб. к 80-летию М.В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Панов М.В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация: Проект. М., 2000.

Чурмаева Н.В. История наречий в русском языке. М.: Наука, 1989.

Шапиро А.Б. Об образовании наречий в современном русском языке // Русский язык в школе. 1947. № 1.

Шапиро А.Б. Упорядоченное русское правописание (к выходу в свет «Правил русской орфографии и пунктуации»). М.: Издательство Московского университета, 1956.

Шмелев А.Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М.: Языки славянской культуры, 2012.

О.Е. Иванова
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Science
(Russia, Moscow)
olliva95@yandex.ru

SPELLING STABILITY AND «THE CUSTOM TO JOIN TWO WORDS IN ONE»

The article addresses one of the controversial issues of modern Russian orthography, namely the spelling of some adverbs (bez uderzhu, do upadu, na oshchup', s khodu etc.), the question being whether, considering their status as adverbs, they should be written solidly. The units under consideration were compared with other constructions based on the same noun and other types of adverbs. Some linguistic arguments to defend the traditional spelling were suggested and analyzed.

Key words: spelling, spelling of adverbs, standard language, norm, norm of usage, change of standard.

References

Churmaeva N. V. *Istoriia narechii v russkom iazyke* [History of adverbs in the Russian language]. Moscow: Nauka, 1989.

Grigoreva T. M. *Tri veka russkoy orfografii (XVIII–XX vv.)* [Three Centuries of Russian orthography]. Moscow, 2004.

Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskaniia. T. 2.* [Philological studies. Vol. 2], St. Petersburg, 1899.

Kasatkin L. L. [A project of a rule: solid writing of prefixes and roots in adverbs]. *Russkii iazyk*, 2012, No. 7, pp. 47–50.

Kaverina V. V. [A problem of adverb spelling: spelling or grammar?]. *Lingvistika i shkola — IV. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Mihaila Viktorovicha Panova (1920–2001): materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Linguistics and school-IV. On the 90th anniversary of Mikhail V. Panov (1920–2001): Proceedings of All-Russian scientific-practical conference]. L. B. Parubchenko (Ed.). Barnaul: Altai Univ. Press Publ., 2011, pp. 90–97 (In Russ.)

Konevetskii A. K. *Istoriia narechii v russkom iazyke*. Diss. dokt. filol.

nauk [History of adverbs in the Russian language]. Dr. philol. sci. diss. Saratov, 1977.

Krylova O. A. [Spelling of adverbs: norm and codification]. *Russkii iazyk v kulturno-istoricheskom izmerenii. Posviashchaetsia 200-letiiu Ya. K. Grot. Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi konferentsii «Kultura russkoi rechi»* [Russian language in the cultural and historical dimension. Dedicated to the 200th anniversary of Ya. K. Grot. Abstracts of the III International Conference “Culture of the Russian language”]. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS Publ., 2012, pp. 128–129. (In Russ.)

Kuzmina S. M. [Softening of manners in Russian orthography (to the problem of spelling variation)]. *Zhizn' iazyka. Sbornik k 80-letiiu M. V. Panova* [Life of language. Articles in honor of M. V. Panov]. Moscow: Languages of Slavonic Culture Publ., 2001 (In Russ.)

Panov M. V. [About solid and separate writing]. *Voprosy russkoi orfografii* [Questions of Russian spelling]. Moscow, 1964. (In Russ.)

Shapiro A. B. [On derivation of adverbs in modern Russian]. *Russkii iazyk v shkole*, 1947, No. 1. (In Russ.)

Shapiro A. B. *Uporyadochennoe russkoe pravopisanie (k vyvodu v svet «Pravil russkoi orfografii i punktuatsii)»* [Revised Russian spelling (to the publication of “Rules of Russian orthography and punctuation”)]. Moscow: Moscow University Publ., 1956.

Shmelev A. D. [The decline of speech culture or the alteration of the rules?]. *Voprosy kultury rechi. Vyp. 11* [Problems of speech culture. Issue 11]. Moscow: Languages of Slavonic Culture Publ., 2012. (In Russ.)

Svod pravil russkogo pravopisaniia. Orfografiia i punktuatsiia: Proekt [A manual of Russian spelling. Spelling and punctuation: Draft]. Moscow, 2000.

Э. Конефал
Гданьский университет
(Польша, Сопот)
ewakon@up.pl

**ПОЛЬСКОЕ ИМЯ В РУССКОМ ТЕКСТЕ:
из наблюдений над способом передачи собственных имён
в современных российских СМИ**

В настоящей статье описаны результаты наблюдений над практикой передачи польских собственных названий — особенно личных имён и фамилий — в современных русских массмедийных текстах (печатных и электронных). Традиционно наиболее часто используемым приёмом их транспозиции в указанных видах текста является транскрипция. Расхождения в фонетических системах, а также отсутствие строго унифицированных правил этого способа конверсии приводят к множеству вариантов к обозначению одного и того же объекта, что впоследствии может вызывать серьёзные затруднения в его идентификации. В последнее время всё более заметной становится также тенденция к экзотизации иностранных имён, в том и польских. Преимущественно это относится к польским фамилиям оканчивающимся на *-ski, -ska, -cki, -cka*, которые раньше адаптировались путём добавления типично русских окончаний *-ский, -ская, -цкий, -цкая*. Сохранение типичных для польского языка окончаний *-ски, -ска, -цки, -цка* в дальнейшем приводит к неизменяемости указанных фамилий в русском языке и тем самым к появлению коннотации чуждости при декодировании текста. Одновременно собственные названия всё чаще начинают транспонироваться в оригинальном написании (путём прямого переноса), что с одной стороны намного снижает вероятность ложной идентификации обозначаемого именем объекта, но с другой — приводит к гибридизации текста, в который имя вводится. Указанный приём может сопровождаться опущением польских диакритических знаков или дальнейшей англиризацией польского имени, что приводит и к неправильной идентификации денотируемого объекта, и к устранению закреплённого за ним национального колорита, и к макаронизации текста.

Ключевые слова: иностранные имена, собственные наименования, системы конверсии, транскрипция, прямой перенос, кириллизация.

Проблема транспозиции в русском тексте иностранных слов, особенно имён, хотя не является новой, — исследовалась в трудах лингвистов [Сергиевский 1929; Щерба 1958; Реформатский 1960, 1967; Мирецкий 1974; Суперанская 1978; Ермолович 2001, 2005], теоретиков перевода [Влахов, Флорин 1980; Виноградов 2004; Гарбовский 2004; Иванов 2006], составителей ономастических словарей и справочников [Гиляревский, Старостин 1985; Лидин 2006; Lewicki 2008], а в последнее время также специалистов в области компьютерной лингвистики [Клышинский 2010; Логачева, Клышинский, Галактионов 2012] — не перестаёт быть актуальной. Кажется, для пар языков, использующих разные системы письма*, вопрос долго останется злободневным — как в теоретическом, так и в практическом, и, наконец, нормативном плане.

Иностранное имя может проникать в текст различным путём, в зависимости от степени его ассимиляции в принимающем языке, принятой традиции, а также от вида денотата, к которому относится, и жанра текста, в который вводится. К основным способам передачи в тексте чужих имён относятся:

- конверсия, т. е. представление текстов, составленных на определённом языке, средствами системы письма, принятой для другого языка,
- прямой перенос, т. е. написание имени посредством букв латинского алфавита,
- смысловой перевод.

Для передачи собственных наименований применяются две системы конверсии — транслитерация и практическая транскрипция, отличающиеся друг от друга не только принятыми правилами, но и целенаправленностью. Система транслитерации (передача букв

* В текстах, составленных на языках, пользующихся одной системой письма, собственные имена обычно остаются в оригинальном написании, с учётом диакритических знаков, не выступающих в принимающем языке (например, французское ç, немецкое ÿ или польское ı).

одного алфавита графическими средствами другого алфавита, также с использованием диакритических знаков, без учёта орфографических и фонетических норм принимающего языка) является системой более строгой и применяется везде, где необходимо обеспечить однозначное представление исходного текста, составленного средствами другого алфавита, то есть в официальных документах, особенно передаваемых по компьютерным сетям, библиографических данных и т. д. Система латинизации для текстов на языках, письменность которых базируется на кирилловском алфавите, представлена в стандарте ISO 9–95 (рос. ГОСТ 7.79–2000).

Практическая транскрипция — тем временем — основывается на передаче иностранных слов средствами национального алфавита с учётом не их графики, а произношения [Суперанская 2000: 518]. Сохранение фонетического облика слова при его передаче является задачей более сложной и менее надёжной, так как из-за несовпадения фонологических систем исходного и принимающего языков можно только приблизительно отразить звучание исходного слова. Транскрипция с польского языка не исключение — в артикуляции большинства как гласных, так и согласных звуков польского и русского языков наблюдаются существенные различия [см. Bartoszewska 1995: 46]. Слово, конвертируемое таким образом, в тексте адаптируется не только фонетически, но и орфографически, морфологически и синтаксически.

Сферу применения практической транскрипции составляют прежде всего тексты, предназначенные массовому получателю — газетные, научно-популярные, художественные, рекламные и др., а лексическими единицами, в первую очередь подвергающимися транскрипции, являются имена собственные.

Как подчеркивается в лингвистической и переводческой литературе, имя собственное — всегда реалия. Кроме того, оно тем отличается от нарицательного имени, что всегда непосредственно относится к единственному в своём роде объекту (референту), то есть к конкретному лицу, организации, месту и т. д. Чужие имена характеризуются ещё и тем, что за ними всегда закреплена национально-языковая принадлежность, то есть они не только денотируют, но и вызывают у реципиента определённые коннотации.

Сегодня не только от переводчиков, но также и от журналистов, которые становятся транскрипторами, зависит написание и даль-

нейшее распространение такого рода иностранных реалий, а их неточная передача может привести к искажению передаваемой массмедийным текстом информации.

В центре нашего внимания оказались прежде всего имена и фамилии современных польских деятелей политики, культуры (кино, литературы, музыки) и спорта; названия газет, радио- и телеканалов, фирм и политических партий, т. е. те имена, которые ежедневно появляются в современных российских массмедиа и так же быстро исчезают, часто не успевая закрепиться. Материалом к настоящему исследованию послужили данные, извлечённые из «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru), в состав которого входят тексты печатных газет («Известия», Комсомольская правда», «Советский спорт», «Труд») и электронных агентств («Новый регион», «РИА Новости», «РБК-Daily»). Добавочным материалом послужили тексты электронных версий таких газет и журналов, как «Независимая газета», «Итоги», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ» и «Частный корреспондент». Во время работы была также использована поисковая система Яндекс.ру.

Кажется, что одним из источников трудностей является отсутствие строгой унификации норм указанного вида конверсии для отдельных языков (не только польского), несмотря на долгую борьбу за регламентацию, начатую ещё Щербой [см. Виноградов 2004: 153]. На издательском рынке существует масса различных словарей и пособий, описывающих правила транскрипции, в которых авторы часто по своему собственному языковому «чутью» устанавливают приемы передачи иностранного слова. Результат таков, что эти правила противоречат друг другу и приводят к формированию нескольких вариантов одного и того же имени. Журналисты тем временем, становясь транскрипторами, вынуждены «на ходу» формировать свои соответствия, не зарегистрированные никаким словарём. Таким образом, «норма» передачи польских букв и их сочетаний посредством русского алфавита находится в постоянном движении.

Такая ситуация приводит к различным курьёзам. Наглядным примером, подтверждающим этот факт, может послужить способ (вернее, способы) передачи личного имени и фамилии *Maciej Zakościelny* (актёр молодого поколения): *Мацей Закощельны*, *Матей Закостельный*, *Масьеж (!) Закощельный*, *Мацей Закошьельны*, *Мачей Закостцельны*, *Мацей Закощельный*.

На этой основе можно создать еще несколько вариантов, если имя *Maciej* можно передать как *Мацей*, *Мачей*, *Матей*, *Масьеж*, а фамилию *Zakościelny* — *Закощицельны*, *Закосьцельны*, *Закощельны*, *Закощельны*, *Закощельный*, *Закоствельный* (получается 24 варианта, без следования какому-либо принципу). При этом следует учесть факт, что только *Закощельный* и *Закоствельный* по нормам русского языка будут склоняться (фамилии на *-и* не склоняются).

Более чем одним соответствием обладают также и многие другие польские личные имена, например *Cezary* (*Цезарь*, *Цезары*, *Цезари*, *Цезарий*, *Чезари*)*, *Marcin* (*Марцин*, *Марчин*, *Мартин*), *Marian* (*Мариан*, *Марьян*, *Мариян*), *Franciszek* (*Францисшек*, *Франтишек*, *Франчишек*), *Gabriela* (*Габриела*, *Габриэла*, *Габриэлла*), *Jolanta* (*Йоланда*, *Иоланта*, *Йоланта*, *Йолянта*), *Ryszard* (*Ришард*, *Рышард*, *Ричард*), *Urszula* (*Урсула*, *Уриула*, *Уриуля*) или *Zofia* (*Софья*, *Зофия*, *Зофья*).

Самые большие трудности при транскрипции не вызваны, как часто упоминается в лингвистической литературе, передачей звуков, обозначаемых буквами *q*, *ę*, но прежде всего шумных (щелевых и слитных) согласных *s*, *c*, *ś*, *ć* (особенно перед мягкой согласной), а также сочетаний звуков *ia*, *ie*, *iu*, *ja*, *je*, *ju* (после согласной). Случаются и обыкновенные (но имеющие серьезные последствия), не вызванные какими-то трудностями ошибки, в результате которых, например, фамилия польского президента превращается из *Коморовского* в *Комаровского*.

Изменениям подвергается и способ передачи фамилий, оканчивающихся на *-ski* (*-ska*), *-cki* (*-cka*), *-dzki* (*-dzka*), которые с определенными исключениями (например, *Барбара Брыльска*) раньше передавались с флексией, свойственной русскому языку *-ский* (*-ская*), *-цкий* (*-цкая*), *-дзкий* (*-дзкая*)**, а теперь в большей степени начинают передаваться в оригинальном звучании, с окончаниями *-ски* (*-ска*), *-чки* и т. д. Результатом таких тенденций являются появляющиеся в текстах (даже на одной полосе!) дублиеты: *Качиньский* — *Качиньски*, *Сикорский* — *Сикорски*, *Квасьневская* — *Квасьневска*.

* Все соответствия были обнаружены при попытке установления способа передачи фамилии *Pazura* (*Cezary Pazura* — польский актёр).

** Такая же тенденция, только в противоположном направлении, наблюдается и при передаче в польской популярной транскрипции русских фамилий с окончанием *-ский* (*-ская*), *-цкий* (*-цкая*), *-дзкий* (*-дзкая*), которые в тексте адаптируются путем усечения *-й*, то есть оканчиваются на *-ski* (*-ska*), *-cki* (*-cka*), *-dzki* (*-dzka*), например: *Высоцкий*/*Wysocki*, *Бродский*/*Brodski*.

Тенденция к транспозиции иностранных имён с учётом их наиболее близкого звучания наблюдается прежде всего в спортивной прессе, где трудно встретить адаптированную к русской флексии фамилию, ниже приведём несколько примеров:

Футболисты «Москвы» поляки Мариуш Йоп и Дамиан Горавски выразили соболезнования по поводу кончины Папы Римского («Советский спорт»).

18 литров пива выпил 7 июня (в день матча Польша — Германия) поляк Гжегош Балиньски, установив новый рекорд Польши, зафиксированный представителями польской Книги рекордов Гиннеса («Советский спорт»).

За победу на турнире поборются американка Серена Уильямс и Агнешка Радваньска из Польши («Независимая газета»).

Иногда журналисты стараются избежать ошибочной идентификации обозначаемого именем денотата путём помещения в тексте рядом с транскрибированным вариантом имени его оригинального написания:

Отмечает вклад Путина в развитие страны и известный польский публицист и специалист по России, бывший корреспондент польской общенациональной газеты Трибуна в Москве (в 1990–2003 годах) Кшиштоф Пилявский (Krzysztof Pilawski) (РИА «Новости»).

Результаты проведённого анализа однозначно показывают, что в настоящее время все сильнее становится тенденция к прямому переносу собственного имени, особенно названий газет и журналов (см. пример выше), телеканалов, организаций и фирм. Эта практика начала распространяться также на имена и фамилии, которые появляются в текстах вместе с кириллизированным вариантом также и в оригинальном написании. Часто при таком прямом переносе опускаются польские диакритические знаки или имя даётся в английской транскрипции, а это уже может привести к дальнейшим ошибкам и непониманию.

В конце хочется подчеркнуть необходимость регламентации и унификации способов передачи имён собственных (не только польских), хотя кажется, что такая регламентация в будущем может быть и не нужна, так как всё чаще наблюдается тенденция к передаче иноязычного имени путём прямого переноса, т. е. в оригинальном

написании, что, с одной стороны, устраняет опасность ошибочной идентификации обозначаемого именем объекта, но с другой — ведёт к макаронизации текста.

Литература

Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2004. 240 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.

Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 542 с.

Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М.: Высшая школа, 1985. 304 с.

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 198 с.

Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 415 с.

Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 190 с.

Лидин Р. А. Иностранные фамилии и личные имена. Практика транскрипции на русский язык. М.: Толмач, 2006. 480 с.

Логачева В. К., Клышинский Э. С., Галактионов В. А. Современные методы практической транскрипции. М., 2012. URL: http://www.keldysh.ru/pages/cgraph/articles/dep20/publ2012/12_01.pdf.

Мирецкий А. Л. О передаче польского ё в русской практической транскрипции // Советское славяноведение. 1974. № 1.

Практическая транскрипция личных имен в языках народов мира/отв. ред. Э. С. Клышинский. М.: Наука, 2010. 679 с.

Реформатский А. А. Транслитерация русских текстов латинскими буквами // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 96–103.

Сергиевский М. В. О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке // Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сб. II. С. 212–227. М., 1929.

Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 283 с.

Суперанская А. В. Транскрипция // Большой энциклопедический

словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 517–518.

Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных названий и фамилий // Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. 1. С. 153–161.

Bartoszevska J. Фонетическая система современного русского языка в её сравнении с польским, украинским и белорусским языками. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 1995. 131 s.

Lewicki R. Polsko-rosyjski słownik nazw własnych. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. 222 s.

É. Konefal

University of Gdansk (Poland, Sopot)

ewakon@wp.pl

**A POLISH NAME IN A RUSSIAN TEXT:
from observations of transfer of proper names
in modern Russian mass media**

The article is concerned with the way Polish proper names, especially names and surnames are presented in modern Russian media texts (paper and electronic). The analysis of texts brings one to the conclusion that the above issue, despite years of research and even more years of practice, still poses a problem. The absence of uniform conversion rules and the ignorance of existing recommendations concerning the issue result in a situation, in which the very same name and surname are presented in a dozen ways. There is also a strong tendency to transfer Polish names in Cyrillic, yet Polish surnames ending in *-ski, -ska, -cki, -cka* are not adapted by adding typically Russian endings *-ский, -ская, -цкий, -цкая*, which implies that such names are indeclinable in Russian. Besides, more and more often surnames enter a text in their original spelling, yet with no diacritics characteristic of Polish (e. g. ł, ń, ć, ż). This might lead to a situation, in which the problem of proper names conversion from languages that use diacritics will eventually disappear.

Key words: foreign names, proper names, conversion, transcription, direct transfer, cyrillization.

References

Bartoszewska J. *Foneticheskaia sistema covremennogo russkogo jazyka v ee sravnenii s pol'skim, ukrainskim i belorusskim jazykami* [The phonetic system of modern Russian language in comparison with Polish, Ukrainian and Belarusian languages]. Gdansk: Univ. of Gdansk Publ., 1995. 131 p.

Ermolovich D.I. *Imena sobstvennye na styke jazykov i kultur* [Proper names at the junction of languages and cultures]. Moscow: R. Valent Publ., 2001. 198 p.

Ermolovich D.I. *Imena sobstvennye: teoriia i praktika mezh"jazykovoï peredachi*. [Proper names: Theory and practice of interlingual translation]. Moscow: R. Valent Publ., 2005. 415 p.

Garbovskii N.K. *Teoriia perevoda* [Theory of Translation]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2004. 542 p.

Giliarevskii R.S., Starostin B.A. *Inostrannye imena i nazvaniia v russkom tekste* [Foreign names and titles in the Russian text]. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1985. 304 p.

Ivanov A.O. *Bezekvivalentnaia leksika* [Equivalent-lacking words]. Saint Petersburg: Saint Petersburg St. Univ. Publ., 2006. 119 p.

Klyshinskii E. S. (Ed.). *Prakticheskaia transkriptsiia lichnykh imen v jazykakh narodov mira* [Practical transcription of personal names in languages of world nations]. Moscow: Nauka Publ., 2010. 679 p.

Lewicki R. *Polsko-rosyjski słownik nazw własnych* [Polish-Russian dictionary of proper names]. Lublin: UMCS Publ., 2008. 222 p.

Lidin R.A. *Inostrannye familii i lichnye imena. Praktika transkriptsii na russkii jazyk*. [Foreign surnames and personal names. Practice of transcription into Russian]. Moscow: Tolmach Publ., 2006. 480 p.

Logacheva V.K., Klyshinskii E. S., Galaktionov V.A. *Sovremennye metody prakticheskoi transkriptssii* [Transliteration rules generation and named entities transliteration conducted by a finite-state machine]. Moscow, 2012. Available at: http://www.keldysh.ru/pages/cgraph/articles/dep20/publ2012/12_01.pdf (In Russ.)

Miretskii A.L. [About Polish č in Russian practical transcription]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 1974, No. 1. (In Russ.)

Reformatskii A.A. [Transliteration of Russian texts by Latin letters]. *Voprosy jazykoznanii*, 1960, No 5, pp. 96–103. (In Russ.)

Sergievskaia M.V. [Foreign first and last names in Russian]. *Pub-*

lichnaia Biblioteka SSSR im. V.I. Lenina. Sbornik II. [Lenin Public library of the USSR. Volume 2]. Moscow, 1929, pp. 212–227. (In Russ.)

Shcherba L. V. [Transcription of foreign words and proper names and surnames]. *Izbrannye trudy po jazykoznaniiu i fonetike* [Collected works on linguistics and phonetics]. Leningrad, 1958, Vol. 1, pp. 153–161. (In Russ.)

Superanskaia A. V. [Transcription]. *Bolshoi encyklopedicheskii slovar'.* *Jazykoznanie* [Big encyclopedic dictionary. Linguistics] V. N. Yartseva (Ed.). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 2000, pp. 517–518 (In Russ.)

Superanskaia A. V. *Teoreticheskie osnovy prakticheskoi transkriptsii* [Theoretical bases of practical transcriptions]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 283 p.

Vinogradov V. S. *Perevod. Obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation: General and lexical issues]. Moscow: KDU Publ., 2004. 240 p.

Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1980. 342 p.

И. Н. Кошман
*Восточноукраинский национальный университет
имени Владимира Даля
(Украина, Луганск)
ikoshman@ukr.net*

ВСЕГО ЛИШЬ ИМЯ?
**(об орфографии украинских фамилий
в русских публицистических текстах Украины)**

В статье рассматриваются тактики воспроизведения украинских мужских и женских фамилий в современных русскоязычных текстах Украины. На примере газетных и журнальных текстов рассматриваются различные способы воспроизведения корневых морфем и финалей. Описывается фонетизация как современная тактика при передаче украинских фамилий на письме и рассматривается порождаемая фонетизацией графическая вариантность украинских фамилий в современных русскоязычных текстах Украины. Отмечается, что существование различных тактик становится фактором орфографической дестабилизации русских текстов Украины.

Ключевые слова: собственное имя, транскрибирование, фонетизация, морфема, текст.

Фамилии, как известно, имеют особый орфографический статус: их графический облик устанавливается специфическим образом. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» отмечается, что орфография фамилий подчинена традиции: фамилии «сохраняют буквенный облик, зафиксированный в официальных документах» [Правила 2009: 13]. Особый орфографический статус (как и иные — деривационный, морфологический, синтаксический — статусы) является следствием особенностей семантики фамилий как одного из подклассов собственных имен.

Закрепленность собственных имен за конкретными внеязыковыми реалиями обуславливает то, что «внешняя (звукографическая) оболочка должна иметь для собственного имени более самодовлеющий (по сравнению с апеллятивами) характер» [Гиляревский, Старостин 1985: 10].

Особую значимость положения о важности «звукографической оболочки» и специфическом орфографическом статусе приобретают в ситуациях, когда возникает необходимость в передаче на письме иноязычных фамилий. Р. С. Гиляревский и Б. А. Старостин подчеркивают, что практически во всех случаях этот вид собственных имен подлежит транскрибированию [Гиляревский, Старостин 1985: 25].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть тактики воспроизведения украинских фамилий в русских текстах. Материалом для наблюдений служат тексты нескольких русскоязычных газет, создающихся и издающихся в Украине («День», «Зеркало недели», «Зеркало недели. Украина», «Комментарии», «Левый берег», «Украина Центр»).

Основные правила передачи украинских фамилий в русском тексте сформулированы в справочном разделе словаря-справочника «Власні імена людей». Эти правила вполне соответствуют тенденции, отмеченной А. В. Суперанской: «слова, заимствованные из близкородственных языков, легко входят в принимающий язык и подвергаются в нем изменениям, диктуемым системой последнего» [Суперанская 1978: 140]. И хотя такой способ графического воспроизведения иноязычного собственного имени называется «традиционной подменой, подстановкой общепринятых форм» и даже подчеркивается, что это «не перевод» [Суперанская 1978: 143], следует, видимо, все же признать — в данном случае имеет место именно перевод (или частичный перевод).

Результатом последовательного применения предписываемых правилами процедур часто являются графические оболочки, которые не только не передают оригинальное звучание украинских фамилий, но и искажают (иногда существенно) его. Кроме того, такие номинации теряют существенную часть языковой информации — «стирается» языковая принадлежность антропонима, затемняется модель имени и т. д.:

Білодід
Задніпровський
Їжакевич
Луговий
Олійник
Світличний
Чернівці

Белодед
Заднепровский
Ижакевич
Луговой
Олейник
Светличный
Черновол

В современных русских публицистических текстах Украины последних десятилетий обнаруживается тяготение к фонетизированной передаче украинских фамилий, т. е. к использованию транскрипции при установлении графического облика.

1. Транскрипционный способ избирается при воспроизведении корневых морфем в украинских фамилиях: *Вспомнил я эту историю после того, как прочитал воспоминания о Мыколе Негоде, написанные Мыколой **Снижко**...* (Д 2010, 21.04); *Назар **Заднипровский** — представитель звездной театральной династии...* (ЗН 2010, № 6); *Их очень расхваливал первый заместитель министра промышленной политики Сергей **Биленький*** (ЛБ 2010, № 111); *Среди героев книги читатель встретит Вячеслава **Чорновила**, Васыля Стуса...* (Д 2011, 7.10); *Андрея **Билоуса** многие помнят как казака Мамая в одноименном шумевшем фильме Леся Санина* (ЗНУ 2012, № 5).

О распространенности таких написаний свидетельствует также появление транскрипционных написаний корневых морфем в фамилиях исторических деятелей: *Вот Панас **Мырный** перевел «Короля Лира», и там есть такие пассажи, что прямо удивляешься: какая дикая красота!* (ЗН 2007, № 39); *К одному из таких событий относится универсал гетмана Кирилла **Розумовского** от 1 декабря 1763 г.* (Д 2008, 6.12); *Так, крестьянин Петр **Кишка** стал бесстрашным русским матросом...* (ЗНУ 2012, № 6). Фонетизированные написания в этом случае конкурируют с традиционными, зафиксированными в энциклопедиях, словарях и справочниках вариантами *Панас **Мирный**, Кирилл **Разумовский** и Петр **Кошка**.*

Следует отметить, что словари не игнорируют появление в узусе начертаний такого рода. Однако фиксация этого явления чрезвычайно своеобразна. Так, НРУСД в предисловии декларирует следование тенденции «сохранения в русском написании украинского звучания фамилии» [НРУСД 1996: 5], но при этом ничего не говорит о том, каким образом реализация этой тенденции согласуется с действующими правилами. Словарь собственных имен избирает иную стратегию: в формулировки некоторых правил включаются дополнения, отсылающие к узусу. Например, в параграф 3 (б), устанавливающий передачу украинского *И* русским *И*, включается положение о том, что «в современной речевой практике русских изданий наблюдается тенденция последовательного сохранения звучания украинских фа-

милый. Поэтому в перечисленных выше типах украинских фамилий украинское *И* передается также русским *Ы*» [Скрипник, Дзятківська 2005: 316].

Недостаточная определенность и неоднозначность рекомендаций в свою очередь способствует чрезвычайному развитию вариативности фамилий:

Например, в январе в прошлом году «Аиду» в Ла Скала открывали две украинки — Людмила Монастырская и Оксана Дика (ЗНУ 2013, № 6)

Диалог с «ударником» Кличко не завершен, однако носит большей частью ритуальный характер (ЗНУ 2012, № 10)

Поэтому новый закон о языках очень нужен, но не такой, который провели Кивалов и Колесниченко... (ЗНУ 2012, № 40)

Музей-усадьба Ивана Миколайчука — один из самых популярных на Буковине (ЗНУ 2011, № 47)

Оксана Дыка поет в Ла Скала, а Виктория Лукьянец — в Вене (ЗНУ 2011, № 31)

Для того чтобы развить в себе качества борца, боксера, наш самый прогрессивный режиссер даже встречался в Берлине с одним из Клычко (Д 2006, 6.12)

Это ж как нужно было допечь народ идиотским законом о языках Колесниченко-Кивалова... (УЦ 2012, № 44)

Состоялись ретроспектива и юбилейный вечер Богдана Ступки, издание книги «Магія любові», творческий вечер памяти Ивана Миколайчука (ЗНУ 2012, № 5)

2. Ф и н а л и в собственных именах, как известно, являются носителями национально-специфической информации, «в каждом языке представляют собой небольшую группу четко функционирующих элементов со строго определенным системным значением»

[Суперанская 1978: 145]. Поэтому корректное воспроизведение аффиксальных морфем важно для сохранения национального колорита имени.

Правилами предписывается передавать русской буквой *И* украинское *И* в финалях украинских фамилий *-ВИК-*, *-ИК-*, *-ИЧ-*, *-НИК-* и др. [Скрипник, Дзятківська 2005: 316]. Однако, как уже отмечалось, в формулировках словаря допускается также возможность написания этих аффиксов с *Ы*.

НРУСД, декларируя приверженность транскрипционному принципу передачи украинских фамилий в русском тексте, не всегда демонстрирует последовательность в его реализации. Например, материалы словника показывают, что финаль *-ИК-* передается различно: наряду с написаниями *Билык*, *Грицьк*, *Дудык*, *Карасык*, *Лаврык* устанавливаются *Децик*, *Добрик*, *Мудрик*, *Орлик*, *Скорик*. Также непоследователен словарь в передаче финали *-ИЧ-*: *Довгыч*, *Одарыч*, *Петрыч*, но — *Кундзич* и *Мотрич*. Финаль же *-НИК-* во всех случаях передается с *Ы*: *Бараннык*, *Житнык*, *Пасичнык*, *Пташнык*, *Сытнык*.

В русских публицистических текстах не обнаруживается стремление к выбору той или иной тактики при передаче украинских финалей и осознанное следование ей. В одном и том же издании, как правило, используются разные способы:

...Татьяна Бахтеева и Валентин Ландик оплатили газификацию отдаленных от центра поселков... (ЗНУ 2012, № 25)

А в жюри входят Борис Олийник, Иван Драч, Николай Лукив, Максим Рыльский и другие (Д 2008, 12.04)

Но я, воспользовавшись случаем, поехал в места, связанные с Пилипом Орликом... (Д 2012, 8.06)

Выигравший выборы в донецком округе № 43 нардеп Валентин Ландык и того меньше — 50,9% (К 2012, № 42)

Им стал наш выдающийся поэт Борис Олийнык (ЗНУ 2012, № 24)

Кроме того, гетман Пылып Орлык в 1710 году создал проект одной из первых в мире конституций... (ЗН 2008, № 8)

Все, кто за последнее десятилетие хотя бы раз побывал в Остроге или слышал что-либо о возрождении Острожской академии, непременно связывают эти понятия с именем Игоря **Пасичника** (Д 2008, 18.10)

Ныне Мирослав **Скорик** имеет все награды и должности, на которые может претендовать в современной Украине композитор (Д 2011, 4.03)

Пьесы по новеллам Васыля **Стефаника** мы пригласили поставить известного киевского режиссера Дмитрия Богомазова (Д 2012, 18.07)

Уже 21 ноября Игорь **Пасичныйк** был назначен и.о. ректора Национального университета «Острожская академия» (Д 2012, 20.01)

«Недецибельная» музыка В. Лютославского, В. Сильвестрова, М. **Скорыка**, Е. Станковича, конечно же, извне не смогла противостоять звуковой нахальности улицы (ЗН 2004, № 42)

Он записал поэтические произведения Василя **Стефаника** и стихотворение Лины Костенко «Шукайте цензора в собі» (Д 2012, 11.07)

Следует отметить, что активность транскрипционного способа не одинакова в различных орфографических зонах. Например, фонетизация в аффиксах женских фамилий адъективного типа на -А только намечается. Традиционно украинские фамилии такого рода в русском тексте воспроизводятся с финалью -АЯ. В публицистических текстах фиксируются отдельные примеры, в которых сохраняется оригинальное звучание украинских фамилий: Дочь Лины Костенко Оксана **Пахлевска** — литературовед, автор статей о литературе Италии... (Д 2003, 25.04); У нас есть Оксана **Дыка** — изумительная певица, сейчас одна из прим Ла Скала... (ЗНУ 2011, № 26); И ведут их замечательные артисты — Богдан Бенюк и Полина **Лозова** (ЗНУ 2012, № 5).

Таким образом, появление транскрипционных тактик при передаче графического облика украинских антропонимов становится причиной резкого увеличения вариантов, тем самым порождая

не только графико-орфографические, но и, учитывая специфику семантики фамилий, смысловые конфликты. Графический облик русского текста дестабилизируется — в русских текстах Украины увеличивается количество проблемных орфографических областей.

Подобные примеры не только делают актуальной проблему упорядочения написаний украинских фамилий в русских текстах Украины, но и затрагивают глобальную проблему — о границах русской орфографии.

Литература

Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.

НРУСД 1996 — Новий російсько-український словник-довідник / укл. С. Я. Єрмоленко та ін. К.: Довіра, 1996. 797 с.

Правила 2009 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.

Скрипник Л. Г., Дзятківська Н. П. Власні імена людей. Словник-довідник / за ред. В. М. Русанівського. К.: Наукова думка, 2005. 334 с.

Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 283 с.

I. Koshman

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University

(Ukraine, Lugansk)

ikoshman@ukr.net

IS IT JUST A NAME?

**(Ukrainian surnames spelling in Russian newspaper texts
published in Ukraine)**

The article deals with the tactics of Ukrainian male and female surnames spelling in modern Russian texts published in Ukraine. The author

considers different ways of spelling root morphemes and finals in newspaper and magazine texts. It is argued that modern tactics of spelling Ukrainian surnames is phonetization and that phonetization generates graphic variability of Ukrainian surnames in modern Russian texts published in Ukraine. The author indicates that various tactics existence is a factor in orthographic destabilization of Russian texts published in Ukraine.

Key words: proper noun, transcription, phonetization, morpheme, text.

References

Giliarevski R. S., Starostin B. A. *Inostrannye imena i nazvaniia v russkom tekste: Spravochnik* [Foreign names in Russian texts: A Handbook]. Moscow: Vysshaia shkola Publ., 1985. 303 p.

Iermolenko S. *Novyi rosiis'ko-ukrains'kyi slovnyk-dovidnyk* [The New Russian-Ukrainian Dictionary-Handbook]. Kiev: Dovira Publ., 1997. 797 p.

Lopatin V. V. (Ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii slovar-spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. The complete academic handbook]. Moscow: AST Publ., 2009. 432 p.

Skrypnyk L. H., Dziatkivs'ka N. P. *Vlasni imena liudei. Slovnyk-dovidnyk* [Human proper names: A handbook]. V. M. Rusanivs'ky (Ed.). Kiev: Naukova dumka Publ., 2005. 334 p.

Superanskaia A. V. *Teoreticheskie osnovy prakticheskoi transkriptsii* [Theoretical foundations of practical transcription]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 283 p.

Норма и узус в лексике и грамматике.

Linguistic Standards and Usage
in Lexicon and Grammar

Н. В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
nvbogdanova_2005@mail.ru

О СУДЬБЕ ОДНОГО СЛОВА-«СТРАДАЛЬЦА» И ЕГО МИГРАЦИИ ИЗ УЗУСА В НОРМУ*

Культура речи включает в себя умение говорящего и пишущего правильно, то есть в соответствии с установившимися нормами, пользоваться языком как средством общения. В статье — на фоне общих размышлений о важности «правильного говорения» — рассматривается одно из частотных слов русского языка, употребление которого в нашей речи регулярно отстает от нормативных рекомендаций и чаще всего характеризуется лингвистами как неправильное. Проверка на корпусном материале (Национальный и Звуковой корпусы русского языка) употребительности форм *надеть* / *одеть* (в сочетании с предметами одежды) позволяет сделать вывод, что кодифицированная (прескриптивная) норма (*надеть* — *что*, *одеть* — *кого*) уже практически не актуальна, глагол *надеть* все больше выходит из употребления, конструкция *одеть* / *одевать* — *что* закрепляется как реальная (дескриптивная) норма разговорной речи и это следует принять как свершившийся факт. Корпусный подход к анализу материала достаточно убедительно показывает, что употребление этой конструкции в современной (прежде всего устной) речи не зависит ни от социальных характеристик говорящего (его пол, возраст, уровень образования), ни от ситуации общения (официальное — неофициальное), то есть стало общераспространенным, общепринятым и в значительной степени приемлемым для всех носителей языка — а значит, нормативным. Можно сказать, что еще одно слово на наших глазах перешло из узуса в норму.

Ключевые слова: кодифицированная норма, реальная норма, узус, разговорная речь, языковой / речевой корпус.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 8554 «Звуковой корпус русского языка: комплексный анализ звучащей речи».

Культура речи включает в себя умение говорящего и пишущего правильно, то есть в соответствии с установившимися нормами (= законами!), пользоваться языком как средством общения. О важности правильного говорения (в одном ряду с благими мыслями и должным поведением) писали еще античные авторы, ср.: «...из разумности *рождаются* (здесь и далее курсив автора. — Н.Б.-Б.) следующие *три* вещи: благостно мыслить, безупречно говорить, должное делать» (Демокрит, V в. до н.э.; цит. по: [Античные теории... 1936: 32]); «Что следует с известной бережностью относиться к чистоте речи, это ясно само собой. Подобно тому, как человек, лояльно придерживающийся известной монеты, имеющей хождение в городе согласно местному обычаю, может беспрепятственно производить денежные операции, имеющие место в том городе, другой же, такую монету не принимающий, но чеканящий какую-то иную, новую монету для себя самого и претендующий на ее признание, будет делать это впустую, так и в жизни тот человек близок к сумасшествию, кто не желает придерживаться речи, принятой подобно монете, но [предпочитает] создавать свою собственную» (Секст Эмпирик. Против грамматиков; [Там же: 84]). Об этом же в середине XVIII века писал В.К. Тредиаковский: «Что же может быть важнее и нужнее чистого выговора в языке? Что сладостнее и приятнее слуху? Но в нынешнее время вся сия важность и приятность истребится, буде не приложится радение к сохранению оных» [Тредиаковский 1748: 197]. Очень высоко ценил правильную речь и Г.О. Винокур: «... правильная, чистая речь есть признак правильного общественного поведения, свидетельство высокой гражданской сознательности, в конце концов — добродетель (разрядка автора. — Н.Б.-Б.), в том высоком значении этого понятия, какое оно имело, например, в античности. <...> Именно инстинктом, “второй натурой” и должна стать правильная речь для полноценного гражданина, носителя и деятеля культуры» [Винокур 1967: 12]. В среде любителей русской словесности раздаются даже такие вот голоса: «Я думаю, что после Библии орфоэпический словарь — вторая по значению книга, она сильно влияет на нравственность, на ясность мышления и на внутреннее самочувствие. Если ты уверен в словах, которые произносишь, ты уверен и в себе. <...> Смертных грехов семь, а грехов против языка — тысячи, и каждый грех надо искупить собственным словарным трудом» [Соловейчик 1998].

Не случайно поэтому, что в среде филологов родилась шутка (не лишенная, как и положено, доли истины), что уровень образованности, культуры речи и общей культуры человека можно легко определить по тому, использует ли он только три глагола — *звóнит*, *лóжит* и *кúшает* (своеобразные «лакмусовые бумажки» определения степени речевой культуры). Все они очень распространены (узуальны) в русской речи, и все в той или иной степени противоречат норме*. В последнее время к ним прибавилось (в рамках этой филологической шутки) еще и выражение *купáться в дýше*: кто *звóнит*, *лóжит* и *кúшает*, тот определенно еще и *купáется в дýше*** — настолько связаны между собой социолингвистически эти речевые ошибки и настолько они одинаково свидетельствуют о невысокой общей культуре тех, в чьей речи обнаруживаются.

Таких слов-«страдальцев» в нашем языке немало. Любой лингвист без труда, навскидку назовет их с десятков, а то и более. И мне пока еще бывает искренне больно, когда, произнеся эту шутку в аудитории первокурсников-филологов и ожидая улыбок, я вижу, что далеко не все вообще *поняли*, в чем тут, собственно, соль... И, честно говоря, уже давно я не включаю в этот список слов, употребление которых в речи носителей языка регулярно отстает от нормативных рекомендаций, еще одну пару глаголов-«страдальцев» — *одеть* / *надеть*, — практически смирившись с тем, что нормы их употребления уже пора пересматривать — настолько они далеки от реальной их жизни в нашей речи. Лингвисты и преподаватели еще помнят времена, когда в школьных классах и офисах-кабинетах висели таблички-«напоминалки» типа «**ОДЕТЬ (кого?) НАДЕЖДУ — НАДЕТЬ (что?) ОДЕЖДУ**»***, однако и им приходится

* О форме *звóнит* см.: [Горбачевич 1971: 50–52]; о специфике употребления глагола *кушать*: [Щерба 1957: 121; Костомаров, Шварцкопф 1966: 24; Колесов 2006: 7–13]; глагол *лóжить* попросту отсутствует в лексической системе современного русского *литературного* языка и не зафиксирован ни одним из соответствующих словарей.

** Дискуссию носителей языка об этом выражении см., например, на сайте: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=30676&pg=-1>.

*** Ср. также забавное мнемоническое правило, придуманное Н. Голем (<http://rusforus.ru/viewtopic.php?f=1&t=1341>):

*Мы пошли с Надюшей в душ,
Вдруг приперся Надин муж.
То ли мне надеть одежду,
То ли мне одеть Надежду.*

признать, что никакие «напоминалки» уже не могут изменить той печальной ситуации, что и в жизни, и на экране телевизора все всё подряд *одевают* — не только *ребенка*, но и *пальто-шляпу*. Однако появление объемных языковых и речевых корпусов породило и вполне естественное лингвистическое желание убедиться, какова реальная ситуация с этим словом в нашей речи. Этому и посвящено мое небольшое исследование.

Выборка из материалов Звукового корпуса русского языка «Один речевой день» (ОРД)* меня, скорее, порадовала: наши информанты в два раза чаще *надевают* на себя какие-то вещи (*она заставила надеть какие-то одежды; надела уже/утеплилась; я брюки другие надену*), чем *одевают* их. Причем в последнем случае речь информантов изобилует и другими приметами весьма невысокого уровня их речевой компетенции, ср.:

- *на крайний случай можно это пальто типа одеть // вот и одеваю на крайний случай и ношу и чувствую себя полной чувырлой;*
- *они просто такие / что вот они как бы вроде смотрятся нормально / / один раз оденешь / сядешь / всё короче;*
- *у меня вот честно говоря / желание / только б... дь / одно на х...й / е... нутое / пойти (...) б... дь влить / в себя что-нибудь на х...й / чтоб повеселело / *С б... дь / сесть за баян / и сесть играть здесь конечно / на баяне блин / на своей волне / *Н тупую / просто б... дь / хочу ушанку на голову одеть короче / и *Н «Из-за острова на стрежень...»*

А вот устный подкорпус НКРЯ (в котором, кстати сказать, есть и материалы Звукового корпуса) подтвердил все самые печальные наблюдения над судьбой этого глагола: соотношение нормы / ненормы, установленное для случайной выборки, оказалось на этот раз далеко не в пользу первой. Так, для исходной формы *ОДЕТЬ* оно составляет 1 (норма) к 22 (ненорма), для *ОДЕВАТЬ* — 5 к 16, для *ОДЕЛ* — 0 к 17.

Сравнение общей употребительности глаголов *надеть* / *одеть* в НКРЯ позволяет убедиться, что в устной речи они представлены во вполне соотносимых количествах:

- 88 вхождений *надеть* vs. 99 — *одеть*;
- 65 вхождений *надел* vs. 31 — *одел*;
- 30 вхождений *надевать* vs. 52 — *одевать*.

* Подробнее о нем см., например: [Богданова и др. 2011].

Даже с учетом того, что *одевают* все же иногда и человека (*Надежду*), а не только *одежду*, можно заключить, что на нормативное *надеть* в исследуемых конструкциях приходится весьма значительное количество ненормативного *одеть*, ср.:

(1) [Респондент, жен, 83] *Вот сейчас всё плохо / плохо / плохо / но кусок хлеба есть / и что-то надеть есть <...> Мне на ноги одеть нечего / я босиком пойду и надену платье* [Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997–1998];

(2) [Голос за кадром 2, муж] *Сильно надеюсь / что всё-таки доведётся когда-нибудь надеть штатский костюм / походить в театр / пожить в мирной обстановке* [Ратные поля России. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2009];

(3) [Анастасия З., жен, 19] *Мама ещё платок заставит одеть какой-нибудь /прикинь / кружевной. Ну /в общем / сейчас надо чего-нибудь одеть /а ты завтра мне тогда привезёшь переодеть* [Разговор двух девушек о выборе одежды // Из коллекции НКРЯ, 2008];

(4) [Андрей Кабыш, муж, 90] *В тридцать шестом году впервые я одел халат/в тридцать шестом году впервые я одел халат/в тридцать шестом году впервые я одел халат/в тридцать шестом году впервые я одел халат* [Троицк. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2008];

(5) [Лектор, муж] *Он приходит на работу / у него есть шкафчик / он переодевается / он свою / значит / цивильную [нрзб] одежду повесил в шкафчик / одел /значит /специальную одежду / пошёл работать* [Лекция по законодательству РФ (2006)];

(6) [Татьяна З., жен, 23] *Ну... ну смотри / тогда можно надеть как раз под горло вот эту фигию да / чёрную / футболку и сверху этот свитер с таким вырезом / но будет смотреться как чёрное всё* [Разговор двух девушек о выборе одежды // Из коллекции НКРЯ, 2008].

Из примеров видно, что *одевают одежду* и мужчины, и женщины, и молодые, и пожилые, и в бытовом разговоре, в том числе с незнакомым человеком, и в научной лекции. И не только *одевают*, но и *переодевают* (3). Хотя отраднo, что в дикторской речи *костюм* все же *надевается* человеком, а не *одевается* (2), что в речи обычного, к тому же весьма немолодого, информанта *одеть* и *надеть* успешно соседствуют (1), а молодая девушка даже *фигню (футболку и свитер)* все же — *надевает*, а не *одевает* (6).

В письменной речи (основной и газетный подкорпусы НКРЯ)

употребительность глагола *надеть* существенно выше, чем *одеть*, даже с учетом нормативных конструкций с последним (*одеть ребенка, невесту — в фату, лампу — в сетку, каменное изваяние статуи — в металл, книгу — в переплет* и т. п.):

- *надеть* — более 3,5 тыс. вхождений, *одеть* — около 600 (в 6 раз меньше);

- *надел* — около 5 тыс. вхождений, *одел* — примерно 360 (в 14 раз меньше);

- *надевать* — более 1700 вхождений, *одевать* — чуть более 500 (в 3,5 раза меньше).

Иными словами, письменная речь пока еще держится, отстаивает *надеть* перед *одеть* в сочетании с предметами одежды. Устная речь свидетельствует об ином раскладе сил. И в заключение (и в защиту узуса!) хочется привести мнения двух очень авторитетных лингвистов по этому поводу.

«Слово *одеть* связано и со словом *одежда*, а *надеть* — нет. Наконец, только глагол *одеть* выступает в переносных значениях, обогащенных метафорами, а *надеть* — никогда: *небо оделось звездами, зима одела поля снегом...* Есть и другие причины, которыми можно было бы оправдать, почему слово *одеть*, несмотря на все запреты, постепенно вытесняет слово *надеть*. Некоторые языковеды полагают, что *одеть* в конце концов станет и общей нормой» [Колесов 2006: 236].

«Наверное, давно пора прекратить мучить и других, и себя словом “надеть” (“надеть пальто, брюки...”). Это одна из многих ситуаций, когда норма, диктуемая словарями и учебниками, противоречит системе языка. В конце концов, мы покупаем “одежду”, а не “надежду”, и сапоги мы “обуваем”, а не “набуваем”. И все нормальные грамотные люди, прекрасно знающие норму употребления слов “надеть” и “одеть”, соблюдают ее только в крайних случаях, для чужих, во избежание неприятностей» [Зубова 2006].

Вероятно, миграция этих слов-«страдальцев» из узуса в норму стала уже свершившимся фактом и требует только своей легализации. Все же «живая речь, даже не вполне правильная, всегда лучше мертвой» [Там же].

Литература

Античные теории языка и стиля / под общ. ред. и с предисл. О.М. Фрейденберг. М. Л.: «Соцэкгиз», 1936. 341 с.

Богданова Н.В., Степанова С.Б., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка: новый подход к исследованию речи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2011». 27–29 июня 2011 г., Санкт-Петербург. СПб., 2011. С. 98–103.

Винокур Г.О. Из бесед о культуре речи // Русская речь. 1967. № 3. С. 10–14.

Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1971. 270 с.

Зубова Л.В. Что может угрожать языку и культуре? // Знамя. 2006, № 10. С. 185–191.

Колесов В.В. Гордый наш язык... 2-е изд., перераб. СПб.: Аквалон, Азбука-классика, 2006. 352 с.

Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С. Об изучении отношения говорящих к языку // Вопросы культуры речи. Вып. VII. М., 1966. С. 23–36.

Соловейчик С.Л. Передо мной открылся мир ударений // Русский язык. 1998. № 39.

Тредиаковский В.К. Разговор чужестранного человека с российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748. 464 с.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 113–129.

N. V. Bogdanova-Beglarian
Saint Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
nvbogdanova_2005@mail.ru

THE FATE OF A WORD MARTYR AND ITS MIGRATION FROM LANGUAGE USAGE TO NORM

Speech culture includes the ability of a person who can speak and write to use language as a means of communication correctly, that is in accordance with established norms.

In the article one of the frequently used words of the Russian language is considered within the context of the general idea of the importance of «correct speaking». The use of this word in speech regularly deviates from the standard guidelines and is often estimated by linguists as incorrect.

The study of the use of the forms *nadet'* / *odet'* in combination with articles of clothing names on the basis of the two corpora (the National Corpus and the Speech Corpus of the Russian Language) suggests that the standard norm (*nadet'* (*to put on*) — what, *odet'* (*to dress*) — whom) has become of little relevance, and that the verb *nadet'* is getting out of use; the verb *odet'* / *odevat'* (*to put on*) is being fixed as the real norm of speaking, and this should be accepted as a fait accompli.

The corpus approach to the analysis of the material shows conclusively that the use of this construction in modern (in the first place, oral) speech does not depend either on the social characteristics of the speaker (gender, age, level of education), or on the situation of communication (formal — informal), that is, it has become widely spread, conventional and largely acceptable to all speakers, and so standard. We can say that in front of our eyes one of words has moved from language usage to norm.

Key words: codified rules, the real rate, language usage, everyday speech, language / speech corpus.

References

Antichnye teorii iazyka i stilia [Antique Theories of Language and Style]. Moscow, Leningrad: Socekiz Publ., 1936. 341 p.

Bogdanova N. V., Stepanova S. B., Sherstinova T. Ju. [Russian Speech Corpus: a New approach to speech investigation]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaja lingvistika — 2011"* [Proceedings of the International conference "Corpus-based Linguistics — 2011". June 27–29, 2011, Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg, 2011. pp. 98–103. (In Russ.)

Gorbachevich K. S. *Izmenenie norm russkogo literaturnogo iazyka* [Russian Language Norm in Alteration]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1971. 270 p.

Kolesov V. V. *Gordyi nash iazyk...* [Our Dignified Language...]. Saint Petersburg: Akvalon Publ., Azbuka-klassika Publ., 2006. 352 p.

Kostomarov V. G., Shvartskopf B. S. [The research of speakers' attitude to language]. *Voprosy kultury rechi* [Speech culture issues]. Vol. VII. Moscow, 1966, pp. 23–36. (In Russ.)

Shcherba L. V. [Modern Russian language]. L. V. Shcherba. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Russian language, selecta]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 113–129. (In Russ.)

Solovejchik S. L. [The world of prosody opened to me]. *Russkij jazyk*, 1998, No 39. (In Russ.)

Trediakovskij V. K. *Razgovor chuzhestannogo cheloveka s rossiiskim ob ortografii starinnoi i novoi i o vsem, chto prinadlezhit k sei materii* [The dialogue between a foreigner and a Russian about ancient and modern spelling and everything related to the subject]. Saint Petersburg, 1748. 464 p.

Vinokur G. O. [Speech Culture: Extracts of Interviews]. *Russkaja rech*, 1967, No. 3, pp. 10–14. (In Russ.)

Zubova L. V. [Threats to the Language and Culture: what are they?]. *Znamya*, 2006, No. 10, pp. 185–191. (In Russ.)

Т. П. Вязовик

*Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского
государственного университета технологии и дизайна
(Россия, Санкт-Петербург)
samolva@list.ru*

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕОДНОСЛОВНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В СЛОВАРЯХ

Автор статьи считает, что периферийные языковые явления с большим запаздыванием адекватно фиксируются словарями. Вместе с тем словари часто привлекают внимание к языковым фактам, еще не получившим в науке определенного статуса. Именно к таким языковым явлениям относятся «неоднословные» слова — сочетания, среди которых особое место занимают грамматические местоимения. Статья посвящена наименее изученному явлению — сочетаниям частицы *вот* с вопросительными местоимениями, типа *вот что*, *вот почему* и др. с неизменным ударным *вот*.

Анализ показал, что лексикализация этих сочетаний и их грамматикализация связаны с грамматикализацией частицы *вот*, ее переходом в агглютинирующий префикс, что приводит к преобразованию вопросительного местоимения в местоимение указательное. Например, составное местоимение *В'ОТ что* (*В'ОТ что я тебе скажу*), будучи эквивалентом слова, имеет значение указательного местоимения, в то время как в сочетаниях *вот ЧТ'О* (*Вот ЧТ'О ты скажешь?*) перед нами два отдельных слова: частица *вот* и вопросительное местоимение *что?* Автор отмечает, что сочетания типа *В'ОТ что* представляют систему, параллельную традиционным указательным местоимениям, члены которой выполняют основные местоименные функции — дейктическую и анафорическую, но отличаются от традиционных местоимений как особенностями реализации функций, так и наличием новых свойств.

Анализ основных толковых словарей и ряда словарей так называемых «структурных слов» показывает, что данные сочетания традиционно рассматриваются как одно из значений частицы «*вот*».

Это, по мнению автора, объясняется недостаточной теоретической изученностью данного явления.

Ключевые слова и сочетания: составные местоимения, агглютирующий префикс, указательные местоимения, частица *во*, толковый словарь.

Лексикографическая практика и теория языка хотя и развиваются параллельно, но далеко не всегда в унисон, что приводит к вполне объяснимому «отставанию» лексикографического описания при освещении языковых явлений: словари создаются в течение длительного времени и предназначены для длительного использования. Вместе с тем именно словари часто фиксируют языковые факты, которые в науке еще не получили адекватной интерпретации, и первые опыты их описания оказываются крайне важными для последующих исследований.

Это в полной мере касается так называемых «неоднословных» слов-сочетаний, обладающих признаками и слова, и фразеологизма. Они не описываются толковыми словарями как целостные структуры. Наиболее исследованными являются сочетания неполнозначного слова с полнозначным, типа *от силы, в результате* и под. Вместе с тем среди них есть сочетания двух или более служебных слов (*а то и, а не то* и др.) и даже двух знаменательных слов (*быть может, тем временем* и др.). Разнообразны они и по своим функциям: среди них обнаруживаются союзы, предлоги, частицы, междометия, модальные слова, наречия и другие «строєвые» слова. В речевом потоке данные сочетания представляют собой целостную единицу, объединенную обычно одним ударением. Кроме того, их характеризует, как и слова, постоянная последовательность входящих в состав сочетания слов. Как и слова, они обладают непроницаемостью. Все это делает их эквивалентными слову и содержательно, и в формальном отношении [Рогожникова 1991: 4].

Для данных сочетаний характерна лексикализация, которую рассматривают как процесс появления у них нового значения, которое не сводится к значениям отдельных компонентов и вместе с тем не преобразует сочетание во фразеологическую единицу, и грамматикализация, сопровождающаяся изменением грамматического статуса данных сочетаний. Такого рода единицы, без какой-либо их

дифференциации по группам и не в полном объеме, были отражены в «Словаре эквивалентов слова» [Рогожникова 1991], который, по сравнению с другими словарями «строевых» слов, включает наибольшее разнообразие структурных единиц.

Среди таких единиц особое место занимают сочетания, являющиеся местоимениями*. Они наименее изучены и не получили систематического описания не только толковыми словарями, но и современными словарями «структурных» слов. Эквиваленты слов-местоимений называют прономинальными образованиями [Лавров 1983: 21–26]; аналитическими образованиями [Скобликова 1996: 72–75], аналогами местоимений [Ушакова 1998: 85–90], составными местоимениями [Ермакова 1996: 195] и др.

Данные единицы имеют общую словообразовательную модель с неопределенными и отрицательными местоимениями типа *кто-то, кое-какой, какой-нибудь, сколько-нибудь* и под., т. е. образованы от вопросительно-относительных местоимений путем присоединения разнообразных модификаторов, среди которых частица *вот* (*вот что, вот почему* и др.), а также слова *удовно, попало, надо* и под. (*что удовно, какой попало* и др.) и многие другие. При этом они включают в свой состав не только изменяемые слова, но и местоименные наречия (*вот где; вот почему, когда удовно* и под.).

Особенностью этих сочетаний является то, что именно модификаторы определяют характер значения образуемых составных местоимений: сочетания с частицей *вот* формируют указательные местоимения [Акимова 1976: 237–247; Вязовик 1980: 82–86], в то время как сочетания с другими модификаторами формируют другие типы местоимений — неопределенные [Бондарева 2009: 63–64], местоимения с универсальным значением, типа *хоть кто* и под. [Откупщикова 1984: 39], местоимения со значением неизвестности (*неведомо где, неясно кто* и др.) [Акимова 1998: 128–130].

Их отличает от иных «неоднословных» слов характер лексикализации и грамматикализации. В большинстве «строевых» лексем появление у сочетаний нового лексического значения и функций связано либо с переходом знаменательного слова в служебное, или «строевое» (например, сочетание *к счастью*), либо с изменением частеречной принадлежности вновь образованного сочетания

* Местоимения мы понимаем широко, включая в их состав местоименные наречия.

(например, наречие *без устали*). Неоднословные местоимения характеризуются другим процессом: у них ослабление лексического значения у модификатора не лишает исходной знаменательности базовое местоимение и не переводит его в другую часть речи (*что угодно, вот что* и др.): сочетание сохраняет частеречную принадлежность базового компонента.

Особое место в этой системе занимают местоименные сочетания типа *вот что, вот какой, вот почему* и др. с неизменным ударным *вот*, которые в толковых словарях русского языка описаны как одно из значений частицы *вот*, а в словарях структурных слов представлены в основном омонимами — частицами, междометиями. Эти сочетания представляют систему, параллельную традиционным указательным местоимениям, члены которой выполняют основные местоименные функции — дейктическую и анафорическую, отличаясь от традиционных местоимений как особенностями реализации функций, так и наличием новых свойств, вызванных неизменной ударностью компонента *вот*. В отличие от «неоднословных» неопределенных местоимений, их лексикализация и грамматикализация связаны не с ослаблением значения знаменательного слова, а с грамматикализацией частицы, ее переходом в агглютинирующий префикс, что приводит к преобразованию вопросительного местоимения в местоимение указательное. Например, составное местоимение *ВОТ что* (*вот* — ударное: *Вот что я тебе скажу*), будучи эквивалентом слова, имеет значение указательного местоимения, в то время как в сочетании *вот ЧТО* (*что* — ударное: *Вот ЧТО ты скажешь?*) перед нами два отдельных слова: частица *вот* и вопросительное местоимение *что?*

В толковых словарях данные сочетания рассматривают как одно из значений частицы «вот», однако эти значения трактуют по-разному. Согласно первой интерпретации частица в таких употреблениях (*Вот в чем вопрос; Вот что я вам скажу*) усиливает, уточняет значения расположенных рядом местоименных слов [БТС 1998: 155; Евгеньева 1985: 219; СРЯ-18 1988: 103; ССРЛЯ 1991: 510]. Вместе с тем очевидно, что в сочетаниях этого типа частица *вот* не «усиливает» и не «уточняет» значение вопросительных местоимений, но кардинально меняет их семантику, преобразуя относительно-вопросительные местоимения в разряд указательных, чему способствует акцентологическое выделение частицы. Тем

самым она теряет лексическую самостоятельность, приближаясь к морфемам. Несмотря на эти интерпретационные недостатки, фиксируемые словарями значения усиления и уточнения, которые приобретают местоимения, включающие в свой состав частицу *вот*, имеют несомненную научную ценность.

Дело в том, что особенностью подобных указательных местоимений является обязательная ударность *вот*, что отмечают абсолютно все лексикографы. Эта ударность грамматикализована, поскольку именно этот признак позволяет дифференцировать *вот* как частицу и *вот* как структурный элемент местоимения. Частица в сочетании с вопросительными местоимениями всегда безударна, в отличие от *вот* — всегда ударного структурного компонента указательного местоимения. Сравни: *Но вот КТО пришел? ВОТ кто: Петя.*

Второй вариант интерпретации подобных сочетаний заключается в том, что авторы отмечают, что частица в сочетании с последующими вопросительными местоимениями придает им смысл указания на что-нибудь, находящееся перед глазами или непосредственно последующее или предшествующее, причем ударение падает на *вот*, а местоимение и наречие произносятся без ударения: *Вы вóт что сделайте: помажьте рану иодом и забинтуйте* [Ушаков 2009: 86; Лопатин 2011: 87].

Как видим, речь идет о том, что вопросительные местоимения в сочетаниях с частицей *вот* преобразуются в указательные. Более того, в словарях зафиксированы две основные функции указательных местоимений — дейктическая (указывает на «находящееся перед глазами») и анафорическая (указывает на «непосредственно предшествующее или последующее»). При такой трактовке частица *вот* меняет семантику местоимения, превращаясь из служебной части речи в служебную морфему. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2004: 100] при интерпретации значения частицы «вот» авторы исходят из того, что в данных сращениях *вот* является не частицей, а местоименным наречием. При этом данное наречие придает всему сочетанию «смысл подчеркнутого указания на что-н.» в соответствии со значением вопросительных местоимений. Однако, невзирая на трактовку *вот* (частица, наречие), его роль в данных сращениях неизменна: оно является структурным элементом указательного местоимения.

В Семантическом словаре исследовательница пошла дальше,

вписав отмеченные значения в концепцию местоимений как исходных смыслов, отметив, что следствием «подчеркнутого указания» в соответствии со значением местоимений является появление у них «смысла определенности» [РСС 1998: 45], что укладывается в концепцию Н. Ю. Шведовой о местоимениях как исходных смыслах [Шведова 1998].

Пробудившийся в последние десятилетия интерес лексикографов к «строєвым» словам вызвал интерес и к раздельно оформленным «эквивалентам» слова. Однако в некоторых словарях такого рода рассматривают сочетания типа *вот что* с ударным *вот* подобно тому, как это описывается в большинстве толковых словарей, т. е. как значение частицы *вот* («усиление, уточнение значения последующего слова. *Вот почему я тут оказался. Вот кого я хотел видеть*» [Бурцева 2005: 81–82]).

В то же время в Словаре Р. П. Рогожниковой впервые появляются «неоднословные» местоимения и наречия с ударной частицей *вот*. В частности, ею были выделены сочетания *вот как* — наречие со значением «таким образом, так» (*Ты вот как сделай: приведи сюда ребят и постарайся занять их чем-нибудь* и под.); *вот почему* как аналог наречий со значением «по этой причине, поэтому» (*Было время отпусков. Вот почему в отделе мало народу* и под.); *вот что* в качестве местоимения со значением «обращает внимание на объект действия», «именно это» (*Уверенность — вот что особенно отличало его от деишних людей*) [Рогожникова 1991: 56–59].

Как видим, номенклатура такого типа указательных местоимений далеко не полна, а их описание достаточно поверхностно, что объясняется недостаточной теоретической изученностью данного явления. Вместе с тем признание того факта, что данные сочетания имеют статус самостоятельных языковых единиц — неоднословных местоимений и местоименных наречий — представляется в высшей степени перспективным.

Литература

Акимов Г. Н. Наблюдения над сегментированными конструкциями в современном русском языке // Синтаксис и стилистика / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Наука, 1976. С. 237–247.

Акимова О.Б. К вопросу о структурных словах *неизвестно что* // Синтаксические связи и синтаксические отношения в русском языке: Материалы всероссийской конференции. Ставрополь, 1998. С. 128–130.

Бондарева Г.А. Особенности структуры составных местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 63–65.

БТС 1998 — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Бурцева 2005 — Словарь наречий и служебных слов русского языка/сост. В.В. Бурцева. М.: Рус.яз. Медиа, 2005. 760 с.

Вязовик Т.П. Указательные местоимения, включающие в свой состав частицу *вот* // Русский язык в школе. 1980. № 1. С. 82–86.

Евгеньева 1985 — Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Ермакова О.П. Составные местоимения в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. ст. / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1996. С. 195–205.

Лавров Л.Д. Значение и употребление прономинальных образований типа *кто (что) угодно* // Грамматическая семантика русского языка: сб. науч. тр. Вологда: Вологод. ГПИ, 1983. С. 21–26.

Лопатин В.В. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Эксмо, 2011. 928 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «А Темп», 2004. 944 с.

Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 88 с.

Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Рус. яз., 1991. 254 с.

РСС 1998 — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). Белоусова А.С., Юношева В.К., Каминская Ю.А.М.: Азбуковник, 1998. 807 с.

Скобликова Е.С. Местоимения: различия трактовок // Русский язык в школе. 1996. № 6. С. 72–77.

СРЯ-18 1988 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 256 с.

ССРЛЯ 1991 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 2 / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп.. М.: Русский язык, 1991. 958 с.

Ушаков 2009 — Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1280 с.

Ушакова Л. И. Местоимения и их аналоги // Русский язык в школе. 1998. № 1. С. 85–90.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

T. P. Viazovik

*North-Western Institute of print of St. Petersburg state University
of technology and design
(Russia, St. Petersburg)
samolva@list.ru*

THE LEXICAL STATUS OF COMPOSITE PRONOUNS AND THEIR REPRESENTATION IN THE DICTIONARY

The author argues that an adequate lexicographic description largely lags behind the emergence of peripheral linguistic phenomena. On the other hand, dictionaries often draw attention to linguistic facts that have not yet received a certain status in linguistics. It is to such linguistic facts that «multiword» words, in particular combinations of words that are grammatical pronouns, adhere. The present article is devoted to the least studied phenomenon, namely the combination of the particle *vot* and interrogative pronouns, such as *vot chto*, *vot pochemu*, etc., in which the particle *vot* always bears a logical stress.

The analysis showed that lexicalization and grammaticalization of these combinations is always related to the development of the particle *vot* towards becoming an agglutinating prefix, which results in the transformation of an interrogative pronoun into a demonstrative one. Thus, the composite pronoun *V'OT chto* (*V'OT chto ia skazhu* [*That's*

what I'll say]), when it is used as a word equivalent, is a demonstrative pronoun, whereas the word combination *vot CHT'O?* (*Vot CHT'O ia skazhu?* [*Here is what I say?*]) contains two separate words, the particle *vot* and the interrogative pronoun *chto*. The author indicates that combinations of the *V'OT chto* type form a system parallel to the system of traditional demonstrative pronouns, and that members of the former perform basic functions of pronouns, i. e. deictic and anaphoric, yet differ by the implementation of functions and the presence of new properties.

The analysis of major explanatory dictionaries and dictionaries of the so-called “structural words” shows that these combinations are traditionally regarded as various meanings of the particle «*vot*». This is due to the lack of theoretical study of this phenomenon.

Key words and combinations: a composite pronoun, agglutinating prefix, demonstrative pronouns, the particle *vot*, dictionary.

References

Akimova G. N. [Observations on the segmented structures in modern Russian]. *Sintaksis i stilistika* [Syntax and stylistics]. G. A. Zolotova (Ed.). Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 237–247. (In Russ.)

Akimova O. B. [On the structural words of “not known what” type]. *Sintaksicheskie svyazi v russkom iazyke. Materialy vserossiiskoi konferentsii* [Syntactic links in the Russian language. Precedings of a national conference]. Stavropol, 1998, pp. 128–130. (In Russ.)

Bondareva G. A. [Structural peculiarities of composite pronouns]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, No. 2 (4), pp. 63–64. (In Russ.)

Burceva V. V. (Ed.). *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo iazyka* [Dictionary of adverbs and syncategorematic words of Russian]. Moscow: Russian language — Media Publ., 2005. 760 p.

Ermakova O. P. [Composite pronouns in Russian]. *Slovar'. Grammatika. Tekst. Sbornik statei* [Dictionary. Grammar. Text. A Collection of articles]. Ju. N. Karaulov (Ed.). Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1996, pp. 195–205. (In Russ.)

Evgenyeva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka. V 4 tomakh. Tom 1.* [The dictionary of the Russian language. In 4 vol.]. Vol. 1. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1985. 696p.

Kuznetsov S.A. (Ed.). *Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The great dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. 1536 p.

Lavrov L. D. [The meaning and the use of the pronominal formations of kto (thto) ugodno type]. *Grammaticheskaiia semantika russkogo iazyka: sbornic nauchnykh trudov* [Grammatical semantics of Russian. A collection of scientific papers]. Vologda: Vologda St. Pedagogical Univ. Publ., 1983, pp. 21–26. (In Russ.)

Lopatin V. V., L. E. Lopatina. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [The explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow: Eksmo Publ., 2011. 928 p.

Otkupshchikova M. I. *Mestoimenia sovremnnogo russkogo iazyka v strukturno-semanticheskom aspekte* [Structure and meaning of modern Russian]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1984. 88 p.

Ozhegov S. I. Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: "A Temp" Publ., 2004. 944 p.

Rogozhnikova R. P. *Slovar' ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of word equivalents: adverbial, auxiliary, modal unities]. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1991. 254 p.

Shvedova N. Ju. *Mestoimeniia i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaiemye imi smyslovyie prostranstva* [Pronouns and meaning. The class of Russian pronouns and a semantic space they reveal]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 176 p.

Shvedova N. Yu. (Ed.). *Russkii semanticheskii slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. Tom 1. Slova ukazuishchie (mestoimenia). Slova imenuiushchie: imena sushchestvitel'nye (Vsjo zhi-voe. Zemlia. Kosmos)* [Russian semantic dictionary organized according to word and meaning classes Vol. 1: Indicating words (pronouns). Name-giving words: nouns (All living things. Earth. Cosmos)]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. 807 p.

Skoblikova E. S. [Pronouns: differences in treatment]. *Russkii iazyk v shkole*, 1980, No. 1, pp. 72–77. (In Russ.)

Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. Vypusk 4. [Dictionary of the XVI-IIth century Russian. Issue 4]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 256 p.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. V 20 tomakh. Tom 2: V [Dictionary of modern standard Russian. In 20 vol. Vol. 2: V]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1991. 958 p.

Ushakov D.N. (Ed.). *Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The great dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel Publ., 2009. 1280 p.

Ushakova L.I. [Pronouns and words analogous to them]. *Russkii iazyk v shkole*, 1998, No. 1, pp. 85–90. (In Russ.)

Viazovik T.P. [The demonstrative pronouns containing the particle “vot” in their structure]. *Russkii iazyk v shkole*, 1980, No. 1, pp. 82–86. (In Russ.)

Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
dm-dbrv@yandex.ru,
irina.levontina@mail.ru

ТИМИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются русские конструкции типа *то-то и оно* (с вариантами *вот то-то и оно, то-то и оно, что...*), *то-то же, в том-то и дело*. Они относятся к большой группе выражений, используемых в качестве диалогических реакций, но обладают особой, не исследованной ранее дискурсивной функцией. На материале корпусных данных показано, что основная функция этих дискурсивных конструкций — выделение наиболее значимого компонента сделанного ранее высказывания. Соответственно, фраземы рассматриваемого типа могут быть охарактеризованы как тимнологические, то есть содержащие оценку по важности. Главный теоретический тезис статьи состоит в том, что язык располагает средствами, позволяющими помечать разные фрагменты высказывания как особо важные или, напротив, совершенно не важные. Последние были выделены в работах А. Б. Пеньковского, где, в частности, показано, что частица *так* в одном из значений указывает на понижение значимости сказанного; ср. *Не книга, а так, статья*. Рассматриваемые в статье конструкции выполняют противоположную функцию; ср. — *Квартира почти продана... почти... — То-то и оно, что «почти»!* В отличие от, казалось бы, близких по значению выражений *да, ага, а то, еще бы, а как же, вот именно*, говорящий при помощи *то-то и оно* и подобных конструкций не подтверждает то, что говорит собеседник, а указывает на важность сказанного или выделяет наиболее важный компонент.

Ключевые слова: дискурс, диалог, фразема, тимнологическая функция, значимый элемент высказывания, подтверждение, опровержение.

Три почтенных еврея идут по аллее еврейского кладбища. «Я бы хотел лежать здесь, рядом с ребе Шнеерсоном», — говорит один еврей. «А я бы хотел лежать вот на той аллее рядом с почтенным ребе Коганом», — говорит другой. «А я бы хотел лежать рядом с мадам Рабинович», — говорит третий. «Да, но она еще жива», — удивляются его собеседники. «О!» (*указательный палец поднимается вверх*).

(Анекдот)

Тимиологические (то есть содержащие оценку по важности) значения играют важную роль в семантике языка и в организации дискурса. Однако до сих пор на них мало обращали внимания. В этом смысле невозможно переоценить замечательную статью А. Б. Пеньковского, посвященную одному из значений слова *так* (*Не книга, а так, статья; Да это так, просто знакомый*). В ней, в частности, говорится: «Нам открывается если и не универсальный, то, во всяком случае, не уступающий аксиологическому по объему, широте охвата и значимости, — тимиологический принцип членения, ранжирования, или стратификации, элементов мира» [Пеньковский 1995: 36]. Речь идет о том, что язык располагает средствами, позволяющими пометить разные фрагменты высказывания как особо важные или, напротив, совершенно не важные.

Пеньковский обратил внимание на *так*, понижающее значимость. Можно добавить, что сходная идея входит в одно из значений слова *да* (*Да я не против, Да отдай ты ему деньги*); см. [Левонтина 1999]. Кроме того, идея низкой значимости может связываться в русском языке с особым просодическим оформлением. Оно напоминает просодию маленького размера (*Мааааленький*): фальцетный тембр, узкий раствор. Но для идеи низкой значимости характерна еще гортанная смычка (*Ta-ak*). Эти просодические особенности для подобных слов хотя и факультативны, но встречаются достаточно часто.

В языке есть также и целая серия единиц, выражающих идею высокой значимости. Некоторые из таких выражений будут рассмотрены в данной работе.

Одной из таких единиц является широко употребительная русская фразаема (*вот*) *то-то и оно* (, *что*). Рассмотрим следующие примеры:

Вы знаете, что такое алиби? — Нет, не знаю. — Вот то-то и оно-то. Для того чтобы установить личность преступления, я должен прежде всего установить ваше алиби. [А. Т. Аверченко. Ниночка]

— Они же это делают неосознанно. — То-то и оно, что неосознанно. Знаешь, в детстве я тоже мечтал стать невидимкой. [М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова]

— Квартира почти продана... почти... — То-то и оно, что «почти»! Если б не это «почти», я бы не топтался здесь за бесплатно [А. Волос. Недвижимость]

— Но я-то вроде свободна! — То-то и оно, что — «вроде»... [Н. Катерли. На два голоса]

То-то и оно принадлежит к большой группе выражений, используемых в качестве диалогических реакций (ср. *да, ага, а то, еще бы, а как же* и т. п.). Однако, как видно из приведенных примеров, в отличие от большинства таких слов, говорящий при помощи *то-то и оно* в первую очередь не подтверждает то, что говорит собеседник, а указывает на важность сказанного или выделяет наиболее важный компонент. Ср. *то-то и оно, что вроде* [собеседница говорит *вроде свободна*, для нее здесь главное — то, что она *свободна*, а говорящий указывает, что *вроде* здесь и есть самое важное].

Более того, (как видно из последних двух примеров) сочетание *то-то и оно, что* может вводить не только подтверждение слов собеседника. Говорящий на самом деле спорит с собеседником, но оспаривает не содержание его высказывания, а шкалу важности. Ср. также:

— Удалось что-нибудь откопать? — Да то-то и оно, что почти ничего! — Коля огорченно махнул рукой. [В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный]

Важно различать две хоть и схожие, но разные идеи: выделение одного из элементов множества объектов и выделение наиболее значимого компонента сделанного ранее высказывания. В последнем случае речь идет о единицах метауровня, позволяющих говорящему оценить степень важности отдельных элементов высказывания.

Это хорошо видно при сопоставлении единиц *то-то и оно* и (*вот*) *именно*.

Именно предполагает, что есть некоторое множество объектов, явлений и т. п. и данный объект или явление выделены из этого множества на основании какого-то существенного для говорящего свойства:

Да, его сиятельство шел именно к ней, потому что глядел прямо на нее в упор и слащаво улыбался. [А. П. Чехов. Анна на шее]

Во многих случаях *именно* подчеркивает, что говорящий имеет в виду в точности то, что он называет:

Здесь расстрелянный Антипов, покойный муж мой, студентом комнату снимал, именно вот эту комнату, где мы с вами сидим. [Б. Пастернак. Доктор Живаго]

В подобных контекстах *именно* сближается со словами *точно*, *в точности*, *ровно*.

Другая важная особенность слова *именно*, отличающая его от *то-то и оно* (а также от своего близкого синонима *как раз*), состоит в том, что оно связывается в первую очередь с подтверждением ранее существовавшей гипотезы или уже высказанного мнения. В диалоге *именно* часто подтверждает мнение, высказанное собеседником.

— *Нет, вы не ослышались,* — учтиво ответил Берлиоз, — *именно это я и говорил.* [М. Булгаков. Мастер и Маргарита]

— *Универмаг на Дубнинской?* — *Да-да, именно так.* [Диалоги «09»]

По этой причине *именно*, особенно часто в сочетании с частицей *вот*, используется в качестве самостоятельной реплики, выражающей полное согласие с тем, что сказал собеседник.

— *Именно, именно,* — закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал, — *ему там самое место!* [М. Булгаков. Мастер и Маргарита]

— *Решили поработать в заповеднике?* — *Вот именно.* [С. Довлатов. Заповедник]

Хотя *то-то и оно* также может употребляться в качестве самостоятельной реплики, значение этой формы совсем другое и с идеей подтверждения напрямую не связано. Поскольку *то-то и оно* выполняет тимиологическую функцию, его употребление с рав-

ной вероятностью возможно как в контекстах подтверждения, так и в контекстах опровержения. Интересно, что и использование *как раз* в функции подтверждения затруднено. Высказывание *Вы как раз правы* не может быть сделано просто для выражения согласия с мнением собеседника. Оно предполагает, что, например, кто-то третий оспорил данное мнение, а говорящий считает его правильным.

В связи с этим *как раз*, в отличие от *именно*, в диалоге часто используется полемически.

Нет-нет! Там как раз все по-другому. [А. Вампилов. Прощание в июне]

— *Кто мне там квартиру даст?* — *Это как раз не проблема, па!* — *оживился Толик.* [В. Кунин. Трое на шоссе]

Простите, как раз наоборот — в один какой-нибудь трагичный день вы упадете оттуда и разобьетесь. [В. Шукшин. Чередниченко и цирк]

Таким образом, *именно* и *как раз* распределены в отношении подтверждения и опровержения, в то время как для *то-то и оно* равно приемлемы оба типа контекстов, поскольку это выражение связано с важностью сказанного, а не с его правильностью.

Следует отметить, что во многих ситуациях тот элемент, который говорящий выделяет из множества, одновременно является и тем важным, что говорящий хочет выделить в высказывании собеседника. Поэтому (*вот*) *именно* и *то-то и оно* часто взаимозаменяемы. Так, в следующем примере вполне допустимо было бы и *то-то и оно*.

— *Живы будем — не помрем!* — *Вот именно,* — усмехнувшись женский голос. [Ф. Незнанский, Э. Тополь. Журналист для Брежнева]

Правда, при замене *вот именно* на *то-то и оно* некоторым образом меняется тональность высказывания. В нем появляется какая-то полемичность, то есть говорящий то ли намекает на свое несогласие с кем-то третьим, то ли указывает на то, что собеседник недостаточно оценил важность сказанного им самим.

При этом замена *вот именно* на *то-то и оно* возможна далеко не всегда. Рассмотрим следующий пример.

На Покров Петр Петрович хотел очаровать всех до единого своим радушием, да и показать, что именно он первое лицо в доме. [И. Бунин. Суходол]

Здесь было бы абсолютно невозможно: *хотел показать, что то-то и оно, что он первое лицо в доме*. Во-первых, здесь нет никакой предшествующей реплики, то есть *то-то и оно* невозможно в нарративе. А во-вторых, *то-то и оно* невозможно в косвенной речи. Это связано с его риторической природой. В работах Е.В. Падучевой (ср. в первую очередь [Падучева 1996: 303]) такие единицы называются первичными, или жесткими, эгоцентриками.

Возвращаясь к семантике сочетания *то-то и оно*, отметим, что сходные значения выражают еще несколько единиц, в состав которых входит сочетание *то-то* (*то-то, то-то же, в том-то (все) и дело*). На идею важности в значении *то-то* проницательно обратил внимание уже Д. Н. Ушаков:

То-то, частица. (прост.). 1. Со словом *вот* и без него употр. для подчеркивающего указания на самое главное в предшествующей речи, реплике, в знач. 'в том то и дело, именно'. «Вот то-то, все вы гордецы!» Грибоедов. <...> [ТСРЯ]

При этом все упомянутые единицы имеют несколько разное значение и во многих случаях не взаимозаменяемы.

Рассмотрим, например, характерный случай употребления единицы *то-то же* — анекдот времен обострения советско-китайских отношений: «Заходит китаец в магазин и спрашивает: — Рис есть? — Нет. — То-то зи».

В этом случае *то-то же* совершенно невозможно заменить на *в том-то и дело*.

Действительно, в *то-то же* есть еще важные смысловые компоненты: говорящий, грубо говоря, требует, чтобы собеседник признал свою неправоту, убедившись в ее последствиях, или по крайней мере говорящий указывает, что собеседник пропустил что-то важное, не заметил ключевой аспект ситуации. Именно это свойство *то-то же* ярко проявляется в данном анекдоте. Рассмотрим еще некоторые примеры.

Конфорки одна за другой загорались, а Галина Семеновна, которая всю свою жизнь для этой цели пользовалась спичками и твердо верила в их силу, с сомнением качала головой. — А если света не будет? — Ну, тогда спичками, — отвечал Степан. — То-то же, — говорила Галина Семеновна, довольная тем, что все-таки отстояла традиционные ценности. [Андрей Геласимов. Дом на Озерной (2009)]

Когда я вернулась, наша старая консьержка посмотрела на меня со смешанным чувством приязни и недружелюбия, столь свойственным многим русским людям, и сказала, выйдя из своей консьержьей будки и взмахнув клюкой: «Ну что, Лиза, вернулась? **То-то же**. Ведь говорят люди: где родился, там сгодился». И, удовлетворенная, злая, пошла выгуливать свою старую собаку. Сгодилась. [Кира Сурикова. ДТП (2003)]

Криворотов обернулся и нашел глазами Никиту и Додика. Никита покладисто сделал жест «сдаюсь», а Додик поднял вверх большой палец правой руки — Лев не ошибся в друзьях. — **То-то же**, — сказал он, словно все произошедшее было его заслугой. [Сергей Гандлевский. НРЗБ//«Знамя», 2002]

Этого удовлетворения от подтверждения своей правоты совсем нет в выражении *в том-то и дело*, там скорее приглашение к совместному обдумыванию ситуации. Например, невозможен такой диалог: — *А не может ли это лекарство дать побочные эффекты?* — ***То-то же!** *Я поэтому и не очень хочу его вам выписывать.* Здесь совершенно естественно будет *в том-то и дело*.

Рассмотрим примеры употребления *в том-то и дело*.

Удивления было достойно: ведь она никакого отношения к театру не имела, никаких тонкостей актерской работы не понимала, а ситуацию оценила совершенно точно. — Да-а, — протянула она, насыпая кофе в большую турку с синим гжельским цветочком, — что и говорить, своевременно. Сразу после института, чтоб уж в самом начале, и никаких дальнейших трепыханий! — **В том-то и дело**, — всхлипнув, кивнула Аля. — Я же не потому, что вообще детей не хочу, что в себя такая уж влюбленная. Но ведь ничего еще не успела, ты понимаешь? — Чего ж тут непонятного, — согласилась Нелька. [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]

Вопрос: Подождите, но их же у вас еще не было — ни этой женичины, ни сына? Ответ: **В том-то и дело**, что их не было. Даже не знаю, как вам объяснить. Этих дорогих мне людей у меня еще вовсе не было, а я уже готов был пойти ради них на все. Чтобы жить с ней просто, изо дня в день, в растая друг в друга. [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004)//«Знамя», 2005]

Надо заметить, что в анекдоте, который мы взяли в качестве эпиграфа, *О!* использовано в значении, близком к *в том-то и дело* или

то-то и оно. Дополнительный комизм анекдоту придает то, что *О!* имеет гораздо более широкое значение, а недостающие компоненты смысла передаются интонацией и жестами — что как раз очень характерно для еврейского анекдота [Крейдлин, Шмелева 2007: 517].

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика/гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 96–122.

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2012». Выпуск 11 (18): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 38–149.

Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма/отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 509–519.

Левонтина И. Б. Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 188–201.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Индрик, 1995. С. 36–40.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

D. O. Dobrovolsky, I. B. Levontina
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
dm-dbrv@yandex.ru, irina.levontina@mail.ru

A TIMIOLOGICAL MEANING COMPONENT OF RUSSIAN DISCURSIVE WORDS

The present paper discusses semantic and pragmatic aspects of such Russian constructions as *to-to i ono* (along with the variants *vot to-to i ono*, *to-to i ono*, *chto...*), *to-to zhe*, *v tom-to i delo*. These constructions belong to a large group of expressions that are used as dialogical reactions. However, they display a specific discourse function that has not been described so far. The corpus data analyzed in this respect show that the central function of such constructions is to emphasize the most important element in the interlocutor's utterance. Hence, phrasemes of this type can be described as timiological items, i. e. lexical units that point to the importance value. The main theoretical idea of the present paper is that language has special means for indicating the degree of importance of a given utterance part. In contrast to seemingly similar expressions such as *da*, *aga*, *a to*, *eshche by*, *a kak zhe*, *vot imenno*, the speaker uses *to-to i ono* as well as near-synonymous constructions to refer to an element from the preceding discourse, namely the element that the speaker considers to be decisive for the adequate understanding of a given situation, rather than to express agreement with the interlocutor's statement.

Key words: discourse, dialog, phraseme, timiological function, important element of the utterance, agreement, disagreement

References

Bryzgunova E. A. [Intonation]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 96–122. (In Russ.)

Dobrovolsky D. O., Levontina I. B. [Synonymous focus particles in German and Russian]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Pa-

pers from the Annual International Conference “Dialogue 2012”. Issue 11 (18), 2012. Vol. 1]. Moscow: Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2012, pp. 138–149. (In Russ.)

Kreydlin G.E., Shmeleva E.Ya. [Verbal and non-verbal elements of jokes]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of creating the comic]. Moscow: Indrik Publ., 2007, pp. 509–519. (In Russ.)

Levontina I.B. [Conviction strategies: particles in repeated requests]. *Yazyk. Kultura. Gumanitarnoe znanie* [Language. Culture. Humanities]. Moscow: Nauchny Mir Publ., 1999, pp. 188–201. (In Russ.)

Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida s russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Narrative semantics]. Moscow: Yazyki Russkoj Kultury Publ., 1996. 464 p.

Penkovky A.B. [Timiological functions and their expression in contexts of importance diminishing]. *Logicheskij analiz yazyka. Istina i istinnost v culture i yazyke* [Logical analysis of language. Truth and verity in language and culture]. Moscow: Indrik Publ., 1995, pp. 36–40. (In Russ.)

Ushakov D.N. (Ed.). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. 4 vol. Moscow: OGIZ Publ., 1935–1940.

Е. В. Маринова
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
marinova@list.ru

ЗДОРОВЫЕ И НЕЗДОРОВЫЕ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

В современной русской речи прилагательные *здоровый* и *нездоровый* употребляются в новых, неожиданных для них сочетаниях типа *(не)здоровый цинизм*. Слово *здоровый*, сочетаясь с обозначениями отрицательных качеств (*агрессия, снобизм, тщеславие, эгоизм* и т. п.), приобретает новое значение, не отражённое в современных толковых словарях: 'такой, который не причиняет вреда окружающим; безопасный и в то же время полезный для самого носителя качества'. Слово *нездоровый* употребляется как в сочетании с обозначениями отрицательных качеств, так и с обозначениями качеств положительных (*нездоровая доброта*). В статье делается предположение о том, что новая сочетаемость слов *здоровый, нездоровый* свидетельствует о смешении этических оценок основных нравственных категорий личности. Автор статьи предлагает ввести в научный обиход термин и понятие *актуальная сочетаемость (слова)*. Данное понятие, так же как соотносительные понятия *ключевые слова эпохи, модные слова, актуальные неологизмы*, может быть использовано при описании семантических изменений слова в аспекте аксиологических исследований языка. Актуальная сочетаемость слова представляют собой своеобразный маркер экстралингвистических изменений, которые в конечном итоге влияют на семантический объём слова, меняют его.

Ключевые слова: актуальная сочетаемость слова, семантика, оттенки значения, коннотация, семантические изменения, этическая оценка нравственных категорий.

Предлагаемое исследование посвящено описанию новой сочетаемости некоторых слов русского языка. Точнее можно назвать эту

сочетаемость **актуальной**, поскольку она отражает важные, значимые изменения в духовной, нравственной сфере современного человека. В этом смысле актуальная сочетаемость, как и *ключевые слова эпохи, модные слова* или *актуальные неологизмы* (это всё относительные понятия), представляют собой своеобразный маркер экстралингвистических изменений, которые в конечном итоге влияют на семантический объём слова, меняют его.

В современном дискурсе это происходит с прилагательным *здоровый*. Впервые мы обратили внимание на необычное словесное окружение этого прилагательного, анализируя семантику и коннотацию словосочетания *здоровые амбиции* [Маринова 2012].

Могут ли амбиции быть здоровыми? Этот вопрос имеет два толкования — в зависимости от того, что имеется в виду: сочетаемость слов *амбиции* и *здоровый* или этическая оценка самого качества, называемого словом *амбиции*. Попробуем ответить на оба варианта этого вопроса.

Сомнения в сочетаемости слов *амбиции* и *здоровый*, очевидно, возникли потому, что до последнего времени, вплоть до «нулевых» годов XXI в., слово *амбиция* и другие слова с тем же корнем (*амбициозный, амбициозность*) употреблялись в русской речи с явной негативной окраской. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *амбициозный* поясняется так: «себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей» [Даль]. Бытовало выражение *войти (удариться) в амбицию* ‘бурно проявлять, выражать свою обиду, недовольство, когда задето самолюбие’ [ФС]. В произведениях Ф. М. Достоевского неоднократно встречается поговорка *На рубль амбиции — на грош амуниции* [НКРЯ] — об излишне самоуверенных, кичливых людях, чья самонадеянность ничем не обоснована. Кстати, современные словари по-прежнему толкуют слово *амбициозный* как ‘наполненный самомнением, полный амбиций; вызываемый ими’ [БТС; МАС]. В том же негативном ключе подаётся и существительное *амбициозность* — ‘проявление обострённого самолюбия, чрезмерного самомнения’ [Там же]. Синонимами слова *амбиция* в современном русском языке являются слова *спесивость, чванство, властолюбие, гонор, апломб, зазнайство, самоуверенность, самонадеянность* [ТСС].

Правда, в одном из частных писем А. С. Пушкина встречается выражение *откажусь из благородной гордости, т. е. из амбиции*

[С.яз. П.]. Современные толковые словари не отмечают это значение ('чувство самолюбия, гордости, самоуважение'), возможно, потому, что наиболее частотными являются в текстах русских писателей употребления слова *амбиция* в значении 'обострённое самолюбие, чрезмерное самомнение': ... *во всей нашей семье было ужасно развито чувство дворянской амбиции* (А.А. Григорьев «Мои литературные и нравственные скитальчества», 1862) [НКРЯ].

Впоследствии частотным становится другое значение слова — 'претензии, притязания на что-либо'. В этом значении слово употребляется **в форме множественного числа** — *амбиции*. Например: *Сталина обуревали имперские амбиции. Он хотел вернуть все территории, которые ранее входили в состав царской России* (Валентин Бережков «Рядом со Сталиным», 1998) [НКРЯ]. Пожалуй, это самое распространённое значение слова. Многочисленные эпитеты, которые пристраиваются к нему, подчёркивают его негативную окраску, см.: *авторитарные амбиции, властолюбивые амбиции, великодержавные амбиции, имперские амбиции, наполеоновские амбиции, партийные амбиции, политические амбиции, ядерные амбиции (Пхеньяна, Ирака), мелочные амбиции, эгоистические амбиции* и даже — несколько плеонастично — *высокомерные амбиции и честолюбивые амбиции* [НКРЯ].

Таким образом, слово *амбиция/амбиции* представляет собой обозначение одного из негативных качеств, проявлений кого-, чего-либо. Может ли это качество характеризоваться словом с положительной оценкой, а именно словом *здоровый*?

Сомнения относительно сочетаемости этих слов, на первый взгляд оксюморонной, развеялись, когда в безграничном массмедийном пространстве Интернета было обнаружено, что определения *здоровый* могут иметь при себе и другие обозначения человеческих недостатков и пороков.

Начнём, например, с синонимов слова *амбиции*. Обнаружены: *здоровый апломб, здоровое властолюбие, здоровое зазнайство, здоровая самонадеянность, здоровая самоуверенность*. Близкие (по семантике) к слову *амбиции* слова также употребляются в подобных сочетаниях: *здоровое тщеславие, здоровое честолюбие*. Далее мы попробовали найти обозначения других отрицательных качеств в паре с прилагательным *здоровый*. См.: *здоровое высокомерие, здоровое самомнение, здоровый снобизм, здоровая само-*

влюблённость, здоровый нарциссизм, здоровая самоуверенность, здоровая самонадеянность. Самыми неожиданными, на наш взгляд, показались сочетания *здоровый цинизм, здоровая агрессия и здоровая агрессивность, здоровая ревность!*

Думается, *здоровый* во всех этих странных контекстах имеет следующий оттенок (пока не отражённый словарно): ‘такой, который не причиняет вреда окружающим; безопасный и в то же время полезный для самого носителя качества’.

С этой точки зрения слово *здоровый* может употребляться с существительным *амбиции*.

Что же касается этической оценки самого качества *амбиции*, следует говорить о том, что оценка изменилась — с отрицательной на нейтральную или даже положительную. Естественно, это нашло отражение и в семантике самого слова, получившего в последнее десятилетие положительную коннотацию. Однако сочетание *здоровые амбиции*, как оказалось, однозначно не выявляет семантического изменения слова *амбиции*, поскольку прилагательное *здоровый* в своём **новом** переносном значении широко употребляется с существительными, обозначающими именно отрицательные качества.

О том, что в семантике слова *амбиции* произошёл сдвиг, красноречиво свидетельствуют другие контексты, в которых это слово используется для высокой положительной оценки кого-, чего-либо (нередко в составе с другими существительными той же оценочности). Например: *Блистательная и гостеприимная хозяйка участка Елена Проклова позволила нам проявить свои знания, амбиции и фантазию в ее владениях* («Ландшафтный дизайн», 2003.05.15); *В этот день вам придется проявить весь свой шарм, обаяние и амбиции, которые необходимо чем-то подкрепить* (гороскоп, 2004); *Мастер-класс Ирины Хакамады: для тех, кто с амбициями* (реклама, 2011).

В этих предложениях слово *амбиции* употреблено вместо слов *устремления, чаяния, целеустремлённость, цели* (прежняя сема ‘претензии, притязания’, имеющая отрицательный налёт, утратилась). Можно сказать, что *амбиции* стали потихоньку паразитировать на других словах (такова, наверное, судьба всех неожиданно модных слов).

Сдвиг в значении этого существительного произошёл, по видимому, под влиянием английского языка, в котором существи-

тельное, восходящее к латинскому *ambitio*, имеет нейтральное значение ‘стремление, цель, предмет желания’. В русских текстах слово *амбиции* в значении ‘стремления к цели, желание собственных достижений’, получая новые определения (*здоровые, адекватные* и т. п.), постепенно входит в круг лексики, положительно оценивающей качества, черты характера человека. Так, специалисты в области рекрутинга советуют при устройстве на работу обязательно указывать в резюме (как это делается, например, в США), обладает ли соискатель определёнными амбициями. Появилось даже выражение *карьерные амбиции* (калька с англ. *career ambitions*). По-видимому, это всё те же *здоровые амбиции*. На многочисленных сайтах, обсуждающих вопросы психологии личности, профессиональные психологи размышляют о градации амбиций у разных индивидуумов: выделяются *высокие, завышенные, умеренные* и *заниженные* (!) *амбиции* (последнее, естественно, оценивается отрицательно — с современной точки зрения).

Новым в начале XXI в. оказывается и значение прилагательного *амбициозный*. Его можно сформулировать так: ‘перспективный, масштабный, направленный на достижение больших целей’. Меняется и синтагматика прилагательного: теперь оно сочетается не только с одушевлёнными существительными (*амбициозный человек, амбициозный политик, амбициозный руководитель*), но и с неодушевлёнными: *Эта картина* (о картине С. Дали. — Е. М.) — *самое амбициозное произведение художника* (ОРТ 2011). *Амбициозный* может относиться к таким словам, как *проект, план, программа, задачи, идея* и даже *бюджет* (!). В интернет-дискурсе встретилось также: *амбициозная марка автомобиля* (о марке «Мерседес-Бенц»), *амбициозный знак зодиака* (о знаке Льва), *амбициозный и загадочный магазин, амбициозное помещение* и многое другое.

Отрицательный компонент значения утратился и у существительного *амбициозность*. Если раньше об амбициозности говорили, имея в виду властолюбивых, авторитарных политиков, ставящих свои интересы выше других и добивающихся своих целей любыми средствами, то сейчас это «обновлённое» качество стало восприниматься не как недостаток или порок, а как достоинство и приписываться кому угодно. См. примеры газетной речи: *«Автодор» мне импонирует своей амбициозностью, и я полагаю, что он всё же примет участие в Кубке чемпионов* («Известия», 2002.07.11); *Меня*

просто интересуют масштабы цели, **амбициозность** участников и оформленность цели (Беседа с Дмитрием Приговым//«Пятое измерение», 2003). Вошло в обиход выражение *недостаточная амбициозность*. Авторство этого, казалось бы, алогизма приписывается В.В. Путину, который в 2002 году в одном из своих президентских обращений к кабинету министров подверг критике *«среднесрочный сценарий экономического развития России за “недостаточную амбициозность” и слишком низкие заложенные в нем темпы роста»* («Известия», 2002.04.12).

Таким образом, *здоровые амбиции* и *здоровая амбициозность* — веяния нового времени, от которого могут отставать представители традиционной культуры. И вот здесь, удовлетворяя своё, видимо, здоровое любопытство, мы решили пойти дальше и выяснить, что же является **нездоровым** в этой обновляющейся системе нравственных координат.

Во-первых, оказалось, что все те существительные, которые встретились в сочетании с прилагательным *здоровый*, используется в речи и в сочетании с прилагательным *нездоровый*. Например: *нездоровый* — **апломб, цинизм, снобизм**, *нездоровое* — **тщеславие, самомнение, честолюбие**, *нездоровая* — **ревность, самонадеянность**, а также *нездоровый гонор*, *нездоровый эгоизм*, *нездоровая спесь* и *нездоровая спесивость*. Конечно же, есть и *нездоровые амбиции*. Если сочетания «*здоровый* + существительное с негативной семантикой» представляются, с точки зрения традиционных нравственных понятий, оксюморонными, то сочетания тех же существительных с прилагательным *нездоровый* кажутся плеонастичными.

Во-вторых, слово *нездоровый*, в отличие от своего антонима, активно употребляется и в сочетании с именами существительными с положительной семантикой, т.е. именующими положительные качества человека. Например: *нездоровая скромность*, *нездоровая целеустремлённость*, *нездоровая гордость*, а также *нездоровая аккуратность*, *нездоровая честность* (!) и даже *нездоровая доброта*.

Таким образом, новая сочетаемость слов *здоровый*, *нездоровый* так же, как и семантические изменения слова *амбиции* и его производных, демонстрируют смешение этических оценок (с минуса на плюс и наоборот) основных нравственных категорий личности, смену (замену) полярных точек зрения на ценности духовного порядка, что вызывает тревогу. В этой ситуации хотелось бы, чтобы

актуальная сочетаемость слов *здоровый*, *нездоровый* была бы всего лишь модой.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб, 1998.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956.

Маринова Е. В. Могут ли амбиции быть здоровыми? // Русская речь. 2012. № 5. С. 57–63.

МАС — Словарь русского языка в 4-х томах. 2-е изд. М., 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: www.ruscorpora.ru

С.яз.П — Словарь языка А. С. Пушкина. Т. I. М., 1956.

ТСС — Большой толковый словарь синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

ФС — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

E. V. Marinova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

(Russian, Nizhni Novgorod)

marinova@list.ru

ZDOROVYE AND NEZDOROVYE IN MODERN DISCOURSE

In modern Russian speech the adjectives “*zdorovy*” and “*nezdorovy*” are used in new and unexpected combinations (e.g. *zdorovy cynizm*, *nezdorovy cynizm*). When combined with the words denoting negative characteristics (e.g. *agressiya*, *snobizm*, *tshjeslavie*, *egoizm* etc.) “*zdorovy*” acquires a new meaning not reflected in modern dictionaries: ‘not allowing danger or harm; both secure and edifying’. “*Nezdorovy*” can be used in combinations with words denoting negative as well as positive traits (e.g. *nezdorovaya dobrota*). In this paper it is argued that the new

combinability of adjectives *zdorovy/nezdorovy* might indicate some sort of shift in ethical values of basic moral categories. The author suggests to introduce the term and the concept of actual combinability into scientific use. This particular concept as well as related terms “key-words of the epoch”, “fashionable words”, “actual neologisms” could be made use of in the description of semantic changes within the framework of axiology. Actual word combinability could be looked upon as a specific marker of extra-linguistic changes, which ultimately affect and change the semantic content of a word.

Key words: actual word compatibility, semantics, shade of meaning, connotation, semantic changes, ethical assessment of moral categories.

References

Babenko L. G. (Ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' sinonimov russkoi rechi* [Big explanatory dictionary of synonyms of the Russian speech]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2008.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Moscow, 1956. T. I.

Kuznetsov S. A. (Ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. Saint Petersburg, 1998.

Marinova E. V. [Can ambitions be sane?]. *Russkaya rech*, 2012, No. 5, pp. 57–63 (In Russ.)

Molotkov A. I. (Ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological dictionary of Russian]. Moscow, 1986.

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (In Russ.)

Slovar' iazyka A. S. Pushkina [Dictionary of language of A. S. Pushkin]. T. I. Moscow, 1956.

Slovar' russkogo iazyka v 4-kh tomakh [Russian dictionary in 4 volumes. 2nd ed.]. Moscow, 1981–1984.

Е. Н. Никитина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
yelenon@mail.ru

СТИЛИСТИКА ГРАММАТИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на примере стихотворений Б. Ш. Окуджавы)*

В статье рассматриваются некоторые синтаксические конструкции в стихотворных текстах, участвующие в формировании стилистических эффектов. Обсуждаются конструкции «на грани синтаксической нормы», предлагается их интерпретация в связи с авторскими художественными задачами.

Ключевые слова: перцептивный модус, ментальный модус, локатив, временная перспектива, субъект, пространство, лицо, не-лицо.

Авторы работ, пишущие о поэзии Б. Ш. Окуджавы, не раз обращали внимание на то, как причудливо в его стихах перемежается лексика возвышенная и разговорная, сниженная. Черты «сниженности», упрощенности находят отражение не только в стиле лексики Окуджавы: известны тонкие и замечательные наблюдения А. К. Жолковского и Д. Быкова, которые говорили о философской упрощенности в стихах Окуджавы, демократизме, повседневности, связи поэтической интонации с городским романсом, что сближает его художническую позицию с блоковской. Стилистическое соединение высокого и обыденного, непозволительное в других функциональных стилях речи, в рамках художественного (поэтического) текста создает особый характер, дает возможность формулировать высокие истины и в то же время создать атмосферу душевного разговора, приблизиться к читателю и быть заодно с ним.

Если в лингвистических работах особенности лексики в стихах Окуджавы становились предметом исследований, то грамматика (синтаксис) в поэтических текстах Б. Ш. Окуджавы, к сожалению,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

остается неизученной, хотя внимательный анализ этой стороны его текстов может привести к замечательным выводам.

В стихотворениях Окуджавы сталкиваются черты высокого и разговорного синтаксиса, наивного, на грани грамматической нормы.

Примером высокого может стать известная в русской поэзии с 19 в. формула построения генеритивных высказываний. По этой формуле построена фраза *Счастлив дом, где пенье скрипки наставляет нас на путь*. Это высказывание является общим суждением, обладает свойствами «универсального пространства» (по О.Г. Ревзиной) или принадлежит к генеритивному регистру (с помощью данного термина интерпретирует подобные высказывания «Коммуникативная грамматика» — см. [Золотова и др., 2004]). Это означает, что пространственно-временная локализация отсутствует, граммема наст. вр. имеет значение обобщенного времени, семантика времени-пространства «всегда и везде», высказывание верно для всех потенциальных личных субъектов, оно характеризуется инклюзивностью субъекта речи (т.е. высказывание истинно и для говорящего, который может стать участником обрисованной ситуации: он тоже счастлив, если находится в доме, где звучит музыка); меняется значение граммемы ед. ч. — не реальная единичность, а множественность, обобщенность: *дом* означает «любой дом». Тем самым высказывание является афоризмом, вечной истиной.

По этой модели — оценочное краткое прилагательное в препозиции и придаточное к подлежащему — построены знаменитые русские афоризмы, источником которых являются литературные произведения: *Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые* (Тютчев); *Блажен, кто верует* (Грибоедов). Сама же формула восходит к Библейским выражениям, ср., например: *Блаженны нищие духом...* Об особенностях этой синтаксической формулы см. [Ярыгина 2011]. Интересно при этом, что как в евангельском тексте, так и в приведенных литературных афоризмах в рамках текста дается обоснование этого оценочного высказывания — с помощью придаточного причинного либо в бессоюзном сложном предложении: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное; Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые: его послали всеблагие...; Блажен, кто верует: тепло ему на свете*. Но в состав собственно афоризма обоснование не входит. Высказывание получает характер вечной истины вне обоснования: истина не нуждается

ся в доказательстве. Мы можем сделать вывод, что Б.Ш. Окуджава воспользовался «укороченной» формулой: в его тексте присутствует оценочная формула вне обоснования.

Черты сниженности и отклонений от нормы в синтаксисе увидеть, пожалуй, непросто. Однако внимательный анализ позволяет выявить эти черты и объяснить механизм нарушения нормы.

Рассмотрим интродуктивный фрагмент стихотворения «Король»:

*Во дворе, где каждый вечер всё играла радиоло,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Леньку Королева
и присвоили ему званье короля.*

В этой строфе представлен регистровый конфликт — перцептивный модус (конкретика пространственная) соединяется с семантикой модуса ментального. К перцептивному модусу относятся глаголы частной семантики, то, что воспринимается органами чувств: *пылить*, *играть* (=звучать), на их фоне и глагол *танцевать* приобретает перцептивное осмысление, а локатив *во дворе* имеет значение внешнего физического пространства. Напротив, глагол *уважать* не предполагает перцептивного осмысления, его семантика отношения не сочетается с семантикой частного пространства: это глагол ментального модуса.

Однако локатив в контексте предложений с глаголом *уважать* возможен. Это возможно в таких случаях:

1) *Ребята во дворе уважали этого парня* — локатив относится к субъекту *ребята*;

2) *Во дворе уважали этого парня* — локатив взаимодействует с субъектным нулем неопределенно-личного предложения.

В этих случаях локатив *во дворе* ограничивает состав субъектов отношения.

Но странной следует признать фразу *Во дворе, где играла музыка, ребята уважали этого парня*. В этом случае локатив относится ко всему предложению (предикату), ср. «миропорождающее обстоятельство» по И.М. Богуславскому. С одной стороны, неактуальный характер предиката *уважать* вступает в стихотворении в конфликт с частноперцептивной звуковой семантикой предикатов *играть*,

пылить, танцевать. С другой — человеческие эмоции, отношения разворачиваются во внутреннем психическом пространстве, поэтому возникает конфликт между семантикой предиката *уважать* и конкретно-физического пространства *во дворе*. См. также [НОССРЯ 2004], где показано, что инициальный локатив при предикатах эмотивной семантики получает не пространственное, а временное осмысление: *В Москве я боялся его* (= «Когда мы были в Москве, я боялся его»). Ср. также высказанную в [Дручинина 1987] идею о разграничении предикатного и субъектного инициального локатива: *В лесу дети играли* (= «Когда дети пришли в лес, они там играли») и *В лесу играли дети* (= «В лесу была игра детей»).

Но для того, чтобы локатив получил темпоральное осмысление в присутствии предиката отношения (*уважать*), имеющего неактуальное значение, локатив должен иметь потенциал на осмысление в достаточно длительной временной перспективе (не минуты и не часы, а недели, месяцы, годы). Локатив же *во дворе* такой временной перспективой не располагает: время действия в таком пространстве ограничивается минутами или часами, отсюда и конфликт в выражении **уважали во дворе*. Этот конфликт, который мы ощущаем как стилистический, имеет грамматическую подоплеку. Очевидно, его появление в стихотворении носит неслучайный, намеренный характер. Это дает возможность сравнивать начало стихотворения Б. Окуджавы с так называемыми «блатными» романами, получившими широкое распространение в послесталинское время, когда шло массовое возвращение репрессированных из лагерей и данная стилистика стала характерной для городской песни. Тогда известное наблюдение о стилистической дифференциации лексики у Окуджавы можно дополнить наблюдениями над стилистикой грамматики.

Рассмотрим «Песенку Льва Разгона». Именная синтаксема Род. в позиции при слове *песенка*, имеющем агентивную валентность, получает значение субъекта действия, агенса (тот, кто сочинил или исполняет песенку). В самом деле, и написана песенка от 1-го лица (*Я*) — это история жизни, в которой героем является говорящий, а значит, если следовать заглавию, Лев Разгон. Может показаться, что *Я* по-разному осмысляется через посредство заглавия и без такого посредства: если не учитывать название, то *Я* принадлежит автору, если учитывать, то герою, названному в заглавии. Но в этом

стихотворении Б. Ш. Окуджава своеобразно использует возможности категории лица и семантики предикатов. Интересно, что с *Я*-субъектом соединяются предикаты 3-го лица:

1) относящиеся обычно к предмету — в частности, положения в пространстве: *(я) долго лежал в холодильнике*; к пространству: *омыт ледяной водой*;

2) относящиеся к лицу: оценочный предикат свойства — *(я) до сих пор молодой*; оценочно-ретроспективный предикат — *(я) пригвоздил его прозою*.

Предикатами 3-го лица они называются потому, что обычно их синтаксическая парадигма ограничена, они не употребляются в контексте 1-го лица: о себе мы так не говорим. Такое соединение субъекта и предиката у Б. Ш. Окуджавы является очень своеобразным и тонким грамматическим нарушением. Эта семантико-грамматическая противоречивость между перволичным субъектом (*Я*) и предикатами 3-го лица тончайшими средствами создает внешний, полный тонкого юмора, взгляд на предизируемого субъекта (героя), указывает на дистанцию между героем Львом Разгоном (он остается в зоне 3-го лица, даже будучи называемым *Я*) и реальным субъектом речи (поэтом). Таким образом, в самом тексте заключается прием, указывающий на то, что герой стихотворения и автор стихотворения — это разные личности, несмотря на обманчивое внутритекстовое *Я*. Эта дистанцированность, которую внимательный читатель осознает, читая текст, однозначно подтверждается анафорой *Я* к заглавию (текстовое *Я* не соответствует авторскому *Я*).

В основе нарушения грамматической нормы лежит такой тип взаимодействия категорий, как «взаимоисключение» (взаимодействующие компоненты не могут быть осмыслены в рамках стандартной грамматической логики). Однако в рамках поэтической речи они приобретают характер художественного приема и воплощают индивидуальные авторские тактики построения текста. Анализ грамматики в поэтическом тексте не только позволяет интерпретировать индивидуальные авторские тактики, что способствует более полному пониманию художественно-идеологической позиции Окуджавы-поэта. Такой анализ позволяет приоткрыть и остававшиеся до сих пор незамеченными закономерности в организации русских синтаксических конструкций.

Литература

Дручинина Г. П. Локативные синтаксемы в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 171 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общей ред. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004 г. 1488 с.

Ярыгина Е. С. Об одной разновидности конструкции вывода-обоснования // Вопросы русского языкознания: сб. Вып. XIV. Грамматика и текст. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 381–393.

E. N. Nikitina

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
yelenon@mail.ru*

STYLISTICS OF GRAMMAR IN POETIC TEXTS (analyzing poetry by B. Okudzhava)

The paper is concerned with some syntactic constructions producing specific stylistic effects in poetic texts. It is argued that the violation of syntactic norm by some constructions can be interpreted with respect to the poet's esthetic goals.

Key words: perception, mentality, temporary perspective, locative, subject, person, space.

References

Apresyan Ju. D. (Ed.). *Novy obyasnitelny slovar sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kultury; Venskiy slavisticheskiy almanakh Publ., 2004. 1488 p.

Druchinina G.P. *Locativnye sintaksemy v sovremennom russkom yazyke. Diss. kand. filol. nauk* [Locative syntaxemes in Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1987. 171 p.

Yarygina E.S. [A construction of conclusion-grounding]. *Voprosy russkogo yazykoznaniya. № XIV. Grammatika i text* [Issues in Russian linguistics. № XIV. Grammar and text]. Moscow: MAKSS Press Publ., 2011, pp. 381–393. (In Russ.)

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004. 541 p.

С. В. Рябушкина

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова (Россия, Ульяновск)
svetigor@bk.ru

К ИСТОРИИ ОДНОГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ВАРИАНТА: ПЯТИДЕСЯТЬЮ / ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ

Нарушения норм формообразования имен числительных в речи многочисленны, но большинством говорящих не осознаются как неправильности: отмечая зону грамматической нестабильности, узуальные формы оказываются ошибками диагностическими и демонстрируют тенденции развития языка. В современном узусе форма творительного падежа «больших» десятков (от *пятидесяти* до *восемидесяти*) и «больших» сотен (от *пятисот* до *девятисот*) используется в двух вариантах. Первый — *пятьюдесятью, пятьюстами* — соответствует кодифицированной норме, показателем падежа оформлен каждый из компонентов сложного числительного. Во втором варианте — *пятидесятью, пятистами* — устранено внутреннее склонение, первый компонент имеет показатель генитива (общий косвенный падеж). Упрощенный вариант есть результат процесса лексикализации — таким образом создается унифицированная основа нумерального композита. Эта основа объединяет сложные числительные с денумеральными именами (типа *пятидесятилетний*). На сосуществование двух вариантов в речи и их конкуренцию авторы русских грамматик указывают на протяжении почти трех веков: в статье прослеживается история фиксации варианта с унифицированной основой начиная с грамматических описаний XVIII века до лингвистических работ нашего времени (М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов и др.). Распространенность формы с унифицированной основой свидетельствует о формировании узуальной нормы.

Ключевые слова: имя числительное, склонение, падеж, узуальные формы, лексикализация, активные процессы в русском языке.

В современной речи форма твор. п. «больших» десятков ('50' — '80') и «больших» сотен ('500' — '900') используется в двух вариантах: *пятьюдесятью, пятьюстами* (в соответствии с литературной нормой склонения) и *пятидесятью, пятистами* — в соответствии с действующей в русском языке тенденцией к обобщению и унификации форм косвенных падежей имени числительного (далее — ИЧ)*. Этот упрощенный вариант можно трактовать и как устранение внутреннего склонения сложного ИЧ, как очередной шаг к лексикализации нумеративной синтагмы.

Авторы словаря «Грамматическая правильность русской речи», подготовленного по результатам статистического обследования газетных текстов 1960–70-х годов, отмечают, что формы второго типа, с унифицированной основой, все же «более употребительны, особенно в разговорной речи. С точки зрения экономии произносительных усилий и стремления к стандартности грамматического образования эти последние варианты не только допустимы, но и желательны» [Граудина и др. 1976: 266]. Но такие упрощенные формы считаются ошибкой, в частности — в практике школьного преподавания, что связано в ориентацией на письменную, строго нормированную речь: так, составители контрольно-измерительных материалов для ЕГЭ и рекомендаций для экспертов, его проверяющих, предлагают исправлять и учитывать при оценивании работы «ошибочное образование формы числительного: *С пятистами рублями*» [Руководство 2008: 14].

С точки зрения перспектив развития ИЧ унифицированный творительный предпочтительнее. Во-первых, потому, что словоформы типа *пятидесятью* фиксируются на протяжении почти трех веков: «всякая форма, всякий лингвистический *usus* имеет своих предков, имеет свою правомерность. Часто именно те звуковые образы или

* «...Тенденция к обобщению и унификации форм косвенных падежей намечается и у других числительных. ...У числительных от *пяти* до *девятиста* (исключая *сорок*) вообще есть только две формы косвенных падежей: родительный-дательный-предложный с окончанием *-и* (у слов *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать, тридцать*) и *-и* (у числительных *одиннадцать, двенадцать, пятьдесят, шестьдесят* и т. д.) и творительный *-ью* и *-ью* (с тем же различием групп от 5–10, 20–30 и остальных). Таким образом, образование единой формы косвенного падежа в этой группе числительных зависит лишь от утраты формы творительного падежа единственного числа (на *-ью*)» [Виноградов 1986: 250]. Ср. также: «Стремлением к единообразию форм и выравниванию основы вызваны к жизни варианты с общей основой для всех косвенных, включая и творительный» [Граудина и др. 1976: 267].

конструкции, которые академическая грамматика считает ошибочными, отличаются длинной и блестящей родословной» [Фосслер 1910: 162]. А во-вторых, потому, что отражают основную тенденцию развития сложных ИЧ — стремление к лексикализации двух-компонентной единицы. Для выяснения правомерности данного варианта обратимся к истории грамматики.

Первое систематическое описание русского языка — «Российская грамматика» М.В. Ломоносова — уже содержит упрощенную форму, причем включена она в общую парадигму ИЧ без стилистических комментариев, вместе с вариантом первого типа: «*Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, осмьдесят* склоняются *пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, осмидесяти, пятьюдесятью, осмидесятью* и проч.» [Ломоносов 1982: 103].

А.А. Барсов также дает эту форму в ряду иллюстраций: «*Пятьдесят* и ему подобные то есть на *ь* кончащиеся оному же склонению последуют ... в них обе части скланяются на пр. *пятидесяти, шестидесятью, о семидесяти* и проч.» [Барсов 1981: 510].

Авторы XIX–XX вв., приводя подобные вариантные формы, так или иначе оценивают их.

Н.И. Греч, формулируя общие правила склонения ИЧ, называет среди «уклоняющихся» от них «*пятьдесят* творительный *пятидесятью*» [цит. по: Ю. 1828: 91].

А.Х. Востоков отмечает, что «некоторые употребляют и в творительном падеже *пятидесятью, шестидесятью* и т.д.» [Востоков 1874: 44].

Г.П. Павский пишет о распространенности унифицированного варианта в устной разговорной речи и дает грамматическое обоснование этому отступлению, усматривая близость имен десятков к другим отнумеративным образованиям: «Вместо *пятьюдесятью* в разговорах чаще слышно *пятидесятью*. В этом случае, отступая от одного правила, держатся другого. Другое правило позволяет числительному имени, входящему в состав других имен, оставаться в родительном падеже» [Павский 1850: 229].

Ф.И. Буслаев, показывая вариативность падежных форм «у писателей образцовых», Жуковского и Пушкина, делает вывод о том, что «современный язык пользуется значительною свободою в употреблении числительных» [Буслаев 1959: 436].

В.Р. Долопчев исправляет неправильность *пятидесятью* на правильный вариант *пятьюдесятью* [Долопчев 1909: 222].

Р. Кошутич, как указывает В.В. Виноградов, «первый из новых грамматистов поместил в парадигму склонения слова *пятьдесят* формы творительного падежа: *пятьюдесятью* и *пятидесятью* как равноправные дублеты» [Виноградов 1986: 250]. Справедливости ради следует заметить, что эти формы даны у Кошутича все-таки не как дублеты, а как стилистические варианты: «Инструментални облик *пятьюдесятью* (*шестьюдесятью*, *семьюдесятью*, *восемьюдесятью*) све више је одлика књижевног језика; у обичном говору превлађује облик *пятидесятью* (*шестидесятью* и т.д.), изведен аналогичном према осталим падежима» [Кошутич 1914: 122–123].

Примерно в то же самое время, в 1910-х, В.И. Чернышев приходит к выводу о том, что «для нас уже ... вполне возможно: *пятидесятью*, *шестидесятью* вместо *пятьюдесятью*, *шестьюдесятью* и под., которые еще рекомендуются современными грамматиками и которые нередко мы видим в книжном языке» [Чернышев 2010: 133].

Важно отметить, что названные авторы отмечают упрощенное оформление только у имен десятков, которые лексикализировались уже в XVIII в. (что отражается в слитном их написании) и поэтому стремятся сгладить морфологический шов и, устранив внутреннее склонение, унифицировать основу.

Имена сотен даже и в начале XX века могут записываться раздельно, особенно в косвенных падежах (ведь изменяется каждый компонент сложного ИЧ), несмотря на рекомендации Я.К. Грота, который в своем орфографическом сочинении упоминает имена сотен в разделе «О слитном письме составных речений»: «Для образования составных речений соединяются еще ... числительные то между собою, то с существительными: ... *двести*, *триста*, *пятьсот*. Нет причины и в косвенных падежах не писать слитно: *двухсот*, *трестам*» [Грот 1876: 368]. Так, например, К.Ф. Петров включает в парадигму косвенные падежи сотен и в слитном, и в раздельном написании: *двухъ сотъ* (*двухсотъ*), *пяти сотъ* (*пятисотъ*) [Петров 1898: 58–59]. Орфографический разнотып свидетельствует, конечно, не только об отсутствии единых правил правописания, но и о незавершенности процесса лексикализации: *сто/сот* воспринимается скорее как обозначение счетной единицы (ср. также со-

временные контексты типа *несколько сот человек, много сот тысяч лет назад*).

Конечно, имена десятков и сотен представляют собой общий структурный и словоизменительный тип, поэтому путь их развития должен быть примерно одинаковым: это путь лексикализации, превращения словосочетания в цельное слово, что приводит ко все большему распространению в речи упрощенной формы твор.п. с унифицированной основой.

Наверное, впервые о частотности таких форм у имен сотен упомянул А.А. Шахматов в своих лекциях 1910–1911 гг. по истории русского языка: «в творительном обычна и замена *пятью, шестью* формами *пяти, шести: с пятидесятью, восьмидесятью*», и далее: «в творительном вместо *пятьюстами* также возможно *пятистами*» [Шахматов 1957: 307, 308]; унифицированный вариант дается в слитном написании.

Впрочем, лингвисты и спустя полвека не допускали использование этого варианта в литературном языке: «Числительные 500–900 ведут себя иначе: морфологические швы здесь гораздо очевиднее (*пятисот, пятистам — пятьюстами* — и вряд ли пока **пятистами*)» [Реформатский 1960: 390].

Зарубежные авторы XX в. также отмечают вариативность. А. Мазон указывает в парадигме: «*пятьюдесятью (et plus sougtement пятидесятью)*» [Mazon 1949: 84]. Н. Дилевски приводит варианты в сносках к парадигме: *пятьюдесятью* — «наред с *пятидесятью* в говоримя език», *пятьюстами* — «наред с *пятистами* в говоримя език» [Дилевски 1950: 90]. Заметим, что изданные у нас учебные пособия для иностранцев не всегда это учитывают. Так, в [Аверьянова 1998: 47] есть варианты для десятков (*пятьюдесятью, пятидесятью*), но не для сотен (только *пятьюстами*); а в пособии [Котвицкая 2005], содержащем очень подробное теоретическое описание ИЧ и богатый дидактический материал, эта информация отсутствует.

Еще одним доказательством в пользу того, что упрощенный творительный следовало бы считать современной нормой, служит его проникновение в те лингвистические труды, которые традиционно являются кодифицирующими, причем форма появляется подчас вопреки изложенным в самих этих работах нормативным рекомендациям.

Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова формы твор. п. сложных ИЧ даны в словарных статьях непоследовательно: *пятидесятью*, но — *шестьюдесятью*, *семьюдесятью* (для *восемьдесят* форма твор. п. вообще не указана); *восьмистами*, но — *пятьюстами*, *шестьюстами*, *семьюстами*, *девятьюстами*. Хотя в предваряющем словарь грамматическом очерке предлагается строго нормативное склонение этой группы ИЧ [Толковый словарь 1935, 1: L–LI].

Подобное несоответствие грамматической теории и речевой практики наблюдается также в других авторитетных изданиях. Например, Академическая грамматика 1980 г. предлагает использовать упрощенные формы только «в разговорной, непринужденной речи», предупреждая, что «в письменной речи такое употребление ошибочно» [Русская грамматика 1980, 1: 578]. Но далее при описании акцентных типов ИЧ в парадигму включается только упрощенная форма: «К акц. типу В относятся числительные *два, три... пятьсот (пятисот, пятистам, пятьсот, **пятистами**, о пятистах), шестьсот, семьсот...*» [Русская грамматика 1980, 1: 580].

Все перечисленное свидетельствует о сформировавшейся в современной речи узуальной норме — преимущественном употреблении упрощенных форм творительного. Вероятно, настала пора говорить и о необходимости смягчения строгих школьных правил.

Литература

Аверьянова Г. Н. Число: Цифры и слова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 92 с.

Барсов А. А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 624 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. 12-е изд. СПб., 1874. XII, 216 с.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая

правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976. 456 с.

Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 2: Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. 2-е, значительно пополненное изд. СПб., 1876. 462 с.

Дилевски Н. Руска граматика. София: Народна просвета, 1950. 188 с.

Долончев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. 2-е изд., пересмотр. и доп. Варшава, 1909. VIII. 332 с.

Котвицкая Э. С. Русские числительные в таблицах, комментариях и упражнениях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 240 с.

Кошутин Р. Грамматика руског језика. II. Облици. Београд, 1914. XVI, 276 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика Михаила Ломоносова: Факсимильное изд. (по изданию 1755 г.). М.: Худ. лит, 1982. 213 с.

Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2-е. Б. Отделение 2-е. Об именах прилагательных, числительных и о местоимениях. 2-е изд. СПб., 1850. XXII, 314 с.

Петров К. Ф. Русский язык: Опыт практической учебной русской грамматики: Этимология в образцах. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1898. 118 с.

Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию со дня рождения И. И. Мещанинова / АН СССР; Ин-т языкознания; отв. ред. В. М. Жирмунский. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 384–400.

Руководство по подготовке экспертов региональных предметных комиссий ЕГЭ в 2008 г. / Федеральный институт педагогических измерений. М., 2008. 60 с.

Русская грамматика. В 2 т. М.: Наука, 1980.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / подред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Фосслер К. Грамматика и история языка: К вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языкознании // Логос. 1910. Кн. I. С. 157–170.

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. 4-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.

Ю. Замечания на изданную г. Гречем учебную книгу под заглавием «Начальные правила русской грамматики» // Атеней. 1828. Ч. III. № 9. С. 80–102.

Mazon A. Grammaire de la Langue Russe. Paris, 1949. 301 p.

S. V. Ryabushkina

Ilya Ulyanov State Pedagogical University

(Russia, Ulyanovsk)

svetigor@bk.ru

**ABOUT THE HISTORY OF THE
MORPHOLOGICAL VARIANT:
PYATIDESYAT'YU VS. PYAT'YUDESYAT'YU**

There are numerous deviations in the forms of compound numerals in speech. Most users do not consider them incorrect: regularly used forms turn out to be diagnostic mistakes marking zones of grammatical instability and demonstrating tendencies in language development. In modern system the instrumental case of 'large' numbers (from '50' *pyat'desyat* to '80' *vosem'desyat*) and 'large' hundreds (from '500' *pyat'sot* to '900' *devyat'sot*) is used in two variants. The former — *pyat'yudesyat'yu*, *pyat'yustami* — complies with the fixed norm, where each component of the compound numeral is declined. The latter *pyat'idesyat'yu*, *pyat'istami* has a simplified genitive form, which is conditioned by the lexicalization of the form and becomes the stem of the composite numeral. A common stem is found in both compound numerals and numeral names (*pyatidesyatiletnij*). The records of the two rivaling forms go as far back as three centuries ago. The article deals with the history of unification from the XVIII century up to now (M. V. Lomonosov, A. A. Barsov, N. I. Grech, A. Kh. Vostokov, F. I. Buslaev, A. A. Shakhmatov, etc). A great number of unified stems testify that this form is becoming the norm of usage.

Key words: the numeral, declension, case, regular forms, lexicalization, active processes in the Russian language.

References

Aver'yanova G.N. *Chislo: Tsifry i slova* [Number: Figures and Words]. Saint Petersburg: Saint Petersburg St. Univ. Press, 1998. 92 p.

Barsov A.A. *Rossijskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova* [Russian grammar by Anton Barsov]. Moscow: Moscow St. Univ. Press, 1981. 776 p.

Buslaev F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1959. 624 p.

Chernyshev V.I. *Pravil'nost' i chistota russkoy rechi: Opyt russkoy stilisticheskoy grammatiki* [Correctness and clarity of Russian speech. Studies in Russian stylistic grammar]. Moscow: LKI Publ., 2010. 264 p.

Dilevski N. *Ruska gramatika* [Russian grammar]. Sofiya: Narodna prosveta Publ., 1950. 188 p.

Dolopchev V. *Opyt slovarya nepravil'nostey v russkoy razgovornoj rechi* [Spoken deviations in Russian]. Varshava, 1909. VIII. 332 p.

Fossler K. [Grammar and history of the language: About the relations between 'correct' and 'true' in linguistics]. *Logos* [Logos]. 1910. Vol. I, pp. 157–170. (In Russ.)

Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. A frequency and stylistic dictionary]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 456 p.

Grot Ya.K. *Filologicheskie razyskaniya. T. 2. Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Philological studies. Vol. 2: Issues of Russian orthography. From Peter the Great till today]. Saint Petersburg, 1876. 462 p.

Koshutich R. *Gramatika ruskog jezika. II. Oblitsi* [Grammar of the Russian language. II. Forms]. Beograd, 1914. XVI. 276 p.

Kotvitskaya E.S. *Russkie chislitelnye v tablitsakh, kommentariyakh i uprazhneniyakh* [The Russian numerals in charts, comments and exercises]. Moscow: Moscow University Press, 2005. 240 p.

Lomonosov M.V. *Rossijskaya grammatika Mikhayla Lomonosova* [Russian grammar by Mikhail Lomonosov]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 213 p.

Mazon A. *Grammaire de la Langue Russe* [Grammar of the Russian language]. Paris, 1949. 301 p.

Pavskiy G. P. *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka. Rassuzhdenie 2-e. Otdelenie 2-e. B. Ob imenakh prilagatel'nykh, chislitel'nykh i o mestoimeniyakh* [Philological studies in structure of Russian. Discussion 2nd. Part 2nd. About adjectives, numerals and pronouns]. Saint Petersburg, 1850. XXII, 314 p.

Petrov K. F. *Russkiy yazyk: Opyt prakticheskoy uchebnoy russkoy grammatiki: Etimologiya v obraztsakh* [The Russian language: Practical Russian grammar: Etymology in patterns]. Saint Petersburg, 1898. 118 p.

Reformatskiy A. A. [Number and grammar]. *Voprosy grammatiki* [Questions of grammar]. V. M. Zhirmunskiy (Ed.). Moscow, Saint Petersburg: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. P. 384–400. (In Russ.)

Rukovodstvo po podgotovke ekspertov regional'nykh predmetnykh komissiy EGE v 2008 g. [A manual for the training of experts for the National State Exams in 2008]. Moscow, 2008. 60 p.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. 1–2. Moscow: Nauka Publ., 1980.

Shakhmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957. 400 p.

Ushakov D. N. (Ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow: OGIZ Publ., 1935–1940.

Vinogradov V. V. *Russkij jazyk (Grammaticheskoye uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical theory of the word)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1986. 640 p.

Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokraschennoy grammatiki polnee izlozhennaya* [Russian grammar by Alexander Vostokov. A more complete version of his abridged grammar]. Saint Petersburg, 1874. XII, 216 p.

Yu. [Comments on Grech's textbook under the title "The basics of Russian grammar"]. *Ateney* [Athenaeum]. 1828. Vol. III. No 9. P. 80–102. (In Russ.)

О. И. Северская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oseverskaya@yandex.ru

**ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК, ДЕЛЕЦ, ДЕЛЯГА:
ОБРАЗ БИЗНЕСМЕНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX–XXI вв.**

В статье делается попытка создать языковой портрет «деловых кругов», как нынешних, так и в момент и в процессе их становления. Особое внимание уделяется социальному восприятию этих деловых кругов, выражающемуся в оценочности избираемых номинаций. Статья может быть полезна как самим деловым людям, так и их имиджмейкерам.

Ключевые слова: корпусное исследование, аксиология, лексическая семантика, бизнес, деловые круги, деловой язык.

*«... я деловой человек, делец, и это слово
мне нравится больше, чем, видите ли, бизнесмен».*
А. Слаповский, «Висельник»

Образы типичных представителей деловых кругов формируются не только пиарщиками и имиджмейкерами, но и самим языком и его носителями, что отражается в высказываниях о «деловых людях». Определенную пищу для размышлений дает сопоставление таких номинаций, как *бизнесмен* и *деловой человек, делец, деляга*. Анализ контекстов, проявляющих ту или иную их оценочность, позволяет охарактеризовать социальное восприятие предпринимательства и создать языковой «портрет» деловых кругов XX–XXI вв., описав их как в синхронии, так и в диахронии. Такое исследование конкретного пласта современной русской лексики может иметь и прикладной аспект: его результаты могут использоваться в имиджевой рекламе.

Данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru, далее — НКРЯ) и его статистический сервис показывают, что в разное время используются разные номинации. Так, например, *де-*

ловой человек появляется впервые в «Дневных записках» И. А. Желябужского, датируемых 1682–1709 гг.^{*}, первые употребления слова *делец* приходится на 1760–1770-е гг., в частности, о *дельцах* упоминает в своих «Воспоминаниях» (1766–1777) Я. П. Шаховской^{**}, а *деляга* начинает действовать с 1860-х, в «Петербургских трущобах» В. В. Крестовского^{***}. Первоначально за этими словами стоят, как следует из контекстов, не представители «деловых кругов» в современном понимании, а скорее *делопроизводители*^{****}. Однако уже в первой половине XIX в. *человек деловой* — это уже *капиталист и владелец* [СЯП 2000]. Развитие новых значений и появление оценочных сем и у номинаций *делец* и *деляга* наблюдается после падения крепостного права в 1861 г., придавшего импульс развитию капитализма в России, и совпадает со всплеском предпринимательской активности, отношение к которой в обществе было неоднозначным. Первое же упоминание о *бизнесмене* относится уже к советскому времени — к 1925 г.

Как показывают графики распределения словоупотреблений по годам, время от времени возникают особые пики частотности всех этих лексем, что, как можно предположить, связано с историческими изменениями в экономике страны: падение крепостного права в 1861 г., развитие капитализма в России в начале 1900-х, НЭП, эпоха «перестройки» 1987–1991 гг., рубеж XX–XXI веков. А некоторое нынешнее падение частоты их употребления можно объяснить мировым экономическим кризисом, затронувшим и нашу страну.

* «Велено быть на его, великого государя, службе на Украине ратным людям пешего строя солдатам и стрельцам по росписи 22 000 человек, а к тем ратным людям в пополнение, в указное число в 40 000 человек, взято с крестьянских, и с бобыльских, и с задворных, и с *деловых людей* дворов даточных по переписным книгам 186 (1678) года, с святейшего патриарха, и властей, и с монастырей, и с церковных земель со 139 351 двора, с 25 дворов по человеку, итого 5574 человека» (И. А. Желябужский).

** «Волынский, тогда из лучших в Кабинете монаршем быв *дельцов*, очень меня полюбил, так что часто со мною о многих государственных делах разговаривал» (Я. П. Шаховской). А у М. Д. Чулкова *делец* выступает как чтец и писец, человек «многого разумеющий» («Пригожая повариха...», 1770).

*** В романе упоминается *деляга-секретарь*, который оформляет дела и ведет иски: «*Деляга* все это ему обделал...» (В. В. Крестовский).

**** В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля прилагательное *деловой* имеет среди прочих значение 'о чело́в.: сведущий в письменных делах [и в делах вообще]', *делец* определяется как 'знающий законы и приказный порядок', *деляга* же — как 'деловой или дельный человек' [Даль 1912–14], т. е. пригодный к делу, толковый и ловкий.

Деловой человек, делец, деляга — это аксиологически выстроенный синонимический ряд, которому противопоставлены нейтральные, на первый взгляд, номинации *предприниматель* и *бизнесмен*. Покажем, как развивались оценочные значения у каждой из этих лексем.

Деловые люди, как показывает материал, не обязательно заняты приумножением капитала. Так на протяжении веков называют самых разных людей с определенным набором личностных качеств: толковых, способных к работе, умелых и предприимчивых, знающих и опытных в делах, т. е. *дельных* и *деловитых**. В определении человека как *делового* акцентируются обычно такие признаки, как занятость серьезным, реальным делом — в противоположность безделью: «*Деловыми людьми* между всеми нами почесть было можно только Пояркова и Колычева, а прочие сидели для формы и наполняли пустые места» (И. М. Долгоруков, «Повесть о рождении моем...», ч. 4), или занятиям несерьезным: «за отсутствием гвардии, теперь в городе мало хороших танцоров, и чтоб помочь горю, граф Соллогуб набирает из статских «мастеров бального дела»; но, кажется, набор не очень удастся: все заумничали и лезут в *серьезные и деловые люди*» (С. П. Жихарев, «Записки современника»).

В характеризующем значении *деловой человек* — это то же, что и *человек дела*: «общинники-крестьяне, если владелец есть *человек дела*, настоящий хозяин, без барских затей, не чудит, никогда не побрезгают его советами» (А. Н. Энгельгард, «Письма из деревни»); «Работник первоклассный. *Человек дела*» (В. А. Каверин, «Открытая книга»). Как правило, *человек дела* противопоставляется *человеку мысли* (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Помпадуры и помпадурши»), ср.: «нажить миллион — это экзамен на *делового человека*, это докажет, что ты *не пустой фантазёр*» (А. Солженицын, «В круге первом»), и чаще — *человеку слова*: «Видно было, что это *человек дела, а не пустой фразер*, как большинство адвокатов» (Н. Э. Гейнце, «Самозванец»); «Я — *человек дела, а не слова!*» (В. Курицын, «Томские трущобы»); «*Это не был болтун, это был человек дела*» (А. Солженицын, «В круге первом»); «Вася — *человек дела*, и он действительно прав, что *нельзя тратить время на бесполезную*

* Ср. словарные определения прилагательных *деловой* 'знающий и опытный в делах // занятый делами // занятый практической стороной дела, коммерческой выгодой', *дельный* 'способный к работе', *деловитый* 'толковый, умелый и предприимчивый в работе' (здесь и далее, если это не оговорено специально, значения слов приводятся по «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [БТСРЯ 2008]).

болтовню» (В. Осеева, «Динка прощается с детством»), ср.: «Зурита был деловой человек, он не привык кому-то верить на слово» (А. Р. Беляев, «Человек-амфибия»). Это лишь подчеркивает такую характеристику делового человека, как его занятость практическими делами. Деловой и практический — это почти полные синонимы: «Человек дела и практики, Волконский был далек всякой идеологии» (М. А. Корф, «Записки»); «Потолкавшись по разным местам, я решился сделаться, наконец, <...> деловым человеком, практическим» (И. С. Тургенев, «Рудин»).

Вместе с тем это не означает сугубой материальности интересов практиков, деловые люди вполне могут быть «поэтами» и «лириками»: «Несмотря на весь свой поэтический идеализм, Данте был человек дела, энергичный, решительный» (М. В. Ватсон, «Данте», 1890); «Инсаров — человек дела не сухого, а поэтического...» (К. Н. Леонтьев, «Письмо провинциала к г-ну Тургеневу», 1860); «Все искусства есть <...> в деловом человеке, но захвативший власть деловой человек считает искусство своим отдыхом и только его допускает» (М. М. Пришвин, «Дневники», 1925). Творческий потенциал также составляет одну из необходимых для дела черт: «Если у делового человека видно в делах его творчество, видна изобретательность, то, конечно, у него есть и воображение...» (К. Н. Леонтьев, «Из воспоминаний консула», 1883).

В НКРЯ можно найти немало примеров положительной оценки деловых людей: «он, кажется, такой положительный, деловой человек» (И. А. Гончаров, «Обломов», 1859); «ко мне заходил и оставил записку <...> один из весьма почтенных и деловых людей» (Н. С. Лесков, «Владычный суд», 1877). Из положительных характеристик упоминаются, прежде всего, ясность, резкость и скорость ума (деловые люди характеризуются как умные, разумные, мудрые, дальновидные, говорится, что они много читают, они сами ученые, но и у них всегда чему-нибудь научись), решительность, энергичность, прилежность, серьезность, основательность, солидность*;

*Ср. словарные толкования определений: *серьезный* 'отличающийся вдумчивостью и требовательностью к себе, к работе, к окружающим / сосредоточенный, занятый какими-то мыслями, заботами / проникнутый ответственностью, основательностью, взвешенностью; требующий такого отношения'; *солидный* 'заслуживающий доверия, с установившейся репутацией, авторитетом'; *основательный* '(о человеке) серьезный, солидный, положительный'.

среди деловых людей можно встретить и добрых, честных, с честью подвизающихся для пользы общей.

Что касается отрицательных качеств, то они в некоторых случаях становятся диалектическим развитием положительных, например, *рачительности** противопоставляется *скупость*: «он деловой человек — он скуп, а это отвратительно!» (Н. А. Полевой, «Блаженство безумия»), или же их диаметральной противоположностью, например, *уму* противопоставляется *глупость***, *доброте* — отсутствие сантиментов: «Сквайр — деловой человек, <...> он не из особенно чувствительных» (Е. Ахматова, «Кенелм Чиллинггли...»), *честности* — стремление обмануть ради выгоды: «и тут деловой человек их поднадул немножко» (Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»).

Особого внимания заслуживает трактовка такого качества деловых людей, как *занятость*. С одной стороны, *занятый* — это в XIX в. одно из словарных определений прилагательного *деловой* [СЯП 2000], деловых людей принято характеризовать как *деятельных****, т. е. проявляющих особую энергию в каком-либо деле, постоянно занятых, работающих. С другой — над *занятостью* принято подтрунивать: «Ну да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой, на диван ляжешь, я ведь знаю» (А. Н. Островский, «Волки и овцы»), ср. более поздний пример: «Если вам предстоит рабочее утро, а вы обычный деловой человек, любящий поваляться, утренняя запись должна достаточно быстро наращивать бодрость» (В. Леви, «Искусство быть собой»); «— Вот здесь я деловой человек, — объяснил Стабровский, показывая Луковникову свой кабинет» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Хлеб»). В некоторых случаях различаются *дело* и *дела*: «Это исключительно человек дела, но не дела в узком смысле этого слова, подобно людям, которые ни минуты не могут оставаться без какой-нибудь работы» (С. М. Степняк-Кравчинский, «Подпольная Россия»). Но чаще всего деловые люди отрицательно оцениваются как сверхзанятые, находящиеся в постоянном движении: «деловой человек — все равно

* Ср. в «Бешеных деньгах» А. Н. Островского: «[Деньги] у деловых людей, которые их даром не бросают».

** Ср.: «Он глуп и дерзок, как все деловые люди» (Ф. М. Достоевский, «Подросток»).

*** Ср. у И. А. Гончарова в «Обыкновенной истории» (1847): «Он слыл за деятельного и делового человека».

что *рнуть*» (А. В. Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского»); делающие все на бегу, как Лужин, которому «хочется <...> как можно поспешить церемонией брака»: «уж *такой*, дескать, *деловой человек* Петр Петрович, *такой деловой человек*, что и жениться-то иначе не может, как на почтовых, чуть не на железной дороге» (Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»). *Деловой человек*, как правило, *не имеет времени ждать*, поскольку для него время — это деньги, он нетерпелив и испытывает терпение других, что обществom воспринимается плохо.

В XX в., как показывает НКРЯ, складывается не вполне комплиментарный образ делового человека. Это человек, *ничего не принимающий на веру, тут же все проверяющий путем подсчетов и вычислений* (Б. Полевой). *Оборотистый* (т.е. ловкий в делах, умело пользующийся обстоятельствами ради личной наживы) *организатор* (Н. Хрущев), *вертеться* (т.е. хлопотать, суетиться, не зная отдыха, изворачиваться, ловчить) *приучен* (А. Яковлев), *любое дельце провернет, что хочешь, достанет* (С. Соловейчик). Он *из тех, кто со связями*, и кто использует других людей в своих целях: *как только унюхаю, что знакомство может быть мне выгодным, тут же на эту выгоду набрасываюсь* (А. Слаповский). Кроме того, он *сытый* и даже *зажравшийся*: «Тварь поганая. Деловой человек, хорошо кормленный» (В. Шукшин). Это человек *суровый, жесткий, прямой, грубый*.

При этом это уже человек *без памяти добра и зла* (М. Пришвин), у которого нет ничего святого. Первыми на последнее обстоятельство обратили внимание, пожалуй, И. Ильф и Е. Петров: «Если один *деловой человек* может совершенно серьезно сказать другому *деловому человеку* под стук арифмометров и телефонные звонки, что бог прислал его сюда получить службу и эта рекомендация бога действительно принимается во внимание, то вы сами видите — это *очень удобный, деловой бог*» («Одноэтажная Америка», 1936); потом уже у В. Пелевина появился «*солидный Господь для солидных господ*» («Generation “П”», 1999).

В начале XXI в. синонимами выражения *деловой человек* становятся *криминал*, т.е. криминальный элемент (Э. Лимонов) и *бывший (а может, и нынешний) авторитет*, т.е. один из лидеров преступного мира («Газета»).

Наконец, в словарях закрепляются отрицательно-оценочные жаргонное *деловой* 'слишком активный, предприимчивый, хитрый;

об авантюристе, пройдохе, нахале' [Елистратов 2000] и разговорное, с пометой «*ирон.*», *деловой* 'тот, кто проявляет излишнюю деловитость, во всем ищет выгоду' [БТСРЯ 2008].

Дельцы, люди, знающие делопроизводство, изначально пользовались в обществе уважением, а те, кто не относились к делам серьезно, порицались: «ох, эти мне петербургские чиновники, портфельчик эдакий сафьянный с золотым замочком подмышкой, а *плохие дельцы*» (А. И. Герцен, «Мимоездом»).

С началом предпринимательства *дельцами* стали называть людей, ведущих дела с размахом, противопоставляя *настоящим дельцам* — *мелких дельцов с их мелкими делами*, это различие ярко проявляется, например, в «Чековой книжке» Н. Э. Гейнце — ср.: «он не может называться комиссионером в обыкновенном значении этого слова, *он, поднимайте выше, делец*... у него что месяц, то один проект грандиознее другого, он всегда окружен если не большими капиталистами, то во всяком случае состоятельными людьми, месяц-два безусловно верящими в его финансовый ум вообще и в его проекты», с одной стороны, и: «встретился на днях с приятелем, который знает чуть не пол-Петербурга и посвящен почти во все закулисные тайны, как *крупных*, так и *мелких* столичных “*дельцов*”», с другой.

Уже в поправках И. А. Бодуэна де Куртене к словарю Даля появляется оценочное значение *делец* ' [человек практического направления, не особенно разборчивый въ средствахъ для достиженія цели]' [Даль 1912–14], которое поддерживается употреблением определений *ловкий, не слишком чистый, нечистый на руку, корыстный и алчный* и контекстных синонимов *жук* 'ловкий, хитрый человек, жулик', (*делающий*) *шахер-махер* 'мелкий плутоватый делец, изворотливый ловкач, умеющий выгодно обделывать разные дела', *пройдоха, геешефтвахер* 'унич. ловкий, изворотливый делец, спекулянт' и под. Несмотря на присутствие в НКРЯ некоторого числа нейтральных употреблений этой лексемы, ср.: «Из Шанхая телеграфируют, что правительством начаты переговоры с группой *английских и американских дельцов* о концессиях на исключительное право разработки горных и лесных богатств по всей Монголии и Манчжурии» («Русское слово», 1912); «Здесь, в холле самого большого и роскошного отеля в Каире, обычно собираются дипломаты, *дельцы*, промышленники, журналисты» («Огонек», 1956), — она окончательно переходит в разряд оценочных но-

минаций*. Дельцы в текстах, собранных в НКРЯ, характеризуются преимущественно как *шустрые, суетливые, корыстные, алчные, нечистые на руку, бесчестные, безнравственные, циничные, прожженные, агрессивные, низкопробные, авантюристы, аферисты, проходимцы, пройдохи, карьеристы, «мелкие несуну», из которых выросли «воротилы», мерзавцы, карманники, расхитители, барыги, фарцовщики, скряги и интриганы* и т. п.

Деяга — номинация изначально оценочная**, с той поправкой, что вначале с ней ассоциировалась оценка положительная. Об этом говорят и словарь В. И. Даля: *делюга, деяга* ‘деловой или дельный человек, работающий, ремесленный, рукодельный’ [Даль 1912–14], и следующие фрагменты литературных произведений: «клубковские крестьяне получили наименование «каторжных», но самого Клубкова большинство соседних дружинников звало «умницею» и «*делягой*», и только очень немногие называли злодеем» (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Пошехонское “дело”»); «Служащие *уважали его, как отчаянного «делягу*», и охотно теперь слушали, сбившись в кучку» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Три конца»); «В других и в самом себе он *ценил тип “деляги”*...» (П. Н. Милюков, «Воспоминания»), а также определения *умница, умнейший мужик, ума палата*.

Однако довольно быстро с образом *деляги* начинают ассоциироваться отрицательно оцениваемые черты: еще у В. В. Крестовского в «Петербургских тайнах» *деляга был на все руки и особенно отличался на поприще фокусов*, т. е. казался *ловким*, ‘обладающим умением, навыками в какой-л. области; искусным // умеющим найти выход из трудного положения; изворотливым, хитрым’; затем *деляга* становится не только *предприимчивым, хватким* (ср. у Л. М. Леонова: *из любой вещи может выцедить всяческий барыш*), но и *циничным, готовым идти по трупам, вероломным, наглым мошенником, пройдохой, мелким жуликом, ловкачом-продавцом, спекулянтом, крохобором, рвачом, хапугой, рукосуем, подлецом* и т. п. Человеческие качества *деляг* тоже оставляют желать лучшего: у В. В. Вишневского *холодные деяги смотрят, как удобнее воспользоваться ситуацией*;

* Ср.: *делец* ‘человек, к-рый успешно занимается предпринимательством / человек, к-рый ведет дела, не стесняясь в средствах и способах’ [РСС 1998]; *делец* ‘предприимчивый человек, ловко и с большой выгодой для себя ведущий дела, преимущественно коммерческие’ [БТСРЯ 2008].

** Ср.: *деляга* ‘разг.-сниж. человек, озабоченный в делах только ближайшей выгодой’.

появляются *наглый делега без сердца и разума* (Е. Л. Шварц), *делега, лишенный нормального человеческого сочувствия* (Д. Гранин), *высокомерный делега, которому позволено все* (И. Комаров), *беспринципный делега* (В. Гроссман), а также *делеги самоуверенные, самодовольные, постные* (т.е. притворно-добродетельные, ханжеские), *эгоисты, демагоги и пошляки*. Как и *дельцы, делеги — ненасытные, масляные и пузатые, широкомордые*.

Несмотря на то, что в уме и способностях *делеге* не отказывают, ср.: «Это был “делег”, использовавший свои недюжинные способности и изумительную память для заработка денег на военных изданиях» (А. А. Игнатъев, «Пятьдесят лет в строю»), все же в общем представлении они тратятся им попусту, подчеркивается их *дилетантизм, слепое и механическое выполнение указаний сверху, равнодушие и отсутствие творческих интересов*. Иногда выносятся резкие оценки: *низкопробный* (К. И. Чуковский); *человек дрянь, <...> посредственность* (Вен. Ерофеев); а у К. Г. Паустовского *делег* — *«одни кретины, а другие черные подлецы»*.

Интересно, что в XX в. появляется множество *делег от искусства*, это и *делеги-администраторы, имеющие странные документы и справки с неразборчивыми подписями и печатями* (Ю. Никулин), и *актеры-режиссеры, самоуверенные делеги и дилетанты* (Г. Бурков), и *делеги, мелкие жулики пера* (А. Щеглов).

Встречаются и контексты, в которых номинация *делег* употребляется иронически-сниженно, что придает значению слова оттенок ласкательности. Как правило, это происходит при противопоставлении чему-то однозначно отрицательному: «Он хоть *жулик номерный, но делега, — говорили мужики*» (П. С. Романов, «Три кита»), — в этом примере деловые качества субъекта превалируют над свойственными ему жульничеством и плутовством; «Банкир как отрицательный персонаж исчез. Он даже превратился в тип положительный. Теперь это — *добрый, симпатичный делега, помогающий бедным или влюбленным*» (И. Ильф, Е. Петров, «Одноэтажная Америка», 1936), — здесь положительная оценка *делег* обусловлена ассоциацией с образованными с помощью того же суффикса словами *миляга, симпатия*.

Предпринимателем вначале, как свидетельствует словарь В. И. Даля, назывался человек, ‘предпринявший что-либо’, т.е. «затевавший, решившийся исполнить какое-либо новое дело» [Даль

1912–14]. Действительно, в НКРЯ можно найти упоминания о *предпринимателях политических течений, литературных журналов* и т.п. Но с 1860-х годов номинация *предприниматель* устойчиво связывается с представлением о деятельности в экономической или финансовой сфере*, о чем свидетельствуют как сообщения о конкретной предпринимательской деятельности: «Недавно возникшее ремесло, *чистка сапог на улицах*, начало попадать *в руки предпринимателей*» («Московская газета копейка», 1912) или о предпринимательском сообществе: «*Предприниматели* готовятся к введению страхования от несчастных случаев» («Невский голос», 1912), — так и рассуждения о предпринимателях вообще: «всякий хозяин, всякий предприниматель, наряду с ожидаемыми от предприятия выгодами, рассчитывает и ожидаемые от него ущербы» (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Наша общественная жизнь»).

Если вначале *предпринимательство* ассоциировалось с *крупными оборотами* [Даль 1912–14], то впоследствии предприниматели уже делятся на *крупных, второстепенных (средних) и мелких*. Постепенно у слова начинает развиваться и оценочное значение (прежде всего, за счет сопоставления с контекстными синонимами, как, например, у А. Ф. Писемского («Ваал», 1873): «Он, кажется, *всех нас, предпринимателей, считает за одинаковых плутов-торгашей*»), которое в наши дни получило словарную фиксацию, ср.: *предприниматель* ‘неодобр. делец, ловкий организатор выгодных предприятий’ [СРЯ 1999; ср.: РСС 1998]. За время своего бытования в русском языке номинация *предприниматель* с переменным успе-

* *Предприниматель* — это калька с французского entrepreneur, которое появилось в русском языке еще в XVIII веке в значении ‘содержатель частного театра, цирка и т.п.’, зафиксированном современными словарями [ТСРЯ 2007, БТСРЯ 2008, СРЯ 1999]. Однако в период развития русского капитализма были зафиксированы и употребления лексемы *антрепренер* в значении ‘владелец промышленного, торгового и т.п. предприятия’. Например, В.В. Крестовский в «Петербургских трущобах» (1864) пишет об *антрепренерах, которые ведут торговлю гипсовыми вещами*: «несмотря на <...> скудную плату, места у антрепренеров постоянно заняты охочими работниками, так что приходится еще добиваться постоянных заказов, и к каждому антрепренеру обыкновенно похаживают два-три голодные бедняка, в ожидании милостивого позволения брать постоянную помесечную работу, которая, в общей сложности, приносит труженику пять-шесть рублишек в месяц», а в романе И.С. Тургенева «Дым» (1867) упоминается «большая *фабрика*, заведенная ревностным, но безалаберным баринном, процветавшая в руках плута-купца и окончательно погибшая под управлением честного антрепренера из немцев».

хом конкурировала с выражением *деловой человек*, а затем вступила в соревнование с номинацией *бизнесмен*, проиграв ей существенно в 1980-е гг. (по всей вероятности, с началом Перестройки и экономических реформ *бизнес* в языковом сознании стал занятием социально-престижным и профессиональным, в отличие от любительского и мелкомасштабного *предпринимательства*), в начале 1990-х сравнявшись и начав развиваться параллельно.

Как уже отмечалось, первый представленный в НКРЯ пример употребления слова *бизнесмен* датируется 1925 г.: по свидетельству В. Маяковского («Мое открытие Америки»), в американском летнем «кемпе», где было запрещено ругаться при боксе, юный предприниматель учил своих сверстников русским, непонятым преподавателям ругательствам, поправляя «тволочь» на «сволочь», «зукин синь» на «сукин сын», — «подсовывать за хорошие деньги недоброкачественные ругательства *честный молодой бизнесмен* не хотел». В этом же контексте *молодой* предприниматель противопоставляется *взрослым*, у которых «*бизнес* приобретает *грандиозные эпические формы*». И. Ильф и Е. Петров в 1936 г. в «Одноэтажной Америке» впервые употребляют слово в характеризующем значении: «племянник оказался *не меньшим бизнесменом*, чем дядя», намекая на *деловые качества*, которые могут проявляться в большей или меньшей степени.

В первое время речь идет только об *американских бизнесменах* и всячески подчеркивается их привычка *набивать карманы за счет трудящихся*. Первое упоминание о *советских бизнесменах* (*воротах производства*) принадлежит А. Солженицыну («Архипелаг ГУЛаг», 1958–73 гг.), о *российских* — к началу 2000-х гг. В 2000-е годы «по национальному признаку» *бизнесмены* уже делятся на *американских* и *западных* (к ним относятся предприниматели из Европы, Азии и др. стран), *зарубежных*, *иностранных* и *импортных*, которым противопоставляются *отечественные* (или *доморощенные, местной выпечки*), делящиеся на определенные «страты»: это *региональные* (противопоставленные *бизнесменам российского масштаба*), *столичные* (московские и петербургские), *провинциальные, местные, местечковые*. При этом выделяются и *международные* (свободно пересекающие границы и имеющие бизнес-представительства по обе их стороны) и *заезжие* (не обязательно зарубежные) *бизнесмены*. Вводится также

разграничение предпринимателей «по расовому признаку»: *белые* противопоставляются *черным* и *негритянским*. А вот гендерные различия либо не учитываются: психологи, например, сравнивают *этические установки мужчин и женщин-бизнесменов*, либо диктуют появление политкорректных терминов: *Всем понятно: бизнесмен — это мужчина, который занимается бизнесом. Ладно, согласились в 1992 году в ЮНЕСКО, порекомендуем всем употреблять вместо слова «бизнесмен» конструкцию «бизнесменеджер», пусть никто не понимает, про какой пол речь* (В. Быков, О. Деркач «Книга века»).

Что касается масштабов бизнеса, то *начинающие, (совсем) молодые и юные бизнесмены* противопоставляются *состоявшимся*. По размеру капитала последние делятся на *мелких и малых* (т.е. представляющих *малый бизнес*), *обыкновенных, рядовых, средне-статистических, средней руки, среднего звена, средней степени богатства*, а также *крупных, крупнейших и сверхкрупных*. При этом степень «успешности» ведения дел не является критерием отнесения бизнесмена к тому или иному классу: наряду с *успешными бизнесменами средней руки* упоминаются и *известные, успешные бизнесмены*. Заметим, что *известность* — черта, присущая представителям именно крупного бизнеса, которые могут также быть *видными, выдающимися, серьезными, авторитетными, могущественными и влиятельными*. Степень богатства тоже оценивается по-разному: *бизнесменов* характеризуют как *богатых* (ср. эвфемистическую замену: *небедные люди*) и *богатеньких*, среди *богатых* выделяются *бизнесмены с неограниченными возможностями, достигшие в своем способе удивлять людей большой степени совершенства*. Создается и собирательный образ «крутого» бизнесмена: *денег куча, машина джип «Чероки», вилла на Канарах, что-нибудь от Версаче*, в котором видится рефлекс представлений о бизнесе 1990-х, действующими лицами которого были «пальцующие» бизнесмены в *золотых цепях* (А. Кучерена), *хищные, вульгарные, криминальные* (А. Латынина), *бандиты средней руки или бизнесмены — нечто среднее* (В. Пелевин).

Интересны и изменения представлений о внешнем облике бизнесмена: от идущего от карикатур на акул капитализма образа *ожившего, рыхлого, старого человека* до портрета дельца во *фланелевом костюме, рубашке в мелкую полосочку, однотонном галстуке*,

дорогих очках, а затем — импозантного, вальяжного, респектабельного вида подтянутого мужчины в свежей сорочке и галстуке, чьи брюки и пиджак тщательно проутюжены.

Что касается нравственных и деловых качеств, то довольно редко отмечается *честность, принципиальность, благородство, добропорядочность и законопослушность* (проявляющаяся и в *легальности* бизнеса), среди положительных характеристик доминируют *опытность, дальновидность, предусмотрительность, изобретательность, инициативность, подвижность, энергичность, культурность, цивилизованность*, но гораздо больше отрицательно-оценочных определений: *изворотливый, ушлый, прожженный, ловкач, шальной, циничный, наглый, жестокий, самоуверенный, настырный, хитроватый, суетливый, торопливый, меряющий время на деньги** и т. п. Если вначале оценкой успеха были *преуспевание, процветание* и *удачливость*, то к концу 2000-х на вершине оказались *успешные* и *нормальные, правильные бизнесмены*.

Определенную пищу для размышлений дает и сопоставление слова *бизнесмен* с его контекстуальными синонимами: буквальным переводом *деловой человек*, положительно-оценочным *человек дела*, относительно нейтральным *делец*, отрицательно-оценочными *деляга, барыга, спекулянт, игрок, «купи-продай», богатый бездельник*, ироничным *опора экономики*. Забавно, что рядом с *мыслящими* бизнесменами появляются *задумные* и *задумчивые, мечтатели* и *поэты*, что не слишком согласуется с представлением о трезвом расчете, необходимом в бизнесе.

Что касается оценочности, свойственной значению самой номинации *бизнесмен*, то она амбивалентна: быть *бизнесменом* может быть как «хорошо» (ср. у Г. С. Эфрона: «Я по природе *бизнесмен*»), так и «плохо» (ср. у Д. Гранина: «— Ошибается тот, кто экспериментирует. А я никогда себе этого не позволю. Невыгодно. — *Бизнесмен*, — сказал Тулин. <...> — Нехорошо»). Оценочные семы индуцированы оценочными компонентами значений лексем, через кото-

* Одной из черт современных бизнесменов является крайняя занятость. Их характеризуют как *работороголиков* или *трудооголиков*, в разной степени устойчивых к стрессам. Содержание этих понятий изящно определяет И. Б. Левонтина: «Трудооголик — это скорее человек, который не может оставаться без дела, которому необходимо постоянное приложение усилий. <...> Иное дело *работороголик*. Это скорее азартный человек, который стремится к достижению результата и для этого готов работать круглые сутки» [2010: 39].

рых дается словарное толкование: *бизнесмен* ‘тот, кто занимается бизнесом; *предприниматель, делец*’.

Амбивалентностью семантики отличается и корень *бизнес-* в сложных словах: так, в производном *бизнес-класс* он передает идею предназначенности для состоятельных людей и наличия неких дополнительных удобств, это синоним высшего качества и высокой цены, в то время как в производном *бизнес-ланч* с тем же корнем ассоциируется представление о низкой цене, выгодном предложении для тех, кто в элиту не входит.

Изменения ценностного статуса успеха и достижений, а также изменения в языковом сознании, связанные с распространением ценностей общества потребления, о которых пишет И. Б. Левонтина [2007: 359], обуславливают и сдвиги в употреблении наименований представителей деловых кругов. Как показывает статистический сервис НКРЯ, в последние пятнадцать лет номинации с ярко выраженной оценочностью *делец, делега* значительно (почти в десять раз) уступают в частоте употреблений практически нейтральным *предприниматель* и *бизнесмен*. Преимущество последней объясняется ее абстрактностью. На это обращает внимание, в частности, М. А. Кронгауз, замечая, что самохарактеристика *я — бизнесмен* или определение *у него свой бизнес* по сути ничего не значат: «Разброс может быть от мультимиллиардера, владельца заводов, газет, пароходов, до чистильщика обуви или мелкого мошенника» [2012: 66]. Таким образом, абстрактность соответствующей номинации позволяет субъекту речи повысить свой статус, подать себя в выгодном ключе, сменить «минус» на «плюс» в глазах общества. *Предприниматель* же — номинация потенциально оценочная, предполагающая уточнение, *крупный* или *мелкий* предприниматель имеется в виду. Таким образом, выбор делается в пользу многозначительной недоопределенности, что отвечает одной из тенденций развития современного языка.

Литература

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.-М.: Рипол-Норинт, 2008/URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 4-е изд. СПб., 1912–1914/URL: <http://www.slovari.ru>

Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000/URL: <http://www.slovari.ru>

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель CORPUS, 2012. 480 с.

Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. 335 с.

Левонтина И. Б. Язык потребления (о некоторых новых явлениях в русском языке) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007). М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 359–363.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. XXV, 807 с./URL: <http://www.slovari.ru>

СРЯ — Словарь русского языка. В 4-х томах/под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999/URL: <http://feb-web.ru/feb/mas>

СЯП — Словарь языка Пушкина. В 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000/URL: <http://www.slovari.ru>

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007/URL: <http://www.slovari.ru>

O. I. Severskaya
*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
oseverskaya@yandex.ru*

**BUSINESSMAN'S IMAGE
IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF the XXth–XXIst
CENTURIES:
*DELOVOI CHELOVEK, DELEC, DELYAGA***

The article presents an attempt to create a linguistic portrait of «business people», both of nowadays and at the moment and in the process of their formation. The author emphasizes social perception of the business community, which is expressed in the axiology of naming units. The article can be useful both for businessmen themselves and for their image makers.

Key words: corpus-based research, axiology, lexical semantics, business, business community, business language.

References

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language by Vladimir Dahl]. I.A. Boduena de Kurtene (Ed.), 4th. ed. Saint Petersburg, 1912–1914. Available at: <http://www.slovari.ru>

Elistratov V.S. *Slovar' russkogo argo. Materialy 1980–1990 gg.* [Russian slang dictionary. Materials 1980–1990]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2000. Available at: <http://www.slovari.ru>

Krongauz M.A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. 3D. Moscow: Astrel' CORPUS Publ., 2012. 480 p.

Kuznetsov S.A. (Ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Unabridged Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Moscow: Ripol — Norint Publ., 2008. Available at: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>

Levontina I.B. [The language of consumption (on some new

phenomena in Russian)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferencii «Dialog-2007» (Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007)* [Computational linguistics and intelligent technologies. Proceedings of the International conference “Dialogue-2007” (Bekasovo, May 30 — June 3, 2007)]. Moscow: Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2007, pp. 359–363. (In Russ.)

Levontina I.B. *Russkii so slovarem* [Russian with a Dictionary]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2010. 335 p.

Shvedova N.Ju. (Ed.). *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1998. XXV. 807 p. Available at: <http://www.slovari.ru>

Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedenii o proishozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with information about words' origin]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2007. Available at: <http://www.slovari.ru>

Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. ed. by A. P. Evgeniyeva. 4th reprint ed., ster. Moscow: Russkii iazyk; Poligrafresursy Publ., 1999 Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas>

Vinogradov V.V. (Ed.). *Slovar' jazyka Pushkina v 4 tomakh* [Pushkin's language dictionary in 4 vol.]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2000. Available at: <http://www.slovari.ru>

И. Б. Серебряная
Казанский федеральный университет
(Россия, Казань)
i_serebrjanaja@mail.ru

СЕМАНТИКА ПОЭТИЗМОВ
В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ КРИТИКИ
1-й ПОЛОВИНЫ XIX века

Статья посвящена высказанным в 1-й половине XIX века критическим суждениям о языке поэтических произведений. Оценки этого рода, отражающие насущные культурно-речевые проблемы эпохи, трудности установления нормы русского литературного языка, лингвистические привычки и вкусы, имеют большое значение для языкознания. Анализ отечественной литературной критики, как изложено в статье, позволяет сделать вывод о том, что рецензенты, предельно взыскательно относившиеся в данный период к лексико-семантической правильности языка художественной литературы, внимательно фиксировали неточности в употреблении стихотворцами поэтизмов, то есть используемых в качестве символов романтически окрашенных, преимущественно архаичных слов. Устаревшие лексемы типа *чело* ‘лоб’, *сень* ‘тень, покров’, *куща* ‘шалаш, хижина’, *денница* ‘заря, утренняя звезда’ и другие в связи с их интенсивным условно-поэтическим переносно-персонифицированным применением часто утрачивали семантическую определённую, что противоречило кодифицированной норме и вызывало негативные отзывы, а иногда и ироническую реакцию критики. В статье описываются отрицательно воспринятые рецензентами случаи употребления архаизма *чело* в значении ‘голова, лицо, лик’; *сень* — ‘успокоение, приют’; *куща* — ‘листва, чаша’, *денница* — ‘дневной, солнечный свет’ и т. п. В качестве примера семантической «размытости» архаичной церковнославянской лексики особенно показательна рассмотренная в статье полемика о смысловом наполнении поэтизма *лоно* — ‘глубина, недра’ или ‘поверхность, грудь’, — возникшая между А. С. Пушкиным и М. А. Дмитриевым. В подобных явлениях ярко проявляется отмеченная Н. В. Крушевским закономерность лишения смысла-

вой чёткости и, в связи с этим, значительно более быстрого ухода в пассивный словарь высокочастотных слов.

Ключевые слова: критика языка, литературная норма, семантическая точность, поэтизмы.

Литературная критика, являясь важным источником изучения языковых устоев и вкусов, весьма значима для лингвистов. Оценивая художественные произведения, рецензенты касались не только идейно-содержательной, но и речевой сферы, поднимая при этом насущные проблемы нормы.

Для русской критической литературы 1-й половины XIX века была характерна высокая требовательность к лексической правильности стихотворных произведений. В частности, критики разных взглядов и направлений негативно относились к неточностям в употреблении поэтизмов, т. е. типичных для поэзии, романтически окрашенных, преимущественно архаичных слов символического использования [Голуб 2006: 88].

Так, например, высокочастотное в русской поэзии слово *чело* «лоб» у отдельных стихотворцев утрачивало семантическую чёткость, выступая в значениях «голова» или «лицо», что порицалось критикой. Так, автор эстетического трактата В. Перевошиков (1815 г.) негативно оценил строки из стихотворения Г. Р. Державина «Утро»: «*Мудрецъ возшелъ на вышнй холмъ И тамъ, съдымъ склонясь челомя, Восселъ на миистый пенъ подъ дубомъ многолѣтнымъ ... Съдое чело* быть не можетъ или содержать неприятное изображение» [Перевошиков 1815: 31]. Ещё более курьёзные случаи использования слова *чело* автором сборника «Цевница» А. Редкиным отметил критик В. По поводу фразы *влага слез Ея чела не омрачал* <а> он иронически написал: «Хотя слезы и роса души, но все по прозаическимъ законамъ тяжести падаютъ внизъ и помрачать чела, кажется, не могутъ» [Атеней 1828: 421]. На следующей странице В. вновь обвинил Редкина в ошибочном употреблении слова *чело*: «*И бледность лилии покрыла Черты прелестного чела*. Не знаю, кто находить прелѣсть въ челѣ исчерченномъ, и особенно покрытомъ еще бледностию. Хотя бы и лилии» [Там же: 422].

Таким образом, стихотворцы, осуществляя в данном случае синекдохический перенос, употребляли наименование целого (*чело*

«голова», «лицо») вместо части (*чело* «лоб»). И такие факты не были редкостью. Например: *Хотя высокое чело давно покрылось сединою* (А. С. Хомяков. Вадим, 1820); *Светлые кудри чела упали на грудь* (А. А. Фет. Влажное ложе..., 1847) и т. п. [НКРЯ]. Кроме того, слово *чело* часто использовалось персонифицированно, как компонент развёрнутых метафор. В таких случаях оно обозначало некий абстрактный «лик», «неземной образ», приобретая при этом особенно возвышенно-романтическую окраску, но ещё более теряя семантическую чёткость. Например: *Когда весенняя улыбка чело природы озарит* (А. И. Тургенев. Отрывок, 1797); *То славы храм чело вздымает* (В. А. Жуковский. Герой, 1800) и т. п. [Там же].

Эти семантические сдвиги были исторически обусловлены: общеславянское *чело*, восходящее к индоевропейскому *kel-e «подниматься», в древнерусском языке обозначало не только «лоб», но и «переднюю часть ратного строя» [Шанский и др. 1971: 489]. В диалектной речи слово *чело* имело значения «верх», «голова», «наружное отверстие русской печи» и т. п. [Даль 1979: 587].

Но всё же основным и, что важно, закрепившимся в церковных текстах, а также отражённым в словарях XVIII — 1-й половины XIX века было для слова *чело* именно значение «лоб». Примечательно, что в «Словаре Академии Российской» это слово названо «славенским». Пример из словарной статьи: *Дастъ имъ начертание ... на чельхъ ихъ*. Апок: XIII.16 [САР 1789–1894, т. 6: 688].

Столь же зыбким по смыслу, как и слово *чело*, был широко распространённый в русской лирике поэтизм *сень*. Связанную с этим словом неточность усмотрел В. А. Жуковский в стихотворении П. А. Вяземского «Вечер на Волге» (1815 г.), написав в своём поэтическом отзыве: *худо делает, когда благоухает Твоя трепещущая сень!* [НКРЯ]. Соответствующие строки Вяземского звучали так: *Благоухает древ Трепещущая сень, И яркое светило, .. уже переступило Плающих небес последнюю ступень* [Там же]. Интересно, что в письме Вяземскому от 19.09 1815 г. Жуковский шуточно отказался от своего замечания: «Сень благоухать может!» [Жуковский 1985: 365].

По данным словарей, *сѣнь* (ср. *осѣнять*) — это «тень, отрабатываемая предметом», а также «навес», «покров», «шалаш» [САР 1789–1794, т. 5: 1060; СЦиР 1847, т. 4: 263]. Однако употребление данной лексемы в поэзии отличалось семантической многолико-

стью, обусловленной метафорическими и метонимическими переносами и выражаемой в широкой сочетаемости. Так, А. С. Пушкин включал это слово не только в традиционные сочетания типа *сень дерев*, *~ дубравы*, *хранительная ~* и пр., но связывал с такими определениями, как *пурпурная*, *пророческая*, *волшебная* и т. п. [НКРЯ]. И в поэзии Жуковского, наряду с обычными сочетаниями *сень рожицы*, *зыбкая*, *древесная* и пр., отмечались конструкции типа *сень горней благодати*, *бурь и бедствий*, *бессмертия* и т. п. [Там же]. Это слово могло выступать в значениях «душевное успокоение», «приют», «защита» и пр. По-видимому, возражение Жуковского было обусловлено представлением о том, что *сень* — это прежде всего «тень», которая не может действовать на обоняние. Однако критик, как указывалось, позже снял своё замечание, вероятно, сочтя осуществлённый Вяземским метонимический перенос возможным.

Курьёзный пример употребления архаизма *денница* «утренняя заря» [СЦИР 1847, т. 1: 347] отметил в думе К. Ф. Рылеева «Богдан Хмельницкий» А. С. Пушкин. В письме Л. С. Пушкину от 4.09 1822 г. он иронизировал: «Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого» [Тынянов 2001: 124]. Соответствующее место первой редакции думы звучало так: *Средь мрачной и сырой темницы, Куда лишь в полдень проникал, Скользя по сводам, луч денницы* [Там же]. Пушкинское замечание было вызвано, вероятно, неоправданным тавтологическим повтором (*полдень* — *денница*) и, одновременно, — паралогизмом, связанным с необоснованным расширением значения поэтизма *денница* (в данном случае — «дневной, солнечный свет»). Впоследствии Рылеев изменил вызвавшие нарекания строки: *Куда украдкой проникал, скользя по сводам, луч денницы* [НКРЯ]. Слово *денница* отличалось высокой частотностью в русской поэзии XVIII–XIX в. Несколько раз использовал эту лексему в собственном её значении «утренняя заря» и сам Пушкин. Например: *Но вот ночей царица Скатилась за леса, И тихая денница Румянит небеса* (А. С. Пушкин. Фавн и пастушка, 1814–1816) [Там же].

Заслуживает также внимания замечание А. С. Шишкова по поводу поэтизма *куща*. Относительно словоупотребления Н. М. Карамзина *Въ безмолвной кущѣ соснѣ густыхъ* Шишков заметил: «*Куща* ничего другого не значить, какъ *шалашъ* или *хижина*; чтожъ такое *кущи соснѣ?*» [Шишков 1818: 61].

Словари XVIII — 1-й половины XIX века определяли славянизм *куща* как «шалаш, шатер, палатка» [САР 1789–1794, т. 3: 1110; СЦИР 1847, т. 2: 241]. Этимологически данное слово связано с *кут* «угол» (ср. *закуток*) [Шанский и др. 1971: 229–230]. Однако поэты 1-й половины XIX века часто использовали слово *куща* в значении «листва, чаша». Например: *Пылающей грудью ко влаге студеной Еще не склонялся под кущей зеленой* (М. Ю. Лермонтов. Три пальмы, 1839); *В лесу из-за кущи ветвистой, Слышалась песнь соловья* (С. Ф. Дуров. Вечер был светел, 1845) и т. п. [НКРЯ].

Исследователи полагают, что появление у этого слова значения «листва» было связано с влиянием украинского *кущ* «куст». Не случайно *куща* в значении «чаща» было впервые зафиксировано находящимся под сильным украинским воздействием «Лексиконом трехязычным» Ф. Поликарпова (1704 г.) [Валеев 2002: 98–101]. Однако последующие словари указывали для слова *куща* лишь характерное для старославянского языка значение «шалаш». В. В. Виноградов упоминает ещё об одном раннем (1797 г.) случае использования слова *куща* в значении «листва» Н. М. Карамзиным в его стихотворении «Осень»: *Пение в куцах умолкло* [Виноградов 1982: 195–196]. Однако при переиздании своих сочинений в 1803 году Карамзин по требованию критики изменил этот стих: *Пение в рощах умолкло* [НКРЯ].

Показателен в плане отношения критики к церковнославянской лексике спор о семантике поэтизма *лоно*, возникший между А. С. Пушкиным и М. А. Дмитриевым. В рецензии на IV и V главы «Евгения Онегина» Дмитриев назвал «неверным» пушкинское выражение *плыть по лону вод* (*Задумав плыть по лону вод, Ступает медленно на лед*), поскольку, по мнению критика, *лоно* «означает глубину, нѣдро» [Атеней 1828: 84]. Пушкин в ответном «Возражении» не согласился с этим утверждением на том основании, что, в его представлении, «лоно не означает глубины, лоно значит *грудь*» [Пушкин 1978: 56].

И в этом случае речь велась о высокочастотной в русской поэзии архаичной лексеме. Рекомендации словарей в отношении слова *лоно* не совпадали. Так, И. И. Срезневский определял *лоно* как «нѣдро», «ядро» и «грудь» [Срезневский 1902: 46]. В «Словаре Академии Российской» указывалось лишь значение «нѣдро» [САР 1789–1794, т. 3: 131]. В Словаре 1847 г. *лоно* — «нѣдро» и «грудь» [СЦИР 1847,

т. 2: 264]. По происхождению общеславянское *лоно* восходило к праславянскому **logsno* (>**legti*), т. е. изначально *лоно* — «место, где лежит плод» [Шанский и др. 1971: 245]. В этой этимологии соединились обе смысловые струи: и семантика «поверхности», и значение «глубины».

Стихотворцы использовали слово *лоно* в обширном семантическом диапазоне. Оно могло обозначать «недра», «поверхность», «прибежище» и пр., включаясь в конструкции с предлогами *в*, *на* и *по*. Сравните у Пушкина: *И в лоно хладное земли Чету младую положили* (А.С. Пушкин. Цыганы, 1824), но: *Всевышний Бог склонил приветный взор На стройный стан, на девственное лоно Рабы своей* (А.С. Пушкин. Гаврилада, 1821) [НКРЯ]. Данное слово отличалось широкой поэтической сочетаемостью: *лоно тишины, Бога, мира, сна, муз* и т. п. [Там же].

Использованное Пушкиным устойчивое выражение *по лону вод* встречалось у многих поэтов. Например: *Огромные суда в медлительном паренье Несут по лону вод сокровища земли* (П. А. Вяземский. Вечер на Волге, 1815–1816); *Шумя, толкаясь вперед, И нам нестись по лону вод* (М. Ю. Лермонтов. Моряк, 1832) и т. п. [НКРЯ]. Да и сам Дмитриев, утверждавший, что *лоно* означает «глубину», в одном из своих стихотворений использовал это слово в конструкции с предлогом *на*: *Спокоен, как дитя, На лоне у свободы* [Там же].

Рассмотренные критические замечания относились к традиционным в поэзии архаичным лексемам, смысл которых оказался размытым и затемнённым как в связи с устарелостью этих слов, так и по причине их активного условно-поэтического использования. Здесь можно видеть проявление важной семантической закономерности, отмеченной видным представителем Казанской лингвистической школы Н. В. Крушевским: «чем шире употребление данного слова, тем менее содержания оно будет заключать в себе» и тем быстрее это лишённое смысловой точности слово устареет [Крушевский 1883: 140].

Литература

- Атеней. 1828. Ч. 1. № 4. С. 76–89.
Атеней. 1828. Ч. 3. № 12. С. 419–422.

Валеев Г. К. Взгляд на историю русского литературного языка первой половины XIX века: на примере слова *куща* // Вестник Челябинского университета. Серия 2. Филология. № 1 (13). 2002. С. 98–104.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2006. 448 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Т. 4. М.: Русский язык, 1979. 683 с.

Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985. 431 с.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Известия и учёные записки императорского Казанского университета. Т. 19. Казань, 1883. 148 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru>

Перевоицков В. Опыт о средствах пленять воображение. Казань: В Университетской типографии, 1815. 318 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. 543 с.

САР — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1902.

СЦиР — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847.

Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1818. 438 с.

I. B. Serebrianaia
 Kazan Federal University
 (Russia, Kazan)
i_serebrjanaja@mail.ru

SEMANTICS POETIC STYLE IN THE ESTIMATES OF RUSSIAN CRITICISM 1st HALF OF THE XIX CENTURY

The article is devoted to the analysis of the 19th century critical judgments about the language of poetic works. Such statements reflect current cultural and speech problems of the epoch, the difficulties of language standardization, linguistic habits and tastes and are very important for the linguistics. The analysis of Russian literary criticism of the 1st half of the 19th century brings one to the conclusion that the reviewers, exacting and very sensitive to lexical and semantic correctness of fiction, meticulously recorded inaccuracies in the use of poetic words, i. e. romantically colored, mostly archaic words having a symbolic function. Outdated tokens, such as *chelo* ‘forehead’, *sen* ‘cover’, *kushcha* ‘hut’, etc., as a result of their intense poetic figurative-personalized use often lost their semantic clarity? Which disagreed with standard rules and caused an extremely negative and sometimes ironic reaction of critics. This article describes instances of reviewers’ negative reactions to the use of the archaism *chelo* in the meanings ‘head, face’; *sen* in the meanings ‘mental tranquility, shelter’; *kushcha* ‘foliage, thicket’, etc. A good illustration of semantic “vagueness” of archaic Church Slavonic vocabulary is the discussion between A. S. Pushkin and M. A. Dmitriev concerning semantic content of the poetic word *лоно* ‘depth’, or ‘surface, bosom’. Such phenomena manifest the tendency for losing semantic clarity and then rapid withdrawal of high frequency words to the periphery.

Key words: critique of language, literary norm, literary standard, semantic accuracy, poeticisms.

References

- Atenei* [Athenaeum]. 1828. Part 1. No. 4, pp. 76–89.
Atenei [Athenaeum]. 1828. Part 3. No. 12, pp. 419–422.

Dal' V.I. *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language. In 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1979. 683 p.

Golub I.B. *Stilistika russkogo iazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Airis-press Publ., 2006. 448 p.

Kruszewskii N.V. [Essay on the science of language]. *Izvestiia i uchenye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Proceedings and memoirs of the Imperial University of Kazan]. Vol. 19. Kazan, 1883. 148 p. (In Russ.)

Natsyonal'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]/URL: <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.)

Perevoshchikov V. *Opyt o sredstvakh pleniat' voobrazhenie* [On the means to captivate imagination]. Kazan: In the University Printing House, 1815. 318 p.

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. In 10 vol. Vol. 7. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 543 p.

Shanskii N.M., Ivanov V.V., Shanskaia T.V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Short etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p.

Shishkov A.S. *Rassuzhdenie o starom i novom sloge Rossiiskogo iazyka* [Thoughts on the old and new styles of the Russian language]. Saint Petersburg, 1818. 438 p.

Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. P. 1–6. Saint Petersburg. 1789–1794.

Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk [Dictionary of the Church Slavonic and Russian language compiled by the second branch of the Imperial Academy of Sciences]. V. 1–4. Saint Petersburg, 1847.

Sreznevskii I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka* [Materials for a dictionary of ancient language]. Vol. 1–3. Saint Petersburg, 1902.

Tynianov Ju. N. *Istoriia literatury. Kritika* [History of literature. Criticism]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2001. 512 p.

Valeev G.K. [A glance at the history of the standard Russian language of the first half of the XIX century: the case of the word *kushcha*]. *Vestnik Cheliabinskogo universiteta. Serii 2. Filologiya*, 2002, No. 1 (13), pp. 98–104. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the standard Russian language of the XVII–XIX centuries]. Moscow: Vyssshaia shkola Publ., 1982. 528 p.

Zhukovskii V.A. *Estetika i kritika* [Aesthetics and Criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1985. 431 p.

О. А. Шарыкина
Академиздатцентр «Наука» РАН
(Россия, Москва)
oka_2311@mail.ru

КАК ФУТБОЛИСТЫ ПЛЕДУТ КРУЖЕВА: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИДИОМЫ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В спортивных текстах значение идиомы *плести кружева* существенно отличается от тех, которые описаны различными словарями (ср. “кокетничать, заигрывать, лгать” и др.). В настоящей статье рассматриваются особенности употребления данной идиомы в спортивном дискурсе, а также поднимается проблема нормы во фразеологии и отражения в словарях специфических значений фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеология, идиома, спортивный дискурс, норма.

Спортивный дискурс является одной из тех областей, где активно функционируют различного рода фразеологизмы: идиомы, коллокации, паремии. Их употребление — одна из ярких черт речи современных спортивных комментаторов и журналистов. В телевизионных и газетных репортажах можно встретить как общеупотребительные идиомы, так и специфические, «спортивные», как правило, обозначающие спортивные реалии и термины (*черное яблоко* — мишень в биатлоне в виде черного круга, *играть на втором этаже* — игра головой в футболе, *ложка Гретцки* — область за воротами в хоккее, названная по имени легендарного игрока Уэйна Гретцки, и т. п.). При этом некоторые из общеупотребительных фразеологизмов в спортивном дискурсе получают новое значение, точнее говоря, в фокусе внимания оказываются такие их семантические компоненты, которые ни в одном другом типе текста не проявляются.

Так, идиома *плести кружева* толкуется словарями следующим образом:

- *С кем. Прост. Ирон.* Кокетничать, заигрывать с кем-л. (А.И. Федоров. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2002);
- Лгать, болтать ерунду, сплетничать, точить ляды (В.С. Елистратов. Словарь русского арго. М., 2000);
- 1. *Перм. Шутл.* Болтать, пустословить. 2. *С кем. Прост. Шутл.* Кокетничать, заигрывать с кем-л. (*Пока Юрка плёл кружева с молоденькой продавщицей, Арсений поведал родственнику о своей беде, решив, что, быть может, этот с виду битый мужичок что-нибудь дельное да присоветует* [В. Муссалитин. Помогите подняться]). 3. *Жарг. Угол. Мол. Неодобр.* Обманывать кого-л. 4. *Жарг. Угол.* Убегать из мест лишения свободы. 5. *Жарг. Мол.* Выменивать у кого-л. что-л. (Большой словарь русских поговорок. М., 2007).

Это подтверждается и примерами из Национального корпуса русского языка. Но стоит отметить, что в основном это примеры из художественной литературы. В текстах со спортивной тематикой *плести кружева* и его вариант *вертеть кружева* означает совсем другое. Выражение активно употребляется в современных спортивных телетрансляциях и прессе (чаще всего речь идет о футболе и хоккее), например:

(1) Немецкая машина в этом противостоянии выглядела явным фаворитом, что и подтвердил первый тайм. По игре, а не по счету. Немцы больше владели мячом, *плели кружева* у чужой штрафной и даже забивали гол... [Sovsport.ru, 2012];

(2) В то время как форварды *плетут кружева* у ворот противника, защита беспомощна на контратаках, из-за чего команда пропускает в среднем больше 3 шайб за игру [Иван Дмитриенко. Не дают нормально работать//Труд-7, 26.10.2010];

(3) Хави, Это'о, Роналдиньо и Деку с легкостью *плетут кружева* в штрафной хозяев поля, заставляя последних время от времени доставать забитые мячи из сетки собственных ворот [Эдуард Бахлин. «Реал» воскрес. Королевский клуб выходит на первое место в чемпионате, увеличивая отрыв от «Барселоны»//Советский спорт, 17.10.2005];

(4) Наши *плетут кружева* у штрафной, но африканцы «рвут» их, даже не потяя [Тахир ХОЛИКБЕРДИЕВ. («КП» — Краснодар»). Как юный Дима Сычев заклевал «Карфагенских орлов»//Комсомольская правда, 06.06.2002].

Здесь имеется в виду по-настоящему красивый, комбинационный футбол, с долгим владением мячом одной из команд — так красиво играют, словно кружева на поле плетут. Анализируя тексты спортивных газет за период с 1950-х по 2010-е гг., можно сделать вывод, что идиома *плести кружева* с такой семантикой стала употребляться только в последние 10–15 лет. Однако ещё в спортивной прессе 1960-х гг. встречается выражение *плести ажурную строчку* в том же значении:

(5) И вот новая встреча дебютантов, теперь уже в Ленинграде. Нападающие «Адмиралтейца» усердно *плетут ажурную строчку*, пытаются пробиться сквозь плотную стену защитников «Кайрата» [КОМАНДА ОБРЕТАЕТ СТИЛЬ // «Советский спорт», 1960].

Такой вариант идиомы сейчас употребляется крайне редко. А в 20–30-е гг. XX в. в большом ходу было выражение *венские кружева*. Оно характеризовало особую манеру игры сборной Австрии по футболу:

(6) Особо стоит сказать об австрийской сборной — знаменитом “вундертиме” (“чудо-команде”) конца 20-х и начала 30-х гг., — показывавшей исключительно изящный, артистичный футбол (так называемые *венские кружева*) и одновременно славившейся высокой результативностью [Интернет-форум, 2007];

(7) В 20–40-е годы 20 века сборная Австрии носила прозвище «Вундертим», стиль ее игры назывался «*венские кружева*»... Этот стиль («*венские кружева*») австрийцы сохранили за собой до 60-х годов, но в период доминирующего в Европе жесткого и скоростного футбола основные элементы «*венских кружевов*» потеряли свою эффективность. Позже австрийцы стали применять менее эффектный, но более рациональный и прагматичный метод обороны и нападения, обеспечив команде выход на мировую и европейскую арену... [Интернет-форум, 2008].

Можно предположить, что этот фразеологизм возник в результате сравнения игры футболистов с искусством плетения кружев, которым Австрия славилась в XIX в. Кроме того, венскими кружевами называют ворота портала Архангела Михаила дворцового комплекса Хофбурга в Вене, а также различные кондитерские изделия,

украшенные кремом, словно кружевом (торты, рулеты), и даже со-рта фиалок.

В 1960-е гг. с развитием нового, более скоростного, футбола оригинальная тактика австрийской сборной стала малоэффективной, вследствие чего в настоящее время идиома употребляется в основном в ироничном смысле:

(8) Тем не менее именно гости владели инициативой и с первых секунд начали держать мяч. Другое дело, до ударов дело доходило редко. Если не брать во внимание удар Флореску под перекладину и выстрел Ковпака в каркас ворот, то все это напоминало *«венские кружева»* — вокруг да около, но без завершающего удара [Terricon.com, 2012];

(9) «Вот так надо было сразу играть, а то в первом тайме *плели венские кружева*. А теперь могут и не успеть выиграть» [Интернет-форум, 2012];

(10) Все дело в том, что одни *плели «венские кружева»*, а другие забивали. [Интернет-форум, 2012].

Несомненно, что на основе фразеологизма *венские кружева* было образовано выражение *спартаковские кружева*. Оно появилось чуть более 25 лет назад и характеризует особый стиль игры, при котором основной упор делается на подавляющее владение мячом: атакующая команда контролирует мяч в течение длительного временного отрезка игры, что достигается сериями точных пасов, коротких и средних передач, преимущественно поперек поля и назад как на половине поля соперника, так даже и на своей половине поля.

(11) «Спартак» всегда отличался своим фирменным стилем: дождливая погода, короткий пас, стеночки, забегания, иными словами, *«спартаковские кружева»*, что всегда нравилось зрителям [Газета.ру, 2013];

(12) Короткий-средний пас, стеночки, скрещивания, забегания, *спартаковские кружева*, игра в одно-два касания. По красоте игры «Спартак» впереди планеты всей. Клуб, имеющий свой неповторимый стиль футбола — спартаковский [Интернет-форум, 2013].

В заключение подчеркнем, что фразеологизмы с компонентом *кружева* (*плести/вертеть кружева*, *венские кружева*, *спарта-*

ковские кружева) в спортивном дискурсе могут характеризовать игру футболистов как позитивно — хорошая техника, красивый, комбинационный футбол, — так и негативно — использование устаревшей техники, отсутствие техничности как таковой (ср. современное употребление идиомы *венские кружева*). Новое нестандартное значение идиомы *плетти кружева*, которое раскрывается только в данном типе текстов, словарями еще не описано. И если подходить формально, оно ненормативно. Но, на наш взгляд, этот пример показывает, что понятие нормы во фразеологии должно определяться относительно каждого конкретного типа дискурса. Вероятно, это должно отражаться и в словарях, например с помощью введения специальных дискурсивных помет, указывающих на сферу функционирования того или иного фразеологизма (спорт, экономика, медицина и др.).

O. A. Sharykina
Academic Publishing Centre “Nauka”
of Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
oka_2311@mail.ru

HOW FOOTBALL PLAYERS *PLETUT KRUZHEVA*:
The functioning of the idiom *plesti kruzheva* in sport discourse

The meaning of the idiom *plesti kruzheva* ‘to tat’ differs considerably from the one given in dictionaries (e.g. ‘to flirt’, ‘to dally’, ‘to lie’). The present paper deals with the functioning of this phraseological unit in sports discourse. Besides, the problem of phraseological norm and description of specific meanings of phraseological units in dictionaries is considered.

Key words: phraseology, idiom, sport discourse, norm.

Е. Я. Шмелева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
eshkind@mail.ru

СЛОВО НЕРУКОПОЖАТНЫЙ КАК СИМВОЛ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена описанию семантики сложных слов *рукопожатный* / *нерукопожатный* / *руконепожатный* и их словообразовательных синонимов. Делается попытка выяснить, являются ли эти необычные слова неологизмами, историзмами или авторскими окказионализмами, и если это авторские слова — кто является их автором. Выдвигаются гипотезы, благодаря чему или кому эти слова стали в последние несколько лет активно употребляться в интернет-коммуникации. На основе анализа семантики слов *рукопожатный* / *нерукопожатный* / *руконепожатный*, коннотаций и употребления этих слов в современном русском языке делается вывод о возможности их включения в толковые словари русского языка.

Ключевые слова: производные слова, сложные слова, словообразовательные синонимы, семантика, коннотации.

В последние три-четыре года в средствах массовой информации, в устной речи и особенно часто в Интернете стали употребляться сложные слова, произведенные от выражений *пожать/пожимать руку* и *подать/подавать руку*, — как имена прилагательные, так и имена существительные на *-ость**:

рукопожатый: В полку «рукопожатых патриотов», которые на словах радеют за будущее России, но делают это каким-то странным, лишь им понятным способом, прибыло**;

рукопожатный: Ему ж надо при всем при том остаться рукопожатным на Западе, иначе зачем ему все богатства;

рукопожимаемый: Некоторые рукопожимаемые сторонники

* См. [Шмелева 2012].

** В целях экономии места мы в большинстве случаев не даем ссылку на интернет-сайты — источники цитат. Все эти цитаты легко находятся в поисковых системах.

тоталитарной толерантности опустились до прямых и откровенных оскорблений в адрес Евгении Марковны [Альбац];
рукоподатный: Говорухин остался рукоподатным человеком или нет, я что-то не пойму?

рукоподаваемый: Администрация Президента, оппозиция считает Ключева «рукоподаваемым» политиком;

рукопожатность: «Коммерсант» потерял рукопожатность;

рукоподаваемость: Либерально-оппозиционная, правозащитная и часть журналистской среды обсуждает «рукоподаваемость» блоггера Алексея Навального, вошедшего в оргкомитет «Русского марша».

Еще чаще эти слова употребляются с отрицанием, причем не может ставиться как перед первым корнем (*рук* / *подавать*). Приведем примеры слов с начальным не:

нерукопожатный: Почему «нерукопожатному» Каддафи Кирсан Илюмжинов пожал руку;

нерукопожимаемый: Одновременно растет и число «нерукопожимаемых» людей, то есть тех, кому стыдно подать руку;

нерукоподаваемый: Согласно мнению народного депутата Верховной Рады от партии «Батькивщина» Александры Кужель, Президент Украины Виктор Янукович в настоящее время «нерукоподаваемый»;

нерукопожатность: Олимпийский факел нерукопожатности;

нерукоподаваемость: Нерукоподаваемость — высшая мера наказания в свободном демократическом обществе.

Встречаются также слова, в которых не «вставляется» в середину слова:

руконеподаваемый: Познер назвал Левковича «руконеподаваемым»;

руконепожатность: Нынешняя мода на руконепожатность, эта холодная гражданская война, помимо всего прочего трагикомична;

руконепожимаемость: Помню, как совсем недавно кремлевские стратеги заводили свою очередную гневную песню о «руконепожимаемости» Януковича.

По-видимому, слова со вторым корнем *подать* / *подавать* и слова со вторым корнем *пожать* / *пожимать* являются словообразова-

тельными синонимами, недаром их часто используют для описания одних и тех же людей и одной и той же ситуации, напр.: Публицист Леонид Радзиховский предложил считать Навального *нерукоподаваемым*. Похожей точки зрения придерживается и правозащитник Лев Пономарев: «Что касается Навального, приняв участие в “Русском марше”, он станет для меня и многих других правозащитников *нерукопожатным*». Ср. также: Мои друзья! Да, вы удостоились этой чести, я называю вас друзьями. Мои *неполживые* и *рукопожимаемые*! В смысле *правдивые* и *рукопожатные*. Наличие такого большого числа словообразовательных вариантов слова, а также то, что во многих примерах слова эти заключаются в кавычки, свидетельствует о том, что слова эти еще не вполне освоены русским языком.

При этом, хотя слов *рукопожатный* / *нерукопожатный** нет в словарях русского языка**, их значение понятно как носителям русского языка, так и иностранцам, изучающим русский язык. *Рукопожатный* — это человек, достойный уважения, которому не стыдно подать (пожать) руку, а *нерукопожатный* — это человек, которому приличные люди не подают руки, с которым стыдно общаться***.

Специалисты по невербальной семиотике относят рукопожатие к одному из самых древних знаковых жестов, известных еще в античности. В европейской культуре рукопожатие как знак приветствия известно, по крайней мере, с конца XVII в., в русской дворянской культуре — с начала XIX в. [Григорьева, Григорьев, Крейдлин: 95–100]. По-видимому, практически сразу же рукопожатие стало восприниматься не только как приветствие, но как знак хороших отношений и готовности сотрудничать, а отказ пожать протянутую руку или отказ подать кому-л. руку для рукопожатия стал восприниматься как оскорбление. Знаковый характер рукопожатия сохра-

* Далее, когда мы будем обсуждать значение и историю этих слов, мы не будем перечислять все их словообразовательные варианты: *рукопожатный* (а также *рукопожимаемый*, *рукоподатный*, *рукоподаваемый*). Мы будем считать, что то, что говорится про одно из слов этого ряда, относится (если это специально не оговаривается) ко всем вариантам этого слова.

** В словаре Вл. Даля есть слово *рукоподательный*, *рукоподатливый*, имеющее другое, «активное» значение: ‘человек, охотно подающий помощь’ [Даль 1882:114].

*** На самом деле, как и для многих производных слов, значение слов *рукопожатный* / *нерукопожатный* не просто складывается из значения производящих корней, но и приобретает дополнительные оттенки значения (см. далее).

няется в русской, европейской и американской культуре и в XXI в. Не случайно шквал комментариев вызвало рукопожатие президента США Барака Обамы и главы правительства Кубы Рауля Кастро на похоронах Нельсона Манделы в декабре 2013 г., ср., например: *Представители Республиканской партии США раскритиковали президента Барака Обаму за рукопожатие с кубинским лидером Раулем Кастро на похоронах Нельсона Манделы; Лидер кубинской революции Фидель Кастро поздравил нынешнего главу правительства Кубы Рауля Кастро с тем, как он держался на встрече с президентом США Бараком Обамой на панихиде по экс-президенту ЮАР Нельсону Манделе, на которой два лидера обменялись рукопожатием.*

Вообще рукопожатие и особенно демонстративный отказ пожать чью-либо руку — постоянная тема новостей, ср. лишь несколько заголовков из новостной ленты 2013 г.: *Гвардиола отказался пожать руку Роналду* (10.01.13); *Шойгу отказался пожать руку Рыжкову* (30.09.2013); *Сергей Веденеев: «Не пожав руку Спаллетти в Грозном, Аршавин подписал себе приговор»* (3.12.2013). Но при этом, если примеры на словосочетания *пожать руку / не подать руки* или на слово *рукопожатие* измеряются в Национальном корпусе русского языка сотнями, нам удалось найти только один пример на слово *рукоподаваемый* (единственный «рукоподаваемый» артист, 2002) и два примера на слово *нерукопожатный* (*нерукопожатный, невизовыдаваемый бизнес* (устный корпус, 2003) и *нерукопожатный Тарханов* (газетный корпус, 2009)). Поэтому неудивительно, что, хотя значение этих слов в целом понятно, сами слова и стоящие за ними представления о жизни воспринимаются как необычные многими носителями русского языка. При этом, если одни носители языка считают, что это новые слова и новая категория оценки человека и его поведения, другие полагают, что это давно забытые, устаревшие слова и понятия. Так, например, в статье «Где ваши руки?» в журнале «Большой город» (21.10.2010) Е. Краевская пишет: *В последнее время в публичном обсуждении событий и персонажей появилась новая категория оценки — нерукопожатность.* А в статье «Зачем нужна русская литература?», опубликованной в сборнике «В защиту гуманитарного образования в России» (М., 2012) М. Голубков пишет: *Начать с того, что попираются глубинные, выработанные веками национальной жизни и быта принципы*

отношений <>, когда чистоплотность превалировала над нечистоплотностью и существовало понятие «нерукопожатности», «нерукопожатного человека».

В зависимости от своих представлений об истории понятия «(не)рукопожатность», сами слова можно рассматривать и как неологизмы, и как историзмы. Так, в целом ряде комментариев к выступлению Дмитрия Медведева в канун трехлетней годовщины российско-грузинского конфликта (август 2011 г.), в котором он сказал о Саакашвили: «Для меня он фигура нерукопожатная», отмечался «неологизм от Медведева *нерукопожатный*». А вот мнение М. Голубкова: *Именно литература доносит до нас через десятилетия и века представления о нормах национальной жизни. Формирует представления о должном и недолжном, о той самой нерукопожатности (слово, давно ставшее историзмом).* Ср. также: *Вообще-то в русском языке есть слово «нерукопожатный», но после того как «рукопожатных» расстреляла Кровавая гэбня, оно практически не употребляется.*

Поскольку слово (не)рукопожатный в любом случае, вне зависимости от того, считают ли его неологизмом или историзмом, ощущается как необычное, многие думают, что это авторское окказиональное слово. При этом высказываются различные гипотезы об «авторах» этих слов, в частности, многие считают, что его придумал Дмитрий Медведев (см. выше). В уже упоминавшейся нами энциклопедии Викиреальность (Wikireality.ru) о слове *рукопожатный* говорится: *Определение введено в ЖЖ-блоге у Льва Щаранского и на данный момент является мемом. Вместе с ним Щаранским часто употребляется производное выражение «рукопожимаю», означающее крайнюю степень одобрения. Часто употребляется также в сочетании со словом «совестливый» и звучит: «совестливый и рукопожатный».* На известном сайте Лукоморье (Lurkmore.ru) о слове *рукоподавать* сказано следующее: *Впервые услышано от Альбац, назвавшей кого-то «нерукоподаваемым». В дальнейшем популяризировано Чирковым, а также активно форсилось Паркером в его либерастической пародии «День отличника» на сорокинский «День опричника». Одно время в ходу были гибридные пародийные конструкции типа «Дичайше рукоподаю». Теперь фраза забылась. В ряде источников «авторство» этого слова приписывается Лидии Корнеевне Чуковской: Я не знаю, откуда взялось в на-*

шем языке прилагательное «нерукопожатный». Где-то пишут, что придумала его Лидия Корнеевна Чуковская (Ксения Туркова). Те, кто считает, что это слово ввела в обиход Лидия Чуковская, тем самым относят его к диссидентскому дискурсу 60-х — 70-х гг. XX века, — времени, когда в самиздате широко распространялись статьи и письма Чуковской в защиту Синявского и Даниэля, Бродского, Солженицына и др.* Есть и другие свидетельства того, что слова эти употреблялись в интеллигентской среде в 60-е — 70-е гг. прошлого века. Так, Антон Носик утверждает, что помнит слово *нерукоподатность* с детства: *Мама моя в 1970-е годы употребляла это слово. То есть, может быть, она его и в 1960-е тоже употребляла, просто у меня не было возможности его тогда понять.*

Самый ранний пример употребления слова *нерукопожатный*, который нам удалось обнаружить, встретился в русской эмигрантской печати и датируется 1981 годом: *На это Солженицын заявил в печати, что это, дескать, не президент Форд считает его нерукопожатной личностью, а наоборот — это он, Солженицын, не хочет осчастливить президента Форда своим визитом!* (Климов Г.П. Протоколы советских мудрецов). Но при этом, возможно, есть и более ранние примеры. Так, в Москве в 1992 году впервые по-русски была опубликована книга Д.В. Леховича «Белые против красных. Жизнь генерала Антона Деникина», в которой встречается слово *нерукопожатный*: *Савинкову они вообще не доверяли, а поведение после корниловского выступления ставило его в глазах офицерства в категорию «нерукопожатных» людей.* В предисловии к книге сообщается, что русский текст был подготовлен автором практически одновременно с английским изданием книги 1947 г. Так что теоретически, если текст не был подвергнут более поздней редакторской правке, не исключено, что слово «нерукопожатный» бытовало в русской эмигрантской среде еще в послевоенные годы. Возможно, что в русскую эмиграцию «нерукопожатность» перекочевала еще из среды революционной интеллигенции: *Возрождаются своеобразные повадки революционной интеллигенции, которую*

*«С начала шестидесятых и в семидесятые годы вместе с другими представителями интеллигенции, писателями и учеными (Ф. Вигдорова, Л. Копелев, А. Якобсон, Л. Богораз, А. Солженицын, А.Д. Сахаров, В. Войнович, В. Корнилов, Г. Владимов и др.) я постоянно выступала против беззаконий, творимых властью» (Лидия Чуковская. Автобиография).

хлебом не корми, лишь бы кому руку не подать, желательно — всем миром (Дмитрий Ермольцев).

Но даже если слово существовало когда-то в русском языке, то, очевидно, употреблялось оно крайне редко и в узких социальных группах. В чем же причина сегодняшней популярности этого слова? Поскольку особенно популярны слова *рукопожатный* / *нерукопожатный* в интернет-коммуникации, активные пользователи Интернета заинтересовались причиной их популярности и резкого роста частотности употреблений в социальных сетях и блогах. Одна из гипотез, которая высказывается несколькими блогерами, — моду на эти слова задал какой-то известный человек (возможно, это Дмитрий Медведев, который был в то время президентом Российской Федерации). Вот, например, что пишет в своем блоге Павел Павлюков: *Вот очередной лексический вирус нашел. Этой осенью стало часто мне попадаться на глаза слово «нерукопожатный». <> Видно, что слово это не новообразованное — кто-то его использовал пару раз в месяц по всей блогосфере рунета. Однако эпидемия использования началась в январе этого года (19 упоминаний). Впрочем, четким началом это назвать трудно. Возможно посмотреть на график и так — плато с мая 2009 по август 2010, а потом резкий рост. Соответственно, в августе какая-то VIP-персона научилась у кого-то этому слову и не преминула ляпнуть его в связи с каким-либо событием.*

Другое объяснение, которое кажется нам более правдоподобным: слова эти отражают дух времени и стиль общения в социальных сетях. Такое объяснение дает, например, Михаил Козырев: *Слова, которые отражают время, часто употребляются. И они часто вызывают у меня раздражение. Одно из этих слов — «нерукопожатный». Оно стало символом времени. Сейчас же невероятные процессы происходят в области общения между людьми, в том числе благодаря соцсетям и тем кругам, которые вокруг этих соцсетей расходятся. Фейсбук и Твиттер — это изначально вещи безэмоциональные, ты же должен эмоции смайликами изображать. Поэтому две трети эмоциональных вещей, жестких и порой даже оскорбительных, никогда не могут быть сказаны в глаза — люди не решаются. А в Фейсбуке пишут.*

Любопытно, что рукопожатность в сознании носителей языка практически всегда ассоциируется с либеральной интеллигенцией,

ср., например, определение слова *рукопожатный* (*рукопожатый*) в «Викиреальности» (Wikireality.ru): *человек, которому в российской либеральной оппозиции готовы пожать руку. Соответственно, «нерукопожатный» — человек, которому либералы пожать руку не готовы.* Там же даются советы, как можно стать рукопожатным человеком: *Для повышения уровня своей рукопожатности каждый интеллигентный и совестливый человек может побывать в психушке, разоблачить кровавый режим, провести десталинизацию в пределах своего района проживания или хотя бы сходить на гей-парад.*

Не случайно, «с другой стороны» либералов часто так и называют *рукопожатные* (в этом случае оно чаще всего употребляется как субстантивированное прилагательное), ср., например, заголовки блогов: *Рукопожатные и неполживые растят себе достойную смену; Рукопожатные бесятся; Сталин и рукопожатные; Почему Патриарха Павла любят рукопожатные?* При этом (возможно, именно потому, что это не самоназвание) многие «типичные представители» самой либеральной общественности пишут о неприятии как самого «корявого» слова *нерукопожатный*, так и связанного с ним комплекса идей, ср.: *несчастное, недолюбленное своим создателем слово. Сложившееся по необходимости из каких-то корявостей. Что за слово такое «пожатный» или «жатный»? Что за неизвестные причастия? Почему не «пожимаемый», например? Да еще и «руко-». Да еще и с приставкой «не-». Какая-то уродливо выстроганная из словесного материала фигурка* (Ксения Туркова); *Смертельно надоело слово «рукопожатный»* (Василий Уткин); *Да, «рукопожатный», кстати, действительно на редкость мерзкое слово. То есть понятие* (Ольга Хомицевич).

Какие же идеи, стоящие за этим словом, не нравятся думающим носителям русского языка?

Жизнь на линии фронта, разделение на своих и чужих: *То есть это прилагательное [нерукопожатный] можно назвать и анти-словом? — Да, оно мне очень не нравится. Оно свидетельствует о каком-то экстремальном режиме существования* (Михаил Козырев). *Нынешняя мода на руконепожатность, эта холодная гражданская война трагикомична* (Алексей Митрофанов).

Высокомерие, взгляд на других людей сверху вниз: *Не надо сакрализировать свои действия, рукопожимания и прочие вещи. Не надо*

считать себя драгоценным, чистым, белым. <> Мне всегда смешно, когда кто-то <> говорит, что такому-то он “руки не подаст”. Что за рука у тебя интересная, особая? Покажи, из чего сделана, то же мне сакральный предмет. И, главное, это все пустое громыхание. Лучшие этой рукой тихо сделать доброе дело, нежели хватать ее чистотой (Татьяна Толстая).

Нетерпимость, нетолерантность: *Возвращается традиция городской (взять ли в кавычки?) нетерпимости, как в те славные (в кавычки ли взять?) времена, когда «делился мир на тех, кто любит или не любит. Скажем, Пастернака»* (Александр Кушнер). *И это после всех завоеваний культуры толерантности, нетрясения за воротник и непризывания к ответу* (Дмитрий Ермольцев).

Однако, несмотря на критику, слова *рукопожатный* / *нерукопожатный* постепенно получают «права гражданства» в русском языке. Они все чаще используются не только в социальных сетях и блогах, но и в речи людей, которые должны, как кажется, выражаться высоким стилем, например, в речи главы Синодального отдела РПЦ о. Всеволода Чаплина: *Если презирующие <> народ представители бизнеса, псевдокультуры, медийного и экспертного сообщества не будут объявлены нерукопожатными вне зависимости от того, сколько у них денег и сколько времени они проводят на телеэкранах или в начальственных кабинетах. Ср. также выступление Сергея Худиева на радио «Радонеж»: Я читал <> отзывы на соглашение между Церковью и минздравом — что минздрав возглавляют настолько дурные люди, что сотрудничество с ними делает Церковь (и лично Патриарха) нерукопожатными. Но Церковь не интересуется своей рукопожатностью — она интересуется тем, чтобы у умирающего в больнице человека была возможность исповедоваться и причаститься. Обращает на себя внимание также тот факт, что в письменных текстах слова *рукопожатный* / *нерукопожатный* все чаще стали записываться без кавычек.*

Показательно, что интернет-словари, которые реагируют на появление новых слов раньше академических словарей, уже стали включать эти слова в свои словники. Так, например, в интернет-словаре синонимов дается четыре синонима к слову *нерукопожатный* — *бессовестный, непорядочный, неразборчивый в средствах, нечистоплотный*. Есть все основания полагать, что эти слова со временем появятся и в толковых словарях современного русского языка.

Литература

Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва — Вена: Изд-во: Языки русской культуры. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 49, 2001.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Изд. 2. Т. 4. С-Пб — М., 1882.

Шмелева Е. Я. О модных словах *рукопожатный* / *нерукопожатный* и *рукоподаваемый* / *нерукоподаваемый* // Проблемы речевого общения. Тезисы докладов международной конференции десятые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2012 года). М., 2012. С. 197–199.

E.Ia. Shmeleva

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

THE WORD *NERUKOPOZHATNYI* AS A SYMBOL OF OUR TIME

The paper discusses the semantics of the compound words *rukopozhatnyi* / *nerukopozhatnyi* / *rukonepozhatnyi* and its derivational synonyms. It makes an attempt to find out whether these words are neologisms. The paper covers the problems of their authorship, It explains why these words have become popular in recent times and why they are widely used in the Internet communication. Reasoning from the analysis of the meaning of the words *rukopozhatnyi* / *nerukopozhatnyi* / *rukonepozhatnyi*, their connotations and the usage of these words in modern Russian, it comes to the conclusion that these words will in all likelihood be included in the Russian dictionaries.

Key words: derivatives, compound words, derivational synonyms, semantics, connotations

References

Grigor'eva S.A., Grigor'ev N.V., Kreidlin G.E. *Slovar' iazyka russkikh zhestov* [Dictionary of the Language of Russian Gestures]. Moscow — Vienna, Iazyki russkoi kul'tury Publ. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 49, 2001. 256 p.

Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Russian Language]. 2-nd ed. Vol. 4. St-Petersburg — Moscow, 1882.

Shmeleva E.Ia. [About Fashionable Words *Rukopozhatnyi* / *Nerukopozhatnyi* and *Rukopodavaemyi* / *Nerukopodavaemyi*]. *Problemy rechevogo obshcheniia. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii desiatye Shmelevskie chteniia (24–26 fevralia 2012)* [Problems of Speech Communication. Abstracts of the International Conference Tenth Shmelev Reading (24–26 February 2012)]. Moscow, 2012, pp. 197–199. (in Russ.)

Проблемы лексикографии.
Problems of Lexicography

И. А. Бабаев
Бакинский славянский университет
(Азербайджан, Баку)
ibabayev@gmail.com

ОРФОЛОГИЧЕСКИЙ* ПРИНЦИП В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена истории словарного дела. В центре внимания стоит формирование нормативной лексикографии. Указывается, что всегда составляли противоречие два принципа. Идея нормативной лексикографии вовсе не воспринималась однозначно.

Ключевые слова: орфология, норма, нормативный словарь, тезаурус, иноязычное влияние.

В истории лингвистической мысли становится обычным указание на *неправильное*, особенно если оно носит устойчивый и воспроизводимый характер. Российская лингвистическая традиция не составляет в этом отношении исключения. Известно, что Н. Греч возмущался ошибками в языке журналистов и издателей. Я. К. Грот в своем нормативном пособии по правописанию все время останавливается на ошибках. Он считает необходимым не просто дать правильное, а специально указывает на неправильное. Например, он указывает, что «многие пишут неправильно “в течении, в продолжении” вместо “в течение, в продолжение”, в противность наиболее распространенному в языке обычаю означать протяжение времени винительным падежом с предлогом в. Лучшим доказательством тому может служить выражение во время (не “во времени”» [Грот 1894: 37].

Год издания данного руководства 1894, через год вышел академический словарь, подготовленный Я. К. Гротом, т. е. первая попытка подлинно нормативного словаря. Таким образом, это были годы

*В середине прошлого века в русское языкознание в обиход был запущен термин «ортология», не вполне уместный, на наш взгляд, в терминологическом ряду «орфография», «орфограмма», «орфоэпия». До появления этого термина в лингвистике не было ни одного термина с составляющей «орто». Зато в других науках таких терминов предостаточно: ортодонтия, ортопедия, ортодоксальный. Нам кажется, более правильным и системно обусловленным является употребление термина ОРФОЛОГИЯ.

интенсивной разработки нормативных справочников, словарей, различного рода руководств. Метод описания материала в этих нормативных пособиях очевиден. Грот останавливается на объяснении того, что он считает неверным. Например, относительно заимствованных слов с «й» он пишет следующее: «В именах Йорк, майор, Байонна полугласный й, принадлежа к дифтонгу, правильное нежели гласная i, составляющая особый слог; впрочем многие пишут также “Йорк, маіор, Баіонна” и в оправдание свое могут сослаться на общеупотребительные начертания» [Грот 1894: 83].

Характерен сам стиль изложения Грота. Несмотря на то, что он пишет академическое руководство под названием «Русское правописание», стиль его отличается ненавязчивостью. Говоря об удвоении согласных в заимствованных словах, он отмечает, что в тех словах, которые были заимствованы давно, пишется одна согласная, хотя некоторые и сохранили две, как в оригинале. Грот выступает против написания новых иноязычных слов с одной согласной и объясняет, почему: «Некоторые в наше время стали во всех заимствованных словах, и старых и новых, где в подлиннике есть двойная согласная, писать одну только букву: коллегия, комиссия, профессор, Одеса, Пруссия. Но этого правила нельзя одобрить, так как, во 1-х, оно нарушает признанное нами общее начало, что заимствованные слова должны по возможности сохранять форму близкую к подлинной, во 2-х, оно часто противоречит произношению, в котором ясно слышится так называемое удвоение согласной» [Грот 1894: 85].

Грот как бы размышляет, пытаясь убедить в справедливости своих доводов не только читателя, но и себя отчасти. Хотя, разумеется, это только особенность стиля ученого. Лингвист такого масштаба к концу XIX в. прекрасно отдавал себе отчет в том, что соответствует литературной норме, а что находится за ее пределами. Самым ярким свидетельством этому является, конечно же, издание Гротом первых пяти букв академического словаря. В то же время тот факт, что этот словарь не был продолжен как нормативный, и академик А. А. Шахматов пошел совсем иным путем, осуществляя руководство подготовкой словаря, говорит также о том, что даже к началу прошлого столетия еще отсутствовали четкие представления о нормативной лексикографии и ее задачах.

Что означает факт отражения в академическом словаре конца XIX в. совершенно разных теоретических установок и его неза-

вершенность? Как этот факт следует расценивать? На наш взгляд, прежде всего он означает отсутствие в русской лексикографии конца XIX в. и начала XX в. принципов нормативной лексикографии. Об этом прежде всего свидетельствует попытка академика А. А. Шахматова изменить направление Словаря. Почему нельзя было, хотя бы отдавая дань заслугам академика Я. К. Грота и уважая его память, завершить попытку создания нормативного словаря русского языка, т. е. такого словаря, который был задуман Я. К. Гротом? Почему нельзя было, наряду с этим гротовским словарем, создать и другой, отвечающий принципам А. А. Шахматова? Непонятно, почему Шахматову понадобилось перечеркнуть сделанное Гротом. Видимо, это имело принципиальное значение. Тем более, что словарь, отвечающий принципам Шахматова, уже существовал. Это Словарь Даля, второе издание которого вышло за десять лет до гротовского, а третье — спустя двадцать лет, оно было осуществлено И. А. Бодуэном де Куртенэ и имело значительно расширенный словник.

И. А. Бодуэн де Куртенэ издает не просто тезаурус, он включает в словарь даже нецензурную лексику, что находилось в прямом противоречии с традициями русской лексикографии. Нам представляется, что гротовское начинание не получило продолжения не по каким-либо субъективно-личным мотивам, а в силу механического и поверхностного подхода тогдашней лексикографии, даже в лице таких ее представителей, как А. А. Шахматов, к принципам составления словарей. Не ощущалось необходимости в создании именно словаря нормативного языка. Не понималась необходимость в лексикографическом разграничении культурного языка от народного. Напротив, в этом виделось нечто оскорбительное для общенационального языка. Вот почему «словарь не законник и не указник», он должен стремиться к отражению всего богатства языка — важнейший принцип лексикографии прошлых столетий.

Поскольку не было четко сформулированных принципов нормативной лексикографии, не было, разумеется, и принципов лексикографии орфологической. Хотя мы видим, что чисто практически воплощение находят как те, так и другие. На протяжении всего XIX в. наблюдаются проявления как нормативного принципа, так и орфологического. Что касается путаницы в самих терминах, то она характерна и для современной научной литературы.

В чем мы видим проявление двух разных принципов — нормативного и орфологического — в лингвистических работах XIX в.? Нормативный принцип четко ощущается начиная с XVIII в., когда филологи, воспитанные на классической греческой и церковнославянской традиции, стараются не допустить ее разрушения. Сознание нормы, *правильного* вообще было характерно для Н. Греча и других филологов. В конце столетия нормативный принцип нашел воплощение в той части академического словаря 1895 г., который был подготовлен Я. К. Гротом. После небольшого отступления от нормативного принципа в шахматовской части академического словаря и в бодуэновском издании Словаря Даля этот принцип восторжествовал в Словаре Д. Н. Ушакова и последующих словарях XX в.

Орфологический принцип также прослеживается на протяжении всего XIX в. С одной стороны, мы видим теоретическое обоснование права на жизнь и словарную фиксацию того, что в системе коррелирует с нормой и как бы представляет живую жизнь. С другой стороны, это «неправильное» все время отмечается в словарях и руководствах по литературному языку. В конце века выходят даже специальные словари неправильностей.

Таким образом, эти две линии, связанные с чувством литературного языка, заинтересованностью определенных социальных слоев в защищенности культурной традиции, выпукло прослеживаются на протяжении 200 лет. Тем не менее и сегодня теоретические основы орфологической лексикографии не отграничиваются от дискурса нормативной лексикографии. Возможно, это и правильно, так как дискурс действительно один, это дискурс литературного языка. Это трудно не признать. Но одновременно с признанием единого дискурса нормативной и орфологической лексикографии важно понять и признать глубинное теоретическое различие между принципами, задачами и целями этих двух лексикографий. Отсюда следует, что необходимо сегодня четко сформулировать эти цели и задачи, при этом терминологическая путаница не должна вводить нас в заблуждение.

В истории лексикографии всегда были четко обозначены три направления. Хотя разговоры и рассуждения ученых всегда затрагивали только два из них. Всегда существовала идея словаря, вмещающего в себя все лексическое богатство языка. Это идея слова-

ря-тезауруса. Наряду с идеей тезауруса постепенно формировалась идея словаря культурного языка, языка книжности и письменности, строящегося на культурной традиции. Уже в этом противопоставлении тезауруса и словаря литературного языка ощущается незаконченность, незавершенность оппозиции. Завершает оппозицию словарь орфологический, отражающий ненормативную часть тезауруса и показывающий ее соотношение с нормативной частью. Очевидно, что существует логика в формировании идеи этих трех типов словарей, ни один из них не является случайным. Между тем очевидно и то, что всегда существовали и до сих пор существуют, проявляясь время от времени, концепции, не принимающие один из этих лексикографических типов. То подвергался критике словарь-тезаурус — на том основании, что он учитывает или, во всяком случае, принципиально стремится учесть все, что есть в языке, даже те слова и фразеологизмы, которые использует лишь сотня человек в какой-либо глухой деревне.

Одновременно проявлялось неприятие чистого словаря литературного языка, строящегося на отборе слов. С другой стороны, в ученой среде всегда были люди, непонимающие, зачем нужно специально отмечать в словарях ошибки и отклонения от существующих норм. Интересный довод в пользу того, что в словарях должно быть все, что есть в языке, приводит Я. Гримм. Он пишет: «Словарь пишется не для нравоучения; это — научное предприятие, которое должно удовлетворять самым многообразным потребностям. Даже в Библии нет недостатка в словах, которые изгнаны из утонченного общества» [Программа... 1885: 223].

В России, как известно, идею словаря-тезауруса пытался осуществить В. Даль. Еще более полное воплощение идея этого словаря нашла в начале XX в. в расширенном варианте этого словаря, подготовленном И. А. Бодуэном де Куртенэ. Возможно, идея такого словаря возникла у В. Даля как реакция на Словарь Академии Российской или Словарь церковнославянского и русского языка. В. Даль, как известно, сознательно ставил перед собой цель отразить все богатство лексики русского языка. Поэтому он на протяжении нескольких десятилетий проделывал огромную предварительную работу по сбору материала. Интересную характеристику Словарю дает А. Сухотин в предисловии к факсимильному выпуску со второго издания Словаря, осуществленному в 1935 г. Он отмечает, что

это самый замечательный памятник русской лексикографии. «Особой популярностью Далев словарь, эта богатейшая сокровищница живой русской речи, пользуется в писательской среде. В дискуссиях о языке, о допустимости того или иного слова в литературной речи, о значении слов, в спорах между автором и редактором постоянно встречаются ссылки на Даля, обращение к его словарю как к непререкаемому авторитету» [Сухотин 1935: 3]. Показательна сама оценка словаря: «в дискуссиях о допустимости того или иного слова в литературной речи» словарь Даля служит непререкаемым авторитетом. И это в то самое время, когда вышел уже первый том Словаря Д. Н. Ушакова как первого нормативного словаря, противопоставляемого Словарю Даля как областническому.

А. Сухотин одновременно с высокой оценкой словаря как недостатка вообще русской лингвистики отмечает отсутствие критического отношения к этому источнику. Сам он пытается подойти критически к Словарю и пишет: «Центральной идеей, пронизывающей весь жизненный путь Владимира Ивановича Даля, была идея “народности”, идея расплывчатая, а главное, двойственная, поскольку в нее и Далем и вообще его современниками вкладывались два совершенно разнородных понятия: понятие “национального русского” в противопоставлении с “иноземным” и понятие “простонародного” (“простой народ” в противопоставлении с “образованным обществом”). Наивное сочетание элементов национализма и демократии было по своей природе противоречиво, и один из них должен был возобладать. У Даля возобладал национализм» [Сухотин 1935: 4].

Непонятно, почему А. Сухотин видит противоречие между национализмом и демократией, если под демократией понимать простонародность. Напротив, здесь всё логически увязывается и вполне объяснимо. Выступая с позиций простонародности против образованного общества, он идет дальше к национализму, так как образованное общество именно в силу своей образованности является проводником иноязычного влияния. Правоммерно провести параллель с политикой. Все выступления за права простого народа, «затираемого» образованным и культурным обществом, кончались национализмом. Так что Даль вполне последователен. Интересно, что такова же позиция Я. Гримма, который пишет: «Прием христианства и латинской учености и сношений с соседями привел к тому, что иноплеменные слова врывались к нам во множестве. Мало-по-

малу отвращение к чуждым звукам стало ослабевать и уступать место педантической заботе о сохранении полного их выговора; с этим чутье к родному языку ещё более притупилось, и иноземным словам без нужды облегчен доступ» [Программа... 1885: 213–214].

Литература

Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению второго отделения Императорской академии наук. СПб., 1894.

Программа словаря братьев Гриммов, составленная Яковом Гриммом // Я. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1885. С. 196–244.

Сухотин А.М. В.И. Даль и его толковый словарь. Вступительная статья к изданию, воспроизведенному со второго издания // В.И. Даль. Толковый словарь. Т. 1. М.: Художественная литература, 1935. С. 3–14.

I. Babayev

Baku Slavic University

(Azerbaijan, Baku)

ibabayev@gmail.com

THE ORTHOLOGICAL PRINCIPLE IN LEXICOGRAPHY

The article deals with normative lexicography. Its center of attention is Russian scholars' activity. It is argued that dictionaries of standard language have not been apprehended in the uniform way. Outstanding Russian scholars were supporters of thesauri.

Key words: orthology, norm, normative dictionary, thesaurus, foreign influence.

References

Grot Ya.K. *Russkoye pravopisanije. Rukovodstvo, sostavlennoje po porutcheniju vtorogo otdelenija imperatorskoj akademii nauk* [Russian orthography. The guide compiled on behalf of the second branch of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1894.

[Brothers Grimm's lexicographic program, compiled by Jacob Grimm]. Grot Ya. *Filologicheskie razyskaniia* [Philological studies]. Saint Petersburg, 1935. pp. 196–244. (In Russ.)

Sukhotin A.M. *V.I. Dal i jego tolkovij slovar* [V.I. Dal and his explanatory dictionary]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1935. pp. 3–14.

Н. В. Бубнова

Военная академия войсковой противовоздушной обороны

Вооружённых Сил Российской Федерации

им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского

(Россия, Смоленск)

85ninoshka67@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В УЧЕБНОМ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Статья посвящена описанию основных принципов создания учебного лингвокраеведческого ономастического словаря антропоцентрической ориентации. Возможность создания такого словаря рассмотрена на примере смоленского материала. В работе предложен возможный подход к определению состава словника словаря, в основе чего лежат, прежде всего, объективные показатели значимости того или иного имени собственного. Эти показатели выявлены в результате исследования региональных ономастических фоновых знаний современных смолян методом масштабного ассоциативного эксперимента (с участием 1650 респондентов) с предварительным анкетированием. На основе критерия частотности в структуре региональных ономастических фоновых знаний смолян нами выделены ядро, периферия и единичные реакции, что легло в основу ядерно-периферийной организации словаря. Состав ядра формируют 12 общезначимых для смолян онимов (в списках указан индекс частотности реакций): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю. А. Гагарин* (596), *М. И. Глинка* (492), *А. Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М. В. Исаковский* (273), *Ф. С. Конь* (232), *М. К. Тенишева* (166), *Н. И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124).

Статья содержит описание макро- и микроструктуры предлагаемого нами словаря. В макроструктуре словаря абсолютное большинство рассматриваемых онимов может быть отнесено к одному из двух разрядов (топонимы и антропонимы), которым соответствуют два типа базовых словарных статей. Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней трёх словарных зон:

зоны предметных сведений, зоны языковых сведений и зоны дополнительных сведений. В качестве примера приведена словарная статья о М. В. Исаковском, имя которого вошло в состав ядра фоновых знаний смолян и называет «смоленского соловья России». Потребность совмещения понятийно-системной и системно-языковой интерпретации заголовочных единиц словаря формирует его лингво-энциклопедический характер.

Ключевые слова: ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент, имя собственное (оним), учебный лингвокраеведческий ономастический словарь, фоновые знания, языковая личность.

Востребованность создания различных видов лексикографических произведений во все времена определялась тем, что словарная продукция — это «главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом» [Морковкин 1987: 33]. «Лексикографический бум» последних десятилетий, помимо названного фактора, объясняется ещё и тем, что современная наука «стремится воплотить в словарной форме — наиболее удобной для фиксации знаний о языке и речи — все аспекты накопленной и переработанной научной информации» [Козырев, Черняк 2003: 373]. Особое место в ряду лексикографических произведений занимают словари, посвящённые описанию имён собственных; при этом в современной лингвистике к созданию словарей онимов продуктивен подход, в соответствии с которым имя рассматривается как носитель разноплановой лингвокультурологической информации общечеловеческого, общенационального или регионального/краеведческого уровня [Максимчук 2002: 110].

Данная работа посвящена описанию учебного лингвокраеведческого словаря онимов, разрабатываемого нами в русле исследования имён собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян [Бубнова 2011]. Цель словаря — «предоставление адресату доступа к заключённой в именах собственных информации, составляющей важный компонент общеобязательных региональных знаний как основы социализации языковой личности в региональном культурно-языковом пространстве» [Максимчук 2011: 759]. В основу определения состава словника положены две группы принципов.

I. Объективные показатели значимости имени собственного: включённость онима в состав региональных фоновых знаний смо-

лян и показатели частотности выявленных онимов, позволяющие определить ядро и периферию наполнения словаря. Способом выявления региональных ономастических фоновых знаний смолян был избран ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1650 респондентов. В начале эксперимента участники заполняли анкету, которая включала следующие характеристики: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов области). В качестве участников эксперимента были выбраны разновозрастные и разносоциальные группы испытуемых для обеспечения максимальной достоверности и общезначимости полученных результатов. Собственно эксперимент состоял в том, что испытуемым было предложено в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется топоним *Смоленщина*. Полученный материал был обработан нами посредством создания электронной базы данных, в которую вошло 1212 онимов-реакций (13471 употребление), среди них — онимы, формирующие «фоновые знания культурного наследия», и онимы, составляющие «актуальные фоновые знания» (термины Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова). Полученные данные позволяют говорить о том, что в лингвокраеведческом словаре могут быть отражены не только культурно-исторические имена (часть которых принадлежит общенациональному уровню и, следовательно, описывается в общих словарях), но и бытовые онимы. Последние обычно остаются за рамками учебных словарей, но имеют большое значение пространственных «ориентиров» для «включения» языковой личности в конкретную языковую среду (этим также определяется новизна предлагаемого нами словаря). На основе критерия частотности в структуре региональных ономастических фоновых знаний смолян выделены ядро, периферия и единичные реакции (анализ структуры ассоциативного поля описан в работах А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, Г.А. Мартиновича и др.). В состав ядра вошли 12 общезначимых для смолян онимов (названы респондентами всех групп): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), *М.И. Глинка* (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124). Периферийные области составили значимые для опреде-

лённых языковых групп онимы с индексом частотности, равным 2 (194 онима, 16%) и более 2 (519 онимов, 43%). Число единичных реакций равно 487 онимам (40%).

II. Экспертная оценка и ассоциативно-тематическое выравнивание: установление достаточности/недостаточности списка исходных онимов и уточнение ядерно-периферийных границ в структуре словаря. Такая процедура, с одной стороны, способствует более чёткому разграничению ядра и периферии в структуре общеобязательного знания, а с другой — даёт возможность включать в словник содержательно значимые онимы, по каким-то причинам имеющие низкий индекс частотности в составе выявленных фоновых знаний.

Наиболее значимые онимы сформировали три условных раздела словаря: 1) «Административные территории» (описание всех 25 современных административно-территориальных центров Смоленской области и их наиболее значимых географических и культурных объектов); 2) «Персоналии. Часть I» (имена великих людей, родившихся на Смоленщине); 3) «Персоналии. Часть II» (имена исторических личностей, так или иначе связанных со Смоленским краем). При этом, учитывая адресатов словаря (прежде всего школьники и студенты, в том числе изучающие русский язык как иностранный), границы разделов в окончательном варианте было решено не обозначать, а руководствоваться алфавитным принципом расположения материала. Таким образом, с определённой (и неизбежной) долей субъективности большинство рассматриваемых онимов может быть отнесено к одному из двух разрядов (топонимы и антропонимы), которым соответствуют два типа базовых словарных статей, различающихся степенью полноты предлагаемой характеристики заголовочных единиц.

Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней двух словарных зон: зоны предметных сведений (ПС) и зоны языковых сведений (ЯС). По замечанию М. А. Денисовой, различие между энциклопедией и словарём заключается в том, что «в энциклопедии представлена информация о предметах (фактах, явлениях, событиях, персоналиях) и понятиях, в словаре — о словах. И поскольку предметы обозначаются словами, а понятия словами выражаются, и те, и другие справочники, имея дело со словами, рассматривают их с разных позиций. Такое разграничение вытекает из самой природы слова, которое, с одной стороны, служит для

обозначения чего-либо, относящегося к внеязыковой реальности, а с другой, является элементом системы языка» [Денисова 1999: 83]. Двойственная природа онимов определяет потребность совмещения понятийно-системной и системно-языковой интерпретации заголовочных единиц словаря, что формирует его лингво-энциклопедический характер.

Зону ПС о топонимах составляют: местонахождение; количественная характеристика территории и населения; историческая справка; связанные с населённым пунктом события, достопримечательности и известные люди (каждой указанной здесь исторической личности посвящена отдельная статья словаря). К числу ЯС о топонимах относятся: акцентологическая норма; форма родительного падежа; образуемое оттопонимное имя прилагательное; наименование жителей (этнонимы); ассоциативно-культурный фон (АКФ) [Максимчук 2002: 166] и этимология названия поселения.

В структуру ПС об антропонимах входят: время и место рождения (если оно связано со Смоленщиной); род деятельности носителя имени; мировоззрение; основные события, сопутствующие биографии; произведения; связь со Смоленским краем (если такой связью не является место рождения). К числу ЯС об антропонимах относятся: акцентологическая норма; форма родительного падежа; образуемое отантропонимное имя прилагательное и возможное имя существительное (например, гагаринцы); АКФ и этимология фамилии.

Помимо указанных сведений в структуру словарной статьи, где это возможно, нами включены поэтические тексты смоленских поэтов и рубрика «Где об этом можно прочитать?», включающая преимущественно художественную и публицистическую литературу.

В качестве примера приведём словарную статью о человеке, имя которого вошло в состав ядра фоновых знаний смолян и называется «смоленского соловья России»:

ИСАКОВСКИЙ Михайл Васильевич (1900–1973)

Русский поэт. Герой Социалистического труда (1970). Родился в деревне Глотовка ныне Угранского р-она Смоленской обл. Сам поэт так охарактеризовал свои детские годы:

...Есть во Выходском районе деревня такая,
Где оставил я детство своё.

И, куда б я ни шёл, мне звучал, не смолкая,
 Тёплый ласковый голос её...
 ...В Смоленской губернии, в хате холодной,
 Зимую крестьянка меня родила.
 И, как это в песне поётся народной,
 Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
 Бесплодное поле да тощая рожь.
 Одно было счастье — по будням ненастье,
 По будням ненастье, а в праздники — дождь...

М. В. Исаковский очень любил свою малую Родину: «Да, я родился и вырос на Смоленщине. И хотя я прожил там в общей сложности меньше, чем в других местах, земля смоленская и до сих пор остаётся для меня самой близкой, самой родной. И это не потому, что я меньше люблю ту большую, великую землю, которую все мы называем своей матерью-Родиной — Родиной с большой буквы... Дело тут, по-видимому, в другом. Места, где я родился и вырос, кажутся мне самыми родными и незабываемыми потому, что там как бы осталась часть моей жизни, часть меня самого. Там — в этих смоленских местах, родилось и возникло то, что потом стало целью моей жизни, — возникла моя поэзия. Это она, смоленская земля, дала мне свои думы, свои напевы, свои слова, свои краски». Многие стихи М. В. Исаковского стали народными песнями: «Прощание», «Катюша» (1939), «Огонёк» (1943), «Враги сожгли родную хату» (1946), «Одинокая гармонь» (1945) и др. В 1987 году опубликована знаменитая поэма «Сказка о правде» о хождении русского крестьянина за счастьем.

Род. Исаковск|ого Михайл|а Васильевич|а, м. || ♦ Советская Россия! Родная наша мать! Каким высоким словом мне подвиг твой называть?; В позабытнoй стороне / В Забoлoцкoй волoсти / Ой, пoнрaвилась ты мнe / Цeликoм и пoлнoстью. Этим. Первоначально фамилия М. В. Исаковского звучала как Исаков (от имени Исак, Исаак), однако старший брат поэта, работник исполкома, выписывая документы на имя брата, изменил фамилию на Исаковский (распространённость фамилий на -кий издревле является отличительной чертой Смоленщины и Белоруссии) (Ю. А. Федосюк).

См. *такж.* Музей имени М.В. Исаковского, Памятник М.В. Исаковскому, Улица Исаковского.

М.В. Исаковский «На Ельнинской земле» (1969).

Такая организация словарных статей позволит использовать словарь как справочное пособие для выяснения правильного написания, произношения и употребления имени собственного и его производных (в том числе — в составе фразеологических единиц в их широком понимании), а также для получения общих сведений о носителе имени.

Данный словарь может стать частью серии лингвоязыковедческих ономастических словарей для создания Большого общенационального словаря онимов, который позволит получить широкое представление об особенностях историко-культурного развития России и её регионов.

Литература

Бубнова Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян. Дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 285 с.

Денисова М.А. Словарь как связь слов с жизнью // Русский язык в школе. 1999. № 5. С. 82–87.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Роль современной лексикографии в формировании лингвистически компетентной языковой личности // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. СПб.: Политехника, 2003. С. 373–379.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х частях. Часть 1. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. 204 с.

Максимчук Н.А. Региональный ономастический компонент в структуре обучения РКИ и в учебной лексикографии // XII конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». В 5 томах. Шанхай: Изд-во ШУИЯ, 2011. Том 1. С. 757–762.

Морковкин В.В. Об объёме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.

Bubnova N. V.

Military Academy Army Air Defense Armed Forces of the Russian Federation

Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky

(Russia, Smolensk)

85ninochka67@mail.ru

PECULIARITIES OF ONOMASTIC VOCABULARY DESCRIPTION IN AN EDUCATIONAL LINGVOKRAEVEDCHESKY DICTIONARY

The article describes basic principles of educational lingvokraevedchsky onomastic dictionary compiling with an anthropocentric orientation. The possibility of compiling such a vocabulary is considered with respect to Smolensk material. This paper presents a possible approach to the selection of the vocabulary units to be included into the dictionary based, in the first place, on the objective indices of proper names significance. These figures were revealed by the study of modern Smolensk inhabitants' regional onomastic background knowledge in the course of a large-scale association experiment (involving 1650 respondents) with preliminary questioning. On the basis of the frequency criterion in the structure of Smolensk region inhabitants' onomastic background knowledge we have identified the nucleus, peripheral and unique reactions underlying the dictionary structure organized as the nucleus and periphery. The nucleus is formed by 12 onyms relevant for all Smolensk region inhabitants (the index of frequency of reactions is given in the list): *Dnepr* (953), *Cathedral of the Assumption* (725), *Fortified Wall* (695), *Y. A. Gagarin* (596), *M. I. Glinka* (492), *A. T. Twardowsky* (466), *Smolensk* (345), *M. V. Isakovsky* (273), *F. S. Kon'* (232), *M. K. Tenisheva* (166), *N. I. Rylenkov* (154), *Vasily Terkin* (124).

The article contains the description of the macro- and microstructure of the dictionary under consideration. In the dictionary macrostructure the majority of onyms can be attributed to one of the two categories (either toponyms or anthroponyms), which correspond to two types of basic entries. A peculiar feature of the entry structure is its division into three zones: the subject information zone, the linguistic information zone and the supplementary information zone. As an illustration, the entry on M. V. Isakovsky, whose name became part of the core background knowledge of Smolensk region inhabitants and calls the «Smolensk Rus-

sia nightingale». The need to combine conceptual-systemic and systemic-language interpretation in the dictionary units determines the combination of linguistic and encyclopaedic features in its structure.

Key words: associative-cultural background, association experiment, proper name (onim), educational lingvokraevedchesky onomastic dictionary, background knowledge, linguistic identity.

References

Bubnova N. V. *Imena sobstvennye v structure regional'nykh fonovykh znanii smolyan*. Diss. kand. filol. nauk [Proper names in the structure of regional background knowledge Smolyan. Cand. philol. sci. diss.]. Smolensk, 2011. 285 p.

Denisova M.A. [A dictionary as a link between words and life]. *Russkii iazyk v shkole*, 1999, No. 5, pp. 82–87. (In Russ.)

Kozyrev V.A., Cherniak V.D. [The role of modern lexicography in shaping a linguistically competent linguistic personality]. *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Materialy X Congressa MAPRYAL* [Russian word in the world culture. Proceedings of the Xth MAPRYAL Congress]. Saint Petersburg: Politekhnik Publ., 2003, pp. 373–379. (In Russ.)

Maksimchuk N.A. [Regional onomastic component in the structure of RFL teaching and educational lexicography]. *XII Kongress MAPRYAL «Russkii iazyk i literatura vo vremeni i prostranstve». V 5 tomakh* [The XIIth MAPRYAL Congress «The Russian language and literature in time and space». In 5 volumes]. Shanghai: SHUIYA Publ., 2011. Volume 1, pp. 757–762. (In Russ.)

Maksimchuk N.A. *Normativno-naychnaia kartina mira russkoi iazykovoi lichnosti v kompleksnom lingvisticheskom rassmotrenii. V 2 chastiakh* [Integrated linguistic study of Russian language personality's standard scientific image of the world. In 2 parts]. Smolensk: Saint Petersburg State Univ. Publ., 2002. Part 1. 204 p.

Morkovkin V.V. [The scope and content of the «concept lexicography»]. *Voprosy jazykoznanija*, 1987, No. 6, pp. 33–42. (In Russ.)

К ОПИСАНИЮ ЯЗЫКА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена проблеме лексикографического представления терминологии русского религиозно-философского текста.

Сложность описания философских терминов во многом обусловлена неопределенностью их семантики, отсутствием краткой авторской дефиниции, а также многопризнаковостью, которая проявляется в наличии в текстовых дефинициях нескольких родовых идентификаторов, соотносящихся с разными сторонами полиморфного термина, в текстовой семантизации лексемы.

Термины русского религиозно-философского дискурса, как правило, определяются целым текстом, в рамках которого происходит своеобразный рост терминологичности этих единиц. Описываемые термины являются концептуально-авторскими, поскольку ориентированы на использование лишь в пределах одной теории.

В основе лексикографического описания авторской философской терминологии лежит не обычное, а оформленное по законам лексикологии, семасиологии и лексикографии, прочтение произведений русских философов.

Такие единицы должны стать объектом лексикографического описания сводного дифференциального словаря русской философской лексики. Текстовая база словаря — произведения русских мыслителей, творчество которых тесно связано с религиозным мировоззрением: Н. Ф. Федоров, К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Л. Шестов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк.

В статье анализируются авторские философские термины «всемство» (обычное сознание, сознание вообще, такой способ существования личности, когда она мыслит, чувствует и поступает «как все», не избирая в каждой ситуации своего подлинного пути) и «византизм» (концепция особого типа отношений между церковью и государством, при котором церковь и государство взаимодополняют

ют друг друга), актуализирующие связь с текстами Л.И. Шестова и К.Н. Леонтьева. Анализ текстовых словоупотреблений и работа над составлением дефиниций терминов показали, что, помимо классических лексикографических зон (частота употребления, толкование, иллюстрация), словарь языка русских философов должен включать комментарий составителя, проясняющий связь предмета лексикографирования с античной и западной философией, Библией, богословскими текстами, творчеством русских и зарубежных писателей и философов. Кроме того, лексикографическое представление авторских философских терминов необходимо строить с учетом семантических связей описываемой единицы в терминосистеме конкретного философа (метафоры, оппозиции терминов, интерпретационные варианты, прагматические коннотации).

Ключевые слова: русский религиозно-философский текст, авторский термин, лексикографическое представление, лексикографическая зона, лексикографический комментарий, дефиниция термина.

Статья посвящена проблеме лексикографического описания терминологии русского религиозно-философского текста. Традиция отечественной авторской лексикографии вбирает в себя наследие Я.К. Грота, который в фундаментальном труде «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам...» представил первый опыт словарного описания языка писателя (разделы «Язык Державина» и «Словарь к стихотворениям Державина»).

Лексика русского религиозно-философского текста — интересный, но очень неоднородный и сложный материал потенциального словарного описания. В «Филологических разысканиях» Я.К. Грот приводит Программу словаря братьев Гримм («К соображению будущих составителей русского словаря»), в которой, в частности, говорится: *«Философам, которые понимают точную связь между представлениями и словами, должно бы быть сродно углубляться в тайны языка, но их превосходство развивается более изнутри и так много зависит от особенностей собственной натуры каждого, что они мало обращают внимания на общеупотребительный язык...»* [Грот 1899: 163].

Зависимость языка философа от «особенностей натуры» проявляется, в частности, в появлении авторских философских терминов

(беспочвенность и почва Л. Шестова, аритмология и пневматосфера П. А. Флоренского, *этость* и *самость* С. Франка, византизм, руссизм, азиатизм К. Н. Леонтьева) и в различном смысловом наполнении традиционных философских понятий: истина, свобода, душа и др.

Принимая во внимание роль личности в философском терминотворчестве, Н. М. Азарова вводит понятие «авторский философский термин», подразумевая под этим сочетанием *«термины, появившиеся первоначально в текстах одного философа и актуализирующие в настоящее время связь с текстом этого философа»* [Азарова 2010: 5]. На наш взгляд, это определение нуждается в теоретическом переосмыслении и дополнении, потому что авторскими могут быть собственно авторское значение, форма, столкновение разных пониманий явления и их критика, а также текстовая многоаспектность термина.

Говоря о специфике философского термина, отметим, что эта единица языка для специальных целей в семантическом и функциональном планах весьма существенно отличается от научного термина в строгом смысле этого слова. В классификациях работ по терминологии философские термины как особый разряд выделяются не всегда. Так, например, В. В. Акуленко предлагает следующую классификацию терминов: *«а) официально-деловые термины, б) научные термины, в) технические (в широком смысле слова) термины, г) общественно-политические термины»* [Акуленко 1972: 129]. Здесь для философских терминов не выделен особый разряд — по всей вероятности, предполагается их включение в состав научных или общественно-политических терминов.

Еще одна особенность связана с дефинитивностью и дефинированностью терминов философии. Первое понятие предполагает возможность/невозможность строгой дефиниции, а второе — наличие/отсутствие дефиниции. Данные качества многие исследователи считают облигаторными для научного термина. В философских текстах русских метафизиков эти свойства проявляются по-разному: как правило, здесь отсутствует строгое определение термина, и можно говорить о том, что вся совокупность контекстов, в которых данный термин встречается, — это развернутое определение. Такие определения С. Д. Шелов называет контекстуальными: *«в контекстуальных определениях действует своеобразное пра-*

вило контекстуального роста терминологичности: чем длиннее контекст, необходимый для идентификации соответствующего понятийного содержания определяемой единицы, тем большую терминологичность этой единицы следует предполагать» [Шелов 2003: 87]. Поведение философского термина в тексте (наращивание терминологичности) сопоставимо, на наш взгляд, с поведением ключевого слова в художественном тексте (процесс приращения смысла). Кроме того, философскому термину присущ качественный полиморфизм. Определения этих терминов не подтверждают традиционных представлений о точности значения термина: описание семантики таких единиц строится из полиморфных признаков, допускающих различную интерпретацию.

Объектами референции философского термина являются непредметные недискретные объекты (свобода, беспочвенность, объективация, аритмология, монада, духо-явление, слово-смысл-идея, бого-сыновность). Эти термины являются носителями сигнификативной семантики, связанной со способностью *«виртуального языкового знака описывать сущности, которые могут быть им обозначены»* [Никитин 1996: 124]. Философский термин часто оказывается соотнесен не только со специальной мыслью, но и с мыслью вообще, то есть оказывается соотнесен со словами общеупотребительного языка. Кроме того, к философскому термину не следует применять строгое требование однозначности в пределах терминосистемы. Семантический объем (экстенционал) философского термина значительно превышает семантический объем термина другой специальной области знания. Дополнительная сложность анализа связана с тем, что описываемые термины ориентированы на использование лишь в пределах одной теории (такие единицы называют концептуально-авторскими, см.: [Слюсарева 1983: 23]).

Казалось бы, если новая философская концепция создается на базе уже существующих, то философ должен учитывать те значения и смыслы, которые уже были вложены в термин. Но не получается ли так, что собственно термины, в терминологичности которых никто и не сомневается (к примеру, трансцендентность), обладающие в системе философской терминологии рода предикатной семантикой, используются именно с учетом предшествующей философской традиции, а термины, номинации которых совпадают с обычными словами естественного языка (например, свобода),

именующие обсуждаемые в философии концепты сферы бытия и духа, как раз и предполагают эту принципиальную неоднозначность (или, точнее, полиинтерпретируемость)? Каждый философ наделяет философский термин сугубо индивидуальным, авторским содержанием, поэтому понимание философского термина возможно лишь в контексте всего творчества философа. При этом исследователь часто имеет дело не с явлением полисемии, а с наличием нескольких интерпретационных вариантов.

Такие единицы должны стать объектом лекикографического описания сводного дифференциального словаря русской философской лексики. Источниками словаря являются тексты русских мыслителей, творчество которых тесно связано с религиозным мировоззрением: К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Л. Шестов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк.

Слова, актуализирующие связь с произведениями русских философов, часто оказываются «за пределами словарей» — лингвистических и философских. Так, например, лексема *всемство*, имеющая статус авторского образования Ф. М. Достоевского, не отражена в толковых и философских словарях. В Большой словарной картотеке ИЛИ РАН есть одна карточка на это слово (цитата из критической статьи о Достоевском). Слово отражено только в Статистическом словаре языка Ф. М. Достоевского.

Между тем *всемство* — один из важнейших компонентов терминосистемы Л. Шестова, который, заимствовав это понятие у Ф. М. Достоевского, значительно его углубил и расширил. Если у Достоевского *всемство* встречается один раз в «Записках из подполья», то у Шестова, по данным Национального корпуса русского языка, показатель частоты возрастает до 47 раз («На весах Иова» (1929), «Афины и Иерусалим» (1938), «Николай Бердяев: Гнозис и экзистенциальная философия» (1938)).

Смысловое наполнение термина *всемство* соотносимо с одним из основных понятий экзистенциализма, выраженным неопределенно-личным местоимением *man*: это такой способ существования личности, когда она мыслит, чувствует и поступает «как все», не избирая в каждой ситуации своего подлинного пути.

Анализ слова *всемство* показал, что, помимо классических лексикографических зон (частота употребления, толкование, иллюстрация), словарь языка русских философов должен включать

комментарий составителя, проясняющий связь предмета лексикографирования с античной и западной философией, Библией, богословскими текстами, творчеством русских и зарубежных писателей и философов.

Для анализа семантики термина мы использовали данные Национального корпуса русского языка. Словоформа «всемство» в Национальном корпусе русского языка имеет 47 вхождений, собранных преимущественно в одном тексте — «На весах Иова» (1929), а также в произведениях «Афины и Иерусалим» (1938) и «Николай Бердяев: Гнозис и экзистенциальная философия» (1938).

Заметим, что в произведениях Льва Шестова можно выделить три «слоя», три уровня анализа явления всемства. Во-первых, это *всемство Достоевского*, которое, по мнению Л. Шестова, противопоставлено в аксиологическом и оценочном планах *соборности Соловьева*, хотя содержательно эти термины равны. Второй интерпретационный вариант отражает внутренне противоречивые оценки *всемства* Н. Бердяевым. Третий — семантическое наполнение *всемства* как авторского термина Льва Шестова. На наш взгляд, все эти аспекты понимания явления всемства разными авторами должны быть отражены в лексикографическом описании лексемы.

Значение понятия *Всемство Достоевского* складывается из следующих компонентов: «все мы» (= «многие» у Платона) + сознание вообще = обычное сознание, которое видит идеал человеческого достижения в состоянии равновесия, законченности, удовлетворенности.

Всемство Бердяева представлено через противопоставление: всемство — эгоизм, эготизм, ячество; одинокая аристократическая личность.

Эти характеристики дополняют значение термина *всемство*, который можно квалифицировать как авторский философский термин Льва Шестова. Поскольку многие философы — и в частности, Шестов — не дают определения понятий, в задачу лексикографа входит составление толкования и подбор цитаты, наиболее полно отражающей семантический облик слова. Наиболее близки к дефиниции понятия *всемство* у Шестова следующие цитаты: «... то, что Достоевский называл «всемством», т. е. всеми признанные суждения»; «И точно, Аристотель был гением и несравненным певцом «всемства», т. е. середины и посредственности» (Шестов. Афины

и Иерусалим). Здесь и далее цитаты приведены по Национальному корпусу русского языка.

Дефиниция термина может быть представлена синонимическим способом — через перечисление текстовых синонимов и аналогов «всемства», которые составляют ядро значения слова: *всемство* — это обычное сознание, сознание вообще, законы рассудка и совокупность «очевидностей», равновесие душевное, состояние равновесия, удовлетворенности. Следовательно, *всемство* — это мировоззрение и мироощущение, середина и посредственность, характеристика сознания и душевного состояния человека.

Значение термина раскрывается также через противоположные смыслы, которые содержатся в следующих словах: «внутреннее» (иррациональный остаток, находящийся за пределами возможного опыта); аристократическая одинокая личность; индивидуальные оценки; ячество / эгоизм / эготизм. «Перевернув» эти смыслы, можно внести дополнение в описание термина: *всемство* принадлежит к сфере рационального, связано опытом с категориями «внешнего» и коллективного.

В мировоззрении Шестова *всемство* — это те самые «закон» и «почва», против которых он борется в «Апофеозе беспочвенности», не случайно появление словосочетания «апофеоз *всемства*», явно противопоставленного «апофеозу беспочвенности».

«Всемство», обозначая определенный тип мировоззрения, безусловно отвергаемый Достоевским и Шестовым, включает элемент оценки. На это указывают синтагматические и ассоциативные связи слова в тексте: **ненавидел** *всемство*; **против**; **возмущался**; *всемство* — середина и **посредственность**; **бегство от** *всемства*; «**чертово** добро»; наше «знание» и наше «добро» (здесь средство выражения оценки — кавычки).

В последней цитате представлен потенциальный компонент значения термина, извлекаемый из значения слова «наваждение»: временное состояние, помрачение рассудка, то, от чего можно избавиться.

Кроме того, словарная статья должна включать зону метафор, которые являются яркой чертой русского религиозно-философского текста и служат для более объемной, выразительной характеристики основных понятий. Проясняя сущность *всемства*, Л. Шестов использует метафору почвы, метафору сна («тупая, серая, зевающая,

удушающая прочность “несомненного” сна»), «золотой середины» и пространственную метафору («меловая черта», см. последнюю цитату в таблице).

Кроме того, словарь должен содержать информацию о важнейшей для мировоззрения Л. Шестова оппозиции терминов: *всемство* — *беспочвенность*.

Тесная смысловая связь между понятиями «беспочвенность» и «всемство» («почва») проявляется, к примеру, в одном из заключительных фрагментов книги «На весах Иова»: *«Достоевский не чувствует за собой решительно никакого авторитета и поддерживающего его предания. Он говорит за свой страх, и ему кажется, что он один только, впервые с тех пор, как стоит мир, увидел то необычайное, что ему открылось. “Я один — а они все”, с ужасом восклицает он. Вырванный из “всемства”, из того единственно **реального** мира, который свою реальность только на **всемстве** и основывает, ибо какое другое основание мир мог когда-либо отыскать для себя, Достоевский точно повис в воздухе. **Почва** ушла из-под его ног, и он не знает, что это такое: начало гибели или чудо нового рождения. Может ли человек существовать, не опираясь ни на что, или ему предстоит самому в ничто обратиться, раз он утратил под ногами **почву**? Древние говорили, что боги тем отличаются от смертных, что никогда не касаются ногами земли, что им не нужна опора, **почва**»* (Шестов. На весах Иова).

Всемство как почва, опора — это своего рода двойная метафора, позволяющая дополнить значение термина очень существенными компонентами. *Всемство* — это почва — т. е. реальный мир, реальность которого обманчива (вспомним: наваждение, та же тема обмана, чего-то непостоянного), так как основана на себе самой. Таким образом, проявляется очень важная для Шестова смысловая оппозиция терминов: **всемство (почва)**, наваждение — **беспочвенность (подлинная реальность)**.

Приведенные примеры подтверждают, что лексикографическое представление авторских философских терминов необходимо строить с учетом семантических связей описываемой единицы в терминосистеме конкретного философа.

При отборе языкового материала следует учитывать возможность различных интерпретаций идей и понятий в философских трудах разных авторов. В этом плане интересен термин *византизм*,

который, в отличие от термина *всемство*, представлен в ряде словарей, в частности, в энциклопедии «Русская философия». Однако словарная статья не учитывает очень важной семантической информации о термине: наличия у него разных интерпретационных вариантов с разной прагматической коннотацией.

Термин *византизм* считается авторским термином К. Н. Леонтьева. Наиболее близким к дефиниции является высказывание: *«Византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире... византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом... византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов»* (Леонтьев. Византизм и славянство).

На наш взгляд, можно говорить о нескольких — как минимум двух — интерпретационных вариантах термина *византизм*. Эта мысль основана на анализе значения термина *византизм* в текстах самого К. Н. Леонтьева и в работах, посвященных его творчеству, в частности В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева, в которых представлены разные трактовки значения термина, возможные в силу полиморфизма (нежесткости, размытости) его значения и дефиниций.

По данным ресурса Ruscorpora, в пользовательском подкорпусе «К. Н. Леонтьев» насчитывается 97 вхождений слова «византизм» в 6 документах: Византизм и славянство (1875); Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года (1880); Письма о восточных делах (1882); Культурный идеал и племенная политика (1890); Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву (1890–1891); Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения (1881–1891). Кроме того, одним из самых важных источников информации о значении и текстовом окружении термина «византизм» стала не отраженная в «Корпусе» работа К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (1885). Данные для анализа интерпретационного компонента значения термина получены нами из статьи Вл. С. Соловьева «Памяти К. Н. Леонтьева» и из работы Н. Бердяева «К. Леонтьев — философ реакционной романтики», а также из статьи «Константин Николаевич Леонтьев» в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза — И. А. Эфрона.

В произведениях философа этот термин раскрывается через интегральные компоненты «идея», «общая идея», «культура», «основа своеобразной культуры», «средство охранения (славянства)». Очень важен для Леонтьева функциональный компонент значения термина: средство охранения славянства; крепкое дисциплинирующее начало; якорь всеславянского охранения. Одной из ярких особенностей идиостиля Леонтьева является контрастность изобразительного ряда, которая проявляется, в частности, в раскрытии смысла понятий через большое количество противопоставлений. Кроме того, в текстовой дефиниции Леонтьев использует своеобразный аналог перечислительного и отрицательного способов толкования. Перечислительный способ проявляется как раз в наполнении термина содержательными компонентами значения (в государстве; в религии; в нравственном мире). Отрицание также является важным средством репрезентации значения термина: *«В нравственном мире византизм характеризуется как отрицание высокого значения человеческой личности, а также как отрицание идеи единого человечества»*.

На наш взгляд, лексикографическое описание лексемы *византизм* должно отражать разный набор семантических компонентов и разный набор прагматических коннотаций значения слова у разных философов:

Византизм (Леонтьев) = **идея** (общая идея; система византийских идей) + (наше) самодержавие + (наше) христианство + отрицание роли личности + образованность + национальная (славянская) культура + дисциплинирующее начало для разбросанных славян + единственно возможная + вечная.

Византизм (Соловьев) = **идеал** сложной нововизантийской или нововосточной культуры + римская диктатура и муниципальность (вместо самодержавия) + христианство + отрицание роли личности + организация общества + принуждение + временный характер.

Византизм (Бердяев) = **основа культуры** + византийское самодержавие + византийское православие + государственно-полицейское насилие + деспотическая власть + несвобода.

Византизм (Афанасьев) / *некто Астафьев о Леонтьеве, в пересказе Леонтьева (Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву)* /= эклектическая, искусственно выращенная, не национальная **культура**.

Биографы и критики Леонтьева (в нашем случае — Н. Бердяев

и Вл. Соловьев) определяют *византизм* иначе, чем автор термина. На наш взгляд, происходит перегруппировка семного состава ядра, содержательные компоненты значения (ядро и ближайшая периферия) сохраняются, прагматическая коннотация меняется с «плюса» на «минус». Это, по сути, тот же термин, но изъятый из леонтьевского текста и утративший пропагандистское начало, как будто «вывернутый наизнанку».

Если у Леонтьева *византизм* — «общая идея» и «средство охранения», то у Вл. Соловьева — тип организации общества: «идеал сложной **принудительной** организации общества». Леонтьевский *византизм* — «основа своеобразной культуры», его критик Астафьев (известный нам только по цитатам из письма К.Н. Леонтьева к Вл. Соловьеву) говорит о том, что византизм — «**эклектическая, искусственно выращенная, не национальная культура**». Пафосу созидания и охранения противопоставлена коннотация принудительности, искусственности и несвободы.

Сохраняется — с иной аксиологической оценкой — одно из главных леонтьевских противопоставлений. Его византизм, напомним, есть антитеза «земной всесвободы». Но если у Леонтьева византизм, не включающий свободу, оценивается положительно, то у его идейных оппонентов это главный объект неприятия: «У Леонтьева совершенно **отсутствует идея свободы**, к которой приводит нас и религия, и философия, и наука. <...> Оригинальное творчество требует презираемой Леонтьевым свободы, а этот несчастный человек дошел до того, что возложил надежду свою, надежду отчаяния, на хорошо организованную полицию, на физическое насилие, к которому питал какую-то извращенную страсть». Здесь контекстом наводится и усиливается тот же семантический компонент, который есть в интерпретации термина Вл. Соловьевым: **принудительная организация общества — насилие**.

Разные векторы интерпретации явления должны учитываться при описании значения термина *византизм*, который оказывается включен в философские терминосистемы разных авторов. Полученные данные, во-первых, подтверждают тезис Ю.С. Рождественского: «термин может даваться от лица автора или от лица общества... авторской является научная и философская терминология, неавторской — все прочие виды терминологии» [Рождественский 1986: 67]. Во-вторых, анализ семантики базового для терминосисте-

мы Леонтьева элемента обнажает внутреннюю противоречивость и уязвимость политической и философской мысли автора: с одной стороны, он считает идеалом общественного устройства византизм, с другой стороны — воспекает «красоту жизни в самобытных национальных формах», которые, как показывает сопоставление, византизм не несет.

В заключение добавим, что лексикографическое описание философской терминологии необходимо не только для дальнейшего исследования произведений русских мыслителей, но и для уточнения лингвистического понятия «философский термин».

Литература

Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М., 2010.

Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.

Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам описанная Я. Гротом. Т. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1883.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.

Рождественский Ю. В. О смысловой систематизации терминов // Методологические проблемы социальной лингвистики. М., 1986.

Словарь Брокгауза и Эфрона — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. СПб., 1902.

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008.

Слюсарева Н. А. О типах терминов (на примере грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 21–29.

Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.

N. V. Kozlovskaja
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)
saga@kodeks.com

TOWARDS THE DESCRIPTION OF LANGUAGE OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

The article addresses the problem of lexicographic presentation of philosophical terms that constitute the core of the lexical structure of Russian religious and philosophical text. This terminology has not been described in modern linguistic literature, which results in the interest in compiling a composite differential diachronic dictionary. The textual basis of the dictionary includes works of thinkers closely linked to the religious world: N. Fedorov, K. Leontiev, Vl. Soloviev, S. Bulgakov, P. Florensky, L. Shestov, N. Berdyaev, S. Frank.

Complexity of the description of philosophical terms is largely due to the uncertainty of their meaning; a philosophical term often correlates not only with a certain idea, but the idea in general. Semantic volume (extensional) of philosophical term is much higher than a semantic scope of terms which belong to other specialized areas of knowledge. The article analyzes the philosophical terms «vsemstvo» (L. Shestov) and “vizontizm” (K. Leont’ev).

The dictionary of Russian philosophers should include commentaries, which explain the relation of terms to ancient and western philosophy, the Bible, theological texts, Russian and foreign literature. Besides, lexicographic representation of individual philosophical terms must take into account semantic relation of the particular word in the whole philosophical term system.

Key words: Russian religious and philosophical text, the author’s term, lexicographic representation, lexicographical zone, lexicographical commentary, the definition of the term.

References

Akulenko V.V. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava iazyka* [Problems of vocabulary internationalization]. Kharkov: Vishcha shkola Publ., 1972.

Azarova N.M. *Tipologicheskij ocherk iazyka russkikh filosofskikh tekstov XX veka* [A typological overview of the language of Russian 20th century philosophical texts]. Moscow: GNOZIS/LOGOS Publ., 2010. 228 p.

Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona [Encyclopaedic Dictionary by Brockhaus and Efron in 82 vol. and 4 extra vol.]. Saint Petersburg, 1902.

Natsionalnyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/en/index.html>

Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [A course in linguistic semantics]. Saint Petersburg: Scientific Center of dialogue problems Publ., 1997. 760 p.

Rozhdestvenskii Ju. V. [About semantic ordering of terms]. *Metodologicheskie problemy sotsial'noi lingvistiki* [Methodological problems of social linguistics]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1986. 200 p. (In Russ.)

Shelov S. D. *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya* [Term. Terminologichnost. Terminological definitions]. Saint Petersburg: Philol. faculty of Saint Petersburg St. Univ., 2003. 312 p.

Sliusareva N. A. [Types of terms (with respect to grammar)]. *Voprosy jazykoznanija*, 1983, No. 3, pp. 21–29. (In Russ.)

Slovar' iazyka Dostoievskogo. Idioglossarii. A — V [Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary. A–B]. Moscow: Azbukovnik, 2008. 964 p.

Zhiz'n' Derzhavina po iego sochineniiam i pis'mam i po istoricheskim dokumentam opisannaia Ya. Grotom. Edition of the Imperial Academy of Sciences [Derzhavin's life according to his writings and letters and historical documents described by Ya. Grot]. Vol. 2. Saint Petersburg, 1883. 372 p.

СОМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ И ИХ ТИПЫ: ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Понятие семиотической концептуализации фрагмента мира является расширением хорошо известного понятия языковой концептуализации фрагмента мира. Построение русской семиотической концептуализации человеческого тела и телесности осуществляется в рамках признакового подхода, предназначенного для описания того, как в русских языковых и телесных знаках отображаются соматические объекты и их языковые имена, классы или типы соматических объектов, свойства и функции, а также типовые жесты, производимые с участием соматических объектов.

Основная цель статьи — продемонстрировать эффективность применения признакового подхода к некоторым соматическим объектам из класса «кости». Раскрываются референтные особенности класса костей и некоторых его элементов. Указываются структурные, физические и функциональные свойства рассматриваемых соматических объектов и даются описания значений и употреблений их имён и производных от этих имён слов. Эксплицируются значения и употребления некоторых жестов с рассматриваемыми объектами и некоторых фразеологических единиц, в состав которых входят обозначения костей.

Ключевые слова: семиотическая концептуализация тела и телесности; русский язык; жест; признаковый подход; соматический объект; тип соматических объектов; кость; скелет; колено.

Тело, части тела, органы, телесные жидкости и другие телесные, или соматические, объекты давно стали предметом изучения разных гуманитарных наук, таких как психология, философия, теория культуры и лингвистика. И если не сам Яков Карлович Грот, то уж точно его последователь Алексей Александрович Шахматов при-

ложили к описанию слов, обозначающих соматические объекты, немало усилий. А сегодня к анализу разнообразных проблем, относящихся к телу и телесности, активно приступили также специалисты в области невербальной семиотики — новой комплексной науки, изучающей телесные невербальные знаки и модели телесного знакового поведения (об этой науке см. подробно в книге [Крейдлин 2002]). Всех их роднит интерес к телу, но не как к физическому или биологическому объекту. Их объединяет общий основной предмет исследования, которым является **семиотическая концептуализация тела и телесности**, включающая в себя описание того, как в языковых и неязыковых знаках отображаются соматические объекты, их имена, структурные и физические свойства, функции и дисфункции, а также описание формальных и смысловых представлений типовых жестов, производимых с участием этих объектов. Решая задачу построения семиотической концептуализации, исследователи параллельно проводят сопоставительный анализ релевантного фрагмента данного языка (в частности, русского) и соответствующего ему языка тела и оценивают выразительные возможности этих языков.

Несколько лет назад нашей небольшой исследовательской группой из Института лингвистики РГГУ (Москва) был разработан **признаковый подход**, который не только даёт возможность решать две указанные задачи, но и сопоставлять семиотические концептуализации тела для разных языков, этносов и культур.

Признаковый подход предполагает выделение и описание большого числа связанных друг с другом множеств. Это, прежде всего, множество самих соматических объектов и множество их содержательных группировок — типов, или классов, а также множество характеризующих их телесных признаков. Среди телесных признаков выделяется несколько больших групп. Это (а) классификационные; (б) структурные; (в) физические и (г) функциональные признаки, к которым относятся не только основные функции, но и типовые дисфункции соматических объектов*.

Помимо телесных признаков и их значений, в ходе решения указанных выше задач описываются также признаки и значения признаков, характеризующие имена соматических объектов, а также

* О признаковом подходе, теле и других телесных объектах и признаках см., например, [Крейдлин, Переверзева 2009, 2010].

множества жестов, исполняемых с участием соматического объекта, и признаков, связанных с языковыми именами жестов. Однако даже анализом всех этих множеств построение семиотической концептуализации тела и телесности не заканчивается. Требуется описать ещё очень большие по объёму совокупности языковых и невербальных знаковых единиц, которые служат типовыми выражениями каждого из признаков соматических объектов и их значений.

При изучении механизмов и способов взаимодействия данного естественного языка и языка тела необходимо учитывать не только основные составляющие семиотической концептуализации, но и многие свойства людей — обладателей соматических объектов. Представления людей о человеческом теле и его месте в наивно-семиотической картине мира меняются не только на протяжении разных этапов жизненного цикла — очевидно, что в период взросления, зрелости и затухания эти представления у людей различаются. Меняются они также и в зависимости от значений многих биологических, психологических и социальных характеристик человека.

* * *

В настоящей работе мне бы хотелось на примере одного класса соматических объектов, который можно условно обозначить как «кости», продемонстрировать эффективность применения к ним признакового подхода.

С самого начала отмечу, что ни сами «кости», ни имена отдельных объектов этого весьма многочисленного и разнообразного по составу класса, насколько мне известно, в лингвистике и невербальной семиотике никогда системно не описывались. Я имею в виду такие объекты и слова, как *кость*, *стремечко*, *череп*, *скелет* (в одном из значений — *система костей*, см. об этом ниже), *сустав* (*сочленение костей*), *ребро*, *ключица*, *позвонок* и *позвоночник*, *коленная чашечка*, а также *хрящ*, *лопатка*, *лоб*, *зуб*, *локоть*, *колено*, *челюсть*, *мениск*, *диск* и некоторые другие.

Класс «кости» делится на два больших подкласса.

Элементы одного из них с языковой точки зрения являются костями, объединениями или сочленениями костей — именно так воспринимают соответствующие объекты обычные, не искушённые в биологии или медицине, люди. Соматические объекты из этого

подкласса являются референтами таких слов (взятых в их исходных значениях), как *кость, череп, сустав, ребро, хрящ, ключица, <коленная> чашечка* и других.

Второй подкласс образуют объекты, которые с языковой точки зрения являются, прежде всего, **частями тела** или **частями частей тела**. Сказанное означает, что в большинстве коммуникативных актов и описывающих их текстов люди относятся к словам, обозначающим эти объекты, как к названиям частей тела или частей таких частей. Между тем центральным, если не единственным, формо- и структурообразующим, компонентом в них является кость, а потому во многих других контекстах такие слова, как, например, *локоть, лоб* или *колено*, могут интерпретироваться именно как кости, то есть в этих контекстах они имеют **другие значения** или **другой тип употребления**. Иными словами, объекты, являющиеся референтами слов *локоть, колено, зуб, таз* и ряда других, обладают **множественной (двойной, тройной и т. д.) референтной соотнесенностью**, что оправдывает включение данных объектов в класс «костей» (не говоря уже о том, что биологи и медики относят их к костям). См. в этой связи показательные сочетания, такие как *лобная кость, плечевая кость, тазовая кость, локтевая кость*.

Телесные объекты, относящиеся ко второму подтипу, в отличие от телесных объектов первого подтипа, принимают участие в производстве многих жестов — либо в роли активного, либо в роли пассивного органа, то есть служат либо основным инструментом в производстве жеста, либо местом исполнения жеста. Примерами таких жестов являются **преклонить колени, стоять на коленях, поставить на колени, положить кому-л. голову на колени, уткнуться в колени, ломать через колено; работать локтями, опереться локтями, взять под локоть; дать в лоб, поцеловать в лоб, щелкнуть по лбу**. Многие из этих знаков и их языковых имён актуализируют главное физическое свойство костей — твёрдость.

Ниже будет дана семиотическая характеристика некоторых «костей» из первого и второго подтипов. Мы сформулируем толкования типовых имён таких «костей» и определим стоящую за ними структуру многозначности, опишем основные языковые и неязыковые способы выражения признаков данных соматических объектов и их значений, проанализируем отдельные жесты и др.

С самого начала отмечу, что имена костей плохо описаны во всех просмотренных мной толковых словарях разных языков, и происходит это, как кажется, по трём причинам.

Во-первых, в толковых словарях даётся, как правило, не языковое, а научно-энциклопедическое объяснение значения имени соматического объекта*. Во-вторых, существует удивительный разноречивый в способах лексикографического представления значения имён костей и в указании свойств референтов, стоящих за соответствующими вокабулами или за отдельными лексемами внутри вокабулы. Так, в одних словарях указываются только физические свойства референта, в других — только структурные, в третьих — только функции, а иногда что-то вместе или что-то еще. При этом абсолютно не понятно, какой логике в подаче информации следуют в каждом случае лексикографы. Наконец, третья причина — это существенная неполнота в подаче лексикографической информации для описываемой единицы.

Мы предлагаем для толковых словарей единую схему словарного описания имён соматических объектов в их основных значениях**: а именно, наряду с указанием родового понятия указывать в качестве видовых отличий основные отличительные физические и структурные признаки и типовые функции референта. Указание функций опускается, только если у объекта их очень много (как, например, у объекта «тело») или если они в данном языке или соответствующем ему языке тела никак не выделяются (как, например, у объектов «щиколотка» или «лучевая кость»).

Нижепредложенная схема описания применяется к некоторым «костям» и их именам, и начну я со слова *кость*.

Применительно к человеческому телу слово *кость* имеет три основных значения (четвёртое значение — это просто условное, выбранное нами обозначение типа соматических объектов).

* Мы не можем здесь, к сожалению, остановиться на принципиальных различиях в толкованиях рассмотренных нами словарей и нашего толкования.

** Мы не касаемся здесь вопроса о распределении данной информации в пределах словарной статьи, в частности, что именно помещать в толкование, а что в какие-то другие её зоны.

КОСТЬ 1 <в *X*>, pl. ~ *и* = ‘твёрдый соматический объект, расположенный внутри другого соматического объекта *X*, который придаёт объекту *X* форму и защищает другие части *X* от возможных воздействий со стороны расположенных рядом соматических объектов и со стороны внешней среды’.

Комментарий к толкованию

1. Описание первого значения слова *кость*, лексемы *КОСТЬ 1*, состоит из нескольких смысловых компонентов. Один из них — ‘часть соматического объекта *X*’ — является обозначением структурного признака референта данного соматического объекта (информация о том, у каких соматических объектов имеются кости, является не языковой, а энциклопедической!). Второй компонент — ‘твёрдый’ — выражает в совокупности значения физического признака кости, а именно ‘твёрдость / нетвёрдость’. Третий компонент относится к функциям костей, а именно это «придавать телесному объекту *X* форму» и «защищать *X* от действий посторонних объектов».

2. В семантику единицы ‘твёрдый’ в составе толкования слова *кости* — и это очень важно! — встроена идея **восприятия костей через касание**, то есть через тактильный канал восприятия. Идея касания выходит на передний план в лексических единицах, производных от слова *кость*, например в таких словах, как *костлявый*, *костлявость*, *костолом* (см. о них ниже), а также в состав многих других слов, являющихся именами костей.

3. Кость может быть небольшой по длине; существенно, однако, что у кости один размер — длина — выделен по отношению к другим размерам (например, сочетание *большая кость* в норме означает ‘длинная’). О сочетании *широкая кость* я ещё скажу особо.

4. Биологам хорошо известны и другие функции костей, которые в дискурсе обычных, неискушённых людей, по-видимому, никак не представлены. Это кроветворная функция — содержащийся в ряде костей костный мозг считается центральным органом кроветворной системы. Это локомоторная функция — использование костей при передвижении в качестве рычагов. Наконец, это функция хранилища, или, как говорят медики, *депо*, минеральных солей и (в меньшей степени) белков.

Примеры

(1) *Как называется эта кость?*; (2) *Медики считают каждую кость отдельной частью тела*; (3) *С возрастом размер многих костей меняется*; (3) *Это большая кость, а это — маленькая косточка*; (4) *Она подняла вверх костлявую кисть, рукав её старого драгоценного кимоно упал, и обнажилась сухая кость, которая, если верить Иезекиилю, должна была со временем одеться новой плотью* (Л. Улицкая. Пиковая дама); (5) *Общее число костей в теле человека примерно 208–210*.

КОСТИ 2 <тела>, pl. tant. ‘твердые части тела, рассматриваемые как единое целое’

Примеры

(1) *Родители — это кости, на которых дети оттачивают свои ногти* (Питер Устинов); (2) *Кости — это собственно кости, а также суставы, лопатки, лоб, зубы, ребра, ключицы и некоторые другие телесные объекты*; (3) *От этого лекарства у него стали выпадать волосы, заболели кости*.

КОСТИ 3, pl. tant. ‘останки человека’

Примеры

(1) *Кости невозможно уничтожить*; (2) *Закопайте кости и уходим!*; (3) *Пусть его кости покоятся с миром!*

Замечания

1. В русском языке есть одна любопытная единица — одно из возможных в языке обозначений уровня*. Это сочетание <Р> *до костей* = ‘Р практически весь, до самой глубины’. Под переменной Р здесь имеется в виду глагол из ограниченного круга лексических единиц, которые обозначают негативное физическое состояние человека (обычно — холод или смерть) или — как перенос — некоторое чувство или действие, которое приводит к такому состоянию.

Примеры: *замерзнуть / продрогнуть / промокнуть / проникнуть, пронзить ... до костей; загрызть / сгноить... до костей*.

* О некоторых конструкциях уровня в русском языке см. работу [Шеманаева 2007]. Конструкции уровня в типологической перспективе подробно исследуются в работе [Шеманаева, Рахилина 2010].

2. Есть в русском языке и внешне сходная с ней фразеологическая единица *до мозга костей*, которая была подробно проанализирована М.Л. Ковшовой во [БФСРЯ 2006, 181–183]. Значение этой единицы, однако, не тождественно значению единицы *до костей*: выражение *до мозга костей*, если судить по материалам упомянутого фразеологического словаря, относится к моральной или ментальной сфере человека, тогда как выражение *до костей* обслуживает его физическую (телесную) сферу.

3. Наряду с указанными фразеологизмами существуют и другие устойчивые сочетания с элементом *кость* (*косточка*). Это *белая кость* / *черная кость**; *рабочая кость* (*косточка*), *военная кость* (чаще: *косточка*) — всё это обозначения людей (ср. *Выяснилось, что Антон — не военная косточка, про строй вообще не петрит ровно ничего* <...> (А. Чудаков)); *череп и кости* — знак смерти, символическое обозначение пиратов, или *лечь костями* (*не костями!*).

У сочетания *лечь костями* два значения. Одно значение — прямое, не фразеологическое; это значение ‘умереть в сражении или битве’. Другое значение — фразеологическое; это ‘сделать всё возможное для достижения желанной цели, как бы лечь костями 1’. Ср. также сходную структуру многозначности у сочетания *костей не соберешь* (*не собрать*), в исходном значении означающего ‘погибнешь, не уцелеешь’.

4. Имеются в русском языке также и другие **фразеологические соматизмы***: *перемывать косточки*, *обсасывать косточки*, означающие ‘обсуждать человека, сплетничать’ и одновременно актуализирующие значение ‘предельность’. Укажу и некоторые другие известные идиомы: *язык без костей*, <как> *кость в горле* (ср. *Не одно тысячелетие она [задача о квадратуре круга — Г.К.] оставалась костью в горле математики: ни решить, ни доказать, что это невозможно* (В.В. Успенский)), *широкая кость*.

Последнее сочетание — *широкая кость* — обозначает человека с широким телом (туловищем) и часто используется в качестве эвфемизма для обозначения не просто широкого, а толстого человека, как бы оправдывая этим обозначением избыточную толщину человека, с тем чтобы не обидеть его, называя *толстым*.

* Замечу, что если в русском языке возможным выражением человеческого превосходства или выражением, употребленным по отношению к дворянам, является *белая кость*, то в английском языке ему соответствует единица *blue bone*, буквально ‘голубая кость’, то есть обозначение кости другого цвета.

** Данное понятие и термин были введены нами в статьях [Козеренко, Крейдлин 2011 а, б].

См. такую шутку, обыгрывающую сказанное:

— *Дорогой, я же у тебя нетолстая?*

— *Конечно, нетолстая. У тебя просто кость широкая. И жирная...*

* * *

У слова *кость* есть несколько широко используемых в языке словообразовательных производных. Это прилагательные *костный*, *костяной*, а также *костлявый* <X>, означающее ‘X, имеющий много костей или много выступающих наружу костей, что ощущается на взгляд или на ощупь’, ср. выражения *костлявые руки, ноги, костлявое тело*; *Какой ты костлявый!*

У слова *костлявый* есть именной дериват — *костлявость*, который, как и *костлявый*, обозначает свойство тела и некоторых его частей, которое может быть **неприятным другим людям**. Так, оно мешает, среди прочего, реализации разного рода контактных жестов, например препятствует касаниям, которые в этих случаях могут быть неприятными адресату жеста.

Помимо адъективных дериватов, имеются и номинативные дериваты слова *кость*. Это существительные *косточка*, *костяк* — синоним слова *скелет* в основном значении последнего. Можно назвать также такие слова, как *костяшки* (‘косточки пальцев рук’), как оценочное имя *костолом* ‘физически здоровый, грубый мужик, внешний вид которого внушает угрозу физическому здоровью другого, что представляется как то, что он может сломать кости другому человеку’, как просторечные и шутливые имена — *костян* ‘тощий человек, такой, как будто содержит одни только кости’, *костотряс* (вар. *костотряска*) ‘велосипед, мопед; повозка, которые представляются как вытрясающие при езде из человека все кости’.

* * *

К важным физическим признакам костей, помимо размера и твёрдости, конкретные значения которых включены — как наиболее важные — в толкование слова *кость*, относятся такие признаки, как «цвет», «способность издавать звук», «кариативность (недостаточность)» и «избыточность <чего-либо в данном соматическом объекте>». Некоторые из этих признаков, например «твёр-

дость / нетвёрдость» и «каритивность», связаны: недостаточность смазочной жидкости в костях обычно приводит к ломкости и хрупкости костей и, как следствие, к болям и болезням.

Замечания

1. Будучи «защитниками тела и его частей», кости сами в значительной степени находятся под влиянием внешней среды. Так, сырость и влажность в окружающем пространстве могут вызвать у человека *ломоту в костях*.

2. В раннем детстве ребенок узнает, что у Бабы-яги *костяная нога*, а в процессе обучения в школе узнает, что относительно крупные кости отнюдь не пустые. Его учат, что в состав костей входят кровеносные и лимфатические сосуды, которые питают кости, что эти сосуды в составе кости содержатся в некой плотной оболочке, называемой *надкостница*. Со временем человек узнаёт, что кости могут издавать звуки при движении — *целкать*, *трещать*, *хрустеть* и *скрипеть* — и что причиной этого могут быть разного рода воспалительные процессы. Это является косвенным свидетельством наличия в костях некой жидкости (*смазочной жидкости*), а также нервов и сосудов, которые в болезненном состоянии сильно ограничивают и без того относительно невысокую подвижность костей.

3. Внутри многих костей содержится костный мозг, именуемый иногда просто *мозг*. О наличии мозга в костях мы обычно узнаем, так сказать, опытным путем, когда, сталкиваясь с костями животных во время еды, разгрызаем отдельные из них и высасываем находящийся в них мозг. Слово *мозг* и синонимичное ему сочетание *костный мозг* имеют значение ‘густое желеобразное вещество’.

4. Кости, обладающие теми или иными структурными признаками, получают в естественном языке специальные названия. В частности, в русском языке особое имя получила кость — *мосол* (мн. число *мослы* / *мосла*, англ. *tosul*), выступающая или выдающаяся вперед (мн. число *мослы* / *мосла*). Ср. По челюстным **мослам** и выпуклостям лба ходила кожа, я двигал бровями, кивал и улыбался, и всякий раз, как я дотрагивался у переносицы до складок этой мимики, щекотливой и садкой, как паутина, в руке у меня оказывался судорожно зажатый платок, которым я вновь и вновь отирал со лба крупные капли пота (Б. Пастернак. Охранная грамота).

5. Известно, что кости на протяжении человеческой жизни до определенного временного периода растут, и этот факт получает языковое

отражение. *Детские кости (кости детей)* — более мягкие и гибкие по сравнению с костями взрослых людей, и они также менее прочные. У детей много *хрящей*, и это еще один вид костей. По мере роста у человека происходит важный процесс замещения относительно тонкой *хрящевой ткани* твердой — *костной*. В медицине и биологии этот процесс называется *ossiфикация*. Первой из костей, которые подвергаются ossификации, является ключица.

6. Маленькие кости называются *косточки*, но слово *косточки* имеет и другое, не уменьшительное значение.

Цвет костей — в норме *белый*; бывает у костей также *мраморный цвет* и *цвет слоновой кости*, которым, однако, чаще характеризуют разного рода артефакты.

По признакам ‘формы’ и ‘размера’, а точнее, по комбинированному признаку ‘*геометрия костей*’, кости делятся на виды. Выделяются *длинные (большие) кости* и *короткие (маленькие, мелкие) кости*, *широкие кости* и *узкие кости*, а биологи и медики выделяют также группу *смешанных костей* (= не имеющих определенной геометрической характеристики). Они говорят и о *пневматических костях*, подразумевая при этом ‘кости, которые имеют полость внутри’ (например, у человека такие кости имеются в составе черепа).

Теперь о слове *скелет* (применительно к телу человека)

Слово *скелет* восходит к греч. *skeletos* ‘букв. высохший, иссохший’ и имеет следующие значения:

СКЕЛЕТ 1, р1. ~ *ы* = ‘множество костей (*КОСТЬ 1*) тела человека или животного, рассматриваемых как единое целое, скрепляющее и удерживающее все части тела, органы, мягкие ткани и др.’

SYN_{разг.}: *костяк, костная структура <тела>*.

Примеры

(1) Основными частями скелета являются кости. (2) Она тонка, стройна, её скелет // Из хрупких кальция соединений // Лучей катодных всепроникновением // Воссоздан здесь (Лоуренс Рассел из журнала «Лайф»).

СКЕЛЕТ 2 = ‘модель 1 человека или животного, состоящая из связанных между собой костей (*КОСТЬ 1*), так же, как кости (*КОСТИ 1*) в теле человека или животного’

SYN: *остов, каркас*

Примеры

(1) *Скелет, который я вам принесла, это макет костной структуры человека.*

(2) *У нас есть скелеты не только взрослого человека, но и ребёнка, и даже коровы.*

СКЕЛЕТ 3, _{прост.} = ‘очень худой или измождённый человек, похожий телом на скелет (*СКЕЛЕТ 2*)’

Коннотация

‘смерть’

Комментарий к коннотации

Скелет может выступать в текстах как персонификация смерти, как её посланец.

SYN _{шутл., ирон.} *мертвец, <одна> тень, живые мощи*

Комментарий к толкованию

Лексема *СКЕЛЕТ 3* обычно используется по отношению к взрослым людям мужского пола.

Примеры

(1) *Я ходила в сельсовет. // Вдруг ко мне идёт скелет. // Испугалась — просто страх! // А это миленький в трусах... (частушка).*

(2) *Возьмешь его с собой, только напугаешь её этим скелетом.*

Фразеология

Скелет в шкафу <у X-a> = ‘тайна, обычно скандальный или постыдный факт из давнего прошлого, как правило, семейного, и скрываемый человеком X от посторонних’.

Пример

(1) *У каждого — свой скелет в шкафу, который имеет скверную привычку вываливаться в самый неподходящий момент* (Аннотация к книге Т. Поляковой «Час пик для новобранных»).

Комментарий к фразеологии

Выражение *скелет в шкафу* является калькой с английского языка *skeleton in the closet*, которое было введено в обиход английским писателем У. Теккереем в романе «Ньюкомы» (*The Newcomes*, 1853–1855).

В английском языке есть также выражения *family skeleton* ‘семейная тайна’, *skeleton at the feast* ‘мертвец на пиру’.

Теперь речь пойдёт о коленях < применительно к человеку > — соматическом объекте из класса «костей» второго семантического типа.

КОЛЕНО 1, pl. ~и, ~а; уменьш. *коленка*, pl. ~и = ‘сустав в середине ноги (**НОГА 1**), где она сгибается // часть ноги (**НОГА 1**), где находится этот сустав // место сгиба ноги (**НОГА 1**), где находится данный сустав’

Комментарий к толкованию

Слово *колени* в указанном значении имеет тройную референтную соотнесенность.

Примеры

(1) *У неё болят колени*; (2) *Как всё-таки часто жизнь ломает мужчину через колено, особенно если это колено женское*; (3) *юбка до колен / выше колен*; (4) *Вода (снег) по колено / до колен*; (5) *Пьяному море по колено*; (6) *голые / слабые / больные / разбитые колени*; (7) <...> *застегнул под коленями брючки-гольф* (А. Чудаков); (8) *сгибать ноги в коленях*.

Дериваты (от лексем **КОЛЕНО 1** / **КОЛЕНО 2**)

Коленный X (*коленный сустав*; *коленная чашечка*); *коленище* ‘стоять на коленях как знак преклонения перед кем-либо или мольбы’.

Жесты

Встать (стать) / опуститься на колени; стоять на коленях; поставить на колени; встать с колен; преклонить (склонить) колени (*Я перед ним склоню свои колени. // Мне никуда не деться от него. // Он всех живых живей, наш Ленин. // Он наше всё и наше ничего* (В. Емелин)); **опуститься на колени; упасть (пасть на колени)**, ср. *На колени!*; **ползать на коленях; просить** (умолять, кланяться...) **на коленях**; *<Он примостился на углу дивана>, зажав руки в коленях* (А. Львов) — поза.

Жестовые фразеологизмы

Стоять на коленях; поставить на колени; встать с колен; преклонить (склонить колени); ползать на коленях.

Фразеологизмы и устойчивые сравнения

На колене / коленке ‘1. небрежно, торопливо, наспех; 2. <писать> торопливо, наспех’; *ломать через колено* ‘заставить человека сделать то, что он очень не хочет делать’; *голый / лысый, как колено* ‘совершенно лысый / голый человек’ (в форме фразеологизма актуализируется то, что кости не покрыты волосами); *выкидывать (выкинуть) / отколоть / отмочить колено / колена* ‘совершать (совершить) неожиданный, странный, смешной поступок’; *<У человека> дрожат колени / коленки* ‘человек очень боится чего-то’; *Уйми коленки!*, ^{прост., ирон.} ‘не бойся, не трусь’; *<Человек> слаб в коленках* ^{прост.} 1. ‘трусливый, малодушный, слабовольный человек’; 2. ‘неопытный, «зелёный» человек’: *выкидывать коленце / коленца* ^{ирон.} 1. ‘делать замысловатые фигуры в танце’; 2. то же, что *выкидывать колени / колена* (см. выше).

КОЛЕНО 2, pl. ~и уменьш. *коленка*, pl. ~и = ‘передняя часть ноги от колена (*КОЛЕНО* 1) до таза (*ТАЗ* 1)’

Комментарий к толкованию

Есть соматические объекты, которые появляются только для исполнения определённых действий, осуществляемых телом, или для отображения некоторых внутренних психологических состояний человека. К таким объектам относится, например, кулак, подробно описанный в рамках нашего исследовательского проекта «Части тела в русском языке» А. Б. Летучим [Летучий 2008].

А есть соматические объекты, которые возникают при определенных положениях тела, и к ним относится колено. Говоря более формально, значение *КОЛЕНО 2* у слова *колено* реализуется только тогда, когда его обладатель сидит. Ср. выражения *посадить кого-л. <себе> на колени*; *снять (ссадить) ребёнка с колена*; *сидеть у кого-л. на коленях*; *сидеть, положив сумку на колени*; *держат котёнка / ребёнка / женщину на коленях*; *забраться к отцу на колени*; *положить голову на колени*; *затекли колени* (такое бывает обычно тогда, когда кого-то или что-то долго держат на коленях); *На коленях у неё лежали книжка и груша* (Л. Толстой). Исключение составляет сочетание *уткнуться в колени*, которое, однако, является семантически не вполне определенным, — то ли в нем представлена лексема *КОЛЕНО 2* (что более вероятно, особенно в тех ситуациях, когда утыкаются в колени взрослого человека дети), то ли лексема *КОЛЕНО 1*.

КОЛЕНО 3, pl. ~и, уменьш. *коленка*, pl. ~и = ‘часть брюк или штанов, покрывающих колени (*КОЛЕНИ 1* / *КОЛЕНИ 2*)’

Примеры

Протереть колени, дыра / заплатка на коленях, вытянуться на коленях.

Символизация

1. По представлениям многих народов колени являются местонахождением источника жизни и жизненной силы. Так, у русских во время трудных родов было принято сажать роженицу на чье-то колено; считалось, что это придаст ей силу. Существовал у русских и такой обычай: чтобы у выходящей замуж невесты первенцем был мальчик, ей на колени сажали мальчика.

2. Колени как место сгиба ноги считались тем местом, через которое в организм человека проникают разные болезни. У младенцев на Руси колени специально протирали маслами, а пространство под ними тщательно мыли.

В заключение анализа отмечу, что было бы интересно сопоставить интерпретацию рассмотренных нами видов «костей» в русском языке с их интерпретацией в других языках, но это уже задача совсем другого исследования.

Литература

БФСРЯ 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы в семиотической концептуализации тела // Ивановская лексикографическая школа: традиции и инновации. Сборник научных статей, посвящённый юбилею научного руководителя школы, заслуженного работника Высшей школы РФ, доктора филологических наук, проф. О. М. Карповой. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2011 а. С. 323–334.

Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011 б. № 6. С. 54–66.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М: Новое литературное обозрение, 2002.

Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 42–51.

Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Тело и его части как объекты семиотической концептуализации // Tilman Berger, Markus Giger, Sibylle Kurt, Imke Mendoza (Hg.) Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. München — Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2009. 369–384.

Летучий А. Б. Часть тела / форма «кулак»: функции, концептуализация, место в системе частей тела // Вестник РГГУ (Московский лингвистический журнал). М.: Издательский центр РГГУ, 2008. № 6 (т. 10). С. 91–108.

Шеманаева (Подлесская) О. Ю. Конструкции измерения уровня с предлогом *по* в русском языке // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2007. № 4. С. 35–45.

Шеманаева (Подлесская) О. Ю., Рахилина Е. В. ПО КОЛЕНУ, ДО ПЛЕЧА: конструкции уровня в типологической перспективе // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 95–137.

G. E. Kreydlin
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
gekr@iitp.ru

SOMATIC OBJECTS AND THEIR TYPES: PROBLEMS OF LINGUISTIC AND SEMIOTIC DESCRIPTION

The notion of semiotic conceptualization of the world fragment is considered a natural generalization of a well-known notion of the language conceptualization of the same fragment. The design of the **Russian semiotic conceptualization of human body and corporality** is carried out in the framework of the so-called featured approach that was assigned for the description of how Russian linguistic and body signs reflect various somatic objects and their names, classes, or types, of objects, their properties, functions and conventionalized gestures performed with these objects or over them.

The main objective of the paper is to demonstrate the efficacy of the featured approach to some somatic objects from the class of “bones”. Peculiar referential properties both of the class of bones and its elements are revealed. Structural, physical and functional features of bones are indicated, and the meanings and usages of their names and derivatives are described. The meanings of some gestures exercised with the somatic objects and those of some phraseological units containing names of bones are explicated.

Key words: semiotic conceptualization of human body and corporality; Russian language; gesture; featured approach; somatic object; type of somatic objects; bone; skeleton; knee; lap.

References

Kozerenko A. D., Kreydlin G. E. [Phraseological collocations with names of somatic objects In Russian semiotic conceptualization of human body and corporality]. *Ivanovskaja leksikograficheskaja shkola: tradicii i innovacii. Sbornik nauchnyh statej, posvjashennyj jubileiu nauchnogo rukovoditelja shkoly, zaslužennogo rabotnika Vysshej shkoly*

RF, doktora filologičeskikh nauk, prof. O. M. Karpovoj [Ivanovo Lexicographic School: Traditions and Innovations: Proceedings in honor of the leader of the School Prof. O. M. Karpova]. Ivanovo: Ivanovo St. Univ. Press, 2011a, pp. 323–334. (In Russ.)

Kozerenko A. D., Kreydlin G. E. [Phraseological Somatic Collocations and Semiotic Conceptualization of Human Body]. *Voprosy jazykoznanija*, 2011b, No. 6, pp. 54–66. (In Russ.)

Kreydlin G. E. *Neverbal'naja semiotika: jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Languages and Natural Languages]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2002.

Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I. [Human body and its parts as objects of semiotic conceptualization]. Tilman Berger, Markus Giger, Sibylle Kurt, Imke Mendoza (Hg.). *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag* [About grammatical categories and language pictures of the world. To 60th anniversary of Daniel Weiss]. München — Wien: Wiener Slawistischer Almanach Publ., 2009, pp. 369–384. (In Russ.)

Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I. [Semiotic conceptualization of human body and its parts: I. Classificatory and structural features of somatic objects]. *Voprosy filologii*, 2010, No. 2 (35), pp. 42–51. (In Russ.)

Letuchij A. B. [The body part / form “fist”: its functions, conceptualization and place in the system of somatic objects]. *Vestnik RGGU (Moskovskii lingvističeskii zhurnal)*, 2008, No. 6 (v.10), pp. 91–108. (In Russ.)

Shemanaeva (Podlesskaja) O. Ju. [On the so-called level constructions with the preposition “po” in the Russian language]. *Nauchno-tehnicheskaja informacija*. Ser. 2, 2007, No. 4, pp. 35–45 (In Russ.)

Shemanaeva (Podlesskaja) O. Ju., Rahilina E. V. [*Knee-deep, to the shoulders*]. *Lingvistika konstruksij* [The Linguistics of constructions]. Rahilina E. V. (Ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010, pp. 95–137. (In Russ.)

Teliya V. N. (Ed.). *Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'torologičeskij kommentarij* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological commentary]. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2006.

И. Е. Кузнецова
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
kuznetsova4irina@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В «НОМЕНКЛАТОРЕ» И. КОПИЕВСКОГО

Статья рассматривает явление вариативности в русском языке XVII–XVIII веков на материале русской части «Номенклатора на латинском, русском и немецком языке», изданного в 1700 году в Амстердаме Ильей Копиевским (Копиевичем), и его позднейших переизданий. Особенности текста словаря позволяют широко отразить варианты языковых единиц, что практически невозможно в рамках обычного текста. Проведенное исследование позволяет заключить, что ряды эквивалентов, используемые для перевода латинских слов в «Номенклаторе» И. Копиевского, включают два (иногда три) варианта слова, в числе которых встречаются как лексемы, которые к началу XVIII века выходят из употребления, так и лексические новообразования. Большинство представленных вариантов можно рассматривать как результат языковой избыточности, основанной на взаимодействии разнодиалектных начал. Сопоставление «Номенклатора» с его позднейшими переизданиями (1718 и 1732 годов) показывает ряд изменений, касающихся представления подобозначной лексики. Таким образом, хотя при изучении вариативности языковых единиц русского языка конца XVII — начала XVIII века материалы словарей в этом аспекте практически не рассматривались, они, как показывает проведенное исследование, могут содержать данные, представляющие большой интерес для истории русского языка.

Ключевые слова: вариативность, вариант, история русского языка, лексикография XVIII века, Копиевский.

Интересные возможности изучения явления вариативности в русском языке XVII –XVIII веков могут дать материалы отдельных словарей того времени. Особенности текста словаря позволя-

ют широко отразить варианты языковых единиц, что практически невозможно в рамках обычного текста. Авторы ряда лексиконов начала XVIII века осознанно представляют разные возможности выражения одного и того же языкового содержания. Примеры подобного представления равнозначной или подобозначной лексики встречаем в русской части «Номенклатора на латинском, русском и немецком языке», тематическом лексиконе, изданном в 1700 году в Амстердаме Ильей Копиевским (Копиевичем).

Помимо единичных эквивалентов и описательных толкований, в русской части этого словаря используется распространенный прием перевода через набор эквивалентов. Всего было выделено 312 таких наборов. Среди них обращают на себя внимание те, которые включают два (иногда три) варианта слова или словообразовательных дублета: *лодь, ледъ; гремитъ, гримитъ; влась, волось; брада, борода; клы, клычы; желчь, желть; ичолчек^s, ичолчок^s; колька, коленіе; млеко, молоко; медъ, мѣодъ; скотъ, скоты; ожикъ, ежъ; чижикъ, чыжъ; осетръ, ѡсїѡтръ; щипцы, щипки; одъвало, одъвало и др.* (всего 51).

В других случаях используются синонимы и лексические дублеты: *заутра, оутро; гаданіе, загадка; розводіе, паводъ; оудоліе, долина, печатна, друкарна; мертвецъ, покоиникъ; старецъ, чернецъ; сващенникъ, попъ; толмачъ, переводникъ; помѣотъ, мотыло; болъзнъ, немощъ, недуга; жестокїи, лютыи* и др. Некоторые ряды эквивалентов включают устойчивые словосочетания: *дождитъ, дождъ идетъ; столцаа капла, капъжъ; исокость, исокосное лѣто; живое серебро, ртут^s; свина морскаа, ворволь; чортова борода, шпарагъ* и др.

При изучении вариативности обычно принимается критерий взаимозаменяемости вариантов в текстах. Сопоставление русской части «Номенклатора» с материалами картотеки Словаря русского языка XVIII века, а также с данными словарей (Словаря русского языка XVIII века, Словаря русского языка XI–XVII веков, а также диалектных словарей) позволяет утверждать, что рассматриваемые наборы эквивалентов включают слова и выражения, которые реально были взаимозаменяемы. Встречаются примеры их употребления в одном и том же тексте: ***непогода, ненастїе*** — *Господїнь нѣкїи ненастїемъ обдержанъ на загородномъ своемъ дворѣ, перве овцы своя пояде,.. послѣди же, егда*

не погода ожесточілася, и волю пахотныя убѣлъ, и ядыше (Эсоповы прѣтчи. М., 1712. С. 51); *еклиптыка, слнечный путь* — *Та-може есть и екклиптыка, которая нарицается слнечный путь, гречески зодіакъ* (оуготованіе и толкованіе ясное и сглаго изордное, краснообразнаго поверстаніа круговъ небесныхъ.. Амстердам, 1699. С. 5); *дуга на облацѣхъ, лукъ Дуга на облацѣхъ есть лукъ троецвѣтныи на облацѣхъ росномъ и темномъ ѿ возвращеніа лучей солнца противостоащаго являющиса* (Зерцало естествозрительное.. [1713]. Ркп. ГПБ, Оу.VII.1. С. 125).

Во многих случаях слова, составляющие пары эквивалентов, употребляются в сходных контекстах: *мгла, туманъ* — *Мгла есть мокрая пара, восходящая от земли, или густое росное облако, стоящее близъ земли* (Календарь или мѣсяцословъ хрістіанскіи. На лѣто.. 1714. М., 1713. С. 102); *Ежели такое сгустѣніе паровъ близъ земли учинится и воздухъ отъ того въ такое состояніе придетъ, что сквозь оной видѣть не можно будетъ, то оное называется туманъ* (Примѣчаніи на Вѣдомости. Ч. 1. СПб., 1733. С. 172); *знои, жарь* — *Воздухъ палящій тамо жаромъ великимъ челоувѣковъ томилъ* (Географіа или краткое земнаго круга описаніе. М., 1710. С. 74), *Во время дня знои томить несносный* (Поденщина, или Ежедневныя изданія. С. 29) и т. п.

Ряды эквивалентов, используемые для перевода латинских слов в «Номенклаторе» И. Копиевского, включают как лексемы, которые к началу XVIII века выходят из употребления, так и лексические новообразования. Так, например, в картотеке Словаря русского языка XVIII века отсутствуют примеры употреблений слов *новъ* и *полна*, входящих в ряды *новъ мѣца*, *новыи мѣцъ*, *новомѣсачіе* и *полна мѣца*, или *полныи мѣцъ* и зафиксированных Словарем русского языка XI–XVII веков. К числу использованных в «Номенклаторе» лексических новообразований конца XVII века можно отнести, например, заимствования *глобусъ* (*скиба*, *глобусъ*); *элементъ* (*элементъ*, *стихъ*); *шанцъ* (*шанцъ*, *окопъ*), *шпада* (*сабля*, *шпада*) и др.

Большинство вариантов, входящих в наборы эквивалентов, можно рассматривать как результат языковой избыточности, в основе которой лежало взаимодействие разнодиалектных начал: *чижикъ*, *чыжь*; *чапла*, *цапла*; *береза*, *бероза*; *толкушка*, *толчокъ*⁸; *оушница*, *оушанка* и т. п. Меньшую часть составляют группы эквивалентов,

включающие славянизмы: *брегъ, берегъ; влась, волось; брада, борода; млеко, молоко* и т. п. Иноязычные слова, как правило, дублируются русские: *календарь, сватцы; лѣтописие, кроника; шанць, окопъ* и т. п. В единичных случаях представлено варьирование заимствований: *папуга, папугаи; верблюдъ, велблюдъ*.

В 1718 и 1720 годах «Номенклатор» И. Копиевского переиздается в Санкт-Петербургской синодальной типографии под заглавием ***Вокабулы и речи на славенском, немецком и латинском языках***. По сравнению с «Номенклатором» 1700 года, в «Вокабулы» вносятся ряд изменений, часть из которых касается представления подобо-бозначной лексики.

В некоторых случаях редактор, исправляя перевод, заменяет ряд эквивалентов одним новым: *земнїи сватцы или стїи* (1700) — *Угоднїцы Божїи* (1718); *(Aurora) заутра, оутро* (1700) — *Утренняя свѣзда* (1718) *(Hornus) лоньскїи, сеголѣтнїи* (1700) — *Прошлогоднїи* (1718) — или выбирает из двух эквивалентов один: *части лѣта, году* (1700) — *4 Части года* (1718); *сѣннїи лугъ пожня* (1700) — *Сѣннїи лугъ* (1718) и др. Однако исправлений такого рода немного (всего 26). Достаточно последовательно редактором выбирается только один из фонетических или орфографических вариантов: *зерно, зернѣ* (1700) — *Зерно* (1718); *береза, бероза* (1700) — *береза* (1718); *кретъ кротъ* (1700) — *Кротъ* (1718); *лодѣ, ледѣ* (1700) — *Ледѣ* (1718); *гремитъ гримитъ* (1700) — *Гремітъ* (1718); *одѣвало одѣвало* (1700) — *Одѣяло* (1718).

В большинстве случаев наборы эквивалентов либо остаются без изменений, либо частично исправляются: *хлѣбъ шыперскїи, сухари* (1700) — *хлѣбъ шїперскїи, сухари* (1718); *нерость карель* (1700) — *недорость карль* (1718); *болѣзнъ, немошь недуга* (1700) — *Болѣзнъ, немошь недугъ* (1718) и др. Иногда предлагается новый эквивалент взамен одного из представленных в «Номенклаторе»: *дуга на облацѣхъ лукъ* (1700) — *Дуга на облацѣхъ Радуга* (1718); *брюхо брюхъ чрево* (1700) — *Брюхо утроба чрево* (1718); *катаръ, рима, чихавица* (1700) — *катаръ, насморкъ чихавица* (1718) и др.

Во многих случаях ряды эквивалентов дополняются новыми словами или появляются новые ряды: *предоувѣдѣнїе бжїе, предоуставленїе бжїе* (1700) — *Предувѣдѣнїе Божїе, предуставленїе божїе Судба божїя* (1718); *тепло* (1700) — *Тепло горячесть* (1718); *дратва* (1700) — *Дратва, вервь* (1718); *тонкое*

пиво (1700) — *Тонкое пиво сынокъ* (1718); *косъ* (1700) — *Косъ, черныи дроздь* (1718); *заходъ* (1700) — *Заходъ, нужникъ* (1718) и др. (всего 58). Выборочное сопоставление с данными других словарей XVIII века и с материалами картотеки Словаря русского языка XVIII века подтверждает подобозначность слов и выражений, входящих в эти новые наборы эквивалентов: *Черной дроздь, косъ* (Словарь на шести языкахъ: Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англискомъ изданный въ пользу учащагося россійскаго юношества. СПб., 1763. С. 66); *Изъ устъ какъ съ захода Вонь несетъ* (Сочинения, письма и избранные переводы кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира. т. 1. СПб., 1867. С. 71); *Нужники должно на зади въ укромонныхъ мѣстахъ имѣть, чтобъ отъ нихъ вони и безпокойства дому не было* (Флорінова Экономія с нѣмецкаго на россійской языкъ сокращенно переведена.. СПб., 1738. С. 56).

В 1732 году «Номенклатор» И. Ф. Копиевского переиздается ещё раз под названием *Латїно-россїйская и нѣмецкая словесная книга*. В данном случае источником опять служит «Номенклатор» 1700 года издания, а не «Вокабулы», что легко увидеть при сопоставлении текстов всех трех изданий. Русская часть «Словесной книги», как и русская часть «Вокабул», по сравнению с «Номенклатором» содержит множество изменений.

Во многих случаях в «Словесной книге» в добавление к существующим в «Номенклаторе» русским эквивалентам предлагаются новые, за счет чего появляются новые наборы: *близнѣта* (1700) — *близнѣта близнецы* (1732); *мракъ* (1700) — *мракъ, туманъ* (1732); *огненнии свѣтъ* (1700) — *огненнии свѣтъ, сїяніе, блистаніе* (1732); *тепло* (1700) — *тепло, теплота* (1732). Ряды эквивалентов, приводимые в «Номенклаторе», дополняются новыми словами: *дуга на облацѣхъ лукъ* (1700) — *дуга на облацѣхъ лукъ, радуга* (1732); *серень гололедица* (1700) — *серень слана гололедица* (1732); *вихорь, крутень* (1700) — *вихорь, крутень вьюга* (1732) и др.

Как и в «Вокабулах», в «Словесной книге» часть русских слов заменяется или исправляется: *нерость карель* (1700) — *недоросль карла* (1732); *логкое плюцо* (1700) — *легкое воздухи* (1732). Иногда эти исправления и замены совпадают с теми, которые были внесены в «Вокабулы»: *брюхо брюхъ чрево* (1700) — *Брюхо утроба чрево* (1718) — *брюхо утроба чрево* (1732) и др.

Редактор издания 1732 года практически не сокращает текст «Номенклатора», исключение составляют фонетические и орфографические варианты, которые последовательно исключались и из текста «Вокабул»: *лодь*, *ледь* (1700) — *ледь* (1732); *гремитъ* (1700) — *гремитъ* (1732) и др.

Следует отметить, что среди вновь предлагаемых редакторами обоих изданий эквивалентов практически отсутствуют неологизмы того времени, как русские, так и заимствованные. Вносимая правка не носит и выраженного стилистического характера. Редакторы осознанно отражают характерную черту русского языка конца XVII — начала XVIII столетия, чуть позднее обозначенную языковедами как «многоименство».

Таким образом, хотя при изучении вариативности языковых единиц русского языка конца XVII — начала XVIII века материалы словарей в этом аспекте практически не рассматривались, они, как показывает проведенное исследование, могут содержать данные, представляющие большой интерес для истории русского языка.

I. E. Kuznetsova

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)*

kuznetsova4irina@rambler.ru

REFLECTION OF LANGUAGE UNITS VARIABILITY IN “NOMENKLATOR” BY I. KOPIEVSKY

The paper examines the phenomenon of variability in the Russian language of XVII–XVIII centuries on the basis of the Russian part of the “Nomenklator” in Latin, Russian and German, published in 1700 in Amsterdam by Ilya Kopievsky (Kopievich), and its later reprints. Peculiarities of the dictionary text allow to extensively reflect linguistic units variations, which is practically impossible in the regular text. This study allows us to conclude that the series of equivalents used to translate Latin words in “Nomenklator” by I. Kopievsky include two (sometimes three) variants of words, among which there are obsolete words of beginning of the XVIIIth century, as well as newly formed words. Most of

the variants could be considered a result of linguistic redundancy based on the interaction of Russian dialects. Comparison of “Nomenklator” with its later editions (1718 and 1732) shows a number of changes relating to the reflection of the variants of words. Although the materials of Russian dictionaries in this aspect have not yet been considered, they may contain data of great interest for the history of the Russian language, as shown in our investigation.

Key words: variability, variant, history of the Russian language, lexicography of the XVIIIth century, Kopievsky.

И. К. Сазонова
(Россия, Москва)
innapress@inbox.ru

«СИСТЕМНАЯ» И «АТОМАРНАЯ» ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Статья посвящена типу аналоговой информации в словарях для широких кругов читателей — не лингвистов. В словарные статьи при описании единиц языка с точки зрения разных его уровней (словари ударений, грамматические, толковые, орфографические) обычно не вводятся аналоговые единицы, в системе которых находится заглавное слово. Введение таких аналогов (помимо ссылок на правила) помогает более эффективно вырабатывать системное мышление пользователя. Дается обоснование и приводятся примеры. Говорится о важности развития аналогового метода, способах его применения, обобщения накопленного опыта, о важности использования фундаментальных словарей и достижений русистики.

Ключевые слова: широкие круги читателей, системное мышление, словарное мышление, тип информации, аналоговые методы.

Соответствуют ли уровню развития современной русистики тип и качество информации, которую дают современные словари русского языка самому широкому кругу читателей, тем, кто не знает, как правильно употребить слово или фразеологизм в том или ином его значении, грамматической форме, ударении, произнесении и т. п.?

Существует два типа словарной информации: системная и атомарная. Системная информация о единице любого уровня языка не только отвечает на вопрос о современной (или не современной) норме, но и указывает в самой словарной статье на место данной единицы в системе ей подобных по разным параметрам. Это не только один из видов предупреждения возможных ошибок в аналогичных случаях, но и способ развития системного мышления читателей, столь необходимого в любой профессии. Такая информация, давая некоторое количество аналогов проблемного слова, помогает читателю совершенствовать культуру речи в разных речевых ситуациях.

Атомарная информация отвечает, как правило, только на вопрос о норме употребления конкретной единицы языка.

Развитие системной словарной информации непосредственно связано с достижениями в научных исследованиях. Её содержат, например, фундаментальные словари русского языка, такие как «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, «Большой орфоэпический словарь» под ред. Л. Л. Касаткина, «Русский семантический словарь» (тт. 1–4) и «Русский идеографический словарь. Мир человека...» под ред. Н. Ю. Шведовой, «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телии, «Новый объяснительный словарь синонимов» (вып. 1–3) под общим руководством Ю. Д. Апресяна, идеографические словари существительных и глаголов под ред. Л. Г. Бабенко и др. Они предназначены в первую очередь для лингвистов, методистов, преподавателей и студентов и т. п., но не для самого широкого круга читателей. Однако такого подхода к описанию единиц языка нет в очень многих современных учебных словарях, настольных словарях, словарях для школьников и т. п. Вместе с тем вопросы, которые задают многие читатели, например «Службе русского языка» Института русского языка РАН, ведущим передачи «Говорим по-русски» на радиостанции «Эхо Москвы», а также ошибки, которыми изобилуют некоторые СМИ, свидетельствуют об отсутствии системного взгляда на проблемную единицу языка не только у спрашивающих, но зачастую и у отвечающих на заданный вопрос, у редакторов, корректоров, работников СМИ, имеющих высшее филологическое образование. Чаще всего словари упомянутого типа дают «атомарную справку». Например, у широкого читателя возникает вопрос, как слова *pluralia tantum* типа *ножницы, сани, очки, консервы, джинсы, брызги* и т. п. употреблять с именами числительными? Ведь нельзя сказать *два, три, четыре ножниц, саней, очков*, употребляя числительные *два, три, четыре* в именительном падеже, но можно сказать *двое, трое, четверо ножниц, саней, очков* и т. п. А с числительными, начиная с *пяти* и далее (до известной ученым границы), можно сказать *пять, шесть, семь ножниц, саней, очков* и т. п. Мало этого, в косвенных падежах числительных *два, три, четыре* мы свободно употребляем словосочетания *двух, трех, четырех ножниц, саней, очков* и т. д. Возникает и другой вопрос: какая форма родительного падежа множественного числа у слов типа *консервы, джинсы* соответствует норме литературного языка — *нет консервов* или *консерв, нет джинсов* или *джинс, нет брызгов* или *брызг*? Но даже в словарях

для широкого круга читателей, специально посвященных грамматическим трудностям, ответа на подобные вопросы в самой словарной статье обычно нет. Очевидно, что в словарной статье с системной информацией при каждом заглавном слове нужна информация о вызывающих трудности словосочетаниях с числительными, о формах родительного падежа множественного числа, а также о словах-аналогах с теми же особенностями. Например, при слове **джинсы** — род. п. *джинсов* (прост. — *джинс*); словосочетания с числительными: только *двое, трое, четверо джинсов*, но также *пять, шесть, семь* и т. д. *джинсов*; в косвенных падежах: нет *двух, трех, четырех, пяти джинсов* (но реже: *двоих, троих, четверых, пятерых*); слова-аналоги: *консервы, брызги, чипсы, припасы* и др. Однако даже очень полезный, вышедший совсем недавно «Словарь грамматических трудностей русского языка» (авторы — «Гольдберг И. М., Иванов С. В.» в серии «Настольные словари школьника (5–11 классы)» в рамках программы РАН «Словари XXI века» не дает ответа на эти вопросы, хотя русистам-теоретикам они давно известны. Дан только список слов *pluralia tantum*.

Понятно, что структура словарных статей «системных словарей» для самого широкого круга читателей должна существенно отличаться от структуры «атомарных словарей». Во-первых, встает важный вопрос, какую именно системную информацию должен давать автор в словарной статье? Ведь широкие круги читателей не испытывают никаких трудностей и не нарушают норм в одних зонах системы языка и испытывают их в других. Речь идет даже о людях высокообразованных. Какие это зоны? С чем они связаны? Ответ на вопросы об отборе системного материала имеет свои теоретические основы и лексикографические способы оформления.

При создании «Орфографического словаря русского языка» (100 000 слов, программа РАН «Словари XXI века»; авторы Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова) авторы стали изучать подобные зоны, чтобы показать системность ошибок и колебаний, характерных для самого широкого круга читателей и непосредственно связанных с проблемой культуры речи. В поле нашего зрения попали, естественно, теоретические работы, посвященные трудностям русского языка, как правило, разным исключениям из регулярных грамматических парадигм. Но авторов интересовали не столько исключения (хотя и они тоже), сколько разные зоны именно регуляр-

ной грамматической системы, которые вызывают типичные ошибки и колебания. Наблюдения над ними привели к выводу, что их главный виновник — ассоциативное мышление, аналогии, свойственные работе мозга, «вредные ассоциации» в орфографии и естественное стремление носителей языка — не лингвистов — «к упрощению» системы вопреки действующим литературным нормам. Например, в разговорной речи это средний род у слова *кофе* по аналогии с другими неизменяемыми словами среднего рода типа *пенсне, кашне, биде, желе, ателье, кафе, колье, купе* и др.; ошибки в окончаниях родительного падежа множественного числа у слов типа *келья, сватья, эскадрилья, хвастунья* — окончание (-ей) вместо литературной нормы (-ий) по ассоциации с литературной нормой (-ей) у слов типа *семья, свинья, аллея, португя, шея*. Это также зоны, в которых появляются варианты в рамках самого литературного языка, что свидетельствует о «слабых участках» грамматической системы, в которых со временем могут произойти изменения в сторону упрощения системы. Подтвердилась тесная связь орфографии с психолингвистикой, в частности при изучении «Русского ассоциативного словаря» РАН, тт 1–2, 2002 г., в котором исследуются естественно-звуковые ассоциативные поля главным образом в области семантики, и др. исследований. Был составлен список таких естественно-языковых зон в орфографии для всех частей речи. Например, особое внимание в падежной системе было обращено на мягкие и шипящие согласные в окончаниях творительного и предложного падежей прилагательных и причастий, на парадигмы множественного числа у существительных разных типов склонения и др.

Был разработан лексикографический способ обозначения зон «вредных ассоциаций», в которых может появиться ошибка. Например: 1. Обязательное указание при заглавном слове на тип склонения существительных (в школьной классификации) и тип спряжения у глаголов и др. методы встраивания слова в общую грамматическую систему. 2. Выделение из парадигмы только тех зон, которые подвержены «вредным ассоциациям» и аналогиям с другими регулярными свойствами этой парадигмы, например, в единственном числе указание на дат. и пр. падежи слов на *-ия* (типа *лекция, Лидия*), где действует «вредная ассоциация» со словами того же склонения в единственном числе с окончанием *-е* (типа *семья, шея, гостя*), или указание на окончания *тв.* и *предл. п.* после шипящих

и мягких согласных у прилагательных и причастий, а также другие зоны. 3. Обязательное указание на слова-аналоги. Этот метод удачно использовал Л. П. Крысин в «Большом словаре иностранных слов», где он указывает также на отсутствие у слов множественного числа и на их принадлежность к категории одушевленности. 4. Обязательное использование таких лексикографических «приемов-сигналов», как «*ср.*» (сравните) или «*но*», «*обратите внимание*», «*ошибочное употребление*» и др.

Необходимо подчеркнуть, что системная информация в словарях «системной лексикографии» отличается от типа информации в «объяснительных словарях» — особом направлении в лексикографии. Она должна быть при каждом слове и может быть, разумеется, только дополнена отсылками слова к тем или иным правилам, пояснениям, которые используются авторами «объяснительных словарей». Но в «системных словарях» в таких отсылках должно быть также приведено максимально большое количество конкретных слов-аналогов. Каждое конкретное слово, включенное в системные словари разных уровней языка, должно содержать информацию с учетом «ассоциативного поля», которое возникает в сознании носителей языка именно на этом уровне описания и вызывает у него сомнения и колебания в правильности употребления.

Например, в некоторых толковых словарях русского языка при описании смысловой структуры слова и толковании разных типов его лексических значений до сих пор встраивание слова в лексическую систему ограничивалось в большинстве случаев указанием на синонимы, антонимы, паронимы. Важность такого рода информации несомненна, это отмечается во многих теоретических работах. Однако накопленный опыт системного описания лексики в фундаментальных семантических и идеографических словарях, словарях иностранных слов Л. П. Крысина не используется авторами толковых словарей, хотя информация об аналогах предупреждает читателя от ошибок в употреблении слова в чуждой ему ситуации (не в «своем поле»), а также без учета грамматических и лексических ограничений в сочетаемости, в парадигмах и т. п., помогает овладеть культурой речи. Например, включение в словарную статью слова директор слов-аналогов (по выбору автора словаря): *управляющий, председатель, глава, ведущий, командующий, руководитель*, объединенных одной общей «ядерной» семьей «быть во главе чего-

либо, руководить чем-либо», но отличающихся друг от друга ситуациями (участками «одного семантического поля»), которые они обслуживают, — сыграло бы важную роль в понимании семантических особенностей самого слова, овладении культурой речи, расширении словарного запаса и развитии системного мышления у того, кто пользуется словарем.

Количество аналогов у слов может быть разным, и они могут быть разного типа. Например, у слова страх это слова *ужас, опасение, боязнь*. У вторичного переносного лексического значения слова лес (*лес рук*) слова-аналоги связаны не с образным сравнением, а со способом обозначения в языке большого количества: *тысячи, сотни, множества рук (поднялись над толпой)*. Для вторичных лексических значений почти всех частей речи характерна дефектность парадигм, например, слово лес в этом значении неупотребительно во многих косвенных падежах, это отличает его от аналогов. У глагола есть слов-аналогов (в разных его значениях) много, например, *существовать, иметься, водиться, встречаться, попадаться*. Каждое слово-аналог должно иметь самостоятельную статью того же типа.

В словарях ударений важен особый тип аналогов, например при словах, у которых существуют в пределах литературного языка варианты ударения в одной и той же грамматической форме. Разные типы аналогов этого рода даны у глаголов в «Словаре ударений русского языка» И. Л. Резниченко, в том же словаре у сущ. типа инструктор даны варианты ударения в им. и род. падежах мн. ч., хотя те же варианты существует и в других падежах. Например, у слова инспектор:

И. П. Мн. ч. *Инспéкторы — инспекторá*

Р. П. *Инспéкторов — инспекторóв*

Д. П. *Инспéкторам — инспекторáм*

В. П. = Р. П.

Т. П. *Инспéкторами — инспекторáми*

П. П. *Инспéкторах и инспекторáх*

У слова инспектор есть аналоги: *инструктор, трактор, слесарь* и др., которые во мн. ч. имеют те же варианты, но автор ограничивается неполной парадигмой и не дает, к сожалению, аналогов в самой словарной статье, ограничиваясь индексом.

Исследование методов и приемов «системной лексикографии»,

уже накопленных и используемых авторами некоторых словарей, их перечень, классификация, осмысление с точки зрения достижений русистики и психолингвистики, а для некоторых типов словарей и социоллингвистики, несомненно, даст толчок к развитию этого важного направления, которое делает только первые шаги в области словарей для широкого круга читателей. Создание таких словарей окажет влияние, как нам кажется, и на методы преподавания русского языка в школе и вузах (особенно в педагогических), где до сих пор «работа над ошибками» делается «атомарным способом», не оказывая влияния на развитие системного мышления учеников и студентов, формирование и развитие их интеллекта.

Литература

Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 2.: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения // Энциклопедия «Русский язык». 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.

Бельчиков Ю. А. Из наблюдений над языком СМИ 90-х годов 20-го века, (о нарушениях грамматических и орфоэпических норм в электронных СМИ) // Вопросы культуры речи. Вып. 9. М., 2007.

Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка, 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Еськова Н. А. Избранные работы по русистике. М., 2011.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Копецкий Л. В. Рецензия на кн. «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника» // Вопросы языкознания. 1957. № 2.

Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М., 2012.

Морковкин В. В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 2. Проблемы фразеологии, русская лексикография, тенденции развития. София, 2007. С. 380–385.

Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2010.

Сазонова И.К. Об опасных зонах, вызывающих наши колебания // Орфографический словарь русского языка. Одно или два Н.М., 1998.

Сазонова И.К. Толково-грамматические словари в системе одноязычной лексикографии // Толково-грамматический словарь русских причастий. 3-е изд., испр. М., 2008.

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Апресян. М., 2006.

I. K. Sazonova

(Russia, Moscow)

innapress@inbox.ru

“SYSTEMIC” AND “ATOMIC” LEXICOGRAPHY

The article is devoted to analog information in dictionaries for a broad non-linguistic audience. Headwords are usually described in isolation, without reference to similar units. Introduction of such analogues (other than references to the rules) helps to develop a user's systemic thinking. The development of the analog method seems very important. Different ways of using such method are proposed. It's important to sum up the achievements in the field, to apply fundamental achievements of Russian studies.

Key words: systemic thinking, dictionaries, type of information, analog techniques.

Reference

Apresian Ju. D. (Ed.). *Jazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* [Language world and systemic lexicography]. Moscow, 2006.

Apresian Ju. D. *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia. Izbrannye trudy. T. 2.* [Integral description of language and systemic lexicography. Selected works v. 2]. Moscow, 1995.

Arutiunova N. D. [Being-sentences]. *Entsiklopediia "Russkii iazyk"*

[Encyclopedia “The Russian language”]. 2nd ed., revised and enlarged, Moscow, 1998. (In Russ.)

Bel’chikov Ju.A. [From observations on language media 90s of the 20th century (violations of grammatical rules and orthoepic standards in electronic media)]. *Voprosy kul’tury rechi. Vyp. 9* [Questions of speaking culture. Issue 9]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Bel’chikov Ju.A. *Prakticheskaja stilistika sovremennogo russkogo iazyka* [Practical stylistics of the modern Russian language]. 2nd ed., rev. and ext., Moscow, 2012.

Es’kova N.A. *Izbrannye raboty po rusistike* [Selected Works on Russian]. Moscow, 2011.

Es’kova N.A. *Kratkij slovar’ trudnostei russkogo iazyka. Grammaticheskie formy. Udarenie* [Concise Dictionary of Russian language difficulties. Grammatical forms. Stress], Moscow, 1994.

Kopeckij L.V. [Book review “Russkoe literaturnoe udarenie i proiznoshenie. Opyt slovaria-spravochnika”]. *Voprosy jazykoznanii*, 1957, No. 2. (In Russ.)

Krysin L.P. *Sovremennyj slovar’ inostrannykh slov* [A modern dictionary of foreign words]. Moscow, 2012.

Morkovkin V.V. [Synergistic lexicographic approach: the concept and implementation of technology]. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire T. 2*. [World of Russian word and Russian word in the World. Vol. 2]. Sofia, 2007, pp. 380–385.

Reznichenko I.L. *Slovar’ udarenii russkogo iazyka* [Dictionary of Russian accents]. Moscow, 2010.

Sazonova I.K. [Monolingual dictionaries in lexicographic system]. *Tolkovo-grammaticheskij slovar’ russkikh prichastij* [Explanatory-grammatical dictionary of Russian participles. 3rd ed., revised]. Moscow, 2008.

Sazonova I.K. [On areas causing hesitations]. *Orfograficheskij slovar’ russkogo iazyka. Odno ili dva N* [Spelling dictionary of the Russian language. One or double N]. Moscow, 1998. (In Russ.)

Zalizniak A.A. «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozheniem izbr. rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshhemu iazykoznaniiu [“Russian nominal inflection” with the application for works on contemporary Russian language and general linguistics]. Moscow, 2002.

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. ВИНОГРАДОВА**

Выпуск 2, 2014 г.

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка — *Марина Кива*
Дизайн обложки — *Дарья Павлова*

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Подписано в печать 10.07.2014 г.
Формат 60X84/16. Гарнитура Times
Бумага офсетная
Тираж 250 экземпляров

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73